

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2025

№ 2

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный лингвистический университет, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Данилова Анастасия Павловна*, Томский государственный университет, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru. Сайт журнала: www.journals.tsu.ru/siberia

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Moscow State Linguistic University, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples
of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Anastasia Danilova*, Tomsk State University, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Бондаренко Д.М. Нацестроительство и этничность в постколониальных государствах Азии и Африки	8
Соколовский С.В. Запахи как культурное наследие: правовые аспекты ольфакторной антропологии	24

СЕВЕРНАЯ МОЗАИКА

Петряков С.И. Политика монотонности и пролетаризация сна: случай контрактных сезонных сборщиков дикорастущих ягод в Карелии	46
Федорова А.Р., Данилова Н.К. Современный якутский кинохоррор: репрезентация и социокультурный контекст	73
Харитонов Я.Э. «Коллективная биография» подростков-обетников, проживавших в монастырях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на основе нарративных источников)	92

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Станюкович М.В. Пересказ как инструмент из арсенала сказителя: герой-паспорт, герой-спонсор в эпосе пострижения волос (яттука, Филиппины) ...	113
Функ Д.А. От полевых материалов к публикации: работа Н.П. Дыренковой с текстами шорского эпоса	137

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зайцева О.В., Водясов Е.В. С Иртыша на Обь: хронология и причины средневековых миграций (по материалам Шайтанского археологического комплекса)	158
Айткали А.К., Курмангалиев А.К., Ержанова А.Е., Каримбаева З.Р. Курган позднесакского времени из Восточной Сырыарки	189
Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Бусы населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века (по материалам могильника Пинчуга-6)	209

MISCELLANEA

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И., Калинин О.В., Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Мантатова Н.В., Маштыков С.С., Милаева Т.В., Сподина В.И. Представления студентов об отцовском вкладе (данные по 10 регионам России) ...	224
Балинова Н.В., Дзини С., Хохлов Н.В., Макаров С.В., Бычкова Л.С., Спицына Н.Х. Миграционная история итальянцев Крыма. Исследование с привлечением генетических и квазигенетических маркеров	250

РЕЦЕНЗИИ

Дорджиева Г.А. Звучащие пространства гор и степей	271
Дятлов В.И. «Всюду жизнь»... ..	277

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL THEORY

Bondarenko D.M. Nation-Building and Ethnicity in Post-Colonial States of Asia and Africa	8
Sokolovskiy S.V. Smells as Cultural Heritage: The Legal Aspects of Olfactory Anthropology	24

NORTHERN MOSAIC

Petryakov S.I. The Politics of Monotony and the Proletarianization of Sleep: The Case of Contract Seasonal Wild Berry Pickers in Karelia	46
Fedorova A.R., Danilova N.K. Contemporary Yakut Film Horror: Representation and Socio-cultural Context	73
Kharitonova Ya.E. “Collective Biography” of Votive Adolescents at Monasteries in Arkhangelsk Region at the Turn of 19 th – 20 th Centuries (Study Based on Narratives)	92

ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF THE EPIC TRADITION

Stanyukovich M.V. Retelling as a Tool in the Arsenal of the Singer: Hero as a Passport, Hero as a Sponsor in the Epic of Hair-cutting (Yattuka, Philippines)	113
Funk D.A. From Field Materials to Publication: The Work of N.P. Dyrenkova with the Texts of the Shor Epic	137

ARCHAEOLOGICAL STUDIES

Zaitceva O.V., Vodyasov E.V. From Irtysh to Ob: Chronology and Causes of Medieval Migrations (Based on the Materials of the Shaitan Archaeological Complex)	158
Aitkali A.K., Kurmangaliev A.K., Erzhanova A.E., Karimbaeva Z.R. Late Saka Period Burial Mound from Eastern Saryarka	189
Senotrusova P.O., Mandryka P.V. Beads of the Population of the Lower Angara Region in the Final of the Early Iron Age (Based on Materials of the Pinchuga-6 Grave Ground)	209

MISCELLANEA

Burkova V.N., Butovskaya M.L., Ermakov A.M., Galimkhanov A.B., Egorova A.I., Zinurova R.I., Kalinichenko O.V., Koltun G.G., Konieva O.N., Mantatova N.V., Mashtykov S.S., Milaeva T.V., Spodina V.I. Students’ Perceptions of the Migration History of Russians (Data from 10 Regions of Russia)	224
Balinova N.V., Zini S., Khokhlov N.V., Makarov S.V., Bychkovskaya L.S., Spitsyna N.Kh. On the Issue of the Migration History of Italians of the Crimea. A Study Involving Genetic and Quasi-Genetic Markers	250

REVIEWS

Dordzhieva G.A. The Sounding Spaces of Mountains and Steppes	271
Dyatlov V.I. “Life is everywhere...”	277

ТЕОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 323.1
doi: 10.17223/2312461X/48/1

Нациестроительство и этничность в постколониальных государствах Азии и Африки

Дмитрий Михайлович Бондаренко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, dmitrimb@mail.ru

Аннотация. Нация представляет собой вид надэтнической общности людей. Для членов одной нации характерны осознание собственного единства (т.е. наличие общей национальной идентичности), обретаемое через принадлежность к одному гражданскому обществу (форма социальной организации нации); единая в своих базовых чертах система нравственных, социальных, политических ценностей, отражающихся в национальной культуре и национальной мифологии; особая форма политической организации – национальное государство. Колониальные государства создавались не как национальные, а как территориальные, т.е. объединявшие граждан по формальному и случайному признаку их проживания в границах одной колонии, в дальнейшем превратившиеся в большинстве случаев в поликультурные и полиэтнические постколониальные государства. Национальная политика постколониальных государств с момента их появления и по сей день строилась и строится на противопоставлении «прогрессивной» «нации» «архаическим» «этносу», «племени» и стремлении подавить, фактически уничтожить этническое самосознание граждан, поставив на его место надэтническое – национальное. Однако этнокультурное многообразие не только не является непреодолимым препятствием на пути формирования наций, но и может быть благоприятным фактором этого процесса. Этничность не противостоит национальной идентичности, если не перерастает в этноцентризм – идеологию превосходства одной этнической общности над другими, в некоторых частях постколониального мира тесно связанную с трайбализмом. «Недосложность» наций во многих постколониальных странах проявляется не в неискоренности в их гражданах этнического сознания, а в недостаточной сформированности у них надэтнического – национального – уровня сознания. И действительные препятствия на пути его формирования – не этничность, а с одной стороны, трайбализм, понимаемый не как факт существования автохтонных политических институтов и носителей автохтонной власти, а как потенциальное, во многих случаях и актуальное вольное или невольное провоцирование ими возвышения в сознании людей локального (трибального) пласта идентичности над национальным; с другой стороны, там, где оно существует, – тоталитарное государство, уничтожающее гражданское общество. Отказ от противопоставления «этноса» и «нации» и переход от политики подавления этничности к политике осознанного сохранения полиэтничности и одновременного укрепления надэтнического – национального – пласта сознания граждан могут стать путем успешного строительства наций в постколониальных странах.

Ключевые слова: нациестроительство, нация, этничность, колониализм, постколониализм, Азия, Африка

Для цитирования: Бондаренко Д.М. Нацестроительство и этничность в постколониальных государствах Азии и Африки // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 8–23. doi: 10.17223/2312461X/48/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/1

Nation-Building and Ethnicity in Post-Colonial States of Asia and Africa

Dmitri M. Bondarenko

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, dmitrimb@mail.ru*

Abstract. The nation is a type of supra-ethnic community. Members of a nation are characterized by an awareness of their own unity (i.e., the presence of a common national identity), acquired through belonging to a single civil society (the form of social organization of a nation); a system of moral, social, and political values that is uniform in its basic features, reflected in national culture and national mythology; a special form of political organization – nation state. Colonial states were created not as national, but as territorial, i.e., uniting citizens according to the formal and random feature of their residence within the borders of a single colony, which later turned into, in most cases, multicultural and multiethnic postcolonial states. The national policy of postcolonial states from the moment of their emergence and often to this day has been and is built on the opposition of the “progressive” “nation” to the “archaic” “ethnic group”, “tribe” and the desire to suppress, in fact, destroy the ethnic self-consciousness of citizens, putting in its place a supra-ethnic – national one. However, ethnocultural diversity is not an insurmountable obstacle to the formation of nations. On the contrary, it can be a favorable factor in this process. Ethnicity is not opposed to national identity, if it does not develop into ethno-centrism – the ideology of the superiority of one ethnic community over others, in some parts of the postcolonial world closely related to tribalism. The “incompleteness” of nations in many postcolonial countries is manifested not in the ineradicability of ethnic consciousness in their citizens, but in the insufficient formation of the supra-ethnic – national – level of consciousness. The real obstacles to its formation are not ethnicity. One real obstacle is tribalism, understood not as the very fact of the existence of indigenous political institutions with bearers of power, but as a potential, and in many cases actual, voluntary or involuntary provocation by them of the rise of the local (tribal) layer of identity above national in people’s consciousness. Another obstacle is, where it exists, a totalitarian state that destroys civil society. The rejection of the opposition of “ethnic group” and “nation” and the transition from the policy of suppressing ethnicity to the policy of consciously preserving polyethnicity and simultaneously strengthening the supra-ethnic – national – layer of citizens’ consciousness can become the path to successful nation-building in postcolonial countries.

Keywords: nation-building, nation, ethnicity, colonialism, post-colonialism, Asia, Africa

For citation: Bondarenko, D.M. (2025) Nation-Building and Ethnicity in Post-Colonial States of Asia and Africa. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 8–23. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/1

Введение

Колониальные государства мыслились и формировались их европейскими создателями не как национальные, а как территориальные (Pesek 2011: 49–52), т.е. фактически объединявшие граждан по формальному и случайному признаку их проживания в границах одной колонии. Границы колоний, затем ставшие границами постколониальных государств, отражали прежде всего соотношение сил между державами-метрополиями в том или ином регионе, но не предшествующий ход его собственной политической, социальной, экономической и культурной истории. Как следствие в пределах колоний чаще всего принудительно объединялось множество ранее суверенных политий народов с нередко очень отличающимися друг от друга культурами, иногда даже не знавших о существовании друг друга или бывших историческими врагами.

Безусловно, неправильно сводить все проблемы постколониальных стран к наследию колониализма. Однако бесспорно и то, что именно колониализм породил очень многие из них, как и большинство самих постколониальных государств.

Этничность и колониализм

«Колониальные державы не имели ни желания, ни возможностей создать в Африке работающие “модели” своих собственных политических институтов» (Chabal 2001: 41), поэтому «Европа не принесла в Африку тропический вариант европейского национального государства конца XIX в. Вместо этого она создала мультикультурное и мультиэтничное государство» (Mamdani 2018: 287), или «полиэтничные государственные структуры, амальгамные государства, ошибочно принимаемые за национальные» (Ogundowole 2004: 149). Европейский колониализм также не принес западное национальное государство в Азию, на Ближний Восток, и там породив в большинстве случаев поликультурные и полиэтничные государства (Hirschman, Edwards 2007: 4379; Robinson 2010: 27). Хорошо известны межэтнические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии и т.д. (см., например: Brown 2004; Multiculturalism... 2005; Кузнецов, Золотухин 2010: 146–189; Kapferer 2012: 27–117, 291–318; Das 2019). В наши дни немало постколониальных государств все еще нащупывают путь к обретению внутренней органичности, социокультурной, национальной, политической цельности.

При этом полиэтничность большинства постколониальных стран Азии и Африки принципиально отличается от полиэтничности стран Европы, Северной и Латинской Америки. В типичном случае в азиатских и особенно африканских странах нет «государствообразующего

народа», как, скажем, русские в России или англичане в Великобритании, хотя бы потому, что ныне постколониальные афро-азиатские государства создавались не местными народами, а колонизаторами. Нет и дуализма «доминирующее пришлое большинство – автохтонное меньшинство», как, допустим, в Канаде (англо- и франкоканадцы, с одной стороны, индейцы и инуиты – с другой), Новой Зеландии (англоновозеландцы и маори) или ряде стран Латинской Америки (потомки европейцев и индейские народы). Там, где в афро-азиатском постколониальном мире существуют общины потомков колонизаторов, даже самые крупные из них (в Зимбабве, Намибии) составляют несколько процентов населения и не держат в своих руках политическую власть.

Особое значение имеет то, что «важная черта колониального дискурса – его зависимость от концепции “фиксированности” в идеологическом конструировании инаковости» (Bhabha 1994: 66): вследствие этого колониальное государство «превратило прежде гибкие “этнические” категории в фиксированные критерии бюрократической идентификации групп» (Gledhill 1994: 80) под названиями «племена», «расы» и т.п. Важно, что это деление в течение колониального периода было усвоено и принято как объективная реальность не только колонизаторами, но и самими колонизированными (см., например: Mkenda n.d.; Bayart 1989: 77–80; Keese 2010: 16–17; Waller 2013: 95–97; Taylor 2018: 68–75). Вопреки утверждениям некоторых исследователей (см., в частности, в отношении Африки: Au coeur... 1985; Eriksen 1999), колониальное государство не породило этничность как форму идентичности и солидарности в Азии или Африке – она существовала там до и помимо его влияния (см., например: Wright 1999; de Heusch 2000; Wiener 2013: 27–29; Ethnic... 2015; Glassman 2019), но именно институализировало ее.

Институализировав же этничность, прежде всего как фактор, определявший и санкционировавший неравенство между колонизаторами и колонизированными (Amselle 1985: 14), колониальное государство тем самым редуцировало многообразие и изменчивость ее форм, границ и масштабов (от малочисленных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ групп до многомиллионных народов) до удобных для колониального администрирования, однако далеко не всегда соответствовавших этнокультурным реалиям перечней примордиалистски воспринимаемых якобы разделенных жесткими этническими границами «племен» и «рас» каждой колонии, в которых стали складываться столь же жесткие формы этнического самосознания и этнически ориентированные политические и социальные элиты (отчасти – на базе доколониальных элит). К тому же колонизаторы практически придали этничности («племенной» или «расовой» принадлежности) статус главной, подчиняющей себе и делающей не столь важными все другие виды идентичности, которые прежде существовали у народов колоний как минимум наравне с этничностью и

как таковые продолжают существовать и ныне, – члена родственного коллектива, подданного автохтонного правителя и др. При этом политика колониальных властей часто не просто вела к жесткому делению местных жителей на «племена» или «народы», но также провоцировала конфликты между ними, многие из которых достались в наследство постколониальным государствам.

Например, хорошо известно, какую роль осознанная политика колонизаторов по использованию «этничности как политического ресурса» (Pelican, Manke 2015), т.е. по актуализации и закреплению за людьми этнической принадлежности как основы социально-политического неравенства – «формирования политической культуры этничности» (Jewsiewicki 1989), или «политизации этничности» (Wimmer 1997), сыграла в трагических событиях в бывших бельгийских владениях – современных Руанде, Бурунди и Демократической Республике Конго (см., например: Mathys 2021: 237–241). Еще более очевидна роль колонизаторов, которые «приняли политику сосредоточения всей власти преимущественно у хауса, рассматривая йоруба как следующую по предпочтительности этническую группу для вовлечения во власть» (Asiegbu 1984: XXV), в создании этнической иерархии в Нигерии, имеющей определяющее значение для постколониальной истории страны на всем ее протяжении (см., например: Oni, Adebisi 2021). Даже в отдаленных районах, настоящих «глубинках» и «медвежьих углах» колоний, населенных малочисленными народами, таких как юго-восток Камеруна, колонизаторы создавали этнические иерархии – выделяли и возвышали над остальными культурно-языковые группы, на которые в наибольшей мере опирались в местном управлении (Rupp 2011: 90–91).

Этничность и постколониальное нацистроительство

Не только колонизаторы, но и деятели национально-освободительных движений пытались использовать «новую этничность» в своих целях. Они видели в ней препятствие на пути к национальному единству, но одновременно и инструмент в борьбе за независимость – возможность мобилизации на нее локального патриотизма и низового политического активизма. В этих целях, увязывая общенародную борьбу с местными проблемами, донося до людей идею нации в понятных им локальных категориях, деятели национально-освободительных движений рассчитывали на то, что по достижении независимости этничность, племенное деление будут преодолены в единой нации и исчезнут. Однако они в немалой степени способствовали укреплению в людях этноплеменного пласта сознания, который вовсе не прекратил существования после ухода колонизаторов. Этого не произошло даже в странах, в которых борьба за независимость имела вооруженный характер (Waller 2013: 97).

В результате в постколониальных странах, как правило, «взгляд... государства на этничность – дальнейшее развитие отношения колониального государства» (Englebert 2018: 123). Ставшая типичной для постколониальных государств политика создания наций в соответствии с европейской концепцией нации конца XVIII–XIX вв. предполагает противопоставление нации как «прогрессивного» явления «архаическим» «этносу», «племени». Еще Э. Ренан в XIX в. утверждал, что для появления нации людям необходимо забыть о племенных и региональных различиях между собой (Renan 1991). Ярко высказался по этому поводу президент Габона (с 1967 по 2009 г.) Омар Бонго: «Я ненавижу, когда говорят: я фанг, я батек, я ишира. Ты габонец, а уже потом ты традиционно принадлежишь к какому-то кругу» (цит. по: Булавин 1994: 154). Политик же совершенно иной ориентации, чем О. Бонго, Амилькар Кабрал, тем не менее высказывался по вопросу о нации и этничности еще жестче: «Чтобы жила нация, нужно, чтобы умерло племя» (цит. по: Chabal 1981: 44). То же самое говорил первый президент Мозамбика Самора Машел (Bertelsen 2009: 125).

В научных публикациях и газетных статьях авторов из постколониальных государств последних десятилетий по-прежнему нередко проявляется отношение к этническому фактору как важнейшему препятствию на пути национального объединения, приводящее к призывам «понизить значение» этничности в политической и общественной жизни во имя достижения национального единства (например: Katsina 2012; Monitor Reporter 2012; Ogbonnaya, Okafor 2014: 212; Oni, Adebisi 2021: 111–112). Также этническая мобилизация часто рассматривается исследователями из постколониальных и непостколониальных стран как угроза демократизации и общественной стабильности – явлениям, тесно связанным с проблемой построения наций (например: Chabal, Daloz 1999: 49–62; Idowu 1999: 48–49; Ethnicity... 2004: 1–21, 317–323; Morier-Genoud 2009: 160).

Впрочем, некоторые ученые, наоборот, настаивают на необходимости не борьбы с этничностью, а опоры на нее для построения мультиэтнических наций (Obi 1993; Bereketiab 2002; Falola 2003: 128–165; Udebunu 2011), на необходимости «обеспечить национальную интеграцию, при этом уважая этнические идентичности» (Bah 2004: 42). Ведь, как писал, обращаясь к опыту родной страны, У.О.О. Идову, «в основе политического конфликта в Нигерии – не этничность как таковая», а «отсутствие чувства подлинного гражданства» (Idowu 1999: 48). Несмотря на существующие в очень многих государствах Африки и Азии проблемы в межэтнических отношениях и «недостроенность» в них наций, некоторые исследователи, в том числе из постколониальных стран, задаются вопросами: «Но взаимоисключительны ли этническое сознание и нациестроительство? Могут ли они сосуществовать как взаимодополняющие силы?» И отвечают на них:

«Этническая и национальная самоидентификации не обязательно противостоят и могут усиливать друг друга. Этническая идентичность может быть мощным инструментом усиления и поддержания позитивной, объединяющей национальной идентичности» (Tewolde 2020; см. также: Agbu 2011).

Этничность может играть такую роль, если не перерастает в этнонационализм или этноцентризм – идеологию превосходства одной этнической общности над другими, в некоторых частях постколониального мира, особенно в субсахарской Африке, тесно связанную с трайбализмом (Shaw-Taylor 2008). Этничность тем более может играть эту роль успешно, потому что в постколониальных странах основной водораздел пролегает между культурами составляющих абсолютное большинство населения автохтонных народов, различия между которыми не столь разительны, как между культурами коренного населения и многих общин мигрантов – двух основных «культурных акторов» в современных странах Запада. Не случайно в постколониальных странах, в частности африканских, до сего дня «территориальный (т.е. государственный. – Д.Б.) национализм обычно не состязается прямо с этничностью... Этничность только изредка приобретала форму этнонационализма...» (Young 2012: 332). Ученые отмечают, что, хотя в постколониальной истории Африки, конечно, было и есть много примеров сепаратистских и ирредентистских движений, как правило, политические конфликты на континенте связаны с борьбой за контроль над государством, а не с попытками его развалить, разделить по этническому признаку (Dorman 2015: 193).

Становится все более очевидным, что этнокультурное многообразие не только не является непреодолимым препятствием на пути сложения наций, но и может быть благоприятным фактором этого процесса (Robinson 2014; Buzási 2016), а главное – фактором в любом случае неизбежным: вопреки классикам социологии К. Марксу, Э. Дюркгейму и М. Веберу модернизация привела во всем мире не к падению, но к повышению роли этничности в общественно-политических процессах (Giddens 1991: 207). «...национальные идентичности не заменили этнические идентичности или сделали их устаревшими; наоборот, они часто предполагают их как составляющие национальной идентичности. Этническая и национальная идентичности воспринимаются и воплощаются в большей части Африки не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие» (Knörrt et al. 2008: 32). Еще до получения независимости возникающее у азиатов и африканцев ощущение себя как членов общности в границах колонии не вступало в их сознании в противоречие с этнокультурными идентичностями (Lawrance 2007: 121–178; Keese 2010: 12–13). Наилучшим примером в субсахарской Африке в этом отношении является Танзания, где «этничность не утрачена... она просто не политизирована» (Nwankwo 2016: 7). И эта неполитизированность этничности – результат не некоего «естественного процесса», а осознанной политики

танзанийского государства с первых лет его существования по деполизации «племенного фактора» (Турьинская 2022: 18–20).

«Недосложенность» наций во многих постколониальных странах проявляется не в неискоренности в их гражданах этнического сознания, а в недостаточной сформированности у них надэтнического – национального – уровня сознания. И враг на пути его формирования – не этничность, а с одной стороны, трайбализм, понимаемый не как сам факт существования автохтонных политических институтов и связанных с ними носителей автохтонной власти, а как потенциальное, а во многих случаях и актуальное вольное или невольное провоцирование ими противостояния в сознании граждан локального (трибального) и национального пластов идентичности, возвышение первого над вторым, а не наоборот, что противоречит ценностям нации и принципам социально-политической организации национального государства (Sheleff 1999); с другой стороны, там, где оно существует, – тоталитарное государство, уничтожающее гражданское общество.

Причем расцвет трайбализма и тоталитарность государства взаимосвязаны. Например, очень жесткий режим Дж. Нимейри в Судане активно вовлекал арабские племена страны, опираясь на их старейшин, в свою борьбу с оппозиционными движениями, в особенности в мятежном регионе Дарфур (Костелянец 2014: 152–168; Hawi 2017: 179). В то же время опыт Ботсваны свидетельствует, что одной из важнейших причин ее становления как состоявшегося национального государства (Werbner 2004: 70–71, 84–85) стала победа над трайбализмом, причем путем не уничтожения, а интеграции в систему государственных структур автохтонных институтов власти (Gulbrandsen 2014: 64–108, 227–254; Ojo, Duyile 2020: 36–37). В Танзании также удалось «обезоружить» автохтонных правителей уже на заре независимости страны, включив многих из них в систему государственных институтов управления. Пусть неформальное влияние вождей сохраняется по сей день, несмотря на официальное упразднение их института (Butovskaya, Burkova, Karelin 2016: 157–158; Nkyabonaki 2019; Stroeken, Kaputu 2021), они не могут представлять собой силы, противостоящей строительству нации.

В связи с вышесказанным внушают оптимизм результаты исследований, проведенных (в том числе нами) в среде образованной городской молодежи в Замбии: они показали, что большинство из тех, кто в недалеком будущем будет определять судьбы страны, считает этническую принадлежность важным элементом культурной самоидентификации, но не хочет, чтобы этничность являлась фактором общественно-политической жизни (Bondarenko, Krishna, Krishna 2013; Bondarenko 2014; Roberts, Silwamba 2017). Аналогичны и результаты опроса городской учащейся молодежи Танзании (Waldschmitt 2010).

Заключение

Подавляющее большинство освободившихся от колониальной зависимости новых государств Азии и Африки оказались изначально поликультурными. Они наследовали границы колоний, а в них, как подчеркивалось выше, европейцы обычно объединяли множество народов с их во многом несхожими культурами. Колонизаторы, естественно, совершенно не стремились способствовать становлению наций в своих владениях, а напротив, желали привить азиатам и африканцам чувство лояльности метрополии. Ростки национального самосознания, национальной идентичности, появившиеся в колониях ко времени обретения ими независимости, имели противоречивую природу: они пробивались именно в отрицание колонизаторской идеи лояльности метрополии, но утверждали лояльность общностям, колониализмом же и порожденным, – социумам, складывавшимся в пределах созданных колонизаторами территориальных политических образований.

В то же время колонизаторы дали мощный стимул развитию этнического самосознания населения колоний, разделив его на «племена» и «расы» и сделав это деление отправной точкой своей политики в них. К моменту получения независимости этнический пласт идентичности (в некоторых случаях дополнявшийся религиозным и/или региональным) обычно однозначно превалировал над национальным в сознании большинства граждан новых государств, тогда как формирование национального единства с самого начала стало абсолютно необходимым условием общественного развития этих стран. В отказе от изначального противопоставления «этноса» и «нации» и переходе от политики подавления, «преодоления» этничности к политике осознанного сохранения полиэтничности и одновременного укрепления надэтнического – национального – пласта сознания граждан может заключаться рецепт успешного нациестроительства в постколониальных странах.

Список источников

- Булавин В.М. Изменение ценностных ориентаций личности (на примере Габона) // Человек в африканском обществе / ред. А.Н. Мосейко. М.: Институт Африки РАН, 1994. С. 150–157.
- Костелянец С.В. Дарфур: история конфликта. М.: Институт Африки РАН, 2014.
- Кузнецов А.М., Золотухин И.Н. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI вв. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2010.
- Турьинская Х.М. Революционная партия и национальный вопрос в Танзании: истоки // Очерки партийной жизни в Тропической Африке / ред. А.И. Элез. М.: Ин-т Африки РАН, 2022. С. 12–32.
- Agbu O.A. Ethnicity and Democratisation in Africa: Challenges for Politics and Development. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2011.

- Amselle J.-L. *Ethnies et espaces: pour une anthropologie topologique // Au cœur de l'ethnie. Ethnies, tribalisme et État en Afrique / éd. par J.-L. Amselle, E. M'Bokolo. Paris: La Découverte, 1985. P. 11–48.*
- Asiegbu J.U.J. *Nigeria and Its British Invaders, 1851–1920: A Thematic Documentary History. New York; Enugu: Nok Publishers International, 1984.*
- Au cœur de l'ethnie. *Ethnies, tribalisme et État en Afrique / éd. par J.-L. Amselle, E. M'Bokolo. Paris: La Découverte, 1985.*
- Bah A.B. *Reconciling Ethnic and National Identity in a Divided Society: The Nigerian Dilemma of Nation-State Building // Democracy & Development. Journal of West African Affairs. 2004. Vol. 4, № 2. P. 27–43.*
- Bayart J.-F. *L'État en Afrique, la politique de ventre. Paris: Fayard, 1989.*
- Bereketeab R. *Supra-Ethnic Nationalism: The Case of Eritrea // African Sociological Review. 2002. Vol. 6, № 2. P. 137–152.*
- Bertelsen B.E. *Multiple Sovereignties and Summary Justice in Mozambique. A Critique of Some Legal Anthropological Terms // Social Analysis. 2009. Vol. 53, № 3. P. 123–147.*
- Bhabha H.K. *The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994.*
- Bondarenko D.M. *Historical Memory and Intercultural Tolerance: Students' Attitudes to the Colonialism-Born Minorities in Tanzania and Zambia // Social Evolution and History. 2014. Vol. 13, № 2. P. 97–118.*
- Bondarenko D.M., Krishna K., Krishna R. *A View from Campus. The Attitude of University Students to the European and South Asian Minorities in Tanzania and Zambia Compared // Anthropol. 2013. Vol. 108, № 1. P. 77–95.*
- Brown D. *Why Independence? The Instrumental and Ideological Dimensions of Nationalism // International Journal of Comparative Sociology. 2004. Vol. 45, № 34. P. 277–296.*
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Karelin D.V. *The Wameru of Tanzania: Historical Origin and Their Role in the Process of National Integration // Social Evolution and History. 2016. Vol. 15, № 2. P. 141–163.*
- Buzási K. *Languages and National Identity in Sub-Saharan Africa: A Multilevel Approach // The Economics of Language Policy / ed. by M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge; London: The MIT Press, 2016. P. 225–264.*
- Chabal P. *The Social and Political Thought of Amílcar Cabral: A Reassessment // Journal of Modern African Studies. 1981. Vol. 19, № 1. P. 31–56.*
- Chabal P. *African Politics in Historical Perspective // Africa 2000 / ed. by L. Kropáček, P. Skalník. Prague: Set Out, 2001. P. 37–46.*
- Chabal P., Daloz J.-P. *Africa Works: Disorder as Political Instrument. Oxford; Bloomington, IN: James Currey; Indiana University Press, 1999.*
- Das S. *Ethnic Conflict in the Indian Subcontinent: Assessing the Impact of Multiple Cleavages // Journal of Asian Security and International Affairs. 2019. Vol. 6, № 3. P. 229–253.*
- De Heusch L. *L'ethnie. The Vicissitudes of a Concept // Social Anthropology. 2000. Vol. 8, № 2. P. 185–206.*
- Dorman S.R. *The Varieties of Nationalism in Africa // Current History. 2015. № 114 (772). P. 189–193.*
- Englebert P. *Burkina Faso: Unsteady Statehood in West Africa. New York; London: Routledge, 2018.*
- Eriksen T.H. *A Non-ethnic State for Africa? A Life-world Approach to the Imagining of Communities // Ethnicity and Nationalism in Africa: Constructivist Reflections and Contemporary Politics / ed. by P. Yeros. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 45–64.*
- Ethnic Ambiguity and the African Past: Materiality, History, and the Shaping of Cultural Identities / ed. by F.G. Richard, K.C. MacDonald. London; New York: Routledge, 2015.*
- Ethnicity and Democracy in Africa / ed. by B.J. Berman, W. Kymlicka, D. Eyoh. Oxford; Athens, GA: James Currey; Ohio University Press, 2004.*
- Falola T. *The Power of African Cultures. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2003.*

- Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Glassman J. *Ethnicity and Race in African Thought // A Companion to African History* / ed. by W. Worger, C. Ambler, N. Achebe. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, 2019. P. 199–224.
- Gledhill J. *Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics*. London; Chicago: Pluto Press, 1994.
- Gulbrandsen Ø. *The State and the Social. State Formation in Botswana and Its Pre-colonial and Colonial Genealogies*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2014.
- Hawi H.O. *Identity Formation in Post-Secession Sudan // State Building and National Identity: Reconstruction in the Horn of Africa* / ed. by R. Bereketeab. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 165–185.
- Hirschman C., Edwards J. *Social Change in Southeast Asia // The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. V. 9 / ed. by G. Ritzer. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. P. 4374–4380.
- Idowu W.O.O. *Citizenship, Alienation and Conflict in Nigeria // Africa Development*. 1999. Vol. 24, № 1–2. P. 31–55.
- Jewsiewicki B. *The Formation of Political Culture of Ethnicity in the Belgian Congo, 1920–1959 // The Creation of Tribalism in Southern Africa* / ed. by L. Vail. London: James Currey, 1989. P. 324–350.
- Kapferer B. *Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia*. Washington, DC; London: Smithsonian Institution Press, 2012.
- Katsina A.M. *Colonialism, Post-colonialism and Ethnic Cleavages in Africa: Nigeria since Independence*. Paper presented at the Annual International Conference of the School of Arts and Social Sciences, Isah Kaita College of Education, Dutsinma, Katsina State, Nigeria, June, 2012.
- Keese A. *Introduction // Ethnicity and the Long-term Perspective: The African Experience* / ed. by A. Keese, J. Carlos Garcia, M. Santos. Bern: Peter Lang, 2010. P. 9–28.
- Knörr J., Højbjerg C., Kohl C., Rudolf M., Schroven A., Trajano Filho W. *Reconstructions of National Identity in the Upper Guinea Coast // Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2006–2007* / ed. by J. Eckert, J. Eidson, J.O. Habeck, C. Hann, B. Mann. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2008. P. 30–40.
- Lawrance B.N. *Locality, Mobility, and “Nation”: Periurban Colonialism in Togo’s Eweland, 1900–1960*. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2007.
- Mamdani M. *Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2018.
- Mathys G. *Traces profondes d’une politique identitaire coloniale // Commission spéciale chargée d’examiner L’État Indépendant du Congo et le passé colonial de la Belgique au Congo, au Rwanda et au Burundi, ses conséquences et les suites qu’il convient d’y réserver* / éd. par G. Mathys, S. Van Beurden. Bruxelles: Chambre des représentants de Belgique, 2021. P. 233–247.
- Mkenda F. *On Tribes and Nations: Biology and Ideology in the Study of African Nationalism*. n.d. URL: https://www.academia.edu/8191747/On_Tribes_and_Nations_Biology_and_Ideology_in_the_Study_of_African_Nationalism (Accessed: 09.03.2022).
- [Monitor Reporter]. *Gathering Storms as Independence Euphoria Wears off* // Daily Monitor. 7 Aug. 2012. P. 6; 8 Aug. 2012. P. 6.
- Morier-Genoud E. *Mozambique since 1989: Shaping Democracy after Socialism // Turning Points in African Democracy* / ed. by A.R. Mustapha, L. Whitfield. Oxford: James Currey, 2009. P. 153–166.
- Multiculturalism in Asia* / ed. by W. Kymlicka, B. He. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Nkyabonaki J. *The Influence of Indigenous Administration on Post-Independence Administration in Tanzania // The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora* / ed. by D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 183–195.

- Nwankwo N.E. "Mimi ni Mtanzania": An Analysis of Post-Colonial Nation Building and the Emergence of National Identity in Contemporary Tanzania // *Philologia*. 2016. № 8. P. 1–16.
- Obi P.I. Ethnicity, Nationalism and Nation-Building in Nigeria, 1970–1992. Ph.D. Dissertation. London: University of London, 1993.
- Ogbonnaya M., Okafor H. The Dialectics of Ethnic Conflicts, Political Instability and Underdevelopment in Africa's Great Lakes Region // *Africa Insight*. 2014. Vol. 44, № 2. P. 197–213.
- Ogundowole E.K. *Philosophy and Society*. Lagos: Correct Counsels, 2004.
- Ojo E.O., Duyile W.A. "The Giant of Africa" and "Africa's Success Story": A Comparative Study of Democracy in Nigeria and Botswana // *Ученые записки Института Африки РАН / Journal of the Institute for African Studies*. 2020. № 2. P. 30–50.
- Oni E.O., Adebisi A.P. Ethnicity and the Challenge of Nation-building in Nigeria // *Democratic Practice and Governance in Nigeria* / ed. by E.O. Oni, O.M. Fagbadebo, D.A. Yagboyaju. London; New York: Routledge, 2021. P. 100–114.
- Pelican M., Manke A. Ethnicity as a Political Resource: Conceptualizations across Disciplines, Regions, and Periods. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015.
- Pesek M. Foucault Hardly Came to Africa: Some Notes on Colonial and Post-Colonial Governmentality // *Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2011. Bd. 21. Ht. 1. S. 41–59.
- Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? // *Qu'est-ce qu'une nation?* / éd. par P. Forest. Paris: Pierre Bordas et fils, 1991. P. 31–42.
- Roberts D., Silwamba S. Ethnicity, Politics and Zambian Youth // *Contemporary Social Science*. 2017. Vol. 12, № 3–4. P. 189–201.
- Robinson A.L. National versus Ethnic Identification in Africa: Modernization, Colonial Legacy, and the Origins of Territorial Nationalism // *World Politics*. 2014. Vol. 66, № 4. P. 709–746.
- Robinson F. Introduction // *The New Cambridge History of Islam*. Vol. 5. *The Islamic World in the Age of Western Dominance* / ed. by F. Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–28.
- Rupp S. *Forests of Belonging: Identities, Ethnicities, and Stereotypes in the Congo River Basin*. Seattle, WA; London: University of Washington Press, 2011.
- Shaw-Taylor Y. Measuring Ethnic Identification and Attachment in sub-Saharan Africa // *African Sociological Review*. 2008. Vol. 12, № 2. P. 155–166.
- Sheleff L. Tribalism – Vague but Valid // *African Anthropology*. 1999. Vol. 6, № 2. P. 220–257.
- Stroeken K., Kaputu F.U. Between Ethnicity and Medicine: Reinventing Legitimacy in Chokwe and Sukuma Chieftaincies // *Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa* / ed. by A.S. Steinforth, S. Klocke-Daffa. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 63–83.
- Taylor I. *African Politics: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Tewolde A.I. Ethnic Consciousness should not Threaten African Nation-building // *Mail and Guardian*. 2020. 5 March. URL: <https://mg.co.za/article/2020-03-05-ethnic-consciousness-should-not-threaten-african-nation-building/> (Accessed: 20.10.2021).
- Udebunu C. Nigeria and the Dialectics of Multiculturalism // *Ogirisi: A New Journal of African Studies*. 2011. Vol. 8. P. 1–15.
- Waldschmitt L. *Education and Citizenship in Urban Tanzania: A Study of Secondary Student Conceptions of Democracy and Civic Engagement*. M.A. Dissertation. Oslo: University of Oslo, 2010.
- Waller R. Ethnicity and Identity // *The Oxford Handbook of Modern African History* / ed. by J. Parker, R. Reid. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 94–113.
- Werbrner R.P. *Reasonable Radicals and Citizenship in Botswana: The Public Anthropology of Kalanga Elites*. Bloomington, IN; Indianapolis, IN: Indiana University Press, 2004.
- Wiener M.J. The Idea of "Colonial Legacy" and the Historiography of Empire // *The Journal of the Historical Society*. 2013. Vol. 13, № 1. P. 1–32.

- Wimmer A. Who Owns the State? Understanding Ethnic Conflict in Post-colonial Societies // Nations and Nationalism. 1997. Vol. 3, № 4. P. 631–665.
- Wright D.R. “What Do You Mean There Were No Tribes in Africa?”: Thoughts on Boundaries – and Related Matters – in Precolonial Africa // History in Africa. 1999. Vol. 26. P. 409–426.
- Young C. The Post-colonial State in Africa. Fifty Years of Independence, 1960–2010. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2012.

References

- Bulavin, V.M. (1994) *Izmenenie cennostnyh orientacij lichnosti (na primere Gabona)* [Change of Personality's Values (The Case of Gabon)]. In: *Chelovek v afrikanskom obshchestve* [The Person in African Society]. Ed. by A.N. Mosejko. Moscow: Institute for African Studies Press, pp. 150–157.
- Kostelyanec, S.V. (2014) *Darfur: istoriya konflikta* [Darfur: A History of the Conflict]. Moscow: Institute for African Studies Press.
- Kuznecov, A.M., Zolotuhin, I.N. (2010) *Etnopoliticheskaya istoriya Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v XX – nachale XXI vv.* [Ethnic and Political History of the Asia-Pacific Region in the 20th – Early 21st Century]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Press, 2010 (in Russian). Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta.
- Tur'inskaya, H.M. (2022) *Revolucionnaya partiya i nacional'nyj vopros v Tanzanii: istoki* [The Revolutionary Party and the National Issue in Tanzania: The Roots]. In: *Ocherki partijnoj zhizni v Tropicheskoj Afrike* [Essays of Party Life in Tropical Africa]. Ed. by A.J. Elez. Moscow: Institute for African Studies Press, pp. 12–32.
- Agbu, O.A. (2011) *Ethnicity and Democratisation in Africa: Challenges for Politics and Development*. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet.
- Amselle, J.-L. (1985) *Ethnies et espaces: pour une anthropologie topologique*. In: *Au cœur de l'ethnie. Ethnies, tribalisme et État en Afrique*. Éd. par J.-L. Amselle, E. M'Bokolo. Paris: La Découverte, pp. 11–48.
- Asiegbu, J.U.J. (1984) *Nigeria and Its British Invaders, 1851–1920: A Thematic Documentary History*. New York; Enugu: Nok Publishers International.
- Au coeur de l'ethnie. Ethnies, tribalisme et État en Afrique*. Éd. par J.-L. Amselle, E. M'Bokolo. Paris: La Découverte, 1985.
- Bah, A.B. (2004) Reconciling Ethnic and National Identity in a Divided Society: The Nigerian Dilemma of Nation-State Building, *Democracy & Development. Journal of West African Affairs*, Vol. 4, no 2, pp. 27–43.
- Bayart, J.-F. (1989) *L'État en Afrique, la politique de ventre*. Paris: Fayard.
- Bereketeab, R. (2002) Supra-Ethnic Nationalism: The Case of Eritrea, *African Sociological Review*, Vol. 6, no 2, pp. 137–152.
- Bertelsen, B.E. (2009) Multiple Sovereignties and Summary Justice in Mozambique. A Critique of Some Legal Anthropological Terms, *Social Analysis*, Vol. 53, no 3, pp. 123–147.
- Bhabha, H.K. (1994) *The Location of Culture*. London; New York: Routledge.
- Bondarenko, D.M. (2014) Historical Memory and Intercultural Tolerance: Students' Attitudes to the Colonialism-Born Minorities in Tanzania and Zambia, *Social Evolution and History*, Vol. 13, no 2, pp. 97–118.
- Bondarenko, D.M., Krishna, K., Krishna, R. (2013) A View from Campus. The Attitude of University Students to the European and South Asian Minorities in Tanzania and Zambia Compared, *Anthropos*, Vol. 108, no 1, pp. 77–95.
- Brown, D. (2004) Why Independence? The Instrumental and Ideological Dimensions of Nationalism, *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 45, no 34, pp. 277–296.
- Butovskaya, M.L., Burkova, V.N., Karelin, D.V. (2016) The Wamemu of Tanzania: Historical Origin and Their Role in the Process of National Integration, *Social Evolution and History*, Vol. 15, no 2, pp. 141–163.

- Buzási, K. (2016) Languages and National Identity in Sub-Saharan Africa: A Multilevel Approach. In: *The Economics of Language Policy*. Ed. by M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge; London: The MIT Press, pp. 225–264.
- Chabal, P. (1981) The Social and Political Thought of Amilcar Cabral: A Reassessment, *Journal of Modern African Studies*, Vol. 19, no 1, pp. 31–56.
- Chabal, P. (2001) African Politics in Historical Perspective. In: *Africa 2000*. Ed. by L. Kropáček, P. Skalník. Prague: Set Out, pp. 37–46.
- Chabal, P., Daloz, J.-P. (1999) *Africa Works: Disorder as Political Instrument*. Oxford; Bloomington, IN: James Currey; Indiana University Press.
- Das S. (2019) Ethnic Conflict in the Indian Subcontinent: Assessing the Impact of Multiple Cleavages, *Journal of Asian Security and International Affairs*, Vol. 6, no 3, pp. 229–253.
- de Heusch, L. (2000) *L'ethnie*. The Vicissitudes of a Concept, *Social Anthropology*, Vol. 8, no 2, pp. 185–206.
- Dorman, S.R. (2015) The Varieties of Nationalism in Africa, *Current History*, no 114 (772), pp. 189–193.
- Englebert, P. (2018) *Burkina Faso: Unsteady Statehood in West Africa*. New York; London: Routledge.
- Eriksen, T.H. (1999) A Non-ethnic State for Africa? A Life-world Approach to the Imagining of Communities. In: *Ethnicity and Nationalism in Africa: Constructivist Reflections and Contemporary Politics*. Ed. by P. Yeros. New York: St. Martin's Press, pp. 45–64.
- Ethnic Ambiguity and the African Past: Materiality, History, and the Shaping of Cultural Identities*. Ed. by F.G. Richard, K.C. MacDonald. London; New York: Routledge, 2015.
- Ethnicity and Democracy in Africa*. Ed. by B.J. Berman, W. Kymlicka, D. Eyoh. Oxford; Athens, GA: James Currey; Ohio University Press, 2004.
- Falola, T. (2003) *The Power of African Cultures*. Rochester, NY: University of Rochester Press.
- Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Glassman, J. (2019) Ethnicity and Race in African Thought. In: *A Companion to African History*. Ed. by W. Worger, C. Ambler, N. Achebe. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, pp. 199–224.
- Gledhill, J. (1994) *Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics*. London; Chicago: Pluto Press.
- Gulbrandsen, Ø. (2014) *The State and the Social. State Formation in Botswana and Its Pre-colonial and Colonial Genealogies*. New York; Oxford: Berghahn Books.
- Hawi, H.O. (2017) Identity Formation in Post-Secession Sudan. In: *State Building and National Identity: Reconstruction in the Horn of Africa*. Ed. by R. Bereketeab. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 165–185.
- Hirschman, C., Edwards, J. (2007) Social Change in Southeast Asia. In: *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Vol. 9. Ed. by G. Ritzer. Oxford: Blackwell Publishing, pp. 4374–4380.
- Idowu, W.O.O. (1999) Citizenship, Alienation and Conflict in Nigeria, *Africa Development*, Vol. 24, no 1–2, pp. 31–55.
- Jewsiewicki, B. (1989) The Formation of Political Culture of Ethnicity in the Belgian Congo, 1920–1959. In: *The Creation of Tribalism in Southern Africa*. Ed. by L. Vail. London: James Currey, pp. 324–350.
- Kapferer, B. (2012) *Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia*. Washington, DC; London: Smithsonian Institution Press.
- Katsina, A.M. (2012) Colonialism, Post-colonialism and Ethnic Cleavages in Africa: Nigeria since Independence. Paper presented at the Annual International Conference of the School of Arts and Social Sciences, Isah Kaita College of Education, Dutsinma, Katsina State, Nigeria, June.

- Keese, A. (2010) Introduction. In: *Ethnicity and the Long-term Perspective: The African Experience*. Ed. by A. Keese, J. Carlos Garcia, M. Santos. Bern: Peter Lang, pp. 9–28.
- Knörr, J., Højbjerg, C., Kohl, C., Rudolf, M., Schraven, A., Trajano Filho, W. (2008) Reconstructions of National Identity in the Upper Guinea Coast. In: *Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2006–2007*. Ed. by J. Eckert, J. Eidson, J.O. Habeck, C. Hann, B. Mann. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, pp. 30–40.
- Lawrance, B.N. (2007) *Locality, Mobility, and “Nation”: Periurban Colonialism in Togo’s Eweland, 1900–1960*. Rochester, NY: University of Rochester Press.
- Mamdani, M. (2018) *Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press.
- Mathys, G. (2021) Traces profondes d’une politique identitaire colonial. In: *Commission spéciale chargée d’examiner L’État Indépendant du Congo et le passé colonial de la Belgique au Congo, au Rwanda et au Burundi, ses conséquences et les suites qu’il convient d’y réserver*. Éd. par G. Mathys, S. Van Beurden. Bruxelles: Chambre des représentants de Belgique, pp. 233–247.
- Mkenda, F. *On Tribes and Nations: Biology and Ideology in the Study of African Nationalism*. n.d. URL: https://www.academia.edu/8191747/On_Tribes_and_Nations_Biology_and_Ideology_in_the_Study_of_African_Nationalism (Accessed 09.03.2022).
- [Monitor Reporter]. Gathering Storms as Independence Euphoria Wears off, *Daily Monitor*, 7 Aug. 2012. p. 6, 8 Aug. 2012. p. 6.
- Morier-Genoud, E. (2009) Mozambique since 1989: Shaping Democracy after Socialism. In: *Turning Points in African Democracy*. Ed. by A.R. Mustapha, L. Whitfield. Oxford: James Currey, pp. 153–166.
- Multiculturalism in Asia*. Ed. by W. Kymlicka, B. He. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Nkyabonaki, J. (2019) The Influence of Indigenous Administration on Post-Independence Administration in Tanzania. In: *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora*. Ed. by D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, pp. 183–195.
- Nwankwo, N.E. (2016) “Mimi ni Mtanzania”: An Analysis of Post-Colonial Nation Building and the Emergence of National Identity in Contemporary Tanzania, *Philologia*, № 8, pp. 1–16.
- Obi, P.I. (1993) *Ethnicity, Nationalism and Nation-Building in Nigeria, 1970–1992*. Ph.D. Dissertation. London: University of London.
- Ogbonnaya, M., Okafor, H. (2014) The Dialectics of Ethnic Conflicts, Political Instability and Underdevelopment in Africa’s Great Lakes Region, *Africa Insight*, Vol. 44, no 2, pp. 197–213.
- Ogundowole, E.K. (2004) *Philosophy and Society*. Lagos: Correct Counsels.
- Ojo, E.O., Duyile, W.A. (2020) “The Giant of Africa” and “Africa’s Success Story”: A Comparative Study of Democracy in Nigeria and Botswana, *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN / Journal of the Institute for African Studies*, no 2, pp. 30–50.
- Oni, E.O., Adebisi, A.P. (2021) Ethnicity and the Challenge of Nation-building in Nigeria. In: *Democratic Practice and Governance in Nigeria*. Ed. by E.O. Oni, O.M. Fagbadebo, D.A. Yagboyaju. London; New York: Routledge, pp. 100–114.
- Pelican, M., Manke, A. (2015) *Ethnicity as a Political Resource: Conceptualizations across Disciplines, Regions, and Periods*. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Pesek, M. (2011) Foucault Hardly Came to Africa: Some Notes on Colonial and Post-Colonial Governmentality, *Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*, Bd. 21, Ht. 1, SS. 41–59.
- Renan, E. (1991) Qu’est-ce qu’une nation? In *Qu’est-ce qu’une nation?* Éd. par P. Forest. Paris: Pierre Bordas et fils, pp. 31–42.
- Roberts, D., Silwamba, S. (2017) Ethnicity, Politics and Zambian Youth, *Contemporary Social Science*, Vol. 12, no 3–4, pp. 189–201.
- Robinson, A.L. (2014) National versus Ethnic Identification in Africa: Modernization, Colonial Legacy, and the Origins of Territorial Nationalism, *World Politics*, Vol. 66, no 4, pp. 709–746.

- Robinson, F. (2010) Introduction. In: *The New Cambridge History of Islam*, Vol. 5, *The Islamic World in the Age of Western Dominance*. Ed. by F. Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–28.
- Rupp, S. (2011) *Forests of Belonging: Identities, Ethnicities, and Stereotypes in the Congo River Basin*. Seattle, WA; London: University of Washington Press.
- Shaw-Taylor, Y. (2008) Measuring Ethnic Identification and Attachment in sub-Saharan Africa, *African Sociological Review*, Vol. 12, no 2, pp. 155–166.
- Sheleff, L. (1999) Tribalism – Vague but Valid, *African Anthropology*, Vol. 6, no 2, pp. 220–257.
- Stroeken, K., Kaputu, F.U. (2021) Between Ethnicity and Medicine: Reinventing Legitimacy in Chokwe and Sukuma Chieftaincies. In: *Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa*. Ed. by A.S. Steinforth, S. Klocke-Daffa. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 63–83.
- Taylor, I. (2018) *African Politics: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Tewolde, A.I. (2020) Ethnic Consciousness should not Threaten African Nation-building, *Mail and Guardian*, 5 March. URL: <https://mg.co.za/article/2020-03-05-ethnic-consciousness-should-not-threaten-african-nation-building/>. (Accessed 20.10.2021).
- Udebunu, C. (2011) Nigeria and the Dialectics of Multiculturalism, *Ogirisi: A New Journal of African Studies*, Vol. 8, pp. 1–15.
- Waldschmitt, L. (2010) *Education and Citizenship in Urban Tanzania: A Study of Secondary Student Conceptions of Democracy and Civic Engagement*. M.A. Dissertation. Oslo: University of Oslo.
- Waller, R. (2013) Ethnicity and Identity. In: *The Oxford Handbook of Modern African History*. Ed. by J. Parker, R. Reid. Oxford: Oxford University Press, pp. 94–113.
- Werbner, R.P. (2004) *Reasonable Radicals and Citizenship in Botswana: The Public Anthropology of Kalanga Elites*. Bloomington, IN; Indianapolis, IN: Indiana University Press.
- Wiener M.J. (2013) The Idea of “Colonial Legacy” and the Historiography of Empire, *The Journal of the Historical Society*, Vol. 13, no 1, pp. 1–32.
- Wimmer, A. (1997) Who Owns the State? Understanding Ethnic Conflict in Post-colonial Societies, *Nations and Nationalism*, Vol. 3, no 4, pp. 631–665.
- Wright, D.R. (1999) “What Do You Mean There Were No Tribes in Africa?”: Thoughts on Boundaries – and Related Matters – in Precolonial Africa, *History in Africa*, Vol. 26, pp. 409–426.
- Young, C. (2012) *The Post-colonial State in Africa. Fifty Years of Independence, 1960–2010*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

Сведения об авторе:

БОНДАРЕНКО Дмитрий Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом антропологии Востока, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия). E-mail: dmitrimb@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitri M. Bondarenko, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrimb@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 20 марта 2025;
принята к публикации 11 мая 2025.*

*The article was submitted 20.03.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*

Научная статья
УДК 613.157:664
doi: 10.17223/2312461X/48/2

Запахи как культурное наследие: правовые аспекты ольфакторной антропологии

Сергей Валерьевич Соколовский

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, SokolovskiSerg@gmail.com*

Аннотация. Анализируются существующие формы правовой защиты ольфакторного наследия в международном праве и национальных правовых системах, регламентирующие защиту отдельных классов культурных объектов как носителей национальной идентичности и культурного наследия. Защитные нормы разделяются на три класса – общие, косвенные («пакетные») и формульные (направленные на технологии). Рассматриваются ключевые международные конвенции, рамочные соглашения и протоколы, а также национальные правовые нормы, имеющие прямое или косвенное отношение к запахам как неотъемлемой части мирового, национального и регионального культурного наследия. Среди анализируемых в статье проблем применения защитных норм конвенций по охране материального и нематериального наследия затрагивается проблема материальности/нематериальности запахов, а также возможности таких форм защиты, как нормы защиты интеллектуальной собственности и торговой марки и широкий спектр реализуемых методов и форм защиты запахов как на международном, так и на национальном и региональном уровнях. Действие правовых мер защиты ароматов иллюстрируется на примерах защиты характера и качества вин и сыров, неотъемлемыми характеристиками которых считаются их ароматические профили.

Ключевые слова: ароматы, запахи, ольфакторная антропология, культурное наследие, дескрипторы запахов, виноделие, сыроварение

Благодарности: Статья подготовлена в рамках НИР Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Соколовский С.В. Запахи как культурное наследие: правовые аспекты ольфакторной антропологии // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 24–45. doi: 10.17223/2312461X/48/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/2

Smells as Cultural Heritage: The Legal Aspects of Olfactory Anthropology

Sergei V. Sokolovskiy

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, SokolovskiSerg@gmail.com*

Abstract. The article examines the existing forms of legal protection of olfactory heritage in international law and in national legal systems, regulating the protection of individual classes of cultural objects as holders of national identity and cultural heritage. The author suggests to divide protective norms into three classes: *general*, *indirect* ("package") and *formulaic* (technological). He examines key international conventions, framework agreements and protocols, as well as national legal norms that have a direct or indirect relation to odors as an integral part of the world, national and regional cultural heritage. Among the issues, analyzed in the article in the sphere of protective norms of conventions on tangible and intangible heritage, is the issue of materiality/immateriality of odors, as well as the issues of the potential of such forms of protection as the intellectual property and trademark protection, and a wide range of methods and forms of odor protection both at the international and at the national and regional levels. The effect of legal measures to protect aromas is illustrated by the cases of protecting the character and quality of wines and cheeses, whose aroma profiles are considered as their essential characteristics.

Keywords: aromas, odors, olfactory anthropology, cultural heritage, odor descriptors, viniculture, cheese making

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Research Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Sokolovskiy, S.V. (2025) Smells as Cultural Heritage: The Legal Aspects of Olfactory Anthropology. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 24–45 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/2

Введение

С одной стороны, запах материалов, он может регистрироваться и улавливается объективно, например, с помощью газоанализаторов – спектрофотометров и хроматографов, или органолептически, благодаря профессионализму кулинарных критиков, сомелье, титестеров, купажистов, дегустаторов или парфюмеров. Вино, виски, коньяк, пиво, кофе, чай, табак, сыр, духи и одеколоны, шампуни и мыло, кремы и пудры проходят не только различные процедуры производственного контроля, но и оценку профессионалов, способных разбираться в тонкостях соответствующих каждому из этих продуктов букета и аромата. Существует еще и индустриальная косметика, создающая специальные одоранты, например, для аэрозолей, освежающих воздух, средств для мытья, придания

приятного запаха дорогим продуктам – кожаным изделиям, салонам автомобилей и т.д. Не стоит забывать и о веками используемых в религиозных ритуалах благовониях – мирре, ладане, можжевельнике, а также об ароматерапии, ароматизированных свечах и палочках, средствах для поглощения или маскировки неприятных телесных запахов – дезодорантах.

С другой стороны, запахи летучи и эфемерны, их нельзя осязать, но можно только обонять. Невозможность осязания или зрительного восприятия запахов размещает их на границе между материальным и нематериальным. Неосуществимость тактильности в отношении запахов (*intangibility*) сближает их с объектами, в этом отношении похожими на те, что защищаются нормами конвенции о нематериальном наследии (*intangible heritage*). Однако там, где можно использовать нормы защиты интеллектуальной собственности (патенты и лицензии) – например, в парфюмерии – защите подлежит химическая формула аромата, фиксирующая его характер как нечто вполне материальное. Запах здесь является эманацией, заключенной во флакон жидкости, которая способна превращаться во множество косметических изделий в компоненту твердых или полутвердых субстанций – кремов, пудры, мыла и т.п. Иными словами, в парфюмерии летучесть запаха – лишь одно из агрегатных его состояний, которое может переходить в форму жидкости или твердого тела, вполне материальных, зримых и обладающих тактильностью.

Свойство запахов быть летучими либо связанными находит свое отражение и в формах защиты культурного наследия, для трех основных типов которых я предлагаю рабочие наименования: 1) *общие, объемлющие* или *экстенциональные*; 2) *пакетные* или *косвенные*, и 3) *формульные (лицензируемые)*. При этом первый тип действующих на обоняние веществ защищается универсальными международными нормами конвенций о правах человека и культурном нематериальном наследии, а второй и третий – нормами региональных соглашений и национальных правовых систем, т.е. оказываются под защитой особой группы правовых норм в рамках национальных и региональных юрисдикций.

Общие международные и региональные нормы защиты культурных прав

Множество запахов воспринимается как часть культуры – примером могут служить ритуалы и традиции, в которых используются благовония или окуривание (мирра и ладан, ароматические смолы, травы и кустарники; у многих коренных народов Сибири – например, можжевельник или багульник). Эти ароматы могут подлежать защите в качестве неотъемлемой части таких традиций, т.е. рассматриваться одновременно как право на культуру, защищаемое известными конвенциями ООН, включая *Пакт о правах человека*, так и являться (в качестве неотъемлемой

части конкретного ритуала, традиции или обычая) объектом защиты в рамках *Конвенции ЮНЕСКО о защите нематериального культурного наследия* (2003). Помимо этого, некоторые нормы *Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия* (1972) также могут иметь отношение к рассматриваемой здесь теме. Например, ее ст. 14.2, перечисляющая международные организации, помогающие Комитету всемирного наследия, называет среди прочих и Международный совет по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС). В свою очередь, ИКОМОС имеет множество национальных отделений и формирует конкретную политику охраны памятников на национальном уровне. Австралийское отделение ИКОМОС разработало и постоянно обновляет влиятельную Конвенцию Бурра (Australia ICOMOS Charter 2013), последнее обновление которой от 2013 г. содержит статью 8, где при определении понятия *окружение* памятника (*setting*) говорится о сохранении «визуального и сенсорного окружения» и, таким образом, исходя из смысла понятия «сенсорное», ставит под защиту не только визуальный образ природного или культурного памятника, но и его слуховой и обонятельный ландшафты¹.

Помимо опыта Австралии, сенсорика как часть памятных мест, культурных и природных ландшафтов охраняется также законодательством Франции и Испании, применившим принципы ЮНЕСКО относительно природного и культурного наследия к охраняемым ландшафтам в сельской местности. Примером может служить французский закон от января 2021 г., защищающий сельское «сенсорное наследие», включающее традиционные для данной местности запахи и звуки. История принятия этого закона одновременно и забавна, и поучительна, так как прекрасно иллюстрирует иерархию каналов восприятия в культурах европейского круга, доминирующим среди которых является, разумеется, зрение (визуальность), и история развития законодательства в области охраны культурного и природного наследия вполне соответствует этой иерархии. Логике этой истории подчиняется и развитие национального законодательства: сначала мы защищаем памятные места как эстетически привлекательные и исторически значимые, но заботимся преимущественно о том, как они выглядят. Затем сразу в нескольких странах началось обсуждение возможности охраны звуковых ландшафтов и звукового измерения памятных мест (Франция, Испания, Люксембург), и, наконец, встал вопрос об обонятельной стороне памяти и традиций.

Французский закон о защите сенсорики начался с судебного дела против петуха Мориса, соседи которого – городские дачники в деревушке Сан-Пьер-д’Олерон, потребовали, чтобы петух не пел по ночам. В апреле 2017 г. они обратились в суд г. Рокфор с жалобой на шумовое загрязнение и требованием к хозяйке Мориса принять меры, чтобы петух

по ночам молчал (Guu, Crouin 2019). Корин Фессо, хозяйка Мориса, обратилась с петицией о защите петуха, которую в итоге, пока длился суд, завершившийся только в сентябре 2017 г., подписали 140 тысяч человек (Fesseau 2017). Суд вынес решение в пользу хозяйки петуха, а дачники-горожане заплатили около 1 100 евро судебных издержек. Эта история получила освещение не только во Франции, но и во многих других странах мира. Конфликты между дачниками из города и постоянным сельским населением по поводу сельскохозяйственных звуков и запахов происходили во Франции регулярно, иногда завершаясь обращениями в судебные инстанции. Толчком к принятию специального закона стала судебная тяжба супружеской пары из Парижа, пожаловавшейся на утренний звон церковных колоколов в деревушке Лозер, после чего местный депутат Пьер Морель-А-л'Юиссье вышел с обращением во французский парламент, что и инициировало процедуру подготовки нового закона (French Property 2021).

В итоге французское правительство приняло решение внести поправку в национальный Кодекс об окружающей среде (*Code de l'environnement*), в результате чего 29 января 2021 г. верхняя палата парламента одобрила Закон № 2021-85, включивший под свою защиту «звуки и запахи, характерные для пространств, ресурсов и природных наземных и морских сред»². Проблема субъективности восприятия запахов, их летучести и эфемерности, затрудняющих их фиксацию и описание, была решена законодателями весьма прямолинейным способом – они делегировали задачу определения так называемого сельского наследия, включая его сенсорную идентичность, властям сельских муниципалитетов. По словам тогдашнего министра сельского хозяйства Жоэля Жиро, призванного сохранять сельские местности и их дух, принятие этой поправки стало «настоящей победой сельских общин» (Guu 2021), однако судьи и эксперты сочли поправку аморфной и имеющей скорее символический, нежели юридический смысл. Тем не менее усилия французских (а также испанских и люксембургских) законодателей по защите сельских ландшафтов могут рассматриваться как инструменты, совершенствующие подход ЮНЕСКО к сохранению наследия, включая звуковые и обонятельные профили защищаемых местностей.

Близким по духу к правовым усилиям сделать запахи частью охраняемого наследия стал проект по сохранению исторических запахов Odeuropa с его Библиотекой запахов (*Osmothèque Conservatoire*), а также проект базирующегося в Лондоне Института консервации (ICON), в рамках которого была разработана диаграмма ароматов, помогающая международной унификации словаря запахов как основы для законодательных усилий в данной области (Bembibre, Strlič 2017: 8).

Национальные и региональные бренды и их правовая защита

Отдельную группу в предлагаемой здесь классификации представляют продукты, отражающие местные традиции и национальное наследие, ароматы и запахи которых, наряду со вкусом, являются их неотъемлемой частью. Защита таких продуктов от подделок либо от использования бренда или торговой марки за пределами традиционной области производства данного продукта осуществляется сочетанием правовых и административных мер. Ароматы и запахи являются важнейшими составляющими национальной кухни, сыроварения, виноделия, пивоварения, производства чая, кофе, табака и сигар, виски и коньяка и других напитков. Законодательные нормы, защищающие качество этих продуктов как части регионального или национального наследия, одновременно защищают и аутентичность их обонятельно-вкусовых профилей, хотя и не содержат прямых упоминаний их густаторно-ольфакторных компонентов. Таким образом, правовая и административная защита типичных для данных продуктов ароматов и запахов осуществляется косвенно и «в пакете» с прочими характеристиками данных продуктов, включая в ряде случаев и их традиционную упаковку.

Для этого типа защиты я предлагаю рабочее наименование «пакетная защита бренда». Ароматы и запахи оказываются частью такого «пакета» и защищаются с помощью международных договоров, правовых норм регионального и национального права, патентов и лицензий на производство и технологию, норм по защите брендов и торговых марок и т.п. Формы такой защиты варьируют от одной национальной или региональной юрисдикции к другой, и сам процесс регулирования отличается высокой сложностью, поскольку, к примеру, в странах Евросоюза помимо норм национального права применяются и нормы Евросоюза, а также действующих двусторонних торговых соглашений со странами за его пределами, не говоря уже об уникальных правовых и административных практиках в рамках отдельных регионов, политики объединений производителей, которую можно рассматривать как часть правовой системы (с их подзаконными актами и нормами обычного права), или влиянии динамики межгосударственных торговых отношений, международной экономики и иногда вспыхивающих конфликтов и торговых войн с принимаемыми правительствами запретительными пошлинами и санкциями.

Аутентичность таких продуктов гарантируется законодательно закрепленными региональными классификациями, регулирующими географические наименования регионов (*Geographical Indications* или *GIs*; Reg. No 1308/2013) и защищенные обозначения мест происхождения (*Protected Designations of Origin* или *PDOs*), которые сертифицируют не только перечень конкретных местностей происхождения (апеллясьонов), но и традиционные методы и технологии производства данных

продуктов. Широко известные примеры защищенных наименований регионов в случае спиртных напитков – Бордо, Бургундия, Коньяк, Шампань, Пьемонт, Риоха и т.д. Каждый апелласьон в границах этих больших винных провинций имеет отличающийся от других микроклимат, состав почв (терруар) и регламентируемый законодательством сортовой состав (так называемые главные сорта) выращиваемого винограда, которые в сочетании с местными традициями, технологиями производства и мастерством виноделов придают уникальные свойства винам, коньякам, арманьяку и прочими напиткам, однако знатоки способны по аромату и вкусу определять не только происхождение, но и год его производства. Такая способность отражает не только профессионализм сомелье, но и устойчивость (выражаясь терминами акторно-сетевой теории) ассамбляжей, включающих в свой состав в качестве акторов многоуровневые юридические соглашения и дискурсы и множество человеческих и природных акторов, обеспечивающих ту степень стабильности ольфакторно-густаторных характеристик результата их совместных действий, которые и обеспечивают такое узнавание. Аналогичные регламенты существуют также в отношении знаменитых сортов сыра, пива, чая и кофе и некоторых других сельскохозяйственных продуктов.

Вкусы и запахи местных сыров как национальное достояние

Шарль де Голль, как известно, сетовал, что невозможно управлять страной, в которой имеется 246 видов сыра. Дотошные японские кулинарные журналисты внесли поправку в эту оценку французского президента, описав в своей иллюстрированной энциклопедии более 350 сортов сыра из всех регионов Франции (Масуи, Ямадо 2003), охватив, однако, лишь чуть более четверти известных французских сыров, поскольку специалисты оценивают их количество сегодня как превышающее 1 200.

У меня с французскими сырами и их ароматами есть и собственная история. Накануне одной из конференций, организованных парижским Домом наук о человеке, я еще в Москве запасся адресами лучших тамошних фромажери (сырных лавок) и, проштудировав упомянутую выше энциклопедию, создал перечень из примерно 30 сыров, которые я пока не пробовал и описания которых мне показались соблазнительными. Часть сокровищ я обнаружил в лавочке на о-ве Сите, в самом сердце Парижа, а другую – значительно более крупной фромажери на бульваре Распай, совсем рядом с моим отелем. Я даже растерялся, войдя в эту «пещеру Аладдина» – повсюду были разложены сыры – крошечные в листях каштана или вишни, в деревянных коробочках и корзинках, и огромные круги твердых сыров. Одни были покрыты белой, розовой или черной плесенью, растущей, как мох в каком-нибудь девственном лесу.

На других сверкали капли – так называемые слезы сыра, свидетельствующие о его зрелости и отменной кондиции. Были среди них и совсем жидкие – один, стоявший в ведре, поразил меня своим запахом, столь резким, что мне пришлось зажать нос. Фромажёр (а в сырных лавочках работают обычно очень грамотные специалисты, способные не только описать качества любого из продаваемых ими сыров, но и подсказать лучшее для каждого из них сопровождение, например вино конкретной марки, фрукты, орехи и т.п.) поспешил ко мне: «*C'est très, très fort, monsieur!*» – озабоченно воскликнул он, заметив мою гримасу, но увидев, что я читаю свой длинный список сыров, явно стараясь обнаружить их в его магазине, тут же расцвел и устроил мне настоящую экскурсию по своим сокровищам. Узнав, что я из Москвы и что мне несколько часов лететь в самолете, он тут же стал паковать наиболее ароматные сыры, каждый отдельно, сначала в несколько слоев вощеной бумаги, а потом в вакуумную упаковку. Покинул я его лишь, наверное, час спустя уже с тяжело нагруженной сумкой и существенно похудевшим портмоне. В номере я с трудом разместил эти сокровища в холодильнике, решив, что перед перелетом они должны хорошенько охладиться, чтобы не дразнить пассажиров разнообразием своих букетов. Насколько я помню, летел я тогда с посадкой в Мюнхене (видимо, компанией «Люфтганза»). Сыры были надежно упакованы еще в несколько слоев пакетов и размещены на дне моей вместительной сумки, в которой почти ничего, кроме них, и не было, и поэтому я спокойно пронес ее в кабину самолета. Там я со вздохом облегчения поместил ее на багажную полку, с удовлетворением отметив, насколько надежно и герметично она закрывается в самолетах этой компании.

В Мюнхене часть пассажиров сошли, и к нашему борту привезли еще небольшую группу немцев, летящих, очевидно, по делам, в Москву. Первый же из них, весьма крупный и экспансивный господин, покрутив носом и наморщив его, довольно громко поинтересовался: «*Ist hier jemand während des Fluges gestorben oder so?*» (Тут что, кто-то умер во время перелета, что ли?). Летевшие со мной парижане проигнорировали его, и мне пришлось буркнуть в ответ: «*Nein, es ist nur normaler französischer Käse*» (Да нет, это просто обычный французский сыр...). «*Normaler?!!*», – проворчал мюнхенец, но не найдя поддержки, протопал в хвост отсека и скоро забылся за принесенным ему пивом. Парижане заулыбались, оценив превосходство своего сыроварения над баварскими специалитетами, а мне стало смешно, поскольку я вспомнил рассказ Джерома Джерома о ливерпульских сырах и о том, что его герою, выгнанному с его приобретением из дома, пришлось закопать сыр на пляже, создав тем самым местному курорту отменную репутацию, поскольку отдыхающие стали отмечать там какой-то особо бодрый морской воздух, а врачи рекомендовать это местечко всем слабогрудым и чахоточным.

Дома меня, однако, встретили как героя, и мы с родственниками и друзьями еще долго состязались в наиболее точных описаниях ароматов привезенных французских диковин. Среди победивших были и такие: «пахнет хомячком, который сначала описался, а потом помер», «запах солдатских портянок», «дух весеннего погребца в стайке»³. Эти впечатления, конечно, разительно отличались от официально принятых дескрипторов для описания аромата сертифицированных сыров, но от этого не становились менее точными. Тем более что с помощью советов фромажера, снабдившего меня точными инструкциями относительно вина и фруктов, мы с большим удовольствием познакомимся с каждым из этих гастрономических изысков и по сию пору вспоминаем о них с ностальгией, повторяя, как заклинания, «Вашрен мон д’Ор, Реблошон, Том о Марк де Резан...»

Дескрипторы аромата сертифицированных сыров

Аромат сыра представляет собой сложный сенсорный комплекс, вносящий существенный вклад в идентичность продукта, оценку качества и в сам процесс сертификации конкретных партий данного сыра. Характеристика аромата сыра с помощью стандартизированных дескрипторов обеспечивает надежную оценку его качества для производителей, регионов и органов сертификации. Эти дескрипторы образуют важнейший компонент сенсорного словаря, который определяет и отличает сертифицированные сыры, имеющие статус защищенного обозначения происхождения (PDO). Определяемые как «список терминов, описывающих продукт» или «сенсорный словарь, используемый для оценки параметров качества пищевых продуктов», совокупности таких дескрипторов лежат в основе стандартов сенсорной оценки (ср.: Drake et al. 2001; Cheddar Lexicon). Описательные термины позволяют членам комиссий определять устойчивые сенсорные характеристики и обеспечивают точки отсчета для сертификации качества. Разработка лексиконов, специфичных для сыров, включает в себя обширный сенсорный анализ специально обученными группами экспертов, идентифицирующих ароматические соединения и связанные с ними перцептивные характеристики. Такие лексиконы особенно ценны для сыров PDO, где сенсорные характеристики представляют собой определяющие аспекты их подлинности и качества. Правила предусматривают, что конкретные характеристики и отсутствие возможных дефектов должны оцениваться обученной группой – так называемым сенсорным комитетом (ср.: Araújo-Rodrigues et al. 2022). Эксперты оценивают, соответствуют ли продукты минимальным требованиям сертификации PDO относительно стандартных характеристик сорта.

Количественный описательный анализ (QDA) представляет собой одну из основных методологий оценки сенсорных характеристик сыра.

При этом подходе специально подготовленные члены комитета оценивают различные сенсорные характеристики, используя разработанный в ходе сенсорного обучения и согласованный словарь. Исследования показали, что QDA помогает эффективно различать сыры на основе их состава и особенностей технологии производства, при этом в ходе таких исследований идентифицируются до 30 ароматических дескрипторов, с помощью которых различаются различные сорта сыра (Andriot et al. 2024). Результаты QDA часто представляются графически иллюстрацией сенсорных профилей по нескольким измерениям, таким как *запах* (например, аммиачный или травяной), *текстура* (например, зернистая и маслянистая) и *вкус* (например, соленый или кислый). Такой многомерный подход отражает сложное взаимодействие между ароматическими соединениями и их восприятием, в конечном итоге и определяющим сертификацию продукта и его успех у потребителей.

Базовый уровень описания аромата сыра обычно охватывает и основные вкусовые ощущения, способствующими общему восприятию сыра. По основному вкусу сыры бывают сладкими, солеными, кислыми, горькими и обладающими вкусом, который японцы называют *умами* – ощущением, вызываемым наличием специфических пептидов и нуклеотидов, создающих аппетитный и пикантный вкус, который вызывает слюноотделение и ощущение шершавости на языке, в гортани, на небе и в задней части рта. На основе этих вкусов строятся более сложные описания аромата, создающего всеобъемлющий сенсорный профиль сыра. Помимо этого, несколько ключевых дескрипторов связаны с молочным происхождением сыра и его обработкой. Это так называемый *вареный* с ароматами и вкусами, связанными с нагретым молоком, включая сернистые, сладкие и подгорелые ноты; *молочный*, напоминающий о молоке или свежих сливках; *масляный* – аромат натурального свежего масла; *сывороточный*, связанный с сырной сывороткой и *горелый*, связанный с экстремальной термической обработкой молочных белков. Эти дескрипторы часто формируют основу профилей ароматов сыра, особенно в молодых или менее зрелых сортах, в которых преобладают характеристики молока.

Значительная часть сырных ароматов развивается в результате ферментации. Именно микробная трансформация молока в сыр производит характерные ароматические соединения, которые становятся центральными дескрипторами при оценке конкретного сорта сыра. К числу таких дескрипторов относятся *прогорклый* – аромат и вкус, обусловленные наличием масляной кислоты и иногда описываемые как запах дыхания младенца или его отрыжки; *амбарный* – аромат, связанный с хлебом и животными, с нотами пота и навоза; *сернистый*, отражающий наличие ароматических соединений с серой. Замыкают этот ряд описаний еще две говорящие сами за себя характеристики – *фруктовый* и *бульонный*.

Все эти дескрипторы отражают биохимические процессы, происходящие во время созревания сыра, когда микробная активность генерирует летучие соединения, которые вносят значительный вклад в развитие аромата.

Исследования ароматов сыра выявили конкретные классы химических соединений, отвечающих за определенные сенсорные свойства. Газохроматографический и спектральный анализы экстрактов сыра выявили ароматические соединения, принадлежащие к различным химическим классам: 1) летучие жирные кислоты (ЛЖК) – восемь соединений в этой категории способствуют формированию аромата сыра с описаниями от «сырного» и «воскового» до «плотного» и «ферментированного»; 2) спирты – четыре соединения, влияющие на восприятие аромата сыра; 3) альдегиды (десять соединений); кетоны, эфиры (два соединения); углеводороды (одно соединение). Все они создают различные сенсорные характеристики, которые идентифицируют эксперты. Например, гептановая кислота отвечает за ароматы, описываемые как «сырные, восковые, потные, ферментированные, ананасовые и фруктовые», в то время как 2-метилвалериановая кислота создает запах «кислого сыра» (Andriot et al. 2024).

Связь между составом сыра и развитием аромата представляет собой важнейший аспект описания ароматического профиля сыра. Исследования выявили несколько ключевых факторов состава, которые влияют на производство, высвобождение и восприятие ароматических соединений. Это прежде всего содержание жира – сыры с самым высоким процентом жира в своем составе демонстрируют отличительные профили аромата, часто описываемые с использованием таких дескрипторов, как «растворимый», «липкий» и «гладкий». Жир влияет на высвобождение большинства ароматических соединений и их восприятие. Кроме того, на высвобождение и восприятие ароматических соединений сыра влияет уровень его солености. Более высокие уровни соли коррелируют с определенными сенсорными атрибутами и могут противопоставлять «ванильные ноты» таким описаниям, как «растительный», «грибной» и «горелый». Наконец, содержание сывороточной лактозы отвечает за «сладкие» (вареное молоко, карамель, ваниль, грибы) и «потные» ноты (подкисленное и кислое молоко, животные запахи, прогорклость). Отличительные ароматические профили, характерные для сертифицированных сортов сыра, образуются под влиянием различных микробных штаммов, поскольку разные микробные культуры создают совершенно разные ароматические профили. Понимание этих взаимосвязей позволяет лучше контролировать процессы сыроварения и получать более предсказуемые результаты в отношении аромата сыра.

Последние достижения в сенсорной оценке включили временные измерения в описание аромата. Динамический подход обнаружил, что некоторые соединения высвобождаются больше во время жевания, в то время как другие преобладают в фазах после глотания. Например, более

гидрофильные соединения показывают более высокие скорости высвобождения для более твердых сыров и обильнее высвобождаются во время жевания. Напротив, гидрофобные соединения высвобождаются больше во время проглатывания и остаются более стойкими во рту, создавая послевкусие. Эта динамика добавляет еще одно измерение к описаниям аромата сыра (Andriot et al. 2024).

Правовая защита продуктов сыроварения

Историю защиты сенсорных профилей сертифицированных сыров лучше рассматривать на конкретном примере. Выразительным примером, раскрывающим всю сложность защиты национального наследия в данной области, может служить история греческого сыра фета. Его история представляет собой увлекательную картину взаимодействия правовых норм защиты культурного наследия, юридических баталий и динамики международной торговли.

Фета имеет древние корни: доказательства ее производства обнаруживаются в Одиссее Гомера, т.е. датируются VIII в. до н. э. Фета традиционно изготавливается из овечьего молока или смеси овечьего и козьего молока. Ее уникальный вкус и текстура связаны с биоразнообразием и скотоводческими практиками Греции. К XX в. популярность этого сорта сыра стала всемирной; появились его подделки, что побудило Грецию искать правовую защиту.

В 1996 г. Европейский союз для защиты региональных продуктов питания ввел систему PDO. Греция подала заявку на получение статуса PDO для феты, однако эта заявка была оспорена со стороны производителей сыра в Дании, Германии, Франции и Великобритании, утверждавших, что «фета» стала общим термином. ЕС первоначально в том же году предоставил греческому сыру статус PDO, но отозвал его в 1999 г. после юридического оспаривания Данией, которая настаивала, что термин не был географически определенным. После многих лет лоббирования и доказательств со стороны Греции ЕС в 2002 г. все-таки подтвердил статус PDO для феты, ограничив применение этого наименования сыром, произведенным только в определенных регионах (Македония, Эпир и Пелопоннес) и только на основе традиционных методов. Основные требования включили состав молока (не менее 70% овечьего и до 30% козьего) и методы производства (засолка, выдержка в деревянных бочках и строгое соблюдение региональных практик). Производителям из других стран был предоставлен пятилетний переходный период для переименования своей продукции в *тина феты*. Датская компания *Arla Foods* в 2013 г., после проигрыша в суде, переименовала свой продукт в «Апетина». Суд ЕС подтвердил исключительные права Греции еще в

2005 г., постановив, что характеристики феты неотделимы от ее греческого терруара. Критики, включая Австралию и Новую Зеландию, утверждали, что термин является общим, но ЕС настоял на том, что PDO защищают культурную идентичность регионов. Фета сегодня составляет около 10% греческого экспорта продуктов питания и поддерживает сельское население, практикующее традиционное сыроварение и содержание овец и коз определенных пород.

История феты в сфере защиты PDO подчеркнула существующую напряженность между защитой культурного наследия и ориентацией экономики на глобальные рынки. Привязка идентичности феты к географии и традициям Греции сохранила кулинарный бренд, одновременно установив прецедент для других аналогичных продуктов по всему миру.

Правовая защита продуктов виноделия

Пожалуй, самой традиционной областью правовой охраны продуктов, потребительскую ценность которых, помимо вкуса, создает их аромат или букет, является вино и виноделие, в силу чего законодательные усилия по их защите могут рассматриваться как источник для подражания и заимствования другими отраслями – уже рассмотренной защитой продуктов сыроварения, а также пивоварения и производства элитных сортов чая, кофе и табака.

Вино и виноделие являются неотъемлемой частью человеческой культуры и по праву рассматриваются в качестве культурного наследия. Уникальность этого продукта зависит от сорта винограда, искусства виноделов, региона и терруара конкретного места произрастания лозы, ее возраста, климата и погоды. Характер вина складывается из его возраста, цвета и прозрачности, букета и вкуса. Виноделы, энологи, винные критики, сомелье и любители вина уже давно располагают отличающимися лишь в некоторых деталях многоуровневыми классификациями винных запахов, или, как говорят некоторые специалисты, «носа вина». Известно, что ароматы вина классифицируются на основе отдельных этапов и моментов их формирования в процессе созревания вина и его выдержки. Все они делятся на три большие группы – основные, вторичные и третичные ароматы.

Первичные ароматы, в свою очередь подразделяются на ***фруктовые*** (фруктовые – на запахи *черных* (ежевика, сливы, черники, черной смородины), *красных* (вишни, клубники, малины красной смородины), *цитрусовых* (лимона, лайма, грейпфрута), *тропических* (ананаса, манго, маракуйи, гуайявы, папайи, банана, личи, финика, инжира), *косточковых* (персика, абрикоса, нектарина) и *других* (яблока, груши, дыни, айвы) фруктов), ***цветочные*** (розы, фиалки, флёр д'оранжа, или запаха цветущих апельсинов, жимолости, липы, вербены зверобоя), ***травяные*** или

зеленые (сена, мяты, эвкалипта, томатного листа, спаржи, свежескошенной травы, болгарского перца; последний может характеризовать вино из не вполне созревшего винограда), **пряные** (белого перца, солодки, имбиря; последний – характеристика запаха винограда, а не вина) и часто обусловленные терруаром – **минеральные** (кремний, кварц, мокрый камень, мел, сланец, графит, иногда солоноватость как в запахе морского воздуха).

Вторичные ароматы, формирование которых в большой степени зависит от технологий и процессов виноделия, характеризуются как имеющие **дрожжевое** происхождение (запахи хлеба, печенья, тостов, сырной корки; последняя характеристика обусловлена выдержкой на осадке и особенностями ферментации); **яблочно-молочное**, т.е. запахи, обусловленные этапом яблочно-молочного брожения (ароматы масла, сливок, йогурта, молока); **дубовое**, обусловленное выдержкой в дубовых бочках и распадающееся на три группы: ароматы *выпечки* (ваниль, корица, тимьян, базилик, розмарин, кокос, карамель), *пряностей* (гвоздика, корица, мускатный орех) и дыма от обжига тары (дым, кедр, табак, порошок).

Третичные ароматы, возникающие в процессе выдержки вина и/или его постепенного окисления, обычно группируют в семь классов: **окислительные**, т.е. ноты, возникающие благодаря окислению (грецкий орех, миндаль, фундук, мед); **карамельные** (ирис, шоколад, кофе), **сухофруктные** (изюм, инжир, чернослив); **земляные** (лесная подстилка, грибы, трюфель, мокрые листья); **пикантные** (кожа, табак, мясо, сухие травы); **нефтяные** (бензин, керосин; особенно заметны в выдержанном рислинге); запахи **скотного двора** или **дичи** (кожа, мокрый мех, земля; земляная нота придается некоторым винам, например из виноградников долины Роны, намеренно для подчеркивания других нот в букете, в противном случае она считается изъяном). Именно третичные ароматы специалисты называют *букетом вина*.

Каждый из ароматов дополнительно характеризуется своей интенсивностью или силой (легкая, средняя, выраженная) и может характеризовать молодые (свежие первичные ароматы), среднезрелые (вторичные и третичные ноты в букете) и выдержанные зрелые вина с полностью интегрированными третичными ароматами. Испорченное из-за избыточного окисления, плесени или плохой пробки вино приобретает запахи мокрого картона, плесени, хересные ноты или запах побитого яблока, уксуса, ацетона, жженой резины, сгоревшей спички, пластыря, конюшни, тухлых яиц и сточных вод.

Все перечисленные характеристики ароматов вина – это лишь начальная азбука, известная любому его любителю, не говоря уже о профессионалах. Она фиксируется на круговых диаграммах в винных руководствах и атласах, а ее элементы рутинно используются для описания аромата вина на этикетках или в описаниях ароматических профилей сортовых и купажных вин конкретных апелласьонов.

Таким образом, ароматы вина представляют собой важнейший компонент его характера и качества, выступая в качестве специфических черт, отличающих одного производителя от другого и один стиль от всех остальных. Правовая защита ароматических качеств вина реализуется в сложном правовом ландшафте, где традиционные рамки интеллектуальной собственности могут оказаться неприменимыми. Исходя из действующих законов и практики в области интеллектуальной собственности в различных юрисдикциях, ароматы вина сталкиваются со значительными препятствиями их правовой защиты, хотя уже существуют определенные механизмы, с помощью которых различные аспекты винных ароматов могут быть защищены. Доступные механизмы защиты существенно различаются в зависимости от юрисдикции и подлежат определенным техническим и юридическим ограничениям, которые делают всестороннюю защиту довольно сложной. Дело в том, что у защиты ароматов вина двойственная природа. При обсуждении этой защиты важно различать две принципиально разные концепции: *техническую* защиту ароматов в процессах винопроизводства и *правовую* защиту ароматов как интеллектуальной собственности. Первая включает в себя методологии сохранения ароматических соединений во время производства и хранения (в некоторых случаях регулируемую правом), в то время как вторая касается юридических прав, запрещающих другим лицам копировать или использовать определенные ароматические характеристики в коммерческих целях. Техническая защита ароматов вина является давней и традиционной для виноделия практикой. Производители используют различные методы для сохранения ароматических и вкусовых соединений во время производства, хранения и транспортировки. Эти методы включают использование особых генетических штаммов дрожжей, специально разработанных для защиты вина от окисления. Например, такой продукт французской компании *Lamothé-Abiet*, как *Aroma Protect®*, разработанный на основе богатых глутатионом инактивированных дрожжей (*Saccharomyces cerevisiae*), противодействует окислению и способствует сохранению букета и свежести вина (Lamothé-Abiet, n.d.).

Защита ароматов продуктов виноделия обеспечивается совокупным действием правовых норм защиты интеллектуальной собственности, законодательно закреплённых стандартов качества продукции и правил защиты товарных знаков. Хотя прямая правовая защита ароматов как интеллектуальной собственности пока встречается редко, уже существуют важные судебные прецеденты, связанные с защитой ароматов вин. Одним из таких прецедентов стало дело компании *Aroma Wines & Equipment, Inc.*, касающееся ненадлежащих условий хранения, поставивших под угрозу качество вина. Верховный суд штата Мичиган рассмотрел дело *Aroma Wines* против *Columbian Distribution Services, Inc.* об условиях хранения вина и их влиянии на его качество и продаваемость.

Aroma Wines, оптовый импортер и дистрибьютор вина, заключила контракт с Columbian на хранение своих винных запасов в складских помещениях с контролируемым климатом. Контрактное соглашение обязывало Columbian хранить вино при температуре от 50 до 65 градусов по Фаренгейту, поскольку хранение именно при этом диапазоне температур гарантирует сохранение качества вина, включая его ароматические свойства. Судом было установлено, что Columbian переместила вино Aroma из помещения с контролируемым климатом в неконтролируемую среду, что противоречило условиям контракта. Представители Aroma утверждали, что сотрудники Columbian переместили вино, чтобы освободить места хранения для более выгодных для компании клиентов, и такое несанкционированное перемещение поставило под угрозу качество вина. Суд постановил, что Aroma представила достаточные доказательства того, что Columbian изменила вино, заключив, что термин «использование» следует толковать широко, а не узко, требуя потребления или продажи вина. Это толкование предоставило винным компаниям важный правовой механизм для защиты качества своей продукции (включая ее ароматические свойства) от ненадлежащего обращения со стороны третьих лиц (Aroma Wines 2015).

Еще одним способом, с помощью которого аромат вина получает косвенную правовую защиту, является защита *товарных знаков и наименований*. Отличительные характеристики вин из определенных регионов, включая их ароматические профили, как правило, защищаются коллективно за счет регистрации географических наименований мест происхождения. Знаковым делом, демонстрирующим этот подход, является недавняя победа французской торговой ассоциации *Comité Champagne* в правовой системе Китая. В ноябре 2023 г. Верховный суд Пекина вынес решение в пользу *Comité Champagne* в иске против китайских производителей и дистрибьюторов духов, использовавших в наименовании одного из своих продуктов (*Champagne Life*) географическое обозначение региона Шампань. Помимо простого приказа компаниям прекратить использование этого наименования и присуждения 30 000 евро в качестве компенсации ущерба суд предоставил наименованию *Champagne* статус «общеизвестной торговой марки» в Китае, что стало первым зарегистрированным иностранным наименованием, получившим такое обозначение (Champagne 2024). Это дело значимо, поскольку оно распространило защиту за пределы конкуренции в категориях вин: шампанское пользовалось статусом географического указания (GI) в Китае с 2013 г., однако это лишь запрещало виноделам из других регионов использовать это наименование. Новый статус «известного наименования» запрещает маркировать и продавать любые продукты и услуги, даже не связанные с вином, под названием «шампанское». Такая всеобъемлющая защита косвенно защищает и отличительный ароматический профиль, связанный с подлинными продуктами из этого региона, предотвращая размывание бренда и путаницу для потребителей.

Судебные тяжбы по поводу товарных знаков представляют собой еще одну сферу, в которой производители вина косвенно защищают идентичность напитков, включая их ароматические профили. Однако эти дела часто обусловлены сложными процессуальными требованиями, существенно влияющими на их разрешение. Например, в деле *Winestore Holdings LLC* против *Justin Vineyards & Winery LLC* возник спор относительно товарных знаков для винной продукции «OVERBROOK» (заявленных Winestore) и «OVERLOOK» (зарегистрированных Justin Vineyards). Когда Justin сообщил Winestore о своих опасениях относительно потенциального нарушения прав на товарный знак, Winestore запросил судебное решение о том, что его использование товарного знака «OVERBROOK» не нарушает прав на товарный знак. Суд Западного округа Северной Каролины постановил, что простого направления сообщения с выражением опасений относительно возможного нарушения прав на товарный знак недостаточно для создания подлежащего рассмотрению в суде дела и отметил, что в сообщении представителей Justin использовались условные выражения («может быть истолковано», «может представлять собой»), а не четкие требования прекратить и воздержаться от использования похожего наименования (Hansen, Edelman 2019). Это дело демонстрирует процессуальные препятствия, с которыми могут столкнуться производители вина при попытке разрешить споры о товарных знаках, косвенно защищающих отличительные характеристики вин, включая их ароматические профили.

Помимо судебных дел нормативные рамки обеспечивают значительную защиту ароматов вина посредством *стандартов* производства и требований к *маркировке*. Европейский Союз установил всеобъемлющие правила для производства органического вина, которые косвенно защищают ароматические качества вина. Начиная с 1991 г. общеевропейские правила регулируют органическое виноделие, включая использование разрешенных веществ и энологические методы. Эти правила прямо запрещают некоторые методы, считающиеся неподходящими для органического производства, как, например, частичная концентрация путем охлаждения, устранение диоксида серы физическими процессами, электродиализная обработка, частичная деалкоголизация и различные процедуры мембранной фильтрации (EU Rules 2013). Кроме того, эти правила устанавливают температурные ограничения: тепловая обработка не должна превышать 70°C, и ограничивают размеры пор в устройствах для фильтрации, которые должны быть не менее 0,2 микрометра. Эти ограничения направлены на сохранение естественных характеристик вина, включая его ароматический профиль. В правилах также рассматриваются вопросы, касающиеся конкретных методов – термической обработки, использования ионообменных смол для ректификации концентрированного сусла, что указывает на то, что данные методы будут

пересматриваться с целью поэтапного отказа от них или дальнейшего ограничения в их использовании (EU Rules 2013). Все эти изменения в законодательных стандартах отражают важность сохранения природных качеств вина, включая ароматические соединения.

Наряду с системой законодательных мер по защите качества вин, являющихся частью национального наследия стран-винопроизводителей, существуют и различные коммерческие подходы к защите аромата вина. Винные компании разработали специальные продукты и методы для защиты ароматов вина в ходе процессов его производства, хранения и транспортировки. Например, компания *Oenobrand*s разработала такие продукты, как *Extraferm D'fend*, специально предназначенные для защиты вина от окисления и поддержания его стабильности (Aroma protection 2025). Такие коммерческие подходы решают практические проблемы сохранения ароматов вина на протяжении всего процесса производства и реализации. Производители вина используют различные методы для защиты ароматических соединений в вине, признавая, что его летучие соединения вносят значительный вклад в сенсорные качества вина и его коммерческую ценность. Все эти методы представляют собой отраслевой подход к защите ароматов, который дополняет правовую защиту, при этом сами технологии и продукты для сохранения характера вин, включая их ароматические составляющие, сами защищены патентами, торговыми марками и лицензиями.

Правовой ландшафт защиты ароматов вина остается сложным и многоаспектным. Пока лишь в немногих судах и судебных делах аромат вина напрямую рассматривался в качестве интеллектуальной собственности. Тем не менее сегодня можно утверждать, что в судебной практике уже существуют правовые механизмы, обеспечивающие его косвенную защиту. Дело *Aroma Wines* создало важный прецедент в отношении ответственности за поддержание надлежащих условий для сохранения вина со стороны компаний, предоставляющих услуги хранения и распространения продуктов виноделия. Дела о товарных знаках и наименованиях, такие как случай *Comité Champagne* в Китае, обеспечивают более широкую защиту региональных винных идентичностей, включая отличительные ароматические профили их продукции. Стандарты производства, устанавливающие нормативные рамки, косвенно сохраняют ароматы вина, ограничивая технологии, способные изменить эти качества.

По мере развития технологий производства вина и расширения мировых рынков производители вина сталкиваются с новыми правовыми проблемами, связанными с защитой аромата их продукции. Технологии виноделия постоянно совершенствуются, вытесняя старые технологии, и будущие судебные дела могут касаться инновационных методов производства, используемых для улучшения ароматического профиля вина,

или, например, использования искусственного интеллекта для воссоздания защищенного ароматического профиля винного продукта нетрадиционным способом.

Нюхаю вино нового урожая в Вене
(даже помню сорт винограда – Zweigelt)

Заключение

Рассмотрение существующих форм правовой защиты ольфакторного наследия выявило сложный ландшафт правовых норм, среди которых присутствуют как нормы международного права, так и законодательные акты национальных правовых систем, регламентирующие защиту отдельных классов культурных объектов как носителей национальной идентичности и культурного наследия. Автор предлагает разделить существующие в этой сфере защитные нормы на три класса: *общие*, *косвенные* («пакетные») и *формульные* (направленные на технологии). Пограничное положение запахов и ароматов в аспекте их охраны как материального (части ароматических характеристик сертифицируемых про-

дуктов) или нематериального (например, как неотъемлемой части некоторых традиций и ритуалов) наследия составляет особую проблему для правового регулирования, которая лишь отчасти решается с помощью норм защиты интеллектуальной собственности и торговых марок. В статье не рассматривалась специально такая обширная сфера защиты ароматов, как парфюмерия, поскольку автору не известны случаи, когда продукты этой отрасли защищались бы как часть национального или регионального наследия. Тем не менее, в силу того что правовые коллизии, возникающие при защите ароматов в этой отрасли, создают прецеденты для аналогичных правовых решений по защите ольфакторных характеристик продуктов в других отраслях, она безусловно заслуживает специального анализа. Рассмотренные в данной статье случаи защиты продуктов сыроварения и виноделия позволяют заключить, что существующие правовые прецеденты предоставляют основу для решения проблем, связанных с внедрением в эти сферы новых технологий и подчеркивают важность сохранения качества, защиты товарных знаков и соблюдения нормативных требований в области сохранения ароматического характера аграрной продукции конкретной страны или региона как части ее национального или регионального наследия.

Примечания

¹ Article 8. Setting. Conservation requires the retention of an appropriate setting. This includes retention of the visual and sensory setting, as well as the retention of spiritual and other cultural relationships that contribute to the cultural significance of the place (Australia ICOMOS Burra Charter, 2013).

² Изначально предполагалось, что поправка будет внесена в Кодекс наследия (Code de patrimoine), однако французские законодатели, в надежде остановить поток жалоб на шум и запахи, приняли иное решение, которое, однако, затруднило администрирование новой нормы (French Property 2021).

³ Впечатление сибиряка: *стайками* за Уралом называются дворовые кладовые – небольшие сарайчики, в которых хранились дрова, уголь и урожай картофеля, прораставший и даже подгнивавший к весне – отсюда и характерный «букет», довольно точно описывавший сорт сыра, который мы дегустировали в тот вечер.

Список источников

- Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1972).
Конвенция ЮНЕСКО о защите нематериального культурного наследия (2003).
Масуи К., Ямадо Т. Французские сыры. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. 240 с.
Andriot I. et al. Influence of Cheese Composition on Aroma Content, Release, and Perception // *Molecules*. 2024. № 29. 3412. doi: 10.3390/molecules29143412
Araújo-Rodrigues H. et al. Organoleptic Chemical Markers of Serpa PDO Cheese Specificity // *Foods*. 2022. № 11. 1898. doi: 10.3390/foods11131898.
Aroma Protect®: Nutrients for your enological solutions. URL: <https://lamothe-abiet.com/en/nutrients/aroma-protect/>
Aroma protection 2025 – Oenobrand. URL: <https://oenobrand.com/solution/wine-aroma/aroma-protection/>

- Aroma Wines 2015 – Aroma Wines & Equipment, Inc. v. Columbia Distribution Svcs., Inc. URL: <https://law.justia.com/cases/michigan/supreme-court/2015/148907.html>
- Australia ICOMOS Charter for the Conservation of Places of Cultural Significance (Burra Charter, 1979 1999, 2013).
- Bembibre C., Strlič M. Smell of heritage: A framework for the identification, analysis and archival of historic odours // *Heritage Science*. 2017. № 5 (1). P. 1–11. doi: 10.1186/s40494-016-0114-1
- Champagne 2024 – Champagne wins landmark protection case in China high court. URL: <https://www.thedrinksbusiness.com/2024/03/champagne-wins-landmark-protection-case-in-china-high-court/>
- Cheddar Lexicon – Cheese Science Toolkit. URL: <https://www.cheesescience.org/cheddarlexicon.html>
- Drake, M.A., McIngvale S.C., Gerard P.D., Cadwallader K.R., Civile G.V. Development of a Descriptive Language for Cheddar Cheese // *Journal of Food Science*. 2001. № 66 (9). P. 1422–1427. doi: 10.1111/j.1365-2621.2001.tb15225.x
- EU Rules 2013 – EU Rules for Organic Wine Production. URL: https://www.organicseurope.bio/content/uploads/2021/02/ifoameu_regulation_eu_rules_for_organic_wine_production_2013_compressed.pdf
- Fesseau C. Il Faut Sauver Maurice le Coq de L'île D'Oléron. 04.2017. URL: <https://www.mesopinions.com/petition/animaux/faut-sauver-maurice-ile-oleron/31553>
- French Property 2021 – Nuisances in Rural France. 04.05.2021. URL: https://www.french-property.com/news/french_property/countryside_rural_nuisances_law
- Guy J. France has passed a law protecting the sounds and smells of the countryside. 22.01.2021. URL: <https://edition.cnn.com/travel/article/france-rural-noise-law-scli-intl/index.html>
- Guy J., Crouin A. Maurice the rooster in the dock in divisive French trial. 04.07.2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/04/europe/france-cockerel-trial-scli-intl/index.html>
- Hansen C., Edelman S. Wine Dispute Has No Legs: Trademark Opposition Alone Insufficient, 04.11.2019. URL: <https://www.thetmca.com/wine-dispute-has-no-legs-trademark-opposition-alone-insufficient-to-create-a-justiciable-controversy-for-declaratory-judgment-actions/>
- Reg. No 1308/2013 – Regulation (EU) No 1308/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 establishing a common organisation of the markets in agricultural products and repealing Council Regulations (EEC) No 922/72, (EEC) No 234/79, (EC) No 1037/2001 and (EC) No 1234/2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/1308/oj/eng>.

References

- Andriot I. e.a. (2024) Influence of Cheese Composition on Aroma Content, Release, and Perception, *Molecules*, no. 29, 3412. DOI: 10.3390/molecules29143412.
- Araújo-Rodrigues H. e.a. (2022) Organoleptic Chemical Markers of Serpa PDO Cheese Specificity, *Foods*, no. 11, 1898. <https://doi.org/10.3390/foods11131898>.
- Aroma Protect®: Nutrients for your enological solutions. Available at: <https://lamothe-abiet.com/en/nutrients/aroma-protect/>.
- Aroma protection 2025 – Oenobrand. Available at: <https://oenobrand.com/solution/wine-aroma/aroma-protection/>.
- Aroma Wines 2015 – Aroma Wines & Equipment, Inc. v. Columbia Distribution Svcs., Inc. Available at: <https://law.justia.com/cases/michigan/supreme-court/2015/148907.html>.
- Australia ICOMOS Charter for the Conservation of Places of Cultural Significance (Burra Charter, 1979 1999, 2013).
- Bembibre, C., Strlič M. (2017) Smell of heritage: A framework for the identification, analysis and archival of historic odours, *Heritage Science*, no. 5(1), pp. 1–11. DOI: 10.1186/s40494-016-0114-1.
- Champagne 2024 – Champagne wins landmark protection case in China high court. Available at: <https://www.thedrinksbusiness.com/2024/03/champagne-wins-landmark-protection-case-in-china-high-court/>.

- Cheddar Lexicon – Cheese Science Toolkit. Available at: <https://www.cheesesience.org/cheddarlexicon.html>.
- Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (1972).
- Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (2003).
- Drake, M. A., McIngvale, S. C., Gerard, P. D., Cadwallader, K. R., Civile, G. V. (2001) Development of a Descriptive Language for Cheddar Cheese, *Journal of Food Science*, no. 66(9), pp. 1422–1427. DOI: 10.1111/j.1365-2621.2001.tb15225.x.
- EU Rules 2013 – EU Rules for Organic Wine Production. Available at: https://www.organicseurope.bio/content/uploads/2021/02/ifoameu_regulation_eu_rules_for_organic_wine_production_2013_compressed.pdf.
- Fesseau, C. (2017) *Il Faut Sauver Maurice le Coq de L'île D'Oléron*. 04.2017. Available at: <https://www.mesopinions.com/petition/animaux/faut-sauver-maurice-ile-oleron/31553>.
- French Property 2021 – Nuisances in Rural France. 04.05.2021. Available at: https://www.french-property.com/news/french_property/countryside_rural_nuisances_law.
- Guy, J. (2021) France has passed a law protecting the sounds and smells of the countryside. 22.01.2021. Available at: <https://edition.cnn.com/travel/article/france-rural-noise-law-scli-intl/index.html>.
- Guy, J., Crouin A. (2019) Maurice the rooster in the dock in divisive French trial. 04.07.2019. Available at: <https://edition.cnn.com/2019/07/04/europe/france-cockerel-trial-scli-intl/index.html>.
- Hansen, C., Edelman, S. (2019) Wine Dispute Has No Legs: Trademark Opposition Alone Insufficient, 04.11.2019. Available at: <https://www.thetmca.com/wine-dispute-has-no-legs-trademark-opposition-alone-insufficient-to-create-a-justiciable-controversy-for-declaratory-judgment-actions/>.
- Masui K., Yamado T. (2003) *Frantsuzskie syry. Illiustrirovannaia entsiklopediia* [French Cheese]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom «Neva», 240 p.
- Reg. No 1308/2013 – Regulation (EU) No 1308/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 establishing a common organisation of the markets in agricultural products and repealing Council Regulations (EEC) No 922/72, (EEC) No 234/79, (EC) No 1037/2001 and (EC) No 1234/2007. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/1308/oj/eng>.

Сведения об авторе:

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15 февраля 2025;
принята к публикации 11 мая 2025.*

*The article was submitted 15.02.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*

СЕВЕРНАЯ МОЗАИКА

Научная статья
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/48/3

Политика монотонности и пролетаризация сна: случай контрактных сезонных сборщиков дикорастущих ягод в Карелии

Степан Игоревич Петряков

*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
spetryakov@eu.spb.ru*

Аннотация. Анализируются эффекты повторения сезонными рабочими-сборщиками дикоросов одних и тех же трудовых действий в течение нескольких месяцев ягодного сезона. С опорой на материалы полевых исследований среди контрактных сборщиков в Карелии, проводившихся автором в ягодные сезоны с 2021 по 2024 г., утверждается, что монотонность как особая форма труда лежит в основании современного сезонного коммерческого собирательства. С помощью каких технологий и дисциплин организуется и поддерживается подобная форма труда? Продемонстрировано, как превращение собирательства дикорастущих ягод в капиталистический сельскохозяйственный труд требует от рабочих, с одной стороны, специфического способа восприятия окружающей среды, с другой стороны – особой пространственной конфигурации труда, которая нарушает дихотомию жилья (общежития) и рабочего места (леса). Высказывается предположение, что эти процессы соответствуют размыванию границ между трудом и нетрудом, а также, что менее очевидно, между сном и бодрствованием.

Ключевые слова: антропология труда, коммерческое собирательство, сезонный труд, поздний капитализм, монотонность, политическая экономия сна, Карелия

Благодарности: за внимательное чтение этого текста, обсуждение и комментарии к нему я бы хотел поблагодарить своих коллег из Европейского университета.

Для цитирования: Петряков С.И. Политика монотонности и пролетаризация сна: случай контрактных сезонных сборщиков дикорастущих ягод в Карелии // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 46–72. doi: 10.17223/2312461X/48/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/3

The Politics of Monotony and the Proletarianization of Sleep: The Case of Contract Seasonal Wild Berry Pickers in Karelia

Stepan I. Petryakov

*European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation,
spetryakov@eu.spb.ru*

Abstract. The article analyses the effects of seasonal berry picking workers repeating the same activities over several months? Based on field research among contract wild berry pickers in Karelia (fieldwork was conducted during the berry seasons from 2021 through 2024), the article argues that monotony as a special form of labor is at the base of contemporary seasonal commercial picking. What technologies and disciplines are used to organize and sustain this form of labor? The author demonstrates how the transformation of wild berry picking into capitalist agricultural labor requires, on the one hand, a specific way of perception of the environment among workers and, on the other hand, a specific spatial configuration of labor that breaks the dichotomy of dwelling (dormitory) and workplace (forest). It is suggested that these processes correspond to a blurring of the boundaries between labor and non-labor and, less obviously, between sleep and awakening.

Keywords: anthropology of labor, commercial picking, seasonal labor, late capitalism, monotony, political economy of sleep, Karelia

Acknowledgements: For careful reading of this text, discussion and comments on it, I would like to thank my colleagues from the European University.

For citation: Petryakov, S.I. (2025) The Politics of Monotony and the Proletarianization of Sleep: The Case of Contract Seasonal Wild Berry Pickers in Karelia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 46–72 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/3

Контрактный сборщик

Каковы условия, при которых сотня сезонных рабочих из разных уголков России в течение нескольких месяцев ежедневно собирают дикорастущие ягоды в лесу вблизи российско-финской границы?¹ Их нанимает крупное предприятие-переработчик, поставляющее замороженные ягоды и ягодную продукцию на пищевые предприятия по всему миру. Сборщики проживают в рабочих общежитиях, которые принадлежат предприятию. Они организованы в специальные «экипажи» и перемещаются по узким лесовозным дорогам на грузопассажирском полноприводном транспорте, которым владеет компания. В течение дня работники собирают морошку, чернику, голубику и бруснику в нескольких зонах сплошных вырубок леса. Сборщики проходят пешком более 15 километров в день, худеют в среднем на 10 килограмм за сезон и зарабатывают

до нескольких сотен тысяч рублей за несколько месяцев. Контрактный сборщик – это «рабочее место», созданное в целях увеличения запасов пищевых ресурсов леса на складах перерабатывающего предприятия.

Как и множество других форм труда в современном капиталистическом сельском хозяйстве, труд сборщика дикорастущих ягод основан на повторении одинаковых действий в ходе относительно продолжительного количества времени. В течение нескольких месяцев жизнь рабочих сосредоточена в местах «дисциплинарной монотонности» (Фуко 1999: 206): изо дня в день сборщики ездят в тесных салонах арендуемых УАЗов-«буханок», собирают ягоды на вырубках леса, спят на металлических кроватях, стоят в очереди в общий душ и «тусуются» на общей кухне или в курилке общежития. Они носят одну и ту же одежду и едят одну и ту же еду. На их телах присутствуют следы повторяющихся действий: мозоли, синяки и ссадины отмечаются в одних и тех же местах у двух сотен рабочих, проживающих в лагере на окраине карельского моногорода. Нюанс в том, что сборщики встроены в крайне однообразные социально-экономические ритмы не только в пределах рабочего времени сбора ягод, но и в течение всего сезона. Этим они существенно отличаются от некоторых других групп капиталистических рабочих, для которых опыт выполнения одинаковых действий хоть и является ключевым, присущ лишь в пределах фабричных стен в течение рабочего дня (см., например: Salzinger 2003; Striffler 2005; Blanchette 2020). В этой связи среди сборщиков принято говорить о сезонных работах как о «дне сурка». Несколько месяцев сжимаются до опыта одного дня. Или же один день, наполненный десятками доведенных до автоматизма действий, превращается в несколько месяцев.

В классической работе «Труд и монополистический капитал» Гарри Браверман (Braverman 1974) анализировал монотонность и однообразие в капиталистическом промышленном труде как один из эффектов исторического процесса деградации ремесленного производства и деквалификации рабочих. Браверман выдвинул тезис, согласно которому в эпоху индустриального капитализма сложный процесс производства того или иного продукта сводится к серии простых операций, которые не требуют от рабочего экстраординарных способностей, в результате чего трудящиеся превращаются в взаимозаменяемую рабочую силу. Дробление трудового процесса на сборочных линиях сопровождается отупляющим монотонным трудом, из-за которого рабочий лишается статуса мастера – полноправного владельца знаний и навыков, обеспечивающий контроль над процессом изготовления продукта. Капитал же тем самым монополизирует наследие ремесленного мастерства, с помощью которого человек устанавливает связь между действиями в настоящем и знаниями прошлого, а значит, и между образованием и непосредственным процессом труда.

Подобная критика трудового процесса при капитализме сегодня не кажется убедительной. Укорененный в западноевропейской мысли образ мастера исключает историю большей части человечества (Blanchette 2019: 63) и опирается на фетиш креативности, рассматривающий индивидуальное творчество как наиболее аутентичное выражение человеческой идентичности (Sanchez 2020: 75). Более того, была указано, что пугающий Бравермана «низкоквалифицированный» труд на заводской линии требует не меньшего мастерства, сноровки и ловкости, чем работа ремесленника (Striffler 2005: 116; Пинчук 2022). Что больше привлекает в анализе Бравермана, так это не исчезающая в горниле конвейерного производства фигура ремесленного мастера, но роль повторения одних и тех же действий. Согласно Браверману, монотонным может быть производство товара на фабрике или сбор сырья в поле для его последующего использования. Монотонность сама по себе, однако, в этой схеме никогда не является целью. Скорее она выступает характеристикой трудовых практик, пусть и обязательным, но все-таки эффектом. Фигура контрактного сборщика позволяет модифицировать этот тезис и рассуждать не о монотонном труде в границах экономики заработной платы, но о самой монотонности как форме труда; труда, который не должен останавливаться никогда и поэтому воплощает в себе мрачные прогнозы Маркса о том, что присвоение рабочей силы в течение всех двадцати четырех часов в сутки является имманентным стремлением капиталистического способа производства (Маркс 1952: 262).

В этой статье представлен набор зарисовок, посвященных жизни контрактных сборщиков. Они сопровождаются анализом того, что можно назвать политикой монотонности в индустрии заготовки дикорастущих ягод. Отправной точкой моего интереса является то, что в компании, на которую я работал в качестве сборщика по контракту в 2021, 2023 и 2024 гг., растущие в лесах ягоды упорно называют «культурами»². Какие формы человеческого труда и восприятия необходимы для того, чтобы подобный способ мышления стал возможен? Мной показано, как агробизнес, ориентированный на заготовку и переработку дикорастущих ягод, превращает собирательство в один из видов сельскохозяйственного труда. Меня интересовало, какое место в этом процессе занимает связь трудовых практик, монотонности и уровня производительности труда в коммерческом собирательстве. В фокусе исследования – роль повторяющихся действий в процессе труда и их влияние на восприятие рабочими пространства и сна, которые, как будет продемонстрировано, обладают собственной политической экономией.

Вместе с тем в статье сделан акцент на материальных практиках. Я основываюсь на допущении, согласно которому для системы капиталистического наемного труда с ее специфическим типом подчинения во все не обязательно, чтобы «идеи» и «слова» были «перводвигателями» (Macherey 2015). В этой связи представленные рассуждения близки к

тому типу материалистического анализа власти и подчинения, который имеет место в работах Пьера Бурдьё (Bourdieu 1977) и Мишеля Фуко (Фуко 1999). Философ Пьер Машери по этому поводу подчеркивает, что «оба [ученых] сходятся в отрицании ссылки на идеологию, которая претендует на то, чтобы поместить между людьми и условиям, в которых они эксплуатируются, промежуточный слой, занимаемый идеальными представлениями. Процедура подчинения происходит на телесном уровне, который не требует посредничества каких-либо идей или слов» (Macherey 2015: 14). Таким образом, в центре внимания оказывается именно этот «уровень».

В «Дикоросии»

В марте 2016 г. в «Бизнес-журнале» вышла небольшая заметка под названием «Страна Дикоросия» (Колерова 2016). В ней была сформулирована основная проблема российского агробизнеса, ориентированного на пищевые ресурсы леса: «Велика и обильна дикоросами земля наша, вот только полноценной заготовки и переработки почему-то нет» (Там же: 26). Согласно представленным в материале оценкам, на десятки миллионов тонн «эксплуатационного запаса» лесных ягод и грибов приходится лишь несколько десятков тысяч тонн, отправленных на коммерческую переработку. Одна из основных причин низких показателей, по версии автора, заключается в снижении количества сельских жителей, готовых «зарабатывать с леса». Апатичность местного сельского населения в отношении коммерческого собирательства дополняется отсутствием в России налаженной системы заготовки ягод и грибов. Другими словами, дефицит регулярно выполняемых хозяйственных операций приводит к низким объемам заготовленного сырья. Вкупе с неурожайными годами и иностранными конкурентами, скромные показатели заготовки не позволяют отрасли получить государственные субсидии, заручиться одобрением кредиторов и стать полноценной индустрией.

Рассуждения в «Бизнес-журнале» едва ли можно назвать оригинальными. Большая часть подобной литературы содержит утверждения, что, несмотря на колоссальные объемы «эксплуатационных запасов» ягод и грибов, «эксплуатировать» их попросту некому. В конечном счете, это препятствует построению прибыльного бизнеса в данной отрасли. Что отличало «Страну Дикоросию» от десятков похожих статей и журналистских заметок, так это размещенные в ней изображения одноименного выдуманного государства (рис. 1). Из рисунка видно, как в пространстве «Дикоросии» люди в спецодежде собирают и вывозят ягоды и грибы с помощью грузовой техники. Собранное сырье оказывается на конвейерах, которые обслуживают такие же рабочие. В воображаемой

стране отсутствуют лес и животные. В ней нет также намеков на сезонность и урожайность. Вместо этого сельскохозяйственные технологии территориализируют пространство выдуманного государства. Рабочие, дикоросы, транспорт и фабричное оборудование образуют интегрированное целое.

Рис. 1. «Страна Дикоросия» (Колерова 2016)

Сложно сказать, искала ли компания «Лесная ягода»³ вдохновение в причудливой иконографии страны «Дикоросии». Однако визуальный материал из «Бизнес-журнала» хорошо иллюстрирует суть дела. Производственная цепочка «От леса до супермаркета» была внедрена предприятием «Лесная ягода» незадолго до того, как я начал проводить там полевое исследование как сезонный рабочий-сборщик летом 2021 г. Это была специфическая вариация метода интеграции производства, суть которого Роберт Томас когда-то описал как «охват отрасли от семян до супермаркетов» (Thomas 1985). «Лесная ягода» создала и запустила в действие производственный процесс, который включал в себя сбор, транспортировку, длительное хранение, переработку и дистрибуцию дикорастущих ягод и грибов. Система «От леса до супермаркета» включала в себя также принципиально новое для этой отрасли агробизнеса понимание процесса заготовки пищевых ресурсов леса. Оно было связано с превращением собирательства в капиталистический труд. Производственный процесс в «Лесной ягоде» предполагал организацию сбора дикоросов по модели сезонной сельскохозяйственной занятости, распространенной, например, на плантационных хозяйствах, где выращиваются

клубника (Holmes 2013), табак (Benson 2012), масличная пальма (Li, Semedi 2021) и другие товарные культуры.

Работники, приезжающие в Карелию из разных регионов России, заключают с компанией «неформальный контракт» на сбор и сдачу ягод – компания предоставляет рабочим в аренду инфраструктуру доступа к лесу при условии, что сборщики будут сдавать ягоды исключительно предприятию, а не мелким скупщикам. Так, с конца июля по начало октября сборщики проживают в рабочем лагере, который состоит из нескольких общежитий, автостоянки и пункта приема дикоросов. Компания сдает в аренду сборщикам УАЗики-«буханки», на которых они ездят в лес, и койко-места в общежитии, где рабочие живут в течение нескольких месяцев. Оплата труда носит сдельный характер. Следовательно, каждый сборщик сам ответствен за собственную производительность и сам несет все риски, будь то плохой урожай, потерянные из-за болезни или травмы дни или попросту отсутствие навыков сбора ягод в лесу⁴. В разгар сезона каждое утро несколько сотен человек выезжают из лагеря в лес на сбор. Количество таких лагерей на территории Карелии выросло за последние несколько лет с одного до десяти, а пункты приема дикоросов «Лесной ягоды» исчисляются сотнями. Иными словами, речь идет о масштабируемой технологии, вопреки мнению антрополога Анны Цзин о том, что коммерческое собирательство пищевых ресурсов леса является своего рода идеальным типом «немасштабируемых» экономических проектов (Tsing 2012).

Зачем компании понадобились сезонные рабочие, половина из которых, как правило, ни разу не бывали в лесу? Ответ на этот вопрос не так очевиден, учитывая, что заготовка дикоросов в России и в целом в мире обычно осуществляется силами индивидуальных сборщиков и рассеянной сети скупщиков, и мобилизация сезонного труда для этой сферы не характерна. Тем не менее один из менеджеров «Лесной ягоды» по имени Олег⁵ объяснил мне, что местных коммерческих собирателей с каждым годом становится все меньше. Мы стояли с Олегом возле пункта приема ягод, расположенного на территории лагеря. Он рассказал, что в близлежащем городе крупное промышленное предприятие и разросшаяся за последние несколько лет сфера услуг обеспечили жителей стабильной работой, поэтому необходимость в сборе ягод за деньги давно отпала. По его словам, даже те немногочисленные местные жители, собирающие ягоды на коммерческих началах, не могут ездить в лес каждый день в течение всего сезона. «Лесной ягоде» же, напротив, необходимо постоянное пополнение запасов на складах. Олег сообщил, что компания еще до начала сезона заключает контракты на экспорт дикорастущих ягод и они должны быть уверены в том, что обязательства будут выполнены. «Лесная ягода», по словам менеджера, старается снизить влияние уро-

жайности дикоросов на процесс производства, формируя «запасы глубокой заморозки». Решающий вклад в их создание должны внести сезонные сборщики. Их несколько сотен, и они работают почти каждый день в течение всего сезона.

Наш разговор с Олегом происходил на фоне ритмичной циркуляции погрузочного транспорта, людей и разных видов тары. Приехавшие из леса работники доставали из салона «буханок» ведра с брусникой, брали для себя несколько пустых пластиковых ящиков и ссыпали в них собранное. Далее работники выстраивались в небольшую очередь для того, чтобы в течение нескольких минут взвесить ящики на специальных весах и перенести тару на деревянные паллеты. Вслед за этим подъезжала техника, захватывала паллеты с ящиками и увозила их на склад. Олег контролировал процесс и иногда отходил в свой небольшой офис, чтобы посмотреть в компьютере, как обновляются данные о количестве принятого сырья. Однако что в этом контексте представляет из себя непосредственный опыт монотонности? Как методичное повторение одних и тех же действий в течение сезона влияет на восприятие труда и пространства? Что может воспрепятствовать превращению собирательства дикорастущих ягод в трудовой процесс? Обратимся к конкретным историям сборщиков.

Страх и мастерство в лесу

Тридцатисемилетний Миша приехал в Карелию на заработки из Краснодарского края, где обычно работал на стройках. По его словам, в «настоящем» лесу он не был ни разу, подразумевая под «настоящим» лесом все, что не было похоже на знакомые ему лесопосадки между полями с подсолнухами и кукурузой. Сборщик каждый день жаловался на то, что не может спокойно собирать ягоды. Все время ему казалось, что дикое животное, сидящее где-то в кустах или скрывающееся за деревьями, наблюдает за ним, может напасть и убить. В первые несколько недель работ таким животным для него был бурый медведь. Затем кто-то из других сборщиков рассказал Мише, что в лесу также живут россомахи и волки. Страхи множились, и работник все чаще вспоминал сцены из зарубежных фильмов ужасов, где дикие звери отрывают части тела отдыхающим в лесу студентам американского колледжа. В итоге малейшее движение деревьев и шелест листьев Миша расценивал как угрозу его жизни. Со временем он также начал вглядываться в лесовозные дороги и вырубki в поисках свежих звериных следов, экскрементов, якобы сломанных животными веток или разодранных пней и бревен.

Из-за постоянного чувства страха Миша часто прерывал процесс сбора ягод. Он делал это для того, чтобы как можно тщательнее осмотреться вокруг и убедиться, что животного поблизости нет. Работник в

течение нескольких минут мог «вслушивался» в лес и вглядываться в чащу. Нередко такие паузы сопровождались желанием сделать перерыв в работе и выкурить очередную сигарету⁶. Опасное животное, которое было явлено восприятию Мише лишь посредством бесчисленных метонимий вроде звуков и движений деревьев, разрасталось до масштабов всего леса. Оно требовало трат времени и сигарет и превращало пространство вырубki в пространство страха, который был локализован в каждом шорохе, а потому поглощал большую часть внимания сборщика. Из-за страха Миша не мог выработать подходящий ритм труда. Не мог он и отходить далеко от автомобиля, чтобы искать урожайные «поляны» на территории всей вырубki. В какой-то момент работа осложнилась появившимися болями в области поясницы. Для того чтобы ездить в лес и пытаться собрать хотя бы ведро черники за день, заработав тем самым около 1000 рублей, Мише приходилось ставить обезболивающие уколы, на которые он тратил последние деньги. Однако даже «усовершенствовав» свое тело с помощью обезболивающих препаратов, ему не удавалось побороть страх. В течение первого месяца, проведенного на сезонных работах, Миша заработал сравнительно мало, а потом и вовсе перестал ездить в лес, устроившись в цех по переработки ягод, который располагался неподалеку от общежития.

Как-то раз мы стояли в курилке, когда между Мишей и его соседом Димой завязался спор о страхе перед дикими животными. Дима тогда с непониманием отнесся к боязливости своего соседа. Он регулярно приезжал на сбор ягод в течение предыдущих нескольких лет. За эти годы Дима не только познакомился с ландшафтом карельского леса, но и понимал, как в нем нужно себя вести. «Когда собираешь ягоду, ты ведь должен всегда смотреть в землю и собирать. Зверь здесь ходит, да, но ты его все равно никогда не увидишь и не услышишь. Собираешь ягоду – видишь ягоду, а слышишь только то, как граблей [средство для сбора ягод] бьешь по [ягодным] кустам», – пояснял Дима. Реплика сборщика тогда заинтересовала меня тем, что рассуждение в ней было построено не вокруг норм престижного поведения, в силу которых, предположим, сборщики (мужчины) не имели бы «права на страх» (Humphrey 2013), но должны были бы демонстрировать смелость и решимость. Скорее, Дима указывал на существование «техники тела» (Мосс 2001), которая формировала особый способ восприятия леса⁷. В контексте этой техники страх зависел от объема увиденного. Увиденное же сокращалось настолько, насколько сильно работник интенсифицировал движения собственного тела. В результате Дима наблюдал только «землю», слышал только «граблю» и не боялся. Не чувство, но его отсутствие становилось значимой производительной силой⁸.

Несколько раз мне удалось съездить в лес в составе «экипажа», в котором работал Дима. Тридцатилетний мужчина являл собой пример кон-

трактного сборщика, которого в среде сезонных рабочих принято называть опытным. В лесу Дима был одет в выцветший лонгслив, старые спортивные штаны и дырявые кроссовки. В качестве съестного он брал с собой несколько бутылок налитой из-под крана водопроводной воды и целлофановый пакет с чем-то похожим на раскрошившееся печенье. По его словам, отсутствие теплой одежды и еды позволяло ему предаваться интенсивным физическим нагрузкам («херачить») в течение всего рабочего дня и не делать при этом долгих перерывов. Тем самым одежда и количество съестного становились условием превращения тела в более быстрое и подвижное. В этой связи мне хорошо запомнилось некоторое недоумение Димы, который, допивая бутылку воды, смотрел, как я прерываюсь на обед и достаю из рюкзака рыбные консервы, паштет, сгущенку и термос с чаем.

Каждое утро по приезде в лес Дима вылезал из «буханки», быстро находил кусты с большим количеством ягод и начинал сбор, длящийся до вечера. Он делал это с помощью зигзагообразных перебежек от куста к кусту. По каждому растению наносилась серия сильных ударов граблей. Спина его почти все время была полусогнута, голова вращалась. Глаза выискивали не растения, а цвета. Как говорил сам сборщик, «сегодня работаю по-красному», подразумевая сбор брусники, или же «работаю по-черному», имея в виду сбор черники. Лес Димы был совершенно безопасным и семиотизированным посредством техник тела – рабочего инструмента, пространством, состоящим из нескольких повторяющихся цветов и звуков. Эдуардо Кон писал, что для тропических лесов Амазонии быть живым означает создавать знаки и пребывать в сети значений (Кон 2021). Иначе можно предположить, что в карельском лесу быть производительным – значит не воспринимать никаких знаков; или, еще точнее, воспринимать, но лишь те, что опосредованы опытом монотонности, создаваемым десятками повторяющихся из дня в день движений. Сам сенсориум производительного рабочего, таким образом, формировался с помощью дисциплины тела.

Вопреки опасениям Бравермана о деградации мастерства в труде вследствие его монотонности, Дима в каком-то смысле был мастером. Парадоксальным образом мастерство в его случае достигалось не вопреки, но благодаря повторению одних и тех же действий. Он мог найти ягодные поляны за считанные минуты и с точностью до килограмма предсказать, сколько ягод ему удастся собрать за день. В отличие от большинства других сборщиков, Дима, оказавшись на вырубке, понимал, в какую сторону ему нужно идти. Он объяснял это тем, что знает, как выглядят «нужные места», поскольку видел их тысячу раз. Такое мастерство служило источником относительно стабильного заработка. Дима мог собрать четыре или пять ведер ягод за день даже при плохом

урожае или ливневых дождях, что гарантировало ежедневный доход порядка семи тысяч рублей. Как однажды сказал сам Дима, эта сумма была в несколько раз больше, чем дневной заработок в его родном городе в Свердловской области.

Разница в способах зарабатывания на жизнь, впрочем, была неоднозначной, поскольку предполагала особую форму обмена. «Там чаи гоняешь на стройке за двушку, а тут за пятак душу дьяволу нужно продать», – однажды сказал Дима во время короткого перекура возле «буханки» (хотя обычно он предпочитал курить на ходу, бегая от куста к кусту с сигаретой во рту). Продажа специфического товара под названием «рабочая сила», объективированного в форме собранных ягод, оборачивалась для Димы высоким уровнем истощения, который был непохож на потребление чая на строительных работах. Однако сборщик не собирался отказываться от «сделки». Всякий раз, завершая перекур, Дима повторял: «Надо херачить». Речь здесь, конечно, шла не о выполнении некой работы. «Работать» означало для него работу кассиром в магазине «Красное&Белое», где трудилась его жена⁹. Там она зарабатывала больше, чем Дима получал на стройке, и даже предлагала мужу устроиться в алкомаркет. Однако идти на работу в магазин он не хотел и предпочитал упорствовать в лесу в течение нескольких месяцев, чтобы затем иметь возможность не искать работу вплоть до зимы.

Принципиально важно, что Дима не просто собирал ягоды, за которые получал деньги. Он превращал повторение одинаковых движений глаз, рук и ног в особую форму труда. Так, взгляд, обращенный на землю, означал не просто поиск ягод. Он помогал избегать семиотических излишков леса, будь то хруст веток или поваленные деревья, издавая напоминающие диких животных. Это делалось ради производства материальных излишков для предприятия, нанявшего Диму в качестве контрактного сборщика и платившего ему сдельную заработную плату, которую он откладывал на счет в банке. Чрезмерное использование собственного тела в качестве средства труда исключало возможность траты времени и внимания на что-то, кроме ягод. Дима использовал свое тело так, чтобы, согласно «сделке», истощить его полностью¹⁰. Мне так и не удалось хорошо познакомиться с Димой, поскольку любой разговор с ним был довольно коротким. Обычно мы начинали беседу на разные темы в конце рабочего дня, устроившись на задних сиденьях «буханки». «Сколько сезонов ты еще планируешь работать в таком темпе?» – это был мой второй личный вопрос к нему за тот месяц, что мы были знакомы (на два вопроса больше, чем он когда-либо задавал мне). «Насколько хватит здоровья», – лаконично отвечал Дима. Через некоторое время я обнаруживал, что он начинал засыпать. К тому моменту, как последнее за день ведро было собрано, силы покидали его.

Подобные принципы организации рабочей повседневности распространялись не только на сбор ягод. Если Миша вечером в курилке за банкой пива мог долго рассказывать случайным собеседникам про то, как принял вывернутые корни дерева за медведя, то Дима не был столь разговорчив. Напротив, его образ жизни на сезонных работах основывался на крайне аскетичном поведении. Так, варку варенья (этим занимаются немногочисленные сборщики на общей кухне) Дима называл лишними движениями, несколько комплектов одежды, которые привозили с собой некоторые рабочие, именовались лишними вещами, а контейнеры с полевым обедом закономерно классифицировались как лишняя еда. «Лишним» в этой системе признавалось все, что хоть каким-то образом могло нарушить ритмы повседневной жизни, обеспечивающие высокую производительность труда: долгие разговоры, поздний отход ко сну, большое количество личных вещей и еды. Приезжая из леса, сборщик шел в душ, съедал порцию лапши быстрого приготовления с тушенкой, несколько раз курил и отходил ко сну.

Таких работников, как Дима, менее опытные сборщики называли «роботы», «машины» или даже «ягодные зомби». Подобные характеристики использовались для положительного описания тех темпов производительности, которых достигают опытные сборщики. Однако эти «комплименты» содержали в себе и скрытое указание на то, как жизнь таких работников на протяжении сезона редуцировалась до минимальных потребностей воспроизводства в виде сна и порции углеводов вечером. Это частично приближало их к состоянию робота или зомби, которые, как известно, не имеют никаких необходимых потребностей, представляя из себя, по замечанию Джона и Джин Комарофф, подобие «чистой прибавочной стоимости» (Comaroff, Comaroff 2020: 89).

Экономика пространственного опыта

В «Надзирать и наказывать» Мишель Фуко замечает, что процесс накопления капитала всегда идет рука об руку с процессом накопления людей (Фуко 1999: 322–323). В этой связи мое внимание привлекало общежитие сборщиков, расположенное в одном здании со складом, на котором хранятся ягоды. Компания накапливает не только «запасы [ягод] глубокой заморозки», но и рабочих, которые эти запасы создают. Каждую ночь по одну сторону стены пытается уснуть сотня сборщиков, по другую сторону лежит 25 000 тонн замороженных ягод. Гул холодильного оборудования, позволяющего хранить ягоды годами, чтобы продать их более выгодно, смешивается с шепотом ночных разговоров о том, где искать работу, когда закончится ягодный сезон. Склад-общежитие был полон следов одновременной коммодификации природы и человеческого труда. В местах складирования товаров – сырья и рабочей

силы — я провел в общей сложности пять месяцев. Отсюда мы каждый день выезжали в лес на «выруба». Сюда же мы возвращались из леса. Как организовано это пространство?

Несколько общежитий лагеря сборщиков расположены на территории, огороженной забором «промзоны». Двухэтажные общежития коридорного типа включают в себя два десятка комнат с одним большим окном. На этаже располагается общий душ, туалет, кухня и курилка (пустая консервная банка, стоящая возле входной двери). В комнатах установлены четыре двухъярусные металлические кровати, что позволяет расселить в одной комнате до восьми человек. Помещения оборудованы прикроватными шкафчиками, общим холодильником, где рабочие хранят продукты, и общим электрическим чайником, который кто-то включает каждое утро и тем самым будит даже тех, кто «взял выходной» и не собирается ехать в лес.

Лагерь рабочих отделен от близлежащего города расстоянием в несколько километров¹¹. В результате городское пространство с его кафе, супермаркетами и другими местами потребления оказывается доступно лишь в выходной день или вечером при условии, что сборщик потратит несколько часов на пешую прогулку до города или несколько сотен рублей на услуги такси. Большую же часть рабочего дня сборщики собирают ягоды посреди леса в десятках, а иногда и сотнях километров от лагеря.

Надо оговориться, что подобная пространственная изоляция рабочих на территории лагеря и в лесу довольно условна. Связь с домом обеспечивается телефонными звонками и денежными переводами, до города сборщик может добраться пешком или на такси, а в лесу — не выходить из автомобиля в течение всего рабочего дня. Все это, однако, не отменяет того, что изоляция формирует специфическую конфигурацию пространственного опыта, обусловленную, с одной стороны, продолжительным нахождением рабочих на вырубках, с другой стороны, постоянными перемещениями из общежития в лес и обратно.

Когда я размышляю о контрактном коммерческом собирательстве, мне на ум неизменно приходит один и тот же визуальный образ — идущие друг за другом из общежития на стоянку рабочие. Опыт монотонности включает в себя собственную многократную экспозицию, остающуюся в памяти. Примечательно, что некоторые мои товарищи по сезонному собирательству разделяют это ощущение. В 6 утра мы небольшими группами по двое-трое человек молча идем из общежития в сторону автостоянки. Там мы ждем приезда из города менеджера, который открывает ворота парковки. Далее мы загружаемся в арендуемые «буханки» и подъезжаем к офису компании, где менеджер заносит в специальный бланк номер автомобиля и фамилии тех, кто сидит внутри. Так формируется «экипаж» сборщиков. Позже «буханки» образуют очередь на заправочной станции на выезде из «промзоны».

На заправке мы, выстроившись к кассе, покупаем сигареты, воду, энергетические напитки и высококалорийные закуски. Вслед за этим автомобили едут друг за другом по трассе до тех пор, пока не начнут сворачивать на лесовозные дороги. Путь до них занимает около часа. Обычно машины направляются в одну из двух зон сплошных вырубок леса, поэтому большая часть маршрута у «экипажей» сборщиков не меняется на протяжении всего сезона.

Приехав на «выруб», сборщики рассредоточиваются по одному с интервалом от нескольких десятков до нескольких сотен метров. Работники собирают ягоды в среднем в течение восьми часов, хотя количество и качество времени, которое сборщики проводят в лесу, нигде не оговорено. Процесс сбора состоит из быстрых переходов от куста к кусту, ударов металлической граблей или пластиковым комбайном по растениям и переноса пластиковых ведер или полипропиленовых мешков, в которых хранится собранное. «Экипаж» сборщиков, состоящий из пяти человек, суммарно способен собрать полтонны дикоросов за день.

Если на вырубке много ягод, там могут располагаться сразу несколько «экипажей», т.е. порядка двух десятков человек. В таких случаях работники находятся на виду друг у друга. Во время сбора у кого-то из сборщиков может играть музыка на телефоне, и ее слышно издалека. Хорошо слышны и удары по ягодным кустам, доносящиеся из разных концов вырубки. В такие моменты вырубка леса превращается в место сосредоточения рабочей силы. По этому поводу один мой напарник однажды заметил: «Иногда на вырубке можно встретить больше людей, чем в общежитии. Тут вообще довольно странный лес». Другой сборщик сравнил лес с городской улицей, указав, что на последней людей может быть меньше. Он же впоследствии начал называть вырубки леса «плантарями».

Действительно, визуально, аудиально и даже соматически сборщики оказываются чрезвычайно близки друг к другу, а их труд приобретает сельскохозяйственную эстетику. Неслучайно некоторые работники говорят о том, что сезонное собирательство предполагает тесноту и скученность. Дело не ограничивается лесом. Рабочие спят на кроватях, расположенных друг напротив друга. Схожим образом они едут в машине, загруженной ведрами или мешками с ягодами, и упираются коленями друг в друга. Рабочие стоят в очереди в общий душ или же теснятся по двое у общей электрической плиты, чтобы приготовить ужин. Не менее важно и то, что в общежитии сборщики пользуются общим помещением для сушки одежды, поэтому вещи работников приобретают одинаковый запах сушащихся на батарее чулков от резиновых сапог. Наконец, рабочие переносят простудные заболевания синхронно – в течение второй недели сезона¹². Подобная «теснота», испытываемая рабочими на протяжении нескольких месяцев, нередко провоцирует оригинальные формы пространственной рефлексии.

Как-то вечером в преддверии выходного дня мы с рабочими сидели в комнате, пили пиво и обсуждали будничные дела. Когда темы для разговоров, связывающих мужчин из рабочего класса во всем мире (алкоголь, спорт и женщины), начали иссякать у всех собравшихся в комнате, сборщик по имени Андрей задал вопрос: «А где здесь лучше драть – в душе [в общежитии] или на вырубке? В душе в общаге это сделать нельзя. Все время очередь и мало теплой воды. В туалете кто-то постоянно сидит в соседней кабинке». Другой сосед ответил: «На вырубке не вариант. Там бывает много людей. Несколько раз пробовал в прошлом сезоне, уходил прямо в лес, но там нападают лосиные блохи». Тогда я хорошо запомнил этот разговор, поскольку другой работник днем ранее делился со мной схожим опытом непроизводительного расходования собственного тела: «Я как-то раз в лесу взял бумагу, сел [сходить в туалет], снял штаны, приготовился, и слышу, как ветки шумят. Кто-то идет прямо на меня. Сначала испугался, думал, что медведь. Потом смотрю – мужик шарится. То ли местный, то ли из другого экипажа. Тоже ищет ягоду. А в туалет я так не ходил. Я не могу [сходить в туалет], когда на меня смотрит какой-то хрен».

Слушая подобные рассказы, я впервые задумался о том, что «выруб» и «общага» не создавали отдельных друг от друга мест. Напротив, лес и общежитие, в которых мы проводили дни, недели и месяцы, образовывали единое пространство труда. В нем тесную комнату и общую душевую было не так-то просто отделить от «рабочего места» в лесу. В этой связи интересно, что никто из работников не называл сбор ягод работой, предпочитая говорить просто «сбор». Чем можно было это объяснить? Мой напарник по «экипажу» по имени Антон, например, полагал, что работа начинается тогда, когда попадаешь в помещение. Однажды Антон продемонстрировал собственное понимание того, что не могло являться работой.

Как-то вечером мы сидели на кроватях в комнате общежития и, как это часто бывало, жаловались друг другу на плохой урожай ягод и непогоду. В ходе беседы Антон упомянул, как минувшим днем попал под ливень на вырубке. Дождь был настолько сильный, что он не видел, где стоит «буханка», и не знал, куда идти, чтобы спрятаться. «Негде было укрыться. Я решил просто стоять и ждать, пока прекратится дождь», – рассказывал сборщик. Развивая эту же тему, Антон, недовольный шумом, доносившимся из соседней комнаты, встал с кровати, подошел к стене и постучал кулаком. Услышав стук по гипсокартону, Антон усмехнулся и сказал: «Да здесь нет стен!» В тот момент Антон стучал по поверхности, которая была скорее имитацией стены. Она пропускала звуки со всего этажа точно так же, как лес не давал возможности спрятаться от непогоды. Насмешка Антона тогда указывала на пародийный характер жилья и места труда, сила которых заключалась в том, что они не имели

стен и крыши, а значит, и четких границ. Это было пространство, в котором нельзя полноценно укрыться от дождя и других рабочих, но в нем можно зарабатывать на жизнь, превратив свое тело в рабочий инструмент.

Что кажется не менее значимым, так это то, как пространственная чувствительность во время сезонного труда не только связана с материальными свойствами «жилища» и «рабочего места», но и покоится на том, что марксист, географ Дэвид Харви предлагает называть «лишением собственности» (Harvey 2005: 159–165). Иными словами, сезонные работники не обладают средствами производства и воспроизводства. Сборщики ездят на арендуемом транспорте, за который несут ответственность. Аналогично помещения общежития, за которое ежедневно необходимо вносить арендную плату, никогда не становятся для них своими. Сезонный труд предполагает не только «рабочее место» в отсутствие крыши над головой и общежитие с тонкими стенами, но и необходимость находиться в пространствах, которые не принадлежат рабочим, но в которых сами рабочие чувствуют себя принадлежащими предприятию¹³.

Характерна шутка одного работника, который предположил, что на самом деле сборщики попадают в «рабство», работают не в лесу, а на «плантациях», и где-то недалеко от общежития посреди леса стоит обнесенный забором коттедж директора компании. Разумеется, контрактное собирательство едва ли можно рассматривать в контексте современных форм рабства (Calvão 2016). В конце концов, нахождение сборщиков в лагере и в лесу в течение сезона не предполагает «внеэкономического» принуждения и по большей части основывается на том, что Маркс когда-то назвал «молчаливым принуждением экономических отношений» (цит. по: Мау 2023: 3). Все это, впрочем, не отменяет того, что работники в каком-то смысле действительно находятся в распоряжении фирмы в течение всего сезона.

Важно, что компания не только платит работникам деньги за собранные ягоды. Наряду с этим от предприятия зависит, будет ли в душе общежития вода, а в розетках – электричество; принесут ли новые матрасы или заменят сломавшийся доводчик входной двери; приедут ли на помощь заблудившимся сборщикам и не сломается ли «буханка»; дадут ли работникам в местном пограничном управлении документ-разрешение на нахождение вблизи государственной границы с Финляндией или до каких пор будут принимать ягоды под конец сезона. Иными словами, повседневная жизнь временных рабочих начинает зависеть от деятельности компании, а существование каждого работника вплетается в более сложный процесс управления собственностью. Следовательно предприятие покупает товар под названием «сезонная рабочая сила» не просто на какое-то количество часов, а на несколько месяцев. Таким образом, сама способность к труду оказывается захвачена на время всего сезона.

Сырье доставляется и хранится на складе, а рабочая сила изолируется и размещается на «вырубках», металлических кроватях и в салонах «буханок» для ежедневных перемещений в лес с целью сбора ягод.

Этот процесс находит отклик в социальном опыте рабочих. «Мы единственные вахтовики, которые помимо того, что работают, еще и платят за то, чтобы иметь возможность здесь просто жить. Выходит, что им [компании] просто нужно заполнить общаги и буханки сборщиками?», – как-то возмущался сборщик в разговоре со мной, сетуя на ежедневные арендные платежи¹⁴. В этой связи сборщики высказывают одно важное соображение: ягоды, которые собирают работники, компании могут быть не нужны. Предполагается, что все склады якобы уже забиты на годы вперед и фирме достаточно лишь сдавать работникам в аренду жилье и транспорт, дабы окупать содержание последних¹⁵. Исходя из этого, можно сказать, что во время ягодного сезона имеют место формы труда, которые включают в себя не только непосредственный сбор ягод, но и предполагают поездку в «буханке», душ, приготовление пищи на кухне общежития и даже лежание на кровати в комнате общежития. Для того чтобы «просто жить» в пространстве контрактного собирательства, нужно работать постоянно, попеременно занимая приватизированные пространства общежития, транспорт и «рабочее место» в лесу, доступ к которому обеспечивается соблюдением «арендной дисциплины».

На этом этапе можно поинтересоваться, насколько жизнь в рабочем общежитии изолирована от трудового процесса на уровне материальных практик. Мой сосед по комнате по имени Максим – хороший пример. В какой-то момент сборщик столкнулся с незначительной, но показательной проблемой. Две недели подряд он не мог закончить просмотр фильма продолжительностью полтора часа. Голливудский блокбастер, просмотр которого растянулся на четырнадцать вечеров, постепенно становился притчей во языцех в нашей комнате. Каждый день для Максима ритуально заканчивался гневной констатацией того, что досмотреть кино вновь не получилось. Спустя еще неделю другие соседи начали с иронией спрашивать Максима, удалось ли ему продвинуться в просмотре киноленты, и если да, то на сколько минут. «Да времени тут остается только на стирку-готовку», – отвечал Максим.

Каждый вечер вместе со своим «экипажем» Максим приезжал из леса в районе 19 часов. Затем мужчина спешил в душ, поскольку полагал, что только десять-пятнадцать минут в горячей воде могут «вернуть тело» после тяжелого и продолжительного рабочего дня. Далее Максим стирал вручную носки и футболку, в которых был в лесу. После этого он готовил ужин. Половину еды Максим съедал сразу, называя этот процесс «подачей углей в топку» (превращения тела в рабочий инструмент влекло за собой использование механицистских метафор). Оставшееся он предусмотрительно оставлял на следующий день, чтобы употребить

в лесу в качестве рабочего обеда. Когда «стирка-готовка» и прием пищи завершались, подходило время сна. Несколько раз Максим пытался саботировать ранний отбой, надевая наушники и проводя время за просмотром фильма. Однако следствием этого был тяжелый подъем на следующее утро и последующий «недосып» в течение рабочего дня¹⁶. Единственный на неделе выходной Максим, как и многие другие рабочие, включая меня, тратил на продолжительный сон, более основательную стирку одежды в общей стиральной машине и поездку в город за продуктами, которых хватало на следующую рабочую шестидневку. Не сам процесс труда, но подготовка к труду упорядочивала жизнь в общежитии. Ритмичные и одинаковые движения сборщиков на вырубке сменялись такими же одинаковыми и доведенными до автоматизма движениями на общих кухнях и в комнатах. За производством следовало воспроизводство в его наиболее элементарных формах.

Со временем я стал замечать, что некоторые работники отмечают ощущение, что в действительности они все время находятся в лесу на вырубке. «Сегодня на вырубке я не понимал, уезжали ли мы вчера обратно», — сказал мне сосед по комнате. «Как будто мы отсюда не уезжали», — говорил мой напарник по «экипажу», когда мы утром приезжали на вырубку. Были ли это просто шутки? Или же это были остроумные замечания, проясняющие суть отношений сезонного найма в современном сельском хозяйстве? Что если завезенные рабочие, находясь вдали от дома (или от более или менее постоянного места жительства), всегда располагаются где-то между «рабочим местом» и лагерем, что, по мнению антрополога Питера Бенсона, бросает вызов пространственной оппозиции между домом и рабочим местом, сложившейся в буржуазных обществах XIX в. (Benson 2012: 186–191)? В своей этнографии сезонных работников-мигрантов на табачной ферме в США Бенсон настаивает на том, что материальные свойства жилья рабочих (тонкие стены сезонных жилищ, паноптизм трудового лагеря) приводят к размыванию дихотомии между местом труда и жилищем. Как было показано выше, это во многом справедливо и для рассматриваемого случая. Однако я предлагаю дополнить аргумент Бенсона, сделав акцент на монотонных перемещениях сезонных сборщиков между лесом и лагерем, а также однообразном характере рабочей повседневности в сфере сельскохозяйственного труда в целом.

В самом деле, периодическое перемещение между общежитием и вырубками в течение нескольких месяцев, по-видимому, приводит к тому, что в пространственном опыте работников остается только то место, в котором локализован их производительный труд. Вместе с тем граница этого места постепенно становится все менее понятной и плохо различимой в силу того, что общежитие, по большому счету, не выступает как

нечто противоположное лесу. Это справедливо как в плане политической экономии, поскольку доступ ко всем местам обусловлен лишением собственности, так и в отношении повседневных практик и темпоральностей, представляющих собой неравномерное сочетание монотонного труда и подготовки к нему. Подобно тому как производство товаров и воспроизводство рабочей силы являются частью одного и того же процесса капиталистического накопления (Федеричи 2023: 40–59), пространство сезонного труда не предполагает знакомых дихотомий «рабочее место» и «дом»¹⁷. Из-за этого вырубki леса и ягоды, которые собирают, чтобы заработать деньги, начинают, так сказать, выходить за пределы «естественного» физического пространства, создавая единую топографию монотонности, из которой рабочие не могут выбраться даже во сне.

От пролетаризации пространства к пролетаризации сна

Каждый вечер, закрывая глаза, сборщики сталкиваются с одной и той же проблемой. Работники видят ягоды, которые, вращаясь как в калейдоскопе, не дают им уснуть в течение некоторого времени. Я слышал об этом феномене от многих работников и сам часто сталкивался с ним. О «ягодах в глазах» говорили наряду с болями в суставах, простудами, мозолями и перекладине металлической койки, которая врезается в ребра, если пытаешься спать на боку. Я обсуждал эту проблему в основном с соседями по комнате, и самое проницательное толкование явления получил от одного из них. Мужчина полагал, что за «ягоды в глазах» несет ответственность компания, на которую мы работали. По его словам, фирма таким образом «проникает в головы» сборщиков и тем самым получает возможность указывать, какую ягоду они должны собирать. Образ фирмы, которая проникает по ночам в сознание работников, не следует воспринимать как экстравагантный каламбур. Действительно, закрывая глаза, сборщики видят перед сном (а иногда и во сне) те ягоды, которые собирают в течение рабочего дня. Что будут собирать работники – морошку, чернику, голубику или бруснику, зависит от того, что находится «в цене». Цены же на ягоды определяет компания.

Примечательно, что некоторым работникам снятся сны о рубках, на которых растет много ягод. Во сне они собирают эти ягоды и зарабатывают деньги. На утро большинство просто рассказывают о подобных сновидениях, но есть и те, кто берет в руки телефон, открывает приложение с картами, сидит на кровати и пытается выяснить, где они были во сне. Мой сосед, сборщик-водитель, делал именно так, указывая, что «даже когда спит, занимается поиском ягодных мест». Еще одному сборщику снилось, как он едет в Карелию зимой и собирает некую «массу» из-под снега, которая оказывается в несколько раз дороже ягод. Другой мой сосед рассказывал, что всю ночь «лежал в бреду и ворочался». Ему

казалось, что он ходит по вырубке и собирает чернику. «Но это был не сон, мне это не снилось», – говорил сборщик.

Опыт рабочего места и сдельной заработной платы становится всеобщим, нарушая «естественные границы» сна и бодрствования. Во всяком случае, в этом меня убедил работник по имени Владимир. В то утро в курилке сборщик рассказал, что минувшей ночью правая рука, в которой он держит граблю в течение рабочего дня, начала двигаться сама по себе. Он проснулся от того, что колотил конечностью о стену. Владимир тогда с улыбкой сказал, что «выруб его не отпускает», ведь брусники сейчас так много и она такая дорогая, что грести нужно постоянно.

Добавим к этому, что часть ягодного сезона в Карелии приходится на период белых ночей. Естественное освещение сопровождает ранний отход ко сну и ранний подъем сборщиков. В результате в течение первых нескольких недель сезона повседневность рабочих протекает без визуальных признаков смены дня и ночи. Понятие «рабочий день» в этом контексте приобретает еще более двусмысленный характер, поскольку ни «работа», ни «день» не заканчиваются. Не в последнюю очередь этому вновь способствует материальность сезонного жилья – в частности, большие и незашторенные окна в комнатах общежития, сквозь которые постоянно светит северное солнце. Примечательно, что некоторые сборщики перед тем, как лечь спать пытаются воссоздать ритм смены дня и ночи, завешивая одеялами окна. При этом важно, что почти все сезонные рабочие не имеют опыта длительного проживания в полярных и приполярных широтах. Поэтому даже среди тех, кто приезжает на заработки несколько сезонов подряд, белые ночи воспринимаются как нечто препятствующее нормальному течению жизни и особенно сезонного труда.

Здесь уместно поставить вопрос: что в таком случае следует понимать под словом «труд»? Будет ли это производство продукта буржуазным индивидом в пределах ограниченного оплачиваемого рабочего времени, протекающего на «рабочем месте» или же речь идет о создании и поддержании производительных состояний, которые требуют превращения каждой секунды в труд вне зависимости от того, где находится субъект труда? Труд, трактуемый мной как любая «затрата энергии в отношении капитала» (Narotzky 2018: 41(13)), становится эквивалентен повседневному существованию и пространственному опыту как его неотъемлемой части. Любопытно, что само слово «труд» (или «адский труд», как говорят некоторые сборщики), рассмотренное как местный термин, подразумевало не товаризацию темпорально ограниченной производящей деятельности, но обмен определенных состояний человеческого тела на плоды растений, плодов – на деньги, а денег – на товары. Например, некоторые сборщики рассматривали пройденные расстояния в сапогах, натирающих пальцы, как отдачу за то, что «лес даст поляну»; сильную

физическую усталость, проявляющуюся в треморе ног перед сном, они понимали как расплату за то, что днем ранее ягоды собирать было легко. Подобная концепция имеет мало общего с производительным трудом в смысле классической политической экономии Просвещения и куда ближе к идее труда как обмена, структурированного особыми «сферами» (Bohannan 1955). Что в таком случае можно сказать об опыте сна? Можно ли утверждать, что в рабочем лагере сезонных сборщиков дикоросов «естественные границы» сна и бодрствования ставятся под вопрос?

Философ-феноменолог Эммануэль Левинас писал о сне как о приостановке психической и физической деятельности, которая основана на опыте пребывания в «месте» (Левинас 2000). «Спать – значит войти в контакт с защитными свойствами места», – указывает Левинас (Там же: 43). Сон, таким образом, предполагает выход из непрерывности жизни посредством пребывания в конкретном месте, противостоящем абстрактному пространству. Развивая эту мысль, философ Алексей Пензин (Penzin 2015: 93–111) полагает, что, следуя логике Левинаса, сон представляет из себя единственное средство спасения от гнетущей реальности капитализма¹⁸. Надо сказать, что рассмотрение сна как естественного рубежа на пути капиталистической экспансии характерно для многих исследований, посвященных этой проблеме (см.: Крэри 2022). Подобные построения в целом мало чем отличаются от позиции, изложенной Марксом в восьмой главе «Капитала» (Маркс 1952: 236–307). Именно там сон впервые натурализуется как естественная граница для процесса извлечения прибавочной стоимости. В этом же духе, например, антрополог Софи Чао трактует сны как форму «онто-онейрического воображения», которое позволяет некоторым коренным жителям в Западном Папуа надеяться на то, что экспансия современных капиталистических плантационных хозяйств прекратится (Chaо 2022: 181–200). Чао отталкивается от точки зрения философа Джонатана Лира, согласно которой сны во времена социальной нестабильности и катастроф выступают формой «радикальной надежды» (Leaг 2006). Короче говоря, греза всегда оказывается своеобразным убежищем или точкой опоры, позволяющей с большим или меньшим успехом совладать с брутальным миром эксплуатации и угнетения. Что меня смущает во всех этих построениях, так это излишний акцент на прерывании и недооценка связи сна и места, о которой рассуждал Левинас.

В этой статье я, напротив, попытался описать и проанализировать аппарат монотонности сезонного труда, который оспаривает гегемонию некоторых идеологических конструкций, таких как оппозиции труда и отдыха, дома и работы, частного и публичного, пространства и места. «Ложась спать, мы доверяемся месту – оно становится нашим убежищем», – писал Левинас (Левинас 2000: 43). Можно ли «довериться» арен-

дуемой комнате рабочего общежития, где стены представляют лишь собственную пародию на самих себя, а из окна круглосуточно светит солнце? Как «доверять местам», где возможность непроизводительных трат, нетоварного расходования собственного тела может быть ограничена концентрацией людей и частотой взаимопересекающихся взглядов? Наконец, сможет ли стать убежищем вырубленный лес, куда сборщики не могут добраться, не вступив в арендные отношения? В непрерывном пространстве контрактного собирательства идея и материальность «места-убежища» из феноменологии Левинаса оказывается поставлена под вопрос, хоть ее и пытаются с переменным успехом воплотить в жизнь некоторые сборщики, «простукивая» стены общежития, пытаюсь посмотреть голливудский фильм в наушниках перед сном или завешивая окно комнаты одеялом. Вместе с тем под сомнение попадает и предложенная философом трактовка сна, который можно было бы понимать как линию ускользания от господства капитала. В этом отношении важно, что сезонные рабочие не перестают собирать ягоды и искать ягодные места круглосуточно. «Выруб не отпускает», поиск ягод продолжается во сне, а компания «проникает в голову», чтобы указывать, какое сырье собирать для пополнения ее складов.

Примечания

¹ В центре моего исследования оказались мужчины в возрасте от двадцати до сорока лет. Они же и составляют большую часть сезонной рабочей силы. Я глубоко признателен тем людям, с которыми мне удалось познакомиться и совместно жить и работать.

² Эмпирической основой текста служат материалы, собранные в ходе полевых исследований в Карелии в «ягодные сезоны» в 2021, 2023 и 2024 гг. Особенность полевой работы заключалась в том, что в течение всего времени проведения работы я жил в лагере коммерческих сборщиков и собирал ягоды за деньги.

³ Название изменено.

⁴ Подобные трудовые отношения иногда приводят к тому, что коммерческое собирательство может трактоваться самими рабочими как форма бизнеса, а сдельная заработная плата – как прибыль. Наемному труду, замаскированному под предпринимательскую «свободу», посвящены некоторые исследования (Tsing 2009; Harriss-White 2014).

⁵ Имена информантов изменены.

⁶ Будучи опытным разнорабочим, Миша предпочитал сигареты «LD 100», которые, по его словам, за счет своей длины увеличивают продолжительность перекура.

⁷ В этом аспекте примечательна следующая мысль Марселя Мосса: «Я совершенно убежден, что техники тела существуют в глубине всех наших мистических состояний <...> думаю, что непременно существуют биологические средства вхождения в “коммуникацию с Богом”» (Мосс 2001: 324). Я также полагаю, что такие «состояния», как страх, обладают собственной телесностью или, говоря точнее, экономикой телесного поведения, в которой соотношение производительных и непроизводительных действий структурирует чувства.

⁸ Представленное здесь рассуждение близко к аргументу Сильвии Янагисако, которая предложила расширенную трактовку марксистского понятия «производительные силы». Согласно антропологу, «аффективные идеи и идеи с аффектом», будучи производительными силами, формируют и ограничивают капиталистическое производство (Yanagisako 2002).

⁹ В разных социальных и культурных контекстах производительная деятельности классифицируется по-разному, а значит, и понятие «фабота» приобретает разный смысл (Parkin 1979).

¹⁰ О связи пролетаризации и «дьявольских сделок» существует большое количество литературы (см., например, самые известные работы: Nash 1979; Taussig 1980; Gordillo 2004).

¹¹ Это соответствует глобальному тренду размещения сельскохозяйственных рабочих в «созвездиях жилищ, расположенных на удалении от городских центров» (Peano 2024: 260), что, во-первых, обеспечивает условия проживания с минимально субсидируемым воспроизводством, во-вторых, облегчает логистику транспортировки рабочей силы до рабочих мест.

¹² В этой связи метафора «коллективное тело», используемая сперва Марксом в анализе принципов разделения капиталистического труда (Маркс 1952: 354), а затем и Фуко (Фуко 1999: 237–247) в его исследовании «политической анатомии» современной власти, может быть понята буквально.

¹³ Пожалуй, единственным исключением мог бы быть лес, в котором более опытные сборщики чувствуют себя уверенно и даже иногда могут называть его «своим местом». Не в последнюю очередь этому способствуют знания о «ягодных местах» и закономерностях произрастания дикорастущих ягод. Однако доступ к лесу возможен лишь посредством поездок туда на «буханке», т.е. предполагает необходимость вступить в арендные отношения с фирмой на правах арендатора с сопутствующей ответственностью за состояние транспорта. Поэтому главным желанием любого опытного сборщика становится приезд «на ягоду» на собственной машине. Свое транспортное средство, как показывают некоторые случаи, довольно скоро выходит из строя из-за плохого качества дорог, а сборщик пересаживается в «буханку» и зарабатывает на починку своей машины. По большому счету, единственный способ превратить ягоды и знания о них в средства к существованию – это использовать (брать в аренду) «буханки», которыми владеет фирма.

¹⁴ С формальной точки зрения сезонные сборщики не являются ни вахтовиками, ни сезонными рабочими, поскольку трудовые отношения между сборщиками и предприятием не закреплены трудовым договором, а найм рабочей силы осуществляется неформально.

¹⁵ Насколько подобные формулировки соответствуют объективным экономическим выводам, остается только догадываться. В данном случае меня интересует точка зрения рабочих, которая выступает оригинальной формой социальной критики. Исследования схожих систем арендных отношений демонстрируют, что сдача общежитий в аренду позволяет покрывать некоторые издержки на их содержание (см.: Higgins 2005).

¹⁶ Стоит ли говорить о том, что употребление алкоголя в таких условиях ограничивалось одной-двумя банками пива раз в неделю, что контрастирует с бытующим среди некоторых местных жителей мифом о «пьющих работягах из общежитий».

¹⁷ Это также связано с гендерным устройством экономики сезонного собирательства, в которой воспроизводящий труд женщин либо остается дома в пределах пространственно локализованной семьи, либо, как в случае одиноких мужчин, отсутствует вовсе. В конце концов, большая часть дихотомий (производство и воспроизводство, мужчина и женщина, работа и досуг, публичное и приватное), связанных с эпохой индустриального капитализма и государственного социализма, покоится на строгом гендерном разделении труда (Weeks 2011).

¹⁸ По остроумному замечанию Пензина, сон в подобных рассуждениях действует как богословская концепция катехона, который является последним препятствием на пути антихриста.

Список источников

- Колерова В. Страна Дикоросия // Бизнес-журнал. 2016. № 3 (239). С. 26–31.
Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2021.
Крэри Д. 24/7. Поздний капитализм и цели сна. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.

- Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Госполитиздат, 1952.
- Моис М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
- Пинчук О.В. Мастерство в труде: «ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике «Iriski» // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 68–92.
- Федеричи С. Патриархат заработной платы: Заметки о Марксе, гендере и феминизме. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Benson P. Tobacco Capitalism: Growers, Migrant Workers, and the Changing Face of a Global Industry. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. 336 p.
- Blanchette A. Making Monotony: Bedsores and Other Signs of an Overworked Hog // How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet / ed. by S. Besky, A. Blanchette. Santa Fe: University of New Mexico Press, 2019. P. 59–76.
- Blanchette A. Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm. Durham: Duke University Press, 2020.
- Bohannan P. Some Principles of Exchange and Investment among the Tiv // American Anthropologist. 1955. V. 57, № 1. P. 60–70.
- Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Braverman H. Labor and Monopoly Capital. New York: New York University Press, 1974.
- Calvão F. Unfree Labor // Annual Review of Anthropology. 2016. Vol. 45, № 1. P. 451–467.
- Chao S. In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua. Durham, NC: Duke University Press, 2022.
- Comaroff J., Comaroff J. After Labor // Critical Historical Studies. 2020. Vol. 7, № 1. P. 87–112.
- Gordillo G. Landscapes of Devils: Tensions of Place and Memory in the Argentinean Chaco. Durham, NC: Duke University Press, 2004.
- Harriss-White B. Labour and Petty Production // Development and Change. 2014. Vol. 45, № 5. P. 981–1000.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. New York: Oxford University Press, 2005.
- Holmes S. Fresh Fruit, Broken Bodies: Migrant Farmworkers in the United States. Berkeley: University of California Press, 2013.
- Higgins R. Bodies for Rent: Labor and Marginality in Southern Louisiana // Anthropology of Work Review. 2005. Vol. 26, № 3. P. 12–22.
- Humphrey C. Fear as a Property and an Entitlement // Social Anthropology / Anthropologie Sociale. 2013. Vol. 21, № 3. P. 285–304.
- Lear J. Radical Hope: Ethics in the Face of Cultural Devastation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Li T.M., Semedi P. Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia's Oil Palm Zone. Durham, NC: Duke University Press, 2021.
- Macherey P. The Productive Subject // Viewpoint Magazine. 2015. Vol. 5, № 5. URL: <https://viewpointmag.com/2015/10/31/the-productive-subject/>
- Mau S. Mute Compulsion: a Marxist Theory of the Economic Power of Capital. London; Brooklyn, NY: Verso, 2023.
- Narotzky S. Rethinking the Concept of Labour // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2018. Vol. 24, № 1. P. 29–43 (1–15).
- Nash J. We Eat the Mines and the Mines Eat Us: Dependency and Exploitation in Bolivian Tin Mines. New York: Columbia University Press, 1979.
- Parkin D. The Categorization of Work: Cases from Coastal Kenya // Social Anthropology of Work / ed. by S. Wallman. London: Academic Press, 1979. P. 317–336

- Peano I. The Camp, the Zone, and Sovereign Sediments: Querying Paradigms Through the Politics of Made-in-Italy Agribusiness Operations // *Anthropological Theory*. 2024. Vol. 24, № 3. P. 258–281.
- Penzin A. No More Sleep No More // *No More Sleep No More* / ed. by D. Correale. Berlin: Archive Books, 2015. P. 93–111.
- Taussig M. The Devil and Commodity Fetishism in South America. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1980.
- Thomas R. Citizenship, Gender, and Work: Social Organization of Industrial Agriculture. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Tsing A. On Nonscalability: The Living World is Not Amenable to Precision-Nested Scales // *Common Knowledge*. 2012. Vol. 18, № 3. P. 505–524.
- Tsing A. Supply Chains and the Human Condition // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society* 2009. Vol. 21, № 2. P. 148–176.
- Salzinger L. Genders in Production: Making Workers in Mexico's Global Factories. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Sanchez A. Transformation and the Satisfaction of Work // *Social Analysis*. 2020. Vol. 64, № 3. P. 68–94.
- Striffler S. Chicken: The Dangerous Transformation of America's Favorite Food. New Haven, CT: Yale University Press, 2005.
- Weeks K. The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries. Durham, NC: Duke University Press, 2011.
- Yanagisako S. Producing Culture and Capital: Family Firms in Italy. Princeton: Princeton University Press, 2002.

References

- Benson P. (2012) Tobacco Capitalism: Growers, Migrant Workers, and the Changing Face of a Global Industry. Princeton, NJ: Princeton University Press, 336 p.
- Blanchette A. (2019) Making Monotony: Bedsores and Other Signs of an Overworked Hog. In *How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet* / Ed. S. Besky, A. Blanchette. Santa Fe: University of New Mexico Press, pp. 59–76.
- Blanchette A. (2020) *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham: Duke University Press.
- Bohannan P. (1955) Some Principles of Exchange and Investment among the Tiv, *American Anthropologist*, Vol. 57, No. 1, pp. 60–70.
- Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Braverman H. (1974) *Labor and Monopoly Capital*. New York: New York University Press.
- Calvão F. (2016) Unfree Labor, *Annual Review of Anthropology*, Vol. 45, No. 1, pp. 451–467.
- Chao S. (2022) *In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua*. Durham, NC: Duke University Press.
- Comaroff J., Comaroff J. (2020) After Labor, *Critical Historical Studies*, Vol. 7, No. 1, pp. 87–112.
- Crary J. (2014) *24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep*. Brooklyn, NY: Verso.
- Federici S. (2021) *Patriarchy of the Wage: Notes on Marx, Gender, and Feminism*. New York: PM Press/Spectre.
- Foucault M. (1975) *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.
- Gordillo G. (2004) *Landscapes of Devils: Tensions of Place and Memory in the Argentinean Chaco*. Durham, NC: Duke University Press.
- Harriss-White B. (2014) Labour and Petty Production, *Development and Change*, Vol. 45, No. 5, pp. 981–1000.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. New York: Oxford University Press.
- Holmes S. (2013) *Fresh Fruit, Broken Bodies: Migrant Farmworkers in the United States*. Berkeley: University of California Press.

- Higgins R. (2005) Bodies for Rent: Labor and Marginality in Southern Louisiana, *Anthropology of Work Review*, Vol. 26, No. 3, pp. 12–22.
- Humphrey C. (2013) Fear as a Property and an Entitlement, *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*, Vol. 21, No. 3, pp. 285–304.
- Kohn E. (2013) *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*. Berkeley: University of California Press.
- Kolerova V. (2016) Strana Dikorosia [The Dikorosia State], *Bisnes-zhurnal* [The Business Journal], No. 3 (239), pp. 26–31. (In Russian)
- Lear J. (2006) *Radical Hope: Ethics in the Face of Cultural Devastation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lévinas E. (1947) *De l'existence à l'existant*. Paris: Fontaine.
- Li T.M, Semedi P. (2021) *Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia's Oil Palm Zone*. Durham, NC: Duke University Press.
- Macherey P. (2015) The Productive Subject, *Viewpoint Magazine*, vol. 5, no. 5. URL: <https://viewpointmag.com/2015/10/31/the-productive-subject/>
- Marx K. (1867–1894) *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie*. Hamburg: Verlag von Otto Meisner.
- Mau S. (2023) *Mute Compulsion: a Marxist Theory of the Economic Power of Capital*. London; Brooklyn, NY: Verso.
- Mauss M. (1936) Les Techniques du corps, *Journal de Psychologie*, Vol. XXXII, No. 3–4, pp. 15–45.
- Narotzky S. (2018) Rethinking the Concept of Labour, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 24, No. 1, pp. 29–43 (1–15).
- Nash J. (1979) *We Eat the Mines and the Mines Eat Us: Dependency and Exploitation in Bolivian Tin Mines*. New York: Columbia University Press.
- Parkin D. (1979) The Categorization of Work: Cases from Coastal Kenya. In: *Social Anthropology of Work* / Ed. S. Wallman. London: Academic Press, pp. 317–336.
- Peano I. (2024) The Camp, the Zone, and Sovereign Sediments: Querying Paradigms Through the Politics of Made-in-Italy Agribusiness Operations, *Anthropological Theory*, Vol. 24, No. 3, pp. 258–281.
- Penzin A. (2015) No More Sleep No More. In: *No More Sleep No More* / Ed. D. Correale. Berlin: Archive Books, pp. 93–111.
- Pinchuk O. (2022) Masterstvo v trude: “orientatsiya na zadachi” i “sovladanie” s iznoshennym oborudovaniem na Podmoskovnoy konfetnoy fabrike “Iriski” [Workmanship: “Task Orientation” And “Coping” With Worn-Out Equipment At The “Iriski” Candy Factory], *Antropologicheskij forum*, 2022, No. 54, pp. 68–92.
- Taussig M. (1980) *The Devil and Commodity Fetishism in South America*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.
- Thomas R. (1985) *Citizenship, Gender, and Work: Social Organization of Industrial Agriculture*. Berkeley: University of California Press.
- Tsing A. (2012) On Nonscalability: The Living World is Not Amenable to Precision-Nested Scales, *Common Knowledge*, Vol. 18, No. 3, pp. 505–524.
- Tsing A. (2009) Supply Chains and the Human Condition, *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, Vol. 21, No. 2, pp. 148–176.
- Salzinger L. (2003) *Gender in Production: Making Workers in Mexico's Global Factories*. Berkeley: University of California Press.
- Sanchez A. (2020) Transformation and the Satisfaction of Work, *Social Analysis*, Vol. 64, No. 3, pp. 68–94.
- Striffler S. (2005) *Chicken: The Dangerous Transformation of America's Favorite Food*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Weeks K. (2011) *The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries*. Durham, NC: Duke University Press.

Yanagisako S. (2002) *Producing Culture and Capital: Family Firms in Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Сведения об авторе:

ПЕТРЯКОВ Степан Игоревич – аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). ORCID 0009-0000-1976-9803. E-mail: spetryakov@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stepan I. Petryakov, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). ORCID 0009-0000-1976-9803. E-mail: spetryakov@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 февраля 2025;
принята к публикации 11 мая 2025.*

*The article was submitted 18.02.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*

Научная статья
УДК 7.046
doi: 10.17223/2312461X/48/4

Современный якутский кинохоррор: репрезентация и социокультурный контекст

Айталиа Родионовна Федорова¹
Наталия Ксенофоновна Данилова²

^{1,2} *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия*

¹ *aytap@mail.ru*

² *dan_nataliksen@mail.ru*

Аннотация. Проводится антропологическое исследование современного якутского кинохоррора через призму его преемственности от якутских тубэлтэ – фольклорных мистических рассказов о встрече с потусторонним. Хтонические сюжеты и визуальные решения, используемые в якутском региональном фильме ужасов, рассматриваются с точки зрения функционального и семиотического анализа. Исследовательской оптикой в нарративе настоящей работы выступает восприятие страха как функциональной части рассматриваемых сюжетов, которые отражают социальное напряжение и являются частью общественной коммуникации. Таким образом инфернальные мотивы, которые кодируются в ужасном, в рамках исследования выступают не просто частью художественного или эстетического творчества, но и как средства выражения социальной тревожности. В качестве источников использовались якутские киноленты, относящиеся к жанру ужасов, отдельные экземпляры опубликованных якутских тубэлтэ, а также этнографические данные о традиционной духовной культуре якутов. Статья разделена на две смысловые части: семиотический анализ визуальных образов и системный анализ сюжетных нарративов, что обусловлено специализацией каждого автора и позволяет разносторонне рассмотреть две важные смысловые части кинокартины – визуальное и сюжетное. Сделан вывод, что современный якутский кинохоррор, как и фольклор, на котором он базируется, отражает коллективные переживания потери традиционного образа жизни, рефлексии событий прошлого и также может выступать средством общественной коммуникации.

Ключевые слова: якутское кино, страшные истории, фолк-хоррор, инфернальный ландшафт, топосы страха, воображение пространства, хтонические образы, современная культура

Благодарности: исследование выполнено за счет средств Гранта Главы Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам Республики Саха (Якутия).

Для цитирования: Федорова А.Р., Данилова Н.К. Современный якутский кинохоррор: репрезентация и социокультурный контекст // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 73–91. doi: 10.17223/2312461X/48/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/4

Contemporary Yakut Film Horror: Representation and Socio-cultural Context

Aitalina R. Fedorova¹, Natalia K. Danilova²

^{1,2} *Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russian Federation*

¹ *aytap@mail.ru*

² *dan_nataliksen@mail.ru*

Abstract. This article provides an anthropological study of modern Yakut horror cinema through the prism of its continuity from the Yakut *tyubelte* – folklore mystical stories about a meeting with the otherworldly. The chthonic plots and visual solutions used in the Yakut regional horror film are considered from the point of view of functional and semiotic analysis. The research optics in the narrative of this study is the perception of fear as a functional part of the plots under study, which reflect social tension and are part of public communication. Thus, the infernal motives that are encoded in the terrible, within the framework of the study, act not just as part of artistic or aesthetic creativity, but also as a means of expressing social anxiety. During the work on the article, Yakut films related to the horror genre, individual copies of published Yakut *tyubelte*, as well as ethnographic data on the traditional spiritual culture of the Yakuts were used as sources. The main part of the article is divided into two semantic parts: a semiotic analysis of visual images and a systematic analysis of plot narratives, which is due to the specialization of each author and allows us to comprehensively consider two important semantic parts of the film – visual and plot. The authors conclude that modern Yakut horror cinema, like the folklore on which it is based, reflects collective experiences: the loss of a traditional way of life, reflection on past events, and can also act as a means of public communication.

Keywords: Yakut cinema, scary stories, folk horror, infernal landscape, topos of fear, imagination of space, chthonic images, modern culture

Acknowledgements: The research was funded by the Grant of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) to young scientists, specialists and students of the Republic of Sakha (Yakutia).

For citation Fedorova, A.R. & Danilova, N.K. (2025) Contemporary Yakut Film Horror: Representation and Socio-cultural Context. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 73–91 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/4

Введение

Киноискусство привычно относят к категории индивидуального художественного творчества. Его связывают с другими видами искусств, такими как театр, литература, живопись – всем тем, что ассоциируется с понятиями академического, высокого творчества. Тем не менее источником вдохновения кинематографа могут выступать и жанры народной массовой культуры. В настоящей статье мы предлагаем взглянуть на

якутский кинохоррор через оптику его преемственности с устной этнически окрашенной «страшилкой» *тубэлтэ* – особым типом современных историй, консервирующих в якутской культуре традиционные представления и локальные верования, отношениях с природой и затрагивающих вопросы идентичности.

Культурное наследие как многослойный, многоканальный текст является одним из важных ресурсов креативных направлений и технологий. В этом отношении якутский кинематограф успешно реализует мифопоэтическую и ментальную программы традиционной культуры. Якутское кино порой называют даже «самой экзотической и одновременно самой удивительной кинематографией России» (Введение... 2021: 1), а феномен его успеха обсуждается на разных платформах.

Примечательно, что якутский кинематограф в первую очередь направлен на свою внутреннюю аудиторию, отражая национальное мировоззрение и используя свой образный звуковой «код» (живую якутскую речь, обрядовые заклинания, круговые песнопения, звуки природы и национальных инструментов). Не случайно якутский киноязык определяют как притчевый. На наш взгляд, фильм-притча, или фильм-метафора, является на сегодня основой формирования национального якутского кино.

Одним из успешно развиваемых и востребованных якутскими зрителями жанров являются так называемые фильмы ужасов. Особенность якутского кинохоррора состоит в том, что он основан на культурном коде, при этом механизм трансляции киноязыка тесно сопряжен с «фигурами воспоминания» (по Я. Ассману), а киноповествование становится частью сакрального нарратива.

Согласно мировоззренческим представлениям якутов, антиэтикетное поведение человека (*туктэри*) способствовало отчуждению его от светлых божеств-айыы и духов-покровителей. Отторжение от привычной системы отношений с миром и нарушение установленных правил означало социальную смерть (Бравина 2005: 75). При этом человек становился одержимым силами зла, а место жительства теряло свое первоначальное предназначение, направленное на организацию и сохранение жизненного пространства человека Срединного мира, открывалось для воздействия темных сил (абаасы), сущностей (иччи), блуждающих душ (юер) и становилось inferнальным местом (Данилова 2023: 12). Сценарии, в которых отражаются представления о моральных правилах, формулируются в фольклоре, сначала традиционном (так или иначе затрагивая все жанры), а затем аккумулируются в современности в более емкий формат страшных историй, описывающих это самое антиэтикетное поведение. Так, одним из устойчивых жанров якутского фольклора, сохраняющим в своей основе традиционные мировоззренческие установки, являются

«тюбэлтэ» ‘страшные мистические истории’ – короткие пугающие рассказы о встрече с потусторонними силами, имевшей место в кризисных ситуациях или в результате антиэтикетного поведения человека (самоубийство, убийство, осквернение земли, непочтительное отношение к духам-иччи, шаманское проклятие и т.д.). Предыдущие исследования показали, что современные якутские тубэлтэ, по всей видимости, явились результатом синтеза традиционной культуры по своему содержанию, и современной страшной истории по своей форме, образовав новый современный постфольклорный жанр (Гоголев 2022).

Исследования inferнального в традиционной культуре якутов, как правило, связаны с изучением духовной культуры и, в частности, верований, которые вплетены во все жанры якутского устного народного творчества, поэтому, к сожалению, тема хтонических персонажей и сюжетов нечасто являлась предметом специального изучения, она обычно рассматривается в русле других сопредельных исследований (Трошанский 1902; Кулаковский 1923, 1979; Ксенофонов 1929; Эргис 1974; Алексеев 1975).

Интересными в контексте исследования якутского фолк-хоррора как современного направления якутского кинематографа выступают киноведческая статья Е. Иваниловой (2019), в которой развитие якутского хоррора рассмотрено в параллели с региональными историческими процессами начала 1990-х гг. и поиском этнической идентичности, а также исследование Е.Н. Романовой (2023), в котором кинематограф показан как средство воспроизводства ландшафтных геокультурных образов и исторических воспоминаний.

В настоящей статье авторы выдвигают гипотезу, согласно которой якутский кинохоррор имеет преемственность от якутских тубэлтэ, а также, как и фольклор, может отражать социальную реальность. Целью исследования является семиотический анализ inferнальных образов и сюжетов в кино. Иначе говоря, мы попытаемся понять, как историческая память народа рефлексировалась посредством страха, какие социальные тревоги декларируются в этих сюжетах и что это может нам рассказать о современном обществе.

Методология и методы

Для анализа традиционных якутских представлений и символов, транслирующих inferнальные проекции в современной культуре через жанр фолк-хоррора, задействованы такие методы исследования, как функциональный, системный и семиотический подход. В качестве источников выступают сами якутские локальные кинокартины, относящиеся к жанру фолк-хоррора, а также материалы по современному якутскому фольклору.

Исследовательской оптикой в нарративе настоящей работы выступает восприятие страха как функциональной части исследуемых сюжетов (в кино и фольклоре), которые отражают социальное напряжение и являются частью общественной коммуникации. Инфернальные мотивы, которые кодируются через так называемый топос страха (от гр. *τόπος* – место, в семиотическом пространстве соотносится с устойчивым образом и мотивом), в рамках исследования выступают не просто частью художественного или эстетического творчества, а являются средством выражения социальной тревожности. Такой подход базируется на ряде работ зарубежных и отечественных авторов, среди которых наиболее близкими к теме исследования можно назвать публикации А. Дандеса (Dundes 1971), К.А. Богданова (2001), А. Архиповой* и А. Кирзюк (2021).

Репрезентативная часть выявления «топоса страха» опирается на весь спектр выпущенных на большие экраны или доступных для просмотра в сети картин в жанре фолк-хоррора: «Маappa» (1986), «Сайылык» (1992), «Туунну кыыс» (1999), «Сэтгэх сир» (1996), «Кыыс харагын уута» (2003), «Тропа смерти» (2006), «Туман буолбут таптал» (2007), «Наахара» (2007), «Сибиэннээх сир» (2008), «Сэтгэх» (2010), «Наахара 2 Ытык сир» (2011), «Паранормальный Якутск» (2012), «Үөр» (2013), «Феррум» (2015), «Хара дьай» (2016), «Хара бэкир» (2017), «Кулук хомус» (2018), «Республика Z» (2018), «Иччи» (2019), «Сэтгээх сир. Ыйаах» (2022). Поскольку их достаточно много, авторы будут обобщать ключевые моменты, при этом обращаясь к знаковым примерам. Основная часть статьи разделена на две смысловые части: 1) семиотический анализ визуальных образов и 2) системный анализ сюжетных нарративов, что обусловлено специализацией каждого автора и позволяет разносторонне рассмотреть две важные смысловые части кинокартины – визуальную и сюжетную.

***«Мифологический ландшафт» түбэлтэ:
образы-архетипы хтонического и инфернального***

Становление якутского хоррор-жанра начиналось с момента зарождения кинематографа в регионе. Первый фильм этого жанра «Маappa» был снят в 1986 г. режиссером Алексеем Романовым, который в 1992 г. стал художественным руководителем киностудии «Сахафильм» – «кузницы» всего регионального кинематографа в Якутии. С тех пор в жанре ужасов было снято порядка 20 картин, что уже достаточно много для локального кинематографа на якутском языке. Впрочем, известные данные

* Архипова А.С. включена Минюстом России в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

этих картин также показывают хорошие сборы в сравнении с другими региональными кинолентами (сборы «Иччи», по открытым данным, составили более 95 тысяч долларов). В определенной степени это связано с популярностью и источника данного жанра тубэлтэ (Гоголев 2022), никогда не терявшего свою актуальность среди населения.

Сюжет, формат повествования и даже аудиовизуальные приемы, используемые в якутском фолк-хорроре, тесно связаны с фольклорной традицией. С этим наблюдением солидарны и сами авторы этих картин. По мнению режиссера фильма «Иччи» (2020) Костаса Марсана, «в Якутии же сложилась такая интересная ситуация, когда в начале 90-х, наверное, наши создатели кино увидели, что есть такой жанр ужасов (увидели на кассетах, наверное), но еще не нахватались этих клише расхожих, различных кинематографических приемов. И они рассказывали истории так, как они есть, и создавали очень интересную атмосферу. Если посмотреть фильмы «Маапша», «Сэттэх Сир», «Сайылык», то их объединяет такая очень интересная тягучая атмосфера такого безвременья» (ПМА. Федорова А.Р.).

Сюжет якутского фолк-хоррора всегда строится на основе тубэлтэ. При этом экранизируемыми, как правило, становятся наиболее популярные сюжеты, знакомые локальной публике из «живой» словесности. Таким образом, кино здесь выступает этапом переработки фольклора – ускоренной формой установления его каноничной формы. При таком подходе мы можем выделить кинематографические произведения на тему этнического страха как репродуктивную форму коллективной рефлексии, несмотря на авторский характер фильмов, основанный на коллективном творчестве, а потому и симптоматичный. Как отмечали другие исследователи современного фольклора, «нужда в экспликации становится существенной, когда дело касается материала, обнаруживающего “фольклорную” феноменологию в несвойственном для нее контексте – в контексте современной культуры, городского быта, литературы и т.д.» (Богданов 2001: 13).

Лес/дерево как топос страха

Обращение якутских режиссеров в своих авторских кинотекстах к пространственным образам-архетипам отсылает к традициям экзистенциального мироощущения народа саха. При этом метафорический образ дерева выделяется как объединяющий все фильмы ландшафтный топос страха.

В мифоритуальном пространстве якутов лес/дерево выступает как маргинальный объект, связанный с категорией «чужого» неосвоенного пространства (Романова, Данилова 2015). Между тем архетипический образ дерева связан со структурой мироздания и представляется как символическая ось Вселенной – *Axis mundi* по М. Элиаде (Жуковская 1986).

Образ дерева присутствует и в мифогеографии шаманского мира (Балалаева 2019).

В мифопоэтическом пространстве народа саха, дерево выступает праробом Мирового дерева *Аал луук мас*, на котором держится Вселенная: крона доходит до Верхнего мира, в стволе обитала дух-хозяйка Среднего мира *Аан Алахчын Хотун*, а корни доходили до Нижнего мира (Пеккарский 1927: 115). Таким образом, дерево обладало амбивалентной символикой и в зависимости от функционального назначения могло проецировать на человека свои светлые или темные качества. По шкале семиотичности береза обладала положительной валентностью и чаще всего становилась символическим центром алааса и священным деревом *ытык мас*, тогда как ель и осина имели негативную нагрузку и считались дьявольскими (ПМА. Данилова Н.К., Никифоров К.Н.). Двойственной функцией обладала лиственница, как место «рождения» шаманской души (Попов 2005: 32). При этом, лиственница могла почитаться как священное дерево *баай тиит* (букв. ‘богатая лиственница’ в котором обитает дух-хозяйка местности (если крона дерева отличалась своей причудливостью и могучестью). Отрицательным свойством обладали засохшие деревья, утратившие жизненную силу, шаманские деревья-кэрэх и деревья, растущие в местах проведения кровавых жертвоприношений, шаманских поединков и т.д. (Данилова 2015).

В художественном пространстве древесные массивы воплощают не только природную красоту, но и потаенные страхи и тревоги, что делает их важными объектами для анализа в жанре ужасов. Одним из ярких примеров выступает использование деревьев как символов скрытой угрозы или зла. Так, довольно часто в якутских хоррорах именно дерево/лес выступает inferнальным местом, связанным с хтоническими образами и символами. Для передачи саспенса в якутских хоррорах в ткань повествования включаются образы зимы и холода и используются визуальные приемы, связанные с туманом, снежной вьюгой и пургой.

Туман, мертвый лес, зимний лес – все эти ландшафтные категории призваны передать чувство отчуждения и хтонического ужаса. Согласно традиционным воззрениям якутов, Нижний мир мертвых представляется как холодная, сумрачная страна «с особым щербатым солнцем и луной, дающими тусклый свет» (Эргис 1974: 136). В мифоритуальной и языковой картинах мира саха культурные концепты, основанные на семантике холода, так или иначе связаны с Нижним миром и обладают негативными характеристиками. Так, про умершего человека говорят: *тымный-быт* (похолодел), про бесчувственного и безнравственного человека: *тон киһи*, *муус киһи* (холодный человек, ледяной человек) (Данилова 2015: 121–126). По мнению Е.Н. Романовой, якуты формируют образ Зимы в контексте «культуры воспоминаний» о степном юге, где Север и холод несут негативные коннотации (Романова, Добжанская 2019: 258).

В традициях якутского хоррора зимний лес ассоциируется с потусторонним миром. Например, в фильме «Мааппа» (1986), зимний лес транслирует метафору безысходности, в которой кроется нечто тёмное и опасное, одновременно завораживая зрителя красотой белого пространства и северного пейзажа и вынуждая его испытывать страх перед неизведанным.

Обращение заблудившегося путника к одиноко стоящему дереву с просьбой о помощи раскрывает философию диалога человека и природы и соприкосновения реального и ирреального. Символично, что именно дерево соединяет пути/дороги путника с духом умершей девушки, затем открывает для него путь в загробный мир и указывает для героя выход в мир живых. В конце фильма дерево загорается. Огонь в данном сюжете означает очищение окружающего пространства от влияния потустороннего мира и символизирует защиту: пока горит огонь, жизнь человека вне опасности. Дерево начинает играть роль связующего элемента между миром живых и мёртвых, что открывает широту интерпретации и делает его незаменимым в формировании атмосферы страха.

Дерево и метафора смерти

Деревья в якутском хорроре выступают как метафоры смерти, одиночества и заброшенности, а также как хранилища тайн и ужаса. В ряде фильмов деревья становятся независимыми персонажами, наделёнными собственными мотивами и намерениями. Дерево становится не просто фоном, а олицетворением зла и омертвения. Яркими примерами в данном случае могут выступать фильмы «Наахара 1,2» (2007, 2011), «Сибииэннээх сир» (2008), «Сэттээх» (2010), «Иччи» (2019) и др. Деревья в этом контексте олицетворяют природу, которая, казалось бы, должна быть безопасной и умиротворяющей, но в действительности таит в себе опасности и страхи. Символизм деревьев как олицетворения зла раскрывается через засохшее или упавшее дерево, темный лес, заброшенные дома, срубленные коновязи и другое, вызывающее чувства беспокойства и страха.

Отдельным пунктом можно выделить культовые сооружения и природные объекты, связанные с традиционной мифоритуальной культурой. Топосами страха в якутском хорроре выступают и сакральные места, связанные с шаманскими верованиями. В картине «Тропа смерти» (2006) завязка сюжета начинается с момента, когда компания подвыпивших молодых людей повреждает шаман-дерево. Согласно якутским верованиям, шаманское дерево являлось исходной точкой мистического путешествия шамана. При совершении жертвоприношения центром ритуальной мистерии было дерево, на которое вешали шкуру жертвенного животного и закрепляли палку длиною в сажень, которая указывала «дорогу, по которой шаман и жертвенное животное отправляются в небо» (Серошевский 1993: 624–625).

К опасным пространствам в якутском хорроре также относят *арангасы* – шаманские захоронения («Сэттэх сир 2») и ритуальные места камланий («Иччи»), находящиеся в глубине мрачного леса. Причем в последних двух картинах фигуры шамана и удаганки (шаманки) выступают амбивалентными персонажами, их присутствие наводит ужас на главных героев, но с их помощью в итоге удается противостоять истинному злу, которое душой этого шамана и сдерживалось. Страх перед черным шаманством у якутов, а также двойственная природа якутского шаманизма отмечались исследователями якутской культуры еще столетие назад (Трошанский 1902: 111). Места камланий считались «нечистыми» (Бравина 2005: 28). В современном якутском кино в образах шаманских захоронений и культовых мест воплощаются эти традиционные представления. Кроме того, на наш взгляд, шаманская тематика, встречающаяся в региональном фильме ужасов, достаточно часто выступает в роли концентрированной формы якутской традиции, шаман одновременно пугает, так как является носителем магических неизведанных сил, и в то же время выступает символическим образом традиционных знаний, культуры и старой эпохи в целом.

Важную роль в формировании страха играет и окружающий ландшафт. Сама структура леса нередко подчеркивает изоляцию персонажей. В таких фильмах, как «Сибизэннээх сир», «Наахара», «Сэттэх», «Иччи» и другие, лес становится не только географическим местом и фоном, нагнетающим страх, но и метафорой внутренней борьбы. Деревья отгораживают героев от внешнего мира, создавая пространство, насыщенное чувством безысходности, и антураж, порождающий напряжение и ожидание.

Деревья могут выступать как символы потери контроля, отражая внутренние страхи персонажей. Это чувство часто усиливается за счет визуальных эффектов – например, сгущающегося тумана или смена освещения несколько раз, что меняет внешний вид деревьев и создает ощущение угрозы. Зрители сталкиваются с тем, что, будучи окруженными деревьями, они теряют связь с безопасным миром, и это добавляет еще больше стресса, потенциально провоцируя паранойю или страх.

Таким образом, лес как живой организм не только ассоциируется с физической угрозой. Он вызывает глубокие эмоции, акцентируя внимание на человеческом страхе перед силами природы. Когда деревья транслируют метафору смерти, они могут вызывать не только опасение насильственной расправы, но и страх перед мыслью, что человечество не может противостоять природе.

Социокультурная роль топоса страха тьюэлтэ в современном пространстве

Наиболее наглядной формой кодированной общественной коммуникации в хоррор-фильмах, являются сюжет и проблемы, отраженные в нем. В них мы можем рассмотреть как персонажей для исследования восприятий ужасного у современного человека, так и их мотивы и запускающие сюжет тропы, которые объясняют нам, что же именно в понимании людей XXI в. становится причиной конфликта человека и природы. Для разностороннего рассмотрения немногочисленных, но очень разных по своей структуре картин мы разделили их на три категориальные группы, где основополагающим принципом являлось различие в ключевой проблеме сюжета – почему именно происходит контакт человека с потусторонним. Исходя из этого, представляется возможным выделить три основных мотива якутских хоррор-фильмов: 1) мотив паранормальных локусов, 2) мотив исторической рефлексии и 3) мотив духовного невежества.

Первостепенным и наиболее очевидным сюжетным источником конфликта в якутском хорроре выступает движение. Это может быть временная смена дислокации главного героя, например, переезд или поездка в гости к родителям, а также путь, который сам по себе выступает пространством, ставящим героя в опасное положение.

Пример 1. Фильм «Сайылык» (1992). *Главный герой – пожилой мужчина приезжает в родную деревню, чтобы купить старый дом для летовья. Он встречает старых знакомых, а во сне видит своих погибших родителей. На следующий день никто его не замечает, а сам герой встречает призраков (уер), коротающих вечность в ожидании, что однажды кто-нибудь найдет и захоронит их останки. Со временем герой понимает, что он тоже блуждающий призрак, он умер от сердечного приступа, а его тело до сих пор лежит где-то в поле.*

Пример 2. Фильм «Сибизннэх сир» (1996). *Женщина с дочерью приезжают в деревню, так как мать устроилась там работать учителем. Жители деревни ведут себя достаточно странно и враждебно. В доме, где они поселились, присутствует какая-то нечистая сила.*

Пример 3. Фильм «Хара дьай» (2016). *Мужчина перегоняет угнанную машину из города Якутска в район, по дороге машина ломается, он бродит в лесу и находит избушку. Внутри накрыт стол. Герой ест без приглашения, а потом появляется хозяйка дома, которая оказывается абаасы.*

Во всех перечисленных примерах мы можем наблюдать, что запускающим сюжет событием является перемещение: на малую родину, в деревню за работой, из одного населенного пункта в другой. В этом ключе то, что герои оказываются в непривычной среде либо находятся в пути, ставит их в пограничное состояние небезопасности. Согласно традиционным представлениям якутов, духи-хозяева родной земли оберегают

человека (Бравина 2005: 27), и, соответственно, он этой протекции лишается, когда находится на чужой земле в положении гостя. Исследователи также отмечают мифологическую основу представлений о дороге, ассоциирующейся с изменением душевного состояния, жизненного цикла и космогонических представлений о движении (Стручкова 2015: 134).

Декорациями в такой ситуации становится ночной лес, в котором нет людей и только одна мистическая изба встречается главному герою (Хара дьай); или земля предков, дальняя деревня, где помнят только родителей главного героя (Сайылык). Причем на «старости» этих локусов делается определенный акцент. Это могут быть полуразрушенные дома, погосты и др. Второстепенные персонажи и массовка – это часто также персонажи среднего и пожилого возраста.

Ключевым конфликтом в подобной фабуле выступает инородность главного героя в странной, на его взгляд, среде, которая то ли находится где-то на грани человеческого и природного, то ли неподвластна времени. В данной группе сюжетов не всегда воспроизводится классическая схема «запрет – конфликт – воздаяние». Страшная ситуация возникает не на фоне нарушения правил взаимодействия с природой, а из-за контакта современного человека с миром духов. Эта группа сюжетов демонстрирует взаимодействие современного человека с миром предков, страх перед ними и дисбаланс этих отношений. Ситуация проникновения жителя современного города в среду своего исторического прошлого сама по себе конфликтна. Молодой человек (фильм «Хара дьай». 2016) трапезничает в доме женщины-абаасы, тем самым ненароком приобщаясь к миру мертвых (Пропп 2000: 49). Причем образ прошлых поколений – предков, выражающих недовольство потомками, воплощается в фигуре призрака. О тесной связи образов предков и мертвецов в фольклоре писал еще З. Фрейд, где в страхе перед демоническим он видел проекцию сложных амбивалентных отношений к умершим предкам (Фрейд 1923: 74).

Проникновение современного урбанизированного человека в «традиционное» пространство влечет за собой цепочку событий, которые и становятся сюжетом хоррора. Возникает закономерный вопрос: а почему бы современному человеку не существовать в этом пространстве мирно, не вызывая никаких конфликтных ситуаций и волнений. На наш взгляд, этот сюжет может демонстрировать дискомфорт, вызванный стремительным отрывом от привычного традиционного уклада жизни. Пугающим в этом случае выступает контраст старого и нового, современного и традиционного.

Второй категорией ключевых источников конфликта является историческая травма – эта группа хорроров нацелена на осмысление трагических исторических событий посредством символических образов монстров из прошлого и определяется нами как мотив исторической рефлексии.

Пример 1. *Маатпа. Мужчина коневод влюбляется в девушку, которая оказывается призраком. В прошлом ее семья заболела проказой и была изолирована от общества, она похоронила всех родных, а сама погибла от голода.*

Пример 2. *Сэтгээх сир. Семья поселяется в далеком алаасе. Вскоре супругов начинают мучить кошмары, а местная старуха рассказывает, что земля эта проклята. Ранее местные шаманы ворожили на ней, чтобы сдерживать зло, но советская власть нарушила равновесие, посадив всех шаманов в тюрьму.*

В данных историях монстрами выступают люди, умершие насильственной смертью, либо сильно пострадавшие от человеческой жестокости. Стоит упомянуть, что в якутской культуре душа умершего человека именно тогда беспокоит людей, когда смерть наступает неестественным образом. Представления о подобных существах концентрируются в образах уер – душ покойников, по какой-то причине не нашедших успокоения и причиняющих оставшимся в живых беспокойство (Пекарский 1927: 3146). Ими «становились те покойники, которые почему-либо слишком привязаны к жизни и не испили чаши ее наслаждений до дна: девицы, не бывшие замужем, люди более или менее молодые, полные силы и имевшие какие-либо причины особенно желать жить» (Трошанский 1902: 83).

Но в этих историях заметной составной частью является не только насильственная смерть, но и вина общества за эту насильственную смерть. В такой формулировке происходит смена позиции, когда жертва и актор насилия меняются местами, чтобы вытеснить чувство коллективной вины. В подобных историях происходит формирование образа пугающей фигуры, превращающей ее из жертвы в агрессора и как бы заочно легитимизируя насилие над ней. Алан Дандес называл это «проективной инверсией», она является одним из частных случаев фольклорной компенсации (Dundes 1971: 33–36). Такой метод вытеснения коллективной ответственности является способом исторической рефлексии, он помогает пережить чувство вины, враждебность и по-своему выполняет терапевтическую функцию.

Подобная смена позиций применима и к другим не столь очевидным вариантам проективной инверсии. К примеру, в современных якутских страшилках образ нечистой силы часто имеет женское лицо. В проанализированных нами 20 картинах большая половина антагонистов – персонажи женского пола. Женские персонажи часто встречаются и в устной словесности, причем это достаточно универсальный культурный феномен (Станюкович 2018), это, как правило, образ неупокоенной души женщины, погибшей в результате патриархального насилия или давления: в одних случаях ее убивают мужчины, в других ее выдают замуж не по любви или она переживает предательство. Так, в коллективном сознании выражается социальная стигматизация, жертвы общественного

насилия становятся злом (подробнее об идее о монстре как об отчужденной группе см.: Britton, Wood 1979). Такой символический оксюморон делает образ еще ужаснее: молодая женщина, которая дает жизнь, выступает в якутском кинохорроре символом смерти.

Как отмечает И.М. Чубаров, фильмы о монстрах никогда не рассказывают нам о самих монстрах, как не являются они всего лишь визуализацией детских страхов перед ожившими мертвецами или полуживыми. Скорее, они выступают результатом своего рода проекции вовне суверенного общественного насилия и страха перед его последствиями, питаемого чувством вины (Чубаров 2014: 103). Таким образом процесс смены позиции жертвы и актора насилия является вариантом попытки общества осмыслить некоторые травмирующие события прошлого: выразить чувство вины либо оправдать нерешаемые социальные проблемы.

И, наконец, третью группу можно условно выделить на основании присутствия в этих фильмах мотива духовного невежества. Абаасы здесь становятся символами исторической памяти: старой эпохи и мира природы, наказывающими людей за их невежество и утерю традиционных знаний.

Пример 1. «Наахара» (2007). *История друзей, отправившихся на поиски призраков в местность Наахара, имеющую дурную славу. Фильм наполнен различными образами потустороннего, на которое молодые люди едут посмотреть и поснимать на камеру, подобно экзотическому развлечению. Картина в жанре мокьюментари, вдохновленная «Ведьмой из Блэр».*

Пример 2. «Иччи» (2019). *Нелюдимый главный герой живет с родителями в деревне. К ним приезжает брат со своей семьей из города, чтобы уговорить родителей продать дом, так как он весь в долгах. Параллельно отец семейства, а затем и главный герой, вспахивая землю трактором, тревожат могилу шаманки, которая с давних времен охраняла эту местность от злого духа.*

Пример 3. «Тропа смерти» (2006). *Главный герой фильма в детстве получил серьезную психологическую травму. Во время поездки на природу его родители погибли при загадочных обстоятельствах. Закончив институт, в разгар лета он с друзьями отправляется в лесной поход, чтобы развеяться и хорошо отдохнуть. В лесу они начинают плутать. Будучи в изрядном подпитии, они неожиданно натываются на необычное шаман-дерево. Возникает ссора, в результате которой они повреждают его.*

В этих историях наиболее очевидно подчеркнута конфликтная ситуация. Противостояние происходит вследствие нарушения правил общения человека с природой и предками – непочтительного отношения к духам, сакральным местам или вещам, нарушения покоя мертвых и пр. Данный троп является одним из наиболее популярных в современных якутских тубэлтэ (Страшные истории Якутии 2017: 6, 12, 19, 25). Причем в таких сюжетах намеренно подчеркиваются различия между жителем

города и традиционной средой. Это может выражаться как во внешних проявлениях: одежда, манера речи, образ жизни (брат главного героя из фильма «Иччи» ментально горожанин, жена его – русская и ребенок – наполовину. Они не говорят на якутском языке и в целом представлены как отошедшие от местной культуры), так и в моральных установках (молодые люди из фильма «Тропа смерти» пьют, непочтительно относятся к шаман-дереву, мусорят).

В определенной степени в этих картинах ставится достаточно острый для Республики Саха (Якутия) вопрос урбанизации и проблем традиционных сообществ в связи с резкой трансформацией привычного уклада жизни и потерей горизонтальных социальных связей. Кинохоррор не первая площадка, где показана подобная проблематика. Тема утраты традиционной культуры достаточно давно репродуцируется в современной устной словесности, именно в том симптоматичном жанре, из которого исходят корни «страшного» регионального кино. Одной из популярных тем, которые выносятся на коллективное обсуждение в якутских тубэлтэ, является «советская травма». Повсеместный сюжет в различных вариациях, обстоятельствах и декорациях, но сохраняющий основную фабулу – отрыв нового советского общества от традиционной жизни. Хрестоматийный вариант подобного сюжета описывает, как советские труженики (на этом заостряется внимание) не проявляют должного почтения к духам и наказываются за это (Борук-сорок 2013: 16).

В рамках предложенного в данном исследовании подхода, когда художественная интерпретация конфликтов человека с окружающим его миром выступает иллюстрацией проблем социальной реальности, ментальное содержание и посыл данных историй, кажется, находятся на поверхности. В них отражены общественные социальные переживания, связанные с процессом стремительной урбанизации и модернизации общества. В XX в. в республике существенно выросла доля городских жителей (с 4,4 до 64,2% населения региона), а удельный вес сельского населения сократился (с 95,6 до 35,8%) (Сивцева 2010: 297). В таких условиях этнохоррор является полем исследования собственной идентичности, отражает общественный дискомфорт, связанный с утратой своего традиционного уклада жизни, и становится терапевтической стратегией адаптации к новым реалиям (Чубаров 2014: 121).

Заключение

Несмотря на неумолимый процесс трансформации современной жизни, некоторые этнические элементы культуры демонстрируют поразительную устойчивость, преобразовываясь из традиционных форм в до-

ступные для современных якутов виды коллективного и индивидуального творчества. К такому типу консервирующих традиционные представления образов современной культуры мы относим и этнохоррор.

Нами были выявлены основные визуальные символические образы, которые, хоть и в современном виде, все же отражают ландшафтные представления о мифологической картине мира. Природа играет особую роль активного участника в хоррор-кино. В образах бескрайнего леса отражаются как представления о традиционных ритуальных практиках, шаманизме, мировом древе, так и ландшафтные маркировки леса как неосвоенной изолированной территории, связанной с хаосом. Отдельно выделяются нарративы, связанные с холодом, как представления о мире мертвых.

Сюжетные основы исследуемых историй условно разделены на три группы мотивов: 1) мотив паранормальных локусов, 2) мотив исторической рефлексии, 3) мотив духовного невежества. Несмотря на это разделение, все они несут в себе схожий симптоматический посыл: отражают коллективные переживания утери традиционного образа жизни, знаний, рефлексиируют травмирующие события из прошлого и так или иначе являются средством переосмысления истории, адаптивной стратегией поиска этнической идентичности.

Таким образом, якутский кинохоррор, возможно и ненамеренно, становится местом общественного высказывания. Этот, как принято считать, маргинальный и малобюджетный жанр может многое рассказать о народных представлениях, восприятии собственной культуры, ее конфликтах. Основываясь на этнической «страшилке», якутские «ужасы» перенимают ее функциональную роль, все то, что обыкновенно относят к современному фольклору: снятие стресса, коммуникативные функции, фольклорную артикуляцию. Так, в этих картинах зашифрованы не только региональные байки, призванные вызвать у зрителя чувство страха, но и социальные послания, а сюжет историй берет на себя терапевтическую роль, становясь площадкой для сложных дискуссий об истории региона и его культуре.

Список источников

- Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975.
- Балалаева О.Э., Плужников Н.В. Миф о Мировом древе в шаманстве народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 80–122.
- Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.
- Борук-сорук: түбэлтэтэ кэпэтиэх : [«Куо» сурунаалтан хомуурунньук / бэлэмнээтэ Елена Кузнецова ; Алдан Лукачевской ойуулара]. Дьокуускай: Удьуор, 2013.
- Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса. На материале народа саха. Новосибирск: Наука, 2005.
- Введение // Искусство кино. 2021. № 1-2. С. 1.

- Гоголев А.И., Федорова А.Р. Современная якутская страшная история как жанр городского постфольклора // Человек и культура. 2022. № 2. С. 38–48. doi: 10.25136/2409-8744.2022.2.37822
- Данилова Н.К. Концепт «север/хоту» в представлениях народа саха и долган // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 121–126.
- Данилова Н.К. «Ландшафт – sacrum» в метагеографическом измерении // Ландшафт и культура. Сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы. Новосибирск: Наука, 2023. С. 9–44.
- Жуковская Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1986. С. 118–134.
- Иванилова Е. Ужас белого листа: история якутского хоррора // Искусство кино. 2019. 27 дек. URL: <https://kinoart.ru/texts/uzhas-belogo-lista-istoriya-yakutskogo-horrora>
- Кирзюк А., Архипова А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Ксенофонов Г.В. Хрестес. Шаманизм и христианство: факты и выводы. Иркутск: Власть труда, 1929.
- Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований древних якутов. Якутск: (Б.и.), 1923.
- Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. 3, вып. 10. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. 2509–3858 стб.
- Попов А.А. Камлания шаманов / сост. Р.И. Бравина. Новосибирск: Наука, 2005. 464 с. (Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Ч. III)
- Полевые материалы автора (ПМА). Данилова Н.К. Никифоров К.Н. 1926 г.р. Верхневилуйский р-он, зап. от 2005 г.
- ПМА. Федорова А.Р. Интервью Костас Марсаан, режиссер (48 лет), Zoom Якутск-Москва. 10.07.2024.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
- Романова Е.Н., Добжанская О.Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263.
- Романова Е.Н. «Ландшафтное» кино: топосы якутской визуальности // Ландшафт и культура. Сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы. Новосибирск: Наука, 2023. С. 276–292.
- Романова Е.Н., Данилова Н.К. Концепт «леса» у периферийных групп северных тюрков // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 75–77.
- Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
- Сивцева С.И. Региональная демографическая история: население Якутии в XX в. (общее и особенное) // Регионоведение. 2010. № 4. С. 294–301.
- Станюкович М.В. Белая дама и ее либрета // Фольклор и антропология города. 2018. № 1. С. 298–315.
- Страшные истории Якутии : [сб. / сост. Дмитрий Михайлов (Trimid)]. Якутск: Б. и., 2017.
- Стручкова Н.А. Мотив дороги в традиционной картине мира якутов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 134–137.
- Троцанский В.Ф. Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902.
- Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. Москва; Петроград: Государственное издательство, 1923.
- Чубаров И. Исключенные: логики социальной стигматизации в массовом кинематографе // Логос. 2014. № 5 (101). С. 97–129.
- Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974.

- Britton A., Wood R. *American Nightmare: Essays on the Horror Film. Festival of Festivals.* Wayne State University Press, 1979.
- Dundes A. *On the Psychology of Legend // American Folk Legend: A Symposium / ed. by W. Hand.* Berkeley; Los-Angeles: University of California Press, 1971. P. 21–36.

References

- Alekseev N.A. (1975) *Tradicionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nachale XX v.* [Traditional religious beliefs of Yakuts in the XIX – early XX century]. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch.
- Bogdanov K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti* [Everyday life and mythology: Studies on the semiotics of folklore reality]. SPb: “Art - SPB”.
- Boruk-soruk: tybeltate kepsatieh : [“Kuo” surunaaltan khomuurunnyuk / bälämnäetä Elena Kuznetsova ; Aldan Lukachevskaiai oyuulara]. Diokuuskai: Udyuor, 2013. (In Sakha)
- Bravina R.I. (2005) *Koncepciya zhizni i smerti v kul'ture etnosa. Na materiale naroda saha* [Concept of life and death in the culture of ethnos. On the material of the Sakha people] Novosibirsk: Nauka.
- Britton A., Wood R. (1979) *American Nightmare: Essays on the Horror Film. Festival of Festivals.* Wayne State University Press.
- Chubarov I. (2014) Isklyuchennye: logiki social'noj stigmatizatsii v massovom kinematografe [Excluded: logics of social stigmatization in mass cinema], *Philosophical and Literary Journal “Logos”*, no. 5 (101), pp. 97–129.
- Danilova N.K. (2015) Koncept «sever / hotu» v predstavleniyah naroda saha i dolgan [Concept “north / hotu” in the representations of the Sakha and Dolgan people. *Arctic XXI century. Humanities.* no. 2, pp. 121–126.
- Danilova N.K. (2023) «Landshaft - sacrum» v metageograficheskom izmerenii [“Landscape - sacrum” in metageographic dimension]. In: *Landshaft i kul'tura. Sakralizatsiia, simvolicheskie strategii, geokul'turnye obrazy* [Landscape and Culture. Sacralization, symbolic strategies, geocultural images]. Novosibirsk: Nauka, pp. 9–44.
- Dundes A. (1971) *On the Psychology of Legend.* In: *American Folk Legend: A Symposium / Ed. by W. Hand.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, pp. 21–36.
- Ergis G.U. (1974) *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow: Nauka.
- Fedorova A.R. Author’s Field Materials (AFM) Interview Costas Marsaan, director (48 years old), Zoom Yakutsk-Moscow 10.07.2024.
- Freud Z. (1923) *Totem i tabu: Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii* [Totem and Taboo: Psychology of Primitive Culture and Religion]. Moscow, Petrograd: State Publishing House.
- Gogolev A.I., Fedorova A.R. (2022) *Sovremennaya yakutskaya strashnaya istoriya kak zhanr gorodskogo postfol'klora* [Modern Yakut scary story as a genre of urban postfolklore], *Man and Culture.* no. 2, pp. 38–48. DOI: 10.25136/2409-8744.2022.2.37822 (In Russian)
- Ivanilova E. (2019) *Uzhas belogo lista: istoriya yakutskogo horra* [Horror of the white sheet: the history of Yakutian horror]. *The Art of Cinema.* Dec., 27. URL: <https://kinoart.ru/texts/uzhas-belogo-lista-istoriya-yakutskogo-horra>
- Kirzyuk A., Arkhipova A. (2021) *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strahi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. 2nd ed. Moscow: New Literary Review.
- Ksenofontov G.V. (1929) *Hrestes. Shamanizm i hristianstvo: fakty i vyvody* [Khrestes. Shamanism and Christianity: facts and conclusions]. Irkutsk: Vlast of Labor.
- Kulakovskiy A.E. (1923) *Materialy dlya izucheniya verovanij drevnih yakutov* [Materials for studying the beliefs of ancient Yakuts]. Yakutsk: (b.i.).
- Kulakovskiy A.E. (1979) *Nauchnye Trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Kn. Izd-vo.

- Pekarsky E.K. (1927) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Is. 10, Vol. 3, Leningrad: Izd-e of the Academy of Sciences of the USSR. 2509-3858 stb.
- Propp V.Ya. (2000) *Istoricheskij korni volshebnoj skazki* [Historical roots of the magic fairy tale]. M: Labyrinth.
- Romanova E.N. (2023) «Landshaftnoe» kino: *toposy yakutskoj vizual'nosti* ["Landscape" cinema: topos of Yakut visuality]. In: *Landshaft i kul'tura. Sakralizatsiia, simbolicheskie strategii, geokul'turnye obrazy* [Landscape and Culture. Sacralization, symbolic strategies, geocultural images]. Novosibirsk: Nauka, pp. 276–292.
- Romanova E.N., Danilova N.K. (2015) Koncept «lesa» u periferijny'x grupp severny'x tyurkov [The concept of "forest" among the peripheral groups of the northern Turks], *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 6, pp. 75–77.
- Romanova E.N., Dobzhanskaya O.E. (2019) Antropologiya holoda: metodologiya, koncepty, obrazy (na primere kul'turnykh traditsij korenykh narodov Severa i Arktiki) [Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*, no. 35, pp. 255–263.
- Seroshevskiy V.L. (1993) *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: experience of ethnographic research]. 2nd ed., Moscow.
- Sivtseva S.I. (2010) Regional'naya demograficheskaya istoriya: naselenie YAkutii v XX v. (obshchee i osobennoe) [Regional demographic history: the population of Yakutia in the XX century (general and special)], *Regionologia*, no. 4, pp. 294–301.
- Stanyukovich M.V. (2018) Belaya dama i ee libreta [The White Lady and Her Libreta], *Folklore and anthropology of the city*, no. 1, pp. 298–315.
- Strashnye istorii Yakutii [Horror stories of Yakutia] : [collection / compiled by Dmitry Mikhailov (Trimid)]. Yakutsk: (b. i.), 2017.
- Struchkova N.A. (2015) Motiv dorogi v tradicionnoj kartine mira yakutov [Motive of the road in the traditional world picture of Yakuts], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 3, pp. 134–137.
- Troschansky V.F. (1902) *Evoluciya chyornoj very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of black faith (shamanism) among Yakuts]. Kazan: Tipo-lithography of the Imperial University.
- Vvedenie [Introduction]. *The art of cinema*. 2021. № 1-2. P. 1.
- Zhukovskaya N.L. (1986) Prostranstvo i vremya v mirovozzrenii mongolov [Space and time in the worldview of the Mongols]. In: *Mify, kul'ty, obriady narodov zarubezhnoi Azii* [Myths, cults, rituals of the peoples of foreign Asia]. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka", pp. 118–134.

Сведения об авторах:

ФЕДОРОВА Айталина Родионовна – младший научный сотрудник Лаборатории «Человек в Арктике», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия). E-mail: aytar@mail.ru

ДАНИЛОВА Наталия Ксенофонтовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории и культуры, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия). E-mail: dan_nataliksen@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Aitalina R. Fedorova, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: ay-tap@mail.ru

Natalia K. Danilova, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: dan_nataliksen@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 ноября 2024;
принята к публикации 11 мая 2025.*

*The article was submitted 07.11.2024;
accepted for publication 11.05.2025.*

Научная статья
УДК [271.2-053.6:94:008](740.11)(045)
doi: 10.17223/2312461X/48/5

«Коллективная биография» подростков-обетников, проживавших в монастырях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на основе нарративных источников)

Яна Эдуардовна Харитоновна

Национальный парк «Кенозерский», Архангельск, Россия, khyana@rambler.ru

Аннотация. Представлен опыт исторического исследования закономерностей «коллективной биографии» подростков-обетников, проживавших в обителях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. Предметом изучения являются воспоминания крестьянских детей-годовиков. Анализируются взаимоотношения представителей монашества и крестьянства, позволяющие воссоздать особенности ушедшей эпохи, когда представления крестьян о мире дополняются описанием повседневных особенностей отдельной группы – монастырских обетников. Исследование основано на нарративных документах, хранящихся в центральных, региональных и частных архивах. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью вопроса работы подростков в монастырях по обету как формы взаимодействия северных монастырей и крестьянского мира. Монастырское обетничество было полезно для обеих сторон: крестьянские дети обучались грамоте, приобретали трудовые навыки и социализировались в трудовой среде; монастыри, привлекая крестьян к выполнению различных работ, укрепляли экономические связи с крестьянским социумом, создавали предпосылки для восполнения братии.

Ключевые слова: подростки-обетники, «коллективная биография», крестьянский социум, монастыри Архангельской губернии

Для цитирования: Харитоновна Я.Э. «Коллективная биография» подростков-обетников, проживавших в монастырях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на основе нарративных источников) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 92–112. doi: 10.17223/2312461X/48/5

Original article
doi: 10.17223/2312461X/48/5

“Collective Biography” of Votive Adolescents at Monasteries in Arkhangelsk Region at the Turn of 19th – 20th Centuries (Study Based on Narratives)

Yana E. Kharitonova

Kenozero National Park, Arkhangelsk, Russian Federation, khyana@rambler.ru

Abstract. The article presents the experience of historical research into the patterns of collective biography of adolescent votive monks who lived in the monasteries of the

Arkhangelsk province at the turn of 19th and 20th centuries. The subject of this study is memories of peasant children. The article concentrates on relationship analysis between monasticism and peasantry. It offers an opportunity to recreate some features of this bygone era and to learn how peasants' worldviews were mirrored in the everyday activities and features of adolescent votive monks. The study is based on narrative documents kept in central and regional archives. The novelty of the study stems from the insufficient information and research on adolescent work in monasteries as a form of interaction between northern monasteries and peasantry. Monastic vows were useful for both sides: peasant children learned to read and write, acquired work skills and were socialized in the working environment; monasteries strengthened ties with peasant communities and created preconditions for replenishing their brotherhood.

Keywords: votive adolescents, collective biography, peasant society, monasteries of Arkhangelsk region

For citation: Kharitonova, Ya.E. (2025) "Collective Biography" of Votive Adolescents at Monasteries in Arkhangelsk Region at the Turn of 19th – 20th Centuries (Study Based on Narratives). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 92–112. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/5

Термин «коллективная биография» употребляется в научной среде в условно социологическом значении по отношению к множественному объекту с каким-то объединяющим его компоненты признаком (Пронин 2015: 181). Основой «коллективной биографии» становятся воспоминания, нарративы группы людей, прошедших схожие отрезки жизненного пути. Особым видом нарративов являются крестьянские воспоминания, описывающие повседневную жизнь народа. Яркой демонстрацией личности автора в таких источниках служат сюжеты автобиографии, личные переживания и эмоции (Дневник тотемского крестьянина... 1995; Плисак 2008: 125–129; Мужской род... 2013; Текст дневника... 2013: 17–149; Слепцова 2017: 79–96).

Предметом данного исследования стали воспоминания крестьян – бывших подростков-обетников, проживавших в северных монастырях на рубеже XIX–XX вв. Этот тип нарративного источника может служить материалом не только для анализа биографических аспектов конкретного человека, но и для изучения поведения других членов данной референтной группы. Анализ ситуаций взаимодействия подростков-обетников и монашествующих дает возможность получить представления о разных сторонах как внутримонастырского существования, так и жизни подростков внутри монастырских стен.

В статье предпринята попытка исследовать закономерности «коллективной биографии» подростков-обетников и реконструировать ее часть, относящуюся к жизни подростков в монастырях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Основные сведения по данной теме можно извлечь из нарративных источников, находящихся в собраниях Отдела письменных источников ФГБУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художе-

ственный музей-заповедник» (Смирнова, Беляева 2009), Древлехранилища Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Воспоминания Григория Яковлевича Ситникова...; Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания...), научного архива ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник» (Кошилев, Балыченко 1981; Кондратьева, Карачун 1982; Кондратьева, Курганова 1983; Цыварев б.г.). Некоторые воспоминания опубликованы – например, полевые материалы этнографических экспедиций фольклорной секции Союза советских писателей и Государственного литературного музея, собранные в 1934–1937 гг. в деревнях Приморского района Архангельского округа Северного края, и мемуары об истории семьи (Рождественская 1941: 30–50, 166–203; Лебедева-Королева 2019). Отдельные воспоминания находятся в семейных архивах (Интервью Т.С. Минаевой... 2022).

Вопрос работы в северных монастырях мирян-обетников частично рассматривался в дореволюционных путевых очерках отечественных и зарубежных авторов: освещались причины, по которым обетники приходили в монастыри, а также отдельные аспекты их повседневной жизни (Рае Е. 1881; Федоров 1889; Немирович-Данченко 1901). Современные российские исследователи рассматривают обычай труда мирян в обителях по обету как многовековую традицию русского народа. По словам историков, особая значимость придавалась и придается духовной составляющей обетничества, желанию «духовно потрудиться» в монастыре, взяв на себя что-то сверх повседневных христианских обязанностей (Кремлева 2001, 2010; Алексеева 2014). Сходным образом монастырский труд мирян освещают зарубежные исследователи (Olsen 2000; Papanopoulos 2010). Распространение традиции обетничества на территории Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. нашло отражение в исследованиях последних десятилетий (Бернштам 1983; Цветкова, Трошина 1987–1989; Ведерникова 2014).

Методологической базой исследования стал системный подход, анализирующий особенности крестьянского и монастырского быта, отраженные в воспоминания бывших подростков-обетников и связанные с историей общества. Рассматриваются также отдельные моменты биографий авторов, исследуются их взаимоотношения с другими членами монастырского социума, а также задачи, которые авторы выполняли в данном сообществе. В исследовании использован просопографический метод, дающий возможность изучать историю в динамике жизненного пути конкретного человека (Юмашева 1994; Петрова 2005: 641–643; Григорькин 2007: 43–45).

Традиция работы на монастырь по обету была широко распространена на Севере России. В конце XIX в. число взрослых обетников в Соловецком монастыре, например, в год составляло от шестисот до тысячи

человек (Сошина 1993: 3). Но наряду с взрослыми трудниками и сезонными рабочими монастыри принимали в качестве работников и подростков-обетников. В этом статусе через северные монастыри прошли многие жители как Архангельской губернии, так и других регионов России. Среди жителей близлежащих к Соловецкому монастырю деревень было много тех, кто в детстве и юности получил в обители те или иные трудовые навыки (Кондратьева, Карачун 1982: 37).

В мужских северных монастырях – Соловецком, Кожеозерском, Артемиево-Веркольском, Пертоминском, Трифонов-Печенгском, трудились по обету дети не только русских крестьян, но и представителей северных народов – лопарей и зырян (Кошелев, Балыченко 1981: 5). Монастыри брали на себя обязательства содержать детей и учить их грамоте и ремеслу. Мальчики посещали занятия по Закону Божию, чтению, чистописанию, церковному пению, в воскресные и праздничные дни присутствовали на богослужениях. Для работы с обетниками в монастырских мастерских назначали специалистов из братии.

Малолетние мальчики-обетники трудились в монастыре бесплатно, только «из-за хлеба», с 16 лет им полагалась плата за их труд. Их рабочий день по продолжительности равнялся рабочим часам взрослых трудников. Хотя монастыри задействовали детей на тех же послушаниях, что и взрослых, но чаще мальчиков посылали на более легкие работы.

Проживание в монастыре для детей было полезным. Почти всегда они приезжали в обитель не подготовленными ни к какой ремесленной работе. В монастыре дети имели возможность присматриваться к ведению различных отраслей хозяйства и техническому оснащению монастырских производств, приобретали различные трудовые навыки (Немирович-Данченко 1901: 66). Некоторые из детей оставались в обители дольше положенного времени (Кондратьева, Курганова 1983: 17). По окончании срока исполнения обета каждому юному насельнику монахи дарили на память подарки – деревянные ложки «с благословением» или литографические изображения памятных мест монастыря.

Причины обетничества

Основной причиной, заставлявшей ехать в «крайсветную обитель», были несчастья и болезни. За малолетнего ребенка обещание потрудиться в монастыре давали родители. Большинство таких обещаний исполнялось, иногда со значительной задержкой во времени (Смирнова, Беляева 2009: 307).

Болезнь, перенесенная во младенчестве, привела в Соловецкий монастырь Григория Яковлевича Ситникова (1859 г. р.), крестьянина деревни Верхний Березник Ущельского прихода Мезенского уезда Архангельской губернии. В 1886 г. он трудился в Соловецкой обители, исполняя

данный родителями обет: «У меня у годового была трясучая болезнь, потому родители мои и дали обещание год жить и работать в Соловецком монастыре» (Воспоминания Григория Яковлевича Ситникова...).

Детское заболевание стало причиной работы на Соловках и Егора Степановича Цыварева (1891 г. р.), крестьянина деревни Долгое Архангельского уезда Архангельской губернии (Цыварев 2010: 97–102). Егор Степанович вспоминал: «...году от рождения еще не было, был у меня внутренний нарыв в горле, призван был фершал. Слышал от бабушки и матери, что фершал сказал тогда: “До утренней зари, дольше не проживет”. Бабушка и мать дали обет в Соловецкий монастырь: если выживу отправят меня потрудиться в монастыре. Поутру благополучно прошло». В 1908 г., по достижению им 17-летнего возраста, он был отправлен на Соловки» (Цыварев б.г.).

Таким же образом оказался в числе соловецких обетников Николай Васильевич Макаров (1867–1926), крестьянин деревни Матурино Череповецкого уезда Новгородской губернии. В 5-летнем возрасте он обварил руку крутым кипятком. Лечение не помогало, рука не заживала, стала болеть кость. Мать дала обещание Богу, что в случае выздоровления отправит сына на год на Соловки. В течение всего детского возраста Николай Васильевич перенес много заболеваний: «Воспоминания моей детской жизни – это ни что иное, как постоянная почти болезнь, а именно: золотуха, корь, оспа, глазная боль и летучий ревматизм, который я узнал с 6-го года и вылежал в постели более месяца, и мать просила меня дать обещание, если я выздоровею, то когда будет мне лет 14–17, отправлюсь [в] Соловецкий мон[астырь] и проживу там год, работая на монастырь, и что же я выздоровел благодаря Бога и св[ятых] угодников Соловец[ких] Зосимы и Савватия» (Смирнова, Беляева 2009: 308). Однако до монастыря Николай Васильевич доехал только в 1887 г. после очередной болезни, пообещав, что, если «выздоровею молитвами преп[одобных] угодников Зосимы и Савватия, то на будущую весну обязательно исполню свое обещание» (Смирнова, Беляева 2009: 308).

По причине болезни родных трудился обетником в Соловецком монастыре Степан Гаврилович Королев (1881 г. р.), крестьянин деревни Печерино Забелинской волости Устюжского уезда Вологодской губернии. Его мать сильно заболела и дала обет в случае выздоровления отправить одного из сыновей в монастырь на три года в работники. Выбор пал на 14-летнего Степана как на самого физически слабого, так как его отсутствие в семейном хозяйстве было наименьшей потерей (Лебедева-Королева 2019: 376).

Из-за данного родителями обета попал на Соловки Иван Степанович Карпов (1888 г. р.), крестьянин деревни Пермогорье Красноборского уезда Вологодской губернии (Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания...). Впервые Иван Степанович побывал на Соловках в

1899 г. Его мать при родах младшего сына дала обещание съездить к преподобным Зосиме и Савватию, взяв с собой старшего Ивана (Маркелов, Гречишкина 1992: 12). А в 1902 г. мать отправила его в Соловецкий монастырь на год. Интересно, что с мальчиком поехал пожилой крестьянин из соседней деревни «60-ти с лишком лет». Он ехал в возмещение того, что не выполнил в молодости данного обета. В качестве исполнения обещания старик «выкормил красавца-жеребца рыжей масти и повез его в Соловецкий монастырь» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16).

Еще одной причиной работы в монастыре детей-обетников были обещания, данные их родителями в неурожайные годы. Отправка в это время в обитель детей, с одной стороны, спасала их от голода, а с другой – позволяла выжить оставшимся членам семьи при нехватке продуктов. По этой причине поступил обетником в Соловецкий монастырь Матвей Осеевич (фамилия не указана) (1879 г. р.), крестьянин деревни Лопшеньга Архангельского уезда Архангельской губернии; он был отдан в обитель из многодетной семьи «с хлеба долой» (Рождественская 1941: 217).

Северные монастыри, принимавшие детей-обетников

Анализируя воспоминания, выясняется, что самыми посещаемыми обетниками северными монастырями были мужские Спасо-Преображенский Соловецкий и Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский. При этом если в Соловецкий монастырь для работы по обету крестьяне ехали в течение почти всего периода существования обители, то Трифоно-Печенгский монастырь стал принимать обетников с момента своего возрождения в 1886 г. Иван Степанович Карпов вспоминал, что, добравшись до Соловецкого монастыря, обетники узнали, что из-за молодого возраста их могут не оставить на архипелаге, а послать в строящийся Трифоно-Печенский монастырь. Реакция желавшего остаться на Соловках подростка была яркой: «О, горе! куда за океан увезут – со скуки помрешь!» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16).

Из семи авторов воспоминаний, приведенных в данном исследовании, пятеро – Егор Степанович Цыварев, Степан Гаврилович Королев, Иван Степанович Карпов, Матвей Осеевич (фамилия не указана) и Григорий Яковлевич Ситников, работали по обету только в Соловецком монастыре. Николай Васильевич Макаров трудился по обету и на Соловках, и в Трифоно-Печенгской обители. Аристарх Максимович Черепанов работал в качестве обетника только в Трифоно-Печенгском монастыре.

Интересно, что те из подростков-обетников, кто трудился впоследствии в Трифоно-Печенгском монастыре, первоначально ехали работать на Соловки. Так попал на Кольский полуостров Аристарх Максимович

Черепанов (1885–1973), уроженец Вельского уезда Вологодской губернии. В 1900 г. в возрасте 15 лет его отправили в Соловецкий монастырь во исполнения родительского обета. Добравшись до Архангельска, он узнал, что «нашего брата – даровых работников, полон город <...> Шляясь между таких же ребят, мы услышали, как один взрослый человек говорил, что можно поехать в Трифоно-Печенгский монастырь и что он строится от Соловецкого монастыря. Мы обратились к нему, он сказал, чтобы мы шли в корпус № 7 и спросили отца Семена. Нашли, отдали ему свои паспорта, он дал нам записочку и указал номер ларька, куда следует обратиться, сказав, что нам там отпустят продуктов на дорогу» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Оказался в Трифоно-Печенгском монастыре, отработав по обету некоторое время на Соловках, и Николай Васильевич Макаров: «...я находился в сапожной мастерской два месяца, потом работал на покосе недели две и по прибытии с покоса <...> богомольцы, остававшиеся в монастыре, рассказывают, что приехал строитель Печенгского монастыря, который находится близ норвежской границы <...> и спрашивает желающих за послушание <...> ехать в Печенгский монастырь потрудиться <...> так как означенный монастырь <...> только начал возобновляться несколько лет тому назад <...> В числе 15 человек я так же пожелал отправиться в Печенгу <...> меня интересовало увидеть Северный край, народы, образ жизни, Ледовитый океан, так как до сего времени, кроме Белого моря, не бывал в плаваниях по морю. <...> И вот, отслушав напутственный молебен и получив благословение отца архимандрита Зосимы <...> отправились из Соловецкого мон[астыря] в Трифоно-Печенгский чрез город Архангельск на пароходе “Соловецкий”» (Смирнова, Беляева 2009: 318).

Дорога в монастырь

В Соловецкий монастырь обетники добирались через монастырские подворья на материке. В Архангельске они ожидали монастырский транспорт на двух подворьях – Соловецком и Соломбальском. Первое располагалось в центре города на берегу реки Северной Двины, второе – в черте города, на Соломбальском острове. Соловецкий монастырь имел подворья и на Кольском полуострове. В городе Кемь подворье обители, по разным сведениям, находилось или в районе Баб-губы, или на Поповом острове. В городе Сумской посад также имелось монастырское подворье, при котором для путешествующих была устроена гостиница (Волкова 2010: 104).

Егор Степанович Цыварев вспоминал: «Ехал из Соломбалы, с Соловецкого подворья, на пароходе “Соловецкий”. Капитан парохода был из поморов, наемный. Команда – тоже вся наемная. Только официант для

первого класса – из годовиков, из ребят. Мы все время на воды, качки не боялись. А были вологодские, вятские <...> из разных губерний, те шторма боялись. Все, которые воды не видали, те в трюмы. Катаются, спускают обоими концами. На палубе совсем мало ехало. Пароход “Соловецкий” ходил за 12 часов, “Михаил” – за 16 часов, “Вера” – за 14–15 часов. Столько же “Вера” ходила, если буксировала трехмачтовый корабль» (Цыварев Е.С. б.г.).

Николай Васильевич Макаров добирался до Вологды из Череповецкого уезда Новгородской губернии на перекладных, «от Вологды до Архангельска ехали все “водяным путем”: Вологдою – речкою 30 верст, потом Сухоною 500 верст» (Смирнова, Беляева 2009: 311). В Архангельске «остановились сначала в гостинице, но, узнавши, что для богомольцев есть две гостиницы Сол[овецкого] мон[астыря]: одна недалеко от гостиницы, а вторая в пригородке города Архангельска, верстах в 5-ти, называемом “Соломбалы”. В первой совсем некуда было поместиться, пришлось ехать в Соломбалы на маленьком пароходике, которые часто ходят взад и вперед. По приезде на Сол[овецкое] Соломбальское подворье нас поместили в номере второго этажа шесть человек: нас трое, двое ужских Новгородской губ[ернии] и один пермской купец. Прислуживают посетителям послушники Сол[овецкого] мон[астыря], например, самоварчик согреют, комнату приберут, а кушанье готовит уж кажды[й] про себя, кому чего заблагорассудится» (Смирнова, Беляева 2009: 312).

Иван Степанович Карпов, посетивший Соловки впервые в качестве паломника в 11-летнем возрасте в 1899 г., добирался с матерью из Красноборского уезда Вологодской губернии сперва неделю на барже, «платили по 50 копеек, а на пароходе надо платить рубль. За билет в Соловки нужно 4 рубля, но у нас денег не было, и мама подала в кассу 15 аршин белого полотна. Пароход «Михаил Архангел» небольшой, нас посадили в трюм. Поднялась такая качка, что людей и вещи кидало, как щепки, из стороны в сторону. <...> В гостиницу [в монастыре] нас не пустили, а отправили в купальню на Святое озеро, где после купания дали ярлык для входа во Святые ворота монастыря. Нашу нищенскую одежду мама вымыла и высушила на солнце на берегу моря. Пробыли мы в монастыре пять дней» (Маркелов, Гречишкина 1992: 12). В 1902 г., когда И.С. Карпову было 14 лет, он вернулся на Соловки в качестве обетника. Добирался до Архангельска так же – сперва «на барже за пароходом 8 дней. <...> Прибыли в Архангельск рано, море не очистилось ото льда, и Соловецкие пароходы еще не пришли. <...> Ночевали на Соловецком подворье. Наконец дождались Соловецкого парохода» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16).

Монастырские послушания

Трудовые послушания распределялись монастырским начальством, учитывались возраст мальчиков, производственные навыки, способности, образование. Выбирать работу самому обетнику не разрешалось, так как все, поступавшие в монастырь, отказывались от своей воли. В случае плохого поведения или лени обетника могли выслать из монастыря, однако такие ситуации происходили очень редко. В основном прибывшие исполнить обет мальчики отличались скромностью, работоспособностью и хорошей дисциплиной (Смирнова, Беляева 2009: 307).

Обычно вопрос распределения на послушания решали наместник, строитель или старшая братия обителей – служебные старцы. К наместнику отправился, приехав на Соловки, Николай Васильевич Макаров: «...на третий день я сходил к наместнику, что б принял в число годовых богомольцев. Он <...> узнав, что я сапожник и по письменной части могу заниматься, сказал, что мы более нуждаемся в ремесленных, как в писарях, потому и отправил в сапожную мастерскую, предварительно просил сдать свое платье в рухлядную, а тебе там выдадут монастырское» (Смирнова, Беляева 2009: 317).

По воспоминаниям Егора Степановича Цыварева, «в [Соловецкий] монастырь до 900 человек годовиков [обетников] набирали. Приезжавших потрудиться по обещанию встречали на пристани, у каменной гостиницы, старосты – как теперь бригадиры. В монастыре ведь было и плотницкое, и столярное, и слесарное дело, и сельское хозяйство. Меня в монастырь отец привез. Он тоже работал в Соловках, тоже подростком 16–17 лет. Привел меня в келарскую, там определили меня старшим столовщиком в верхнюю братскую трапезную Успенского собора» (Цыварев 2010: 98).

В Трифоно-Печенгском монастыре обетников на послушания распределял также наместник. Николай Васильевич Макаров вспоминал: «...на другой день наместник <...> распределил богомольцев, приехавших по послушаниям, кто какие ремесла знает. Я назначен в сапожную мастерскую еще с другим богомольцем. А по приезде строителя исполнял послушание келейника при нем, в свободное время сапожничал. Потом строителем было избрано семь чтецов для исполнения монастырских служб и правила <...> В числе этих семи находился и я. Означенные послушания исполнял с 25 августа 1888 г[ода] по май м[есяц] 1889 г[ода]. С 1-го мая строитель отправил [меня] еще с двумя богомольцами – моршанским купцом А.И. Юсовым и моим земляком Р.И. Лоскутовым, на рыбные промыслы для забору от лопарей семги» (Смирнова, Беляева 2009: 320).

Аристарха Максимовича Черепанова по прибытии в Трифоно-Печенгский монастырь, сразу привлекли к работе: «Нас заставили разгружать. Носили мешки с мукой по 4,5 пуда. Другие мои товарищи носили

вдвоем, а я носил один по мешку. Я смолоду, да и всю жизнь на силу не обижался. По приходе в монастырь – скит. Нас повели в баню. Здесь же в бане <...> сменили всю одежду: выдали по сапогам, халату, а на голову островерхий колпак из плисовой материи (скуфья)» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Исключение из общей картины об участии руководства и старшей братии монастырей в распределении обетников на работы представляет рассказ Ивана Степановича Карпова. Так как у мальчика среди братии Соловецкой обители был родной дядя, то, прибыв на архипелаг, Иван пришел «к своему дяде Прокопию Петровичу». Уставщик клироса церкви святителя Филиппа посоветовал направить Ивана к регенту соборного хора. «Привел меня дядя. <...> Стоит фисгармония и висит на стене скрипка. [Уставщик] нажимает клавиши и заставляет тянуть звук. <...> Дядя дожидается результатов. Регент велел приходить на клирос в [Преображенский] собор <...>. Боже мой, какое удовлетворительное чувство я испытал тогда» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16). На клиросе Преображенского собора Соловецкого монастыря И.С. Карпов пел два года (Щипин 2011: 52).

Основными послушаниями, на которых задействовали в монастырях детей-обетников, были сельскохозяйственные работы – выращивание овощей, сенокосы, работа в различных мастерских. Степан Гаврилович Королев работал в Макарьевской пустыни Соловецкого монастыря, выращивая в теплицах монастырского ботанического сада экзотические фрукты (Интервью Т.С. Минаевой 2022). У Николая Васильевича Макарова основными послушаниями были уход за лошадьми, выращивание капусты и изготовление деревянной посуды, работа на морских тонях (Смирнова, Беляева 2009: 317). Аристарх Максимович Черепанов рассказывал о своем первом послушании в монастыре – «возить песок на дорогу к морю. <...> Потом ходили на пожни по берегу реки Печенги, обставляли подпоры у каждого стога. <...> Через неделю с начала покоса меня определили в помощники кашевару. Продукцию мы переправляли по реке на баркасе. У нас было мясо оленье, больше солонина, но хорошее. В постные дни рыба – палтус, треска, зубатка, не всегда – кета. Бочонок коровьего топленого масла и растительное масло, крупа пшенная и гречневая. Для пищи было очень хорошо» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.). Наиболее тяжелое послушание досталось Егору Степановичу Цывареву, он работал в соловецкой монастырской трапезной: «...работа столовщиком была тяжелая, сначала очень уставал, даже в глазах темнело». В трапезной кроме него работали и другие обетники на должностях хреновщика, квасника, сельдяника и ложкамоя (Цыварев 2010: 98).

Монастырский быт детей-обетников

Условия жизни в монастырях для обетников отличались от обычных условий крестьянского быта. По воспоминаниям Николая Васильевича

Макарова, в Соловецком монастыре «занятием или работой особенно не утруждают: утром встаешь в 5 часов, потому будят звонком, и с 5-ти до 8 ч[асов] работаешь, в 8 ч[асов] обед до 10-ти, 2 часа на обед, кто хочет – чай пей, если есть свой, а монастырского годовым не выдают, и поужинают 1 час, с 3-х до 6-ти работу продолжают, а в 6, кончивши, сразу же идут ужинать» (Смирнова, Беляева 2009: 317). В Трифоно-Печенгском монастыре, по записям Аристарха Максимовича Черепанова, распорядок дня был схожим: «Вставляли по колотушке (висела доска и в нее ударили молоточком) в 5 часов утра, в 6 – выход на работу, в 10 часов – чай на час, в 2 часа дня обед и 2 часа давалось на отдых. В 8 часов вечера – конец работы» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Монастырь обеспечивал детей казенной одеждой. Как вспоминал Николай Васильевич Макаров, давали «вместо фуражки колпак, а вместо пальто – балахон белый сурового полотна и такие же штаны, на ногах – бахилы или, по-нашему, прикройные сапоги» (Смирнова, Беляева 2009: 317). Про добротные монастырские сапоги, как символ богатой жизни, вспоминал и Степан Гаврилович Королев: «Сапоги у послушника были кирзовые, монастырь давал всем послушникам. Во как богато жили!» (Интервью Т.С. Минаевой 2022).

Обитель предоставляла мальчикам и бесплатное питание. В Трифоно-Печенгском монастыре, по рассказам Аристарха Максимовича Черепанова, «было две столовые, одна для рабочих, другая для монахов. В рабочей трапезе по скоромным дням варили мясной суп из соленой оленины и кашу пшеничную со скоромным, то есть растительным или животным маслом. Хлеба давали вволю, чаю – один и сахару – три фунта на месяц. Вволю давали очень хороший квас из солода. Одним словом, кормили хорошо. По праздникам давали белого хлеба – четверть булки обыкновенного пирога» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Почти все авторы воспоминаний пишут об особенностях жизни в монастырях, об условиях и правилах, которые отличались от крестьянского быта. Как вспоминал Иван Степанович Карпов, на все в монастыре необходимо было просить разрешения, причем особым образом: «Слово “дай” совершенно исключено в монастыре и заменено словом “благослови”. И мы, малыши, обращаясь между собой при просьбе, например, говорили: “Благослови, отец Иван, мне эту книгу”. Слово “отец” [было] обязательно прилагать к имени. Например, мы идем огребать снег и просим у мужика Семена лопаты и говорим: “Отец Семен, благослови лопату”. А он скажет: “Бог благословит”» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16). За проступки и шалости обетников наказывали поклонами. На певчих, к которым относился Иван Степанович Карпов, поклоны «налагал регент». Если же обетники дрались друг с другом, то должны были обязательно просить друг у друга прощения (Маркелов, Гречишкина 1992: 17).

При этом, несмотря на трудовую занятость, по рассказам Ивана Степановича Карпова, мальчикам выделяли время для игр: «Пришла весна. На прогулку стали нас водить на луг к морю. Поиграть мячиком с расчетом времени, чтобы не отрезан нам был путь вернуться обратно домой. Прилив воды затопит дорогу, и нам придется сидеть 6 часов до спада воды. Наиграемся, лисиц и оленей насмотримся, возвращаемся в пять часов к чаю» (Маркелов, Гречишкина 1992: 19). Про игры с представителями соловецкой фауны во время работы в монастырском ботаническом саду вспоминал и Степан Гаврилович Королев: «...прибегала летом лисичка, потрется о сапог, как собачка, и рядом побежит» (Интервью Т.С. Минаевой...).

Особые правила касались и принятия пищи. В воспоминаниях Аристарха Максимовича Черепанова имеется информация о том, что обетникам в Трифоно-Печенгском монастыре «было предоставлено право ходить в любую столовую. Конечно, братская столовая была лучше. Когда захочется мясного супа, ходим и в рабочую столовую, так как мясная пища монахам запрещена. Но посты и постные дни соблюдались в обеих столовых. В братской трапезе нам подавали: 1 – отварная рыба со сливками, 2 – суп рыбный с макаронами, 3 – каша. По воскресеньям еще гуцца (творог) в жареном (топленом) молоке. В посты и постные дни молочная пища не подавалась. Во время обеда послушник игумена читал житие святых. Нам как от профессионалов [работников], так и от братии доставалось кое-что. Например, давали семгу, [пироги]-рыбники, на скотном дворе – жареное молоко с пенкой» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Знакомство детей-обетников с культурой других народов

Обетники, трудившиеся в Трифоно-Печенгском монастыре, рассказывали о жизни лопарей, посещавших Печенгскую обитель. Это были лопари-ижимцы, «т[ак] к[ак] жили ранее на реке Ижине и переселились на Кольскую землю <...> Говорят все по-русски недурно и знают церковную службу хорошо» (Смирнова Беляева 2009: 32).

Николай Васильевич Макаров вспоминал, что «в один из воскресных дней [обетники] отпросились у строителя посмотреть лопарский погост, до которого 4,5 или 5 верст, где живет одиннадцать семей лопарских. Дома (или тупы) очень низкой постройки, маленькие, немногим побольше, какими строятся бани, а окна самые большие в 1 арш[ин], а то и ½ арш[ина], продолговатые, некоторые дома даже без сеней, крытые круглыми тонкими бревушками, а сверх обложены дерном. Крыша и потолок одно и то же, т[ак] к[ак] потолков нет. При входе в тупу чувствуется запах неприятный от оленьих шкур. В сенях, где нет шалашей из прутьев, лежат несколько овец, т[ак] к[ак] у некоторых [лопарей] име-

ется и скот. В тупе русской печи и даже маленькой нет, а есть очаг. В одном из углов дома навалено на пол земли слой в 4–5 вершков, по стенам две больших в 1 ½ арш[ина] длины и ширины каменные плиты толщиной от 1 до 2 вершк[ов].»

Николай Васильевич описал особенности приготовления пищи лопарями, отличавшееся от русских традиций: «...на очаге варят кушанье и пекут, но только лепешки пресные, т[ак] к[ак] без заквасы, и пироги с рыбой, называемые кулебяки. Название справедливое, размешав тесто, кладут эту кулебяку на доску и пекут у очага, где огонь от дров, большей частью сосновых, поставленных, как в камине, стоямя, ударяет сильно, отчего часто перевертывают, т[ак] к[ак] пригорает, и переверот и в несколько раз – готова: сверху подгорело, снизу подопрело, а в середине – тесто, даже рыба не совсем допеченная, которой нас угощали. Но рыба хорошая, гольцы и язи, ловят в озерах в зимнее время, а также налим» (Смирнова, Беляева 2009: 323–324).

Оставил описание лопарских жилищ и Аристарх Максимович Черепанов. Однажды на покосе обетники трудились около селения лопарей – деревни Москва. Лопари в деревне отсутствовали, так как «летом кочевали у моря», что дало возможность обетникам спокойно осмотреть лопарское селение: «В деревне был один домик с печкой и окнами, по-видимому, владельца побогаче. Остальные около десятка лачужек, собранные из наноса и прибоя моря – всевозможных видов досок, палок и прочего. В одном углу стены обмазаны глиной и вверху дыра для выхода дыма. Вот и все устройство хижины». Далее Аристарх Максимович описал своеобразие быта лопарей: «Летом к лопарям приезжали скупщики, спаивали их водкой, забирали за бесценок рыбу и уезжали. Лопари даже не смогли запастись солью, но спасало их то, что скупщики не брали голов от рыб, и лопари сушили головы рыб на солнце и зимой ими и частично олениной питались. Одевались они зимой и летом в оленьи шкуры. Белья не было, и от них всегда был неприятный запах <...> Но свои оленьи наряды они умели украшать. Особенно красивы были головные уборы у женщин и обувь на ногах» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Подробно рассказал об одежде лопарей Николай Васильевич Макаров: в жилище «у потолка по стенам прикреплены шесты, на которых висит одежда лопарей, состоящая: “пичёк” – верхняя одежда, надеваемая с головы, т[ак] к[ак] без разреза, “ёры” – штаны, “каньги” – обувь и тут же большая шляпа, у некоторых опушенная по краям лисицей, и все это из оленьих шкур шьют жилами, заменяющими нитки. Женщины из овечьей шерсти вяжут рубашки, чулки и рукавицы» (Смирнова, Беляева 2009: 324).

Передвигались лопари на оленях: «повозки для одиночной езды – корёжи, для многоместной – нарты (легкие сани на высоких копылках).

Упряжь – нечто вроде хомута, надевается на шею снизу и наверху состегивается у самцов. Самки обычно комелые, иногда им надевают через голову. Это все равно, что мягкая лямка – петля внизу под грудью, к ней прикрепляется ремень – оглобля. С боков ничего нет. В руках у ездока длинный шест – хорей, длиной около двух метров. Им погоняет, а когда надо остановить, хорей бросает вперед, и олени останавливаются. С правого боку к узде на голове оленя прикрепляется одна возжина “ина”. Если нужно вправо, тянут за “ину”, а если влево, то ту же возжину перекидывают на левый бок и тоже тянут, и олени идут влево» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Николай Васильевич Макаров вспоминал, что, погостив в лопарской деревне, монастырские обетники попросили лопаря Кузьму Копытова довести их до обители на оленях: «...покуда пили чай, олени были уже готовы и запряжены в сани с аршинными вышиною копыльями на длинных полозьях в сажень[ь], а сиденье на конце полозьев». Кузьма Копытов заложил в эти сани пару. Упряжь состояла «из хомута мягкого, за который под шеей [оленя] пристегивается ремень, под животом проходит к саням, где и прикрепляют к саням. Сзади саней еще один олень привязывается за рога, он называется держальником, т[ак] к[ак] при спуске под горы упирается задний, а передние скачут в галоп» (Смирнова, Беляева 2009: 324).

Несмотря на бедность жилищ, лопари обязательно держали в домах православные иконы: «...в переднем углу у каждого лопаря есть какой-нибудь образ Спасителя, Богородицы или одного из святых, большей частью пр[еподобного] Трифона» (Смирнова, Беляева 2009: 324).

Однако, по словам Аристарха Максимовича Черепанова, хотя они и приезжали зимой в Печенгский монастырь каждое воскресенье, все же «в церкви вели себя непристойно: разговаривали, иногда ссорились и частенько вдруг шлепнут друг друга по плечи. Ведь другого места у них из-за шуб уязвимого нет, а большинство мужиков плешивые. Приезжали они не ради богомолья, а чтобы пообедать» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Аристарх Максимович Черепанов вспоминал и о приезде в монастырь и норвежцев, он охарактеризовал их так: «...норвежата – народ рослый, здоровый, белые, чистотлицы» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.). С особенностями жизни Северной Норвегии познакомился в конце своего обетничества и Николай Васильевич Макаров. Ему удалось побывать за границей по дороге домой: «...из Печенгского монастыря до губы, т[о] е[сть] Баркиной колонии, отправились 6 мая, был еще снег, и ехали на оленях. От Баркиной колонии на ёле были доставлены на паром «Чижев» в числе настоятеля и четырех богомольцев. С разрешения побывали в двух норвежских городах – уездном Вадсе и губернском Вардэ. Вардэ – город небольшой, постройка большей частью деревянная, крытая железом, тесом, больше черепицей и прямо по подкалу –

дерном. <...> Осмотрели крепость, выложенную из кирпича, не очень высокая, не более 3–4 арш[ин] вышины» (Смирнова, Беляева 2009: 327).

Итоги пребывания детей-обетников в северных монастырях

Жизнь в монастыре и труд положительно сказывались на физическом состоянии обетников. Степан Гаврилович Королев вернулся домой через год обетничества широкоплечим, статным, сильным юношей (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.). Вырос «на целую голову» и Иван Степанович Карпов (Карпов б.г.).

Почти все авторы воспоминаний возвратились домой с результатами приобретенных трудовых навыков – с вырезанной собственноручно деревянной посудой или с полезными в крестьянском хозяйстве инструментами. Егор Степанович Цыварев «привез две ложки с перстами, картинку с монастырем, переплетный станок, крючок для выделки ложек» (Цыварев 2010: 102). Традиционную соловецкую деревянную расписную посуду, изготовленную своими руками, привез домой Николай Васильевич Макаров. По словам Ивана Степановича Карпова, монастырь давал подросткам-обетникам «направление в жизненный путь» (Щипин 2011: 52).

Авторы воспоминаний положительно отзывались о времени, проведенном в монастырях. Несмотря на то что образ жизни в обителях отличался от крестьянского уклада, подростки имели возможность не только работать, но и учиться, и играть, чего зачастую не могли делать дома. Обетники, трудившиеся в Трифоно-Печенгском монастыре, отмечали трудную морскую дорогу до обители, климатические особенности Кольского полуострова – короткий световой день и северное сияние, а также популярность обители преподобного Трифона Печенгского среди лопарей и норвежцев. Подросткам, работавшим в Соловецком монастыре, запомнились монастырские святыни и большое количество народа в обители – трудников, наемных работников, паломников. Авторы воспоминаний акцентировали внимание и на передовом монастырском хозяйстве, оснащенном по последнему слову техники. Егор Степанович Цыварев вспоминал, что во время своего послушания в трапезной он пользовался машинкой для чистки картошки: «...ее приводом вертели, в машину лилась вода, и картошка выходила почищенная, чистая» (Цыварев 2010: 99). Иван Степанович Карпов, вернувшись домой, заметил, что «в избе убожество, темнота, окна – маленькие дыры». Имея возможность сравнить хозяйство среднестатистического крестьянина с технически оснащенным монастырским хозяйством, Иван Степанович сделал неутешительный вывод: «...я увидел и понял свое убогое нищенское положение. В хозяйстве нет ни лошади, ни коровы, сенокосные наделы отданы мамой за пашню трех земельных наделов. Земля без удобрений и при

плохой вспашке начала пустеть и зарастать сорняками» (Маркелов, Гре-чишкина 1992: 22).

Почти всем авторам воспоминаний по окончании срока обетничества монастырское начальство предлагало остаться еще на некоторое время. Однако ни один из них не согласился: у Аристарха Максимовича Черепанова иссяк религиозный энтузиазм, Иван Степанович Карпов соскучился по дому, а Николай Васильевич Макаров, несмотря на то, что ему «монастырская жизнь в стороне от житейского моря была не противна», все же «истосковался в дикой и пустынной местности» Кольского полуострова.

Проведенное исследование дало возможность реконструировать часть «коллективной биографии» подростков-обетников, проживавших в обителях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. и оставивших воспоминания. В нарративных источниках отражены событийные закономерности данной части биографии годовиков: причины обета, возраст обетников, описание дороги до монастырей, распределение на послушания в обителях, выполнение послушаний, свободное время, отличие распорядка дня в монастыре от привычного для крестьянских мальчиков деревенского уклада.

Средний возраст авторов исследованных воспоминаний – 16 лет. Наиболее частой причиной их работы по обету в монастырях стала собственная болезнь, перенесенная в детском возрасте. Авторы воспоминаний отрабатывали обеты в двух северных монастырях – Спасо-Преображенском Соловецком и Свято-Троицком Трифоно-Печенгском. Из семи авторов воспоминаний пятеро работали по обету только в Соловецком монастыре, один трудился и на Соловках, и в Трифоно-Печенгской обители, а еще один – только в Трифоно-Печенгском монастыре. Время, проведенное подростками в монастырях, имело для них положительный результат – дети приобретали ремесленные навыки, обучались грамоте, социализировались в трудовой среде, имели возможность знакомиться с культурой других народов. Учитывая, что важную роль в составлении картины мира крестьян играли их поездки за пределы деревни (Плисак 2008: 126), можно сказать, что обетничество расширяло кругозор подростков. Их труд по обету в северных монастырях на рубеже XIX–XX вв. играл роль социального стабилизатора, служил связующим звеном между экономической деятельностью Церкви в лице монастырей и хозяйственными инициативами крестьянского социума. Обители способствовали росту своего авторитета среди местного населения, укрепляли связь с крестьянскими общинами, создавали предпосылки для возможного возвращения детей-обетников в монастыри в качестве наемных рабочих или насельников.

Переосмысление взаимоотношений различных слоев населения в дореволюционной России приобретает актуальность в условиях возрастающего общественного интереса к различным страницам прошлого нашей страны. Изучение сохранившихся нарративов, повествующих о

взаимоотношениях монашества и крестьянства на рубеже XIX–XX столетий, представляет собой важную часть воссоздания особенностей ушедшей эпохи, когда представления крестьян о мире дополняются описанием повседневных особенностей отдельной группы – монастырских подростков-обетников.

Список источников

- Алексеева Н.В. Обетная практика в православной традиции XVIII – XIX вв.: побудительные причины, формы, нормы поведения (по материалам европейского Севера России) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 4 (28). С. 55–62.
- Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- Ведерникова Н.М. Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). М.: Институт Наследия, 2014. 320 с.
- Волкова Е. Соловецкий монастырь в воспоминаниях паломников и трудников (по материалам историко-этнографических экспедиций СГИАПМЗ) // Соловецкое море. 2010. № 9. С. 99–109.
- Воспоминания Григория Яковлевича Ситникова. Начало XX в. // ИРЛИ РАН. Мезенское собрание. № 151.
- Григорьев В.А. Новое концептуальное направление исследования культурного наследия // Известия Алтайского государственного университета. 2007. Вып. 4–2. С. 43–45.
- Дневник тотемского крестьянина А.А. Замалеева (1902–1922). М., 1995. 273 с.
- Из воспоминаний Аристарха Черепанова о Трифоновом монастыре // Сайт Свято-Троицкого Трифоно-Печенгского монастыря. URL: <http://trifon-luostari.cerkov.ru/2002/07/27/iz-vozpominanij-aristarxa-cherepanova-o-trifonovom-monastyre/> (дата обращения: 15.01.2024).
- Интервью Т.С. Минаевой с жительницей г. Архангельска О.В. Лебедевой-Королевой от 20.05.2022 [Текст стенограммы] // Частное собрание Т.С. Минаевой.
- Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания. 1970-е гг. // ИРЛИ РАН. Красноборское собрание. № 162.
- Кондратьева В.Г., Карачун М.И. Дневник экспедиции в Приморский район. 1982 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 156.
- Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район. 1983 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 159.
- Кошелев Я.П., Балыченко Е.А. Дневник экспедиции на Кольский полуостров. 1981 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 145.
- Кремлева И.А. Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа // Святость и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. М.: Наука, 2010. С. 241–284.
- Кремлева И.А. Мирской обет // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 229–250.
- Лебедева-Королева О.В. Нити времени. Архангельск: Лоция, 2019. 392 с.
- Маркелов Г.В., Грешишкина С.С. Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания // Новый мир. 1992. № 1 (801). С. 7–77.
- Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д.И. Лукичева и Д.П. Беспалова. СПб.: Пропповский Центр, 2013. 288 с.

- Немирович-Данченко В.И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1901. 167 с.
- Петрова М.С. Просопография как метод исторического исследования // История через личность: Историческая биография сегодня. М.: Кругъ, 2005. С. 641–703.
- Плисак М.В. «Дневник крестьянина» как источник по истории мировоззрения сельского жителя (1916 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2008. № 29. С. 125–129.
- Пронин А.А. Полифония как принцип наррации в биографическом фильме-портрете // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 180–189.
- Рождественская Н.И. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск: Архгиз, 1941. 224 с.
- Слепцова И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. К 95-летию К.В. Чистова. Вып. 1: Идентичности, память, биографический текст. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2017. С. 79–96.
- Смирнова И.А., Беляева М.Л. Воспоминания обетника Николая Васильевича Макарова // Кириллов. Краеведческий альманах. 2009. Вып. 7. С. 306–333.
- Сошина А.А. Соловецкое богомолье // Соловецкий вестник. 1993. № 14 (79). С. 3–4.
- Текст дневника П.Т. Ананьина (подготовка публикации В.П. Ершова и И.В. Мельникова) // Кижский вестник. 2013. Вып. 14. С. 17–149.
- Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт: Кронштадтский вестник, 1889. 344 с.
- Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Научный отчет, дневник экспедиции на Летний берег в 1987–1989 гг. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574.
- Цыварев Е.С. Воспоминания. Начало XX в. // Научный архива ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 2. Д. 78.
- Цыварев Е.С. Из воспоминаний годовика. 1908–1909 (из воспоминаний Егора Степановича Цыварева, бывшего в Соловецком монастыре годовиком с мая 1908 по июнь 1909 г.) // Соловецкий сборник. 2010. Вып. 6. С. 97–102.
- Щипин В. Исповедь грешника // Архангельская старина. 2011. № 1–2. С. 50–57.
- Юмашева Ю.Ю. Проблемы просопографии // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1994. № 12. URL: <http://aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf> (дата обращения: 21.01.2024).
- Olsen H. Den østlige pilegrimsvei. Oppbrudd og vandring i russisk-ortodoks tradisjon. Oslo: Verbum, 2000. 237 p.
- Paganopoulos M. Land of the Virgin Mary: An ethnography of monastic life on Mount Athos. Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London, 2010.
- Rae E. The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. Printed by R. & R. Clark. Edinburgh: John Murray, Albemarle street, 1881. 425 p.

References

- Alekseeva N.V. (2014) Obetnaya praktika v pravoslavnoj tradicii XVIII – XIX vv.: pobuditel'ny'e prichiny, formy, normy povedeniya (po materialam evropejskogo Severa Rossii) [Vow Practice In The Orthodox Traditions Of XVIII - XIX Centuries: A Compelling Reasons, Forms, Behavioural Norms (Based On The Materials Of The European North Of Russia)], *Gumanitarij: aktual'ny'e problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*, 4 (28), pp. 55–62.
- Bernshtam T.A. (1983) *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v.* [Russian folk culture of Pomorye in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka. 233 p.

- Dnevnik totemskogo krest'ianina* A.A. Zamaleeva (1902–1922) [Diary of a Totem peasant A.A. Zamaleeva (1902–1922)]. Moscow, 1995. 273 p.
- Fedorov P.F. (1889) *Solovki*. Kronshtadt: Kronshtadtskij vestnik, 344 p.
- Grigor'kin V.A. (2007) Novoe konceptual'noe napravlenie issledovaniya kul'turnogo naslediya [A New Conceptual Direction for Cultural Heritage Research], *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 4–2, pp. 43–45.
- Interv'iu T.S. Minaevoi s zhitel'nitsei g. Arkhangel'ska O.V. Lebedevoi-Korolevoi ot 20.05.2022 (Tekst stenogrammy) [Interview of T.S. Minaeva with a resident of Arkhangelsk O.V. Lebedeva-Koroleva from 20.05.2022 (Transcript)]. *Private collection of T.S. Minaeva*.
- Iz vospominanii Aristarkha Cherepanova o Trifonovom monastyre [From the memoirs of Aristarkh Cherepanov about the Trifonov Monastery], *Web-site of the Sviato-Troitskiy Trifono-Pechengskiy monastery*. Available at: <http://trifon-luostari.cerkov.ru/2002/07/27/iz-vospominanii-aristarxa-cherepanova-o-trifonovom-monastyre/> (Accessed 15.01.2024).
- Karpov I.S. Po volnam zHITEiskogo moria. Vospominaniia. 1970-e gg. [On the waves of the sea of life. Memories. 1970s.]. *IRLI RAN. Krasnoborskoe sobranie*. № 162.
- Kondrat'eva V.G., Karachun M.I. Dnevnik ekspeditsii v Primorskii raion. 1982 g. [Diary of the expedition to Primorsky district. 1982]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 156.
- Kondrat'eva V.G., Kurganova L.V. Dnevnik ekspeditsii v Primorskii raion. 1983 g. [Diary of the expedition to Primorsky district. 1983]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 159.
- Koshelev Ia.P., Balychenko E.A. Dnevnik ekspeditsii na Kol'skii poluostrov. 1981 g. [Diary of the expedition to the Kola Peninsula. 1981.]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 145.
- Kremleva I.A. (2001) Mirskoj obet [Worldly vow]. In: *Pravoslavnaya zhizn' russkij krest'yan XIX–XX vekov: Itogi e'tnograficheskix issledovanij* [Orthodox life of Russian peasants in the 19th–20th centuries: Results of ethnographic research]. Moscow: Nauka, pp. 229–250.
- Kremleva I.A. (2010) Mesto obeta v mirovozzrenii i povsednevnoj zhizni russkogo naroda [The place of the vow in the worldview and everyday life of the Russian people]. In: *Svyaty'ni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: e'tnograficheskoe issledovanie* [Shrines and Holiness in the Life of the Russian People: An Ethnographic Study]. Moscow: Nauka, pp. 241–284.
- Lebedeva-Koroleva O.V. (2019) *Niti vremeni* [Threads of Time]. Arkhangel'sk: Lotsiia. 392 p.
- Markelov G.V., Grechishkina S.S. (1992) Karpov I.S. – Po volnam zHITEiskogo moria. Vospominaniia [Karpov I.S. – On the waves of the sea of life. Memories], *Novyi mir*, no. 1 (801), pp. 7–77.
- Muzhskoi rod. Pervoe litso. Edinstvennoe chislo: Dnevniki D. I. Lukicheva i D. P. Bespalova [Masculine. First person. Singular: Diaries of D. I. Lukichev and D. P. Bespalov]. St. Petersburg: Proppovskii Tsentr, 2013. 288 p.
- Nemirovich-Danchenko V.I. (1901) *Solovki. Vospominaniya i rasskazy iz poezdki s bogomol'cami* [Solovki. Memories and stories from a trip with pilgrims]. St. Petersburg: Izdanie P.P. Sojkina, 167 p.
- Olsen H. (2000) *Den østlige pilegrimsvei. Oppbrudd og vandring i russisk-ortodoks tradisjon*. Oslo: Verbum. 237 p.
- Paganopoulos M. (2010) *Land of the Virgin Mary: An ethnography of monastic life on Mount Athos*. Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London.

- Petrova M.S. (2005) Prosopografiya kak metod istoricheskogo issledovaniya [Prosopography as a method of historical research], *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya Segodnya* [History through personality: Historical biography today]. Moscow: Krug, pp. 641–703.
- Plisak M.V. (2008) «Dnevnik krest'yanina» kak istochnik po istorii mirovozzreniya sel'skogo zhitelya (1916 g.) ["The Diary of a Peasant" as a source on the history of the worldview of a rural resident (1916)], *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal*, no. 29, pp. 125–129.
- Pronin A.A. (2015) Polifoniya kak princip narracii v biograficheskom fil'me-portrete [Polyphony As The Principle Of Narration In The Biopic-Portrait], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 4 (36), pp. 180–189.
- Rae E. (1881) *The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia*. Printed by R. & R. Clark. Edinburgh: John Murray, Albemarle street. 425 p.
- Rozhdestvenskaia N.I. (1941) *Skazy i skazki Belomor'ia i Pinezh'ia* [Tales and fairy tales of Belomorje and Pinega]. Arkhangel'sk: Arkhgiz. 224 p.
- Shchipin V. (2011) Ispoved' greshnika [Confession of a Sinner], *Arkhangel'skaia starina*, no. 1–2, pp. 50–57.
- Sleptsova I.S. (2017) «Kollektivnaia biografiia» sel'skogo sotsiuma (po materialam dnevnikov iaroslavskogo krest'ianina P.V. Bugrova) ["Collective biography" of rural society (based on the diaries of the Yaroslavl peasant P.V. Bugrov)]. In: *Russkii sever. K 95-letiiu K.V. Chistova. Tom. Vypusk 1. Identichnosti, pamiat', biograficheskii tekst* [Russian North. On the 95th Anniversary of K.V. Chistov. Vol. Issue 1. Identities, Memory, Biographical Text]. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, pp. 79–96.
- Smirnova I.A., Beliaeva M.L. (2009) Vospominaniia obetnika Nikolaia Vasil'evicha Makarova [Memories of the monk Nikolai Vasilyevich Makarov], *Kirillov. Kraevedcheskii al'manakh*, Vol. 7, pp. 306–333.
- Soshina A.A. (1993) Soloveckoe bogomol'e [Solovetsky pilgrimage], *Soloveckij vestnik*, no. 14 (79), pp. 3–4.
- Tekst dnevnika P.T. Anan'ina (podgotovka publikatsii V.P. Ershova i I.V. Mel'nikova) [Text of the diary of P.T. Ananyin (preparation of publication by V.P. Ershov and I.V. Melnikov)], *Kizhskii vestnik*, 2013, Vol. 14, pp. 17–149.
- Tsvetkova L.I., Troshina T.I. Nauchnyi otchet, dnevnik ekspeditsii na Letnii bereg v 1987–1989 gg. [Scientific report, diary of the expedition to the Summer Coast in 1987–1989]. *Nauchnyi arkhiv GBUK AO «Arkhangel'skii kraevedcheskii muzei»* [Scientific archive of the State Budgetary Cultural Institution of Arkhangelsk Region "Arkhangelsk Museum of Local History"]. Fund 3, List 3, File 574.
- Tsyvarev E.S. (2010) Iz vospominanii godovika. 1908–1909 (iz vospominanii Egora Stepanovicha Tsyvareva, byvshego v Solovetskom monastyre godovikom s maia 1908 po iun' 1909 g.) [From the memoirs of a yearling. 1908–1909 (from the memoirs of Yegor Stepanovich Tsyvarev, who was a yearling at the Solovetsky Monastery from May 1908 to June 1909)], *Solovetskii sbornik*, Vol. 6, pp. 97–102.
- Tsyvarev E.S. Vospominaniia. Nachalo XX v. [Memories. Beginning of the 20th century.]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 78.
- Vedernikova N.M. (2014) *Solovki v pamyati pomorov (po materialam ekspeditsij v Pomor'e)* [Solovki in the memory of the Pomors (based on materials from expeditions to Pomorje)]. Moscow: Institut Naslediya. 320 s.
- Volkova E. (2010) Solovetskii monastyr' v vospominaniakh palomnikov i trudnikov (po materialam istoriko-etnograficheskikh ekspeditsii SGIAPMZ) [Solovetsky Monastery in

the Memories of Pilgrims and Workers (Based on Materials of Historical and Ethnographic Expeditions of the SGIAPZ)], *Solovetskoe more*, no. 9, pp. 99–109.

Vospominaniia Grigoriia Iakovlevicha Sitnikova. Nachalo XX v. [Memories of Grigory Yakovlevich Sitnikov. Beginning of the 20th century.], *IRLI RAN. Mezenskoe sobr.* № 151.

Yumasheva Yu.Yu. (1994) Problemy prosopografii [Problems of Prosopography], *Informacionnyj byulleten' Associacii «Istoriya i komp'yuter»*, no. 12. Available at: <http://aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf> (Accessed 21.01.2024).

Сведения об авторе:

ХАРИТОНОВА Яна Эдуардовна – старший научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский» (Архангельск, Россия). E-mail: khyana@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yana E. Kharitonova, Kenozero National Park (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: khyana@rambler.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 27 марта 2023;
принята к публикации 11 мая 2025.*

*The article was submitted 27.03.2023;
accepted for publication 11.05.2025.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Научная статья
УДК 398.22
doi: 10.17223/2312461X/48/6

Пересказ как инструмент из арсенала сказителя: герой-паспорт, герой-спонсор в эпосе пострижения волос (яттука, Филиппины)

Мария Владимировна Станюкович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, mstan@kunstkamera.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема исследования жанровых особенностей метатекстов, функционирующих внутри народной традиции. Пересказы и комментарии эпических сказаний – неотъемлемая часть жизни эпоса в культуре. Они уже привлекали внимание исследователей, однако не было попыток взглянуть на пересказы в разных, сильно отличающихся друг от друга традициях как на явления одного порядка. Автор дает краткий обзор выводов, сделанных коллегами-эпосоведами на материале Сибири и Новой Гвинеи, и представляет свои полевые материалы по теме, собранные в ходе 30-летней полевой работы со сказителями горных народов Филиппин. В центре повествования – краткий пересказ художда ни колот, сказания пострижения волос, сделанный молодым сказителем. Сказание исполняется во время обряда перехода – посвящения в высокий ранг мальчика. Данная публикация является первым изложением сюжета этого эпического жанра. В архиве автора семь аудиозаписей этого сказания на языках яттука и тували ифугао, сделанных в 1995–2025 гг. в трех муниципалитетах горной провинции Ифугао, и множество интервью со сказителями, посвященных соотношению пропеваемого поэтического текста и его пересказа. С точки зрения автора, первые же результаты сравнения столь разнородных материалов дают основание трактовать пересказ как некий феномен, отдельный жанр, который имеет свои структурные, сюжетные и лексические особенности. Он отличается от эпоса и функционально, поскольку выполняет задачи, отличные от исполнения собственно эпоса в его каноническом виде. Для понимания этого феномена важным оказывается именно сравнительно-типологический подход, который позволяет не замыкаться в пределах отдельных традиций, будь то фольклор Сибири или Южных морей, а проследивать общие жанровые закономерности.

Ключевые слова: устный эпос, пересказ, метатекст, *худхуд ни колот*, сказание пострижения волос, яттука, ифугао, Филиппины, обряд перехода, фольклор, антропология

Благодарности: Благодарю моих коллег С.Ю. Дмитренко, А.К. Касаткину, А.Г. Козинцева, Г.Б. Сыченко, Д.А. Функа за ценные замечания.

Для цитирования: Станюкович М.В. Пересказ как инструмент из арсенала сказителя: герой-паспорт, герой-спонсор в эпосе пострижения волос (яттука, Филиппины) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 113–136. doi: 10.17223/2312461X/48/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/6

Retelling as a Tool in the Arsenal of the Singer: Hero as a Passport, Hero as a Sponsor in the Epic of Hair-cutting (Yattuka, Philippines)

Maria V. Stanyukovich

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the RAS, Saint Petersburg, Russia, mstan@kunstkamera.ru*

Abstract. The article aims to raise the issue of defining genre features of a metatext in folk tradition. Retellings and commentaries of epic tales are integral parts of life of epic in traditional culture. They have previously attracted the attention of researchers, but there have been no attempts to regard retellings in different traditions as phenomena of the same order. The author gives a brief overview of conclusions made by fellow epic scholars studying epic lore of Siberia and New Guinea, and presents her own field materials on the topic, collected during 30 years of field work with storytellers in the mountain regions of the Philippines. The narrative centers on the short synopsis of the *hudhud ni kolot*, an epic tale of hair cutting, told by a young narrator, at that time a member of the choir, who soon became a soloist. The tale is performed during a rite of passage – the initiation of a boy into a high rank. This publication is the first presentation of the plot of that unknown epic genre. The author's archive contains 7 audio recordings of this tale, made from 1995 to 2025 in three municipalities of the Ifugao province, performed in the Yattuka and Tuwali Ifugao languages, and a number of interviews with storytellers regarding the relationship between the sung poetic text and its retelling. The very first results of the comparison of such heterogeneous materials, from the author's point of view, provide grounds for interpreting retelling as a certain phenomenon, a separate genre, which has its own structural, plot and lexical features, since it performs tasks that are different from the performance of the epic itself in its canonical form. To understand that phenomenon, a comparative typological approach is important, which allows us not to be limited to the boundaries of individual traditions, be it the folklore of Siberia or the South Seas, but to trace general patterns of the genre.

Keywords: oral epics, metatext, retelling, *hudhud ni kolot*, epic of the haircut, Yattuka, Ifugao, Philippines, rite de passage, folklore, anthropology

Acknowledgements: I thank my colleagues S.Y. Dmitrenko, A.K. Kasatkina, A.G. Kozintsev, G.B. Sychenko, D.A. Funk for valuable comments.

For citation: Stanyukovich, M.V. (2025) Retelling as a Tool in the Arsenal of the Singer: Hero as a Passport, Hero as a Sponsor in the Epic of Hair-cutting (Yattuka, Philippines). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 113–136 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/6

Пересказ и комментарий в эпосе Севера и Юга

Статья предлагает вниманию фольклористов и антропологов, работающих с разными культурами, материал, собранный автором во время экспедиций к филиппинским горцам с 1990-х гг. до наших дней. Автор полагает, что этот материал целесообразно рассматривать со сравнительно-типологических позиций.

Эпосоведение как научная дисциплина всегда имело дело с пересказами эпических сказаний. Любое эпическое сказание (текст первого уровня) огромно по объему, исполнение его иногда занимает несколько дней (а чаще ночей). Метатексты – пересказ, комментарий или по крайней мере их элементы – присутствуют как в устной традиции, так и в любом изложении эпоса на бумаге, начиная с ранних попыток фиксации (монастырские записи исландских саг, первые записи русских былин, тюркских сказаний и др.) до современных публикаций текстов, записанных с помощью аудио- и видеотехники. Представляется перспективным обратить внимание на то, как строится пересказ в традиционных культурах, сохранивших живую устную традицию.

Существуют эпические традиции, в которых пересказ является частью самого процесса сказывания. Для сибирского фольклора это было впервые замечено Н.П. Дыренковой в шорском героическом эпосе: «сказитель, пропев одно или несколько двустушии, излагает содержание пропетого...» (1940: XXXVIII). А.К. Стоянов в 1980-е гг. опубликовал образцы декламационного пересказа прежде пропетых хаем отрывков в героическом эпосе хакасов (Стоянов 1988: 588–590). Д.А. Функ отмечает, что исполнение в манере кай/хай с последующим пересказом, т.е. пения и пересказа, было осознано исследователями как особая форма сказывания лишь после того, как «в самом конце 1960-х гг. были сделаны первые магнитофонные записи шорского героического эпоса в его аутентичной форме исполнения горловым пением в сопровождении игры на музыкальном инструменте и с пересказом пропетых частей» (Функ 2011: 172). Практическая значимость пересказа, с его точки зрения, обусловлена сложностью понимания пропетого: «Нормой можно считать ситуацию, при которой аудитория либо вообще не понимает поющего текста, либо ухватывает лишь обрывки фраз и общее настроение» (Функ 2021: 168). Этномузыколог Г.Б. Сыченко, комментируя эпическое сказание «Ак Кан», опубликованное в издании шорского фольклора, сравнивает пропетые и рассказанные эпизоды и отмечает, что это сравнение «приводит к подтверждению высказанной А.И. Чудояковым мысли о том, что это не просто две формы трансляции эпического текста. Их можно рассматривать и как два параллельных разных текста [Чудояков 1998], из которых омузыкаленный текст, с нашей точки зрения, – закодированное, не вполне доступное для ясного понимания аудиторией

сообщение (курсив мой. – М.С.), вербальный же текст, изложенный эпическим стихом, является его развернутым толкованием» (Сыченко 2010: 42). «Текст поющих эпизодов представляется не связным, логически построенным повествованием, а *отдельными назывными конструкциями* (курсив мой. – М.С.), дающими лишь намек на невыраженное словесно, скрытое содержание. Можно уподобить его своего рода “конспекту” эпического текста, который присутствует параллельно тексту основному» (Там же). Об этом же говорит во вводной статье составитель тома (Арбачакова 2010: 19–20).

Это разительно напоминает описание серийных песен папуасов киваи, которые Б.Н. Путилов считал зачатками героического эпоса: «Особенность серийных песен – отсутствие в них связного, логически последовательного повествования. Слово “изложение”, так же как и понятие “сюжет”, применительно к таким песням может употребляться весьма условно. В песнях очень многие эпизоды и мотивы опущены, так что *текст оказывается внутренне фрагментарным, он весь состоит из отрезков* (курсив мой. – М.С.), которые между собой соотносятся с трудом. Каждая строфа в конечном счете может быть возведена к соответствующему эпизоду мифологического сказания, но связь между текстом песни и текстом сказания нередко строится на некоей образной или смысловой ассоциации. Другими словами, содержание серийной песни совсем не так ясно, как этого надо было ожидать: песне нужен построчный комментарий, основанный на знании мифа. При наличии такого комментария песня обретает сюжетную глубину и значимость, она с полным основанием может рассматриваться как эпическая песня. <...> сам характер воспроизведения эпизодов таков, что песня не проясняет, а скорее затемняет их смысл. Во всяком случае, непосвященному текст песни почти ничего не говорит» (Путилов 1978: 100–101; см. также Путилов 1980: 234–243).

Вопрос связности/несвязности текста пересказа остается в сибирском эпосоведении дискуссионным. Д.А. Функ в одной из своих последних публикаций оспаривает приведенные выше представления о фрагментарности пропеваемых шорскими сказителями эпизодов и демонстрирует, что им была выявлена «смысловая полнота и (за небольшими исключениями) грамматическая правильность каждого стиха», а также то, что пропеваемые и пересказываемые эпизоды идентичны (Функ 2021: 169–177). Разумеется, не автору данной публикации судить о тонкостях интерпретации сибирского фольклора. Однако 30-летний опыт работы с разнообразными живыми эпическими традициями позволяет мне рискнуть высказать два предположения. Во-первых, быть может, отнюдь не все певцы следовали тем же путем, как Таннагашев, с которым работал Д.А. Функ, – разве невозможно предположить наличие вариативности в этой области? Во-вторых, какими бы законченными и грамматически

правильными ни были пропетые каем «омузыкаленные» эпизоды, расшифрованные исследователем в ходе совместной работы со сказителем, для рядовых слушателей они все равно предстают в виде «темного» или, как говорят мои филиппинские информанты, «глубокого» текста, из которого можно понять только отдельные слова. Так и должно быть в архаичном эпосе, важнейшей функцией которого является общение с богами и духами (в первую очередь представленными героями эпоса), язык которых отличается от обыкновенного человеческого языка. В любом случае для заявленной мною темы важно еще раз подчеркнуть существование специфической формы исполнения эпоса, состоящей из пропеваемых и пересказываемых эпизодов, и необходимость сравнительно-типологических исследований форм пересказа.

Бытовой пересказ эпоса на Филиппинах

Если пересказ как часть исполнения – достаточно редкое для жанра эпоса явление, связанное в некоторых культурах, использующих технику горлового пения, с потребностью донести содержание до слушателей, то бытовой, неканонизированный пересказ вне процесса исполнения существует в любой культуре, владеющей эпической традицией.

Формы, адресаты, степень детализации, степень посвященности пересказчика и слушателя очень разнообразны.

На Филиппинах, где живой устный эпос до сих пор сохранился, сказители пересказывают содержание сказания друг другу, обсуждая свой репертуар; учитель пересказывает ученику, солист пересказывает участникам хора, чтобы они знали, как вторить (данная форма исполнения, кстати сказать, напоминающая манеру исполнения серийных песен папуасами киваи¹, была подробно описана в статье (Klimenko, Stanyukovich, Sychenko 2021)). Слушатели пересказывают содержание эпоса друг другу и сказителю, когда просят его спеть какое-то определенное сказание. Наконец сказитель, если владеет грамотой, может сделать себе план-шпаргалку, в которую заглядывает во время исполнения (так, например, поступил ятукский певец во время первого своего опыта солирования на похоронах, см. ниже) – или не заглядывает: конспект помогает сформировать план, и бумажка становится ненужной. Такие планы-записки зафиксированы также у исламизированных народов филиппинского острова Минданао, владеющих арабицей; французская фольклористка Николь Ревель писала о «черновиках» эпических сказаний у анимистов, жителей острова Палаван на юге Филиппин (Revel 1996). Я наблюдала этот феномен у горцев севера архипелага, на острове Лусон, среди сказителей-мужчин (женщины-сказительницы, как правило, неграмотны).

Очевидно, что содержание текста зависит как от рассказчика, так и от адресата. Один и тот же сказитель по-разному перескажет сказание для себя, для другого сказителя, для подпевающих ему участников хора, для фольклориста-антрополога, миссионера, школьного учителя или для собственного внука. Огромный интерес представляют регулярные несоответствия между пропетым и пересказанным, не осознаваемые сказителем, но выводящие исследователя на путь распознавания механизмов и архитектуры памяти исполнителя. Например, в похоронном сказании *яттука худхуд ни носи*, повествующем о пути души умершего в мир мертвых, кодированные топонимы – названия реальных деревень – различны для поющего текста и для его пересказа, в долговременной памяти они, так сказать, хранятся в двух соседних, смежных помещениях (см.: Станюкович, Козинцев 2016).

В пересказе на поверхность выходит эпический подтекст – понятие, введенное Б.Н. Путиловым (Путилов 1972; о его значении см.: Левинтон 1992). Выявляются отношения и связи, понятные для носителя традиции, но неочевидные для исследователя. Эпос, особенно ритуальный – канонизированный, как правило, довольно бесстрастный жанр², в то время как пересказ сказителя часто эмоционален и экспрессивен: он показывает отношение к тому или иному персонажу, выразительная мимика и интонации безошибочно указывают, какие действия и слова героев вызывают сочувствие, какие осуждение, что достойно осмеяния. Появляющиеся в пересказе мостики и объяснения причинно-следственных связей, которые в тексте сказания отсутствуют, могут быть правильными или ложными. В первом случае сказителю как носителю культуры очевидны глубинные вещи, которые чужак-исследователь не всегда понимает, что и почему в тексте опущено (статус адресата, опасения рассердить богов и духов, опасения обидеть или вызвать осуждение присутствующих, страх, что донесут в местную церковь и т.д.). Во втором это переосмысление непонятого сказителем в тексте, унаследованном от предыдущих исполнителей. Тут уже исследователь с широким кругозором может понять больше, исходя из знания исторических источников, свидетельств о культуре раннего этапа контактного периода (в нашем случае это рубеж XIX–XX вв.), уничтоженной в процессе христианизации, текстов родственных фольклорных традиций за пределами ареала бытования данного эпоса, а также общих законов эпического жанра.

Обряд пострижения волос

Волосы, кости (череп), зубы, ногти, телесные жидкости считаются вместилищами души и мощными магическими средствами, поэтому ритуалы, связанные с пострижением волос, обладают особой важностью в традиционной культуре многих народов мира (Ревуненкова 1992). Обряд

перехода *kolot* (пострижение) этнических групп яттука и тували ифугао, в центре которого манипуляции с волосами иницируемого, имеет соответствие в культуре других народов – от живущих на другом конце света нганасан (Грачева 1983) и калмыков, которые «по поводу первой стрижки волос <...> устраивают в доме пир-*найр*, на который приглашают только своих родственников» (Басангова 2008: 58), до близких филиппинцам по происхождению, языку и культуре австронезийских народов Индонезии и Малайзии, у которых обряд первой стрижки волос сопровождается театрализованным представлением (Ревуненкова 2010: 233). У батаков «дети ходят коротко и наголо постриженными, но на темени обязательно оставляют волосы»; «при первой стрижке волос преподносят дары тонди (душе. – М.С.), чтобы она не испугалась, а отрезанные волосы, содержащие много легко улетающей жизненной силы, старательно оберегаются (Там же 2010: 116). У пангасианов, равнинного народа Лусона, язык которого, как и яттука, принадлежит к южнокордильерской группе, существует обряд, имеющий ряд общих черт с обрядом пострижения волос в провинции Ифугао: «Когда ребенок достигает семилетнего возраста, родители совершают церемонию *rangso-gopa* (коронование)». Ребенка наряжают в праздничные одежды и ставят на помост посреди большого помещения. В обряде участвуют родители, крестные и гости; исполняется песня пангкорона, все хлопают в ладоши и обнимаются (Nelmida et al).

Упоминания об обрядах, связанных с пострижением волос, достаточно многочисленны, однако ни текстов («исполняется песня пангкорона»), ни их пересказов мы в литературе не находим.

Худхуд ни колот, сказание пострижения волос

В данной статье мы впервые представляем содержание ритуального эпического жанра, практически неизвестного не только исследователям, но и местным жителям провинции Ифугао, живущим вне крошечной территории, где он бытует. Даже в пределах этой территории число знающих о существовании такого вида худхуда, не говоря уж о его содержании, составляет ничтожно малый процент. Рубен Гуманган (56 лет, родился 23.12.1968), автор пересказа, – самый молодой из тех, кто сегодня способен вести партию солиста в сказании пострижения волос, обычно именно он исполняет сольную партию после смерти Аппин Гуманган (умерла в 2016 г. в возрасте 88 лет). Рубена могут подменять младшая сестра Аппин Уакина (Хоакина) Таябан (77 лет) и Фелиса Паякги, дочь Аппин. (Рубен также упоминает, что учился сказанию колота от Банайю Диннунган, которая была старше Аппин, однако он ни разу не присутствовал на ее исполнении этого сказания во время ритуала – ПМА 2025). Имея дело со столь хрупким жанром, находящимся

на грани исчезновения, важно собрать все относящиеся к нему свидетельства.

Сказание пострижения волос – особый вид ритуального эпоса худхуд, связанный с обрядом перехода для ребенка (обычно мальчика лет семи), возводимого в ранг *кадангьянга* – высший ранг в традиционном обществе яттука и тували ифугао, живущих в южной части горной провинции Ифугао. Это одновременно обряд жизненного цикла и престижный обряд. Мальчику отстригают «детские волосы» – длинный локон, оставленный с рождения нетронутым на затылке у детей из семей высокого ранга или просто разбогатевших и стремящихся иметь первого «аристократа» в семье (для получения ранга богатство обязательно должно быть унаследованным)³. Этот жанр мне посчастливилось обнаружить и впервые записать⁴ (в черновом, «ломаном» варианте) во время полевого сезона 1995 г. на Филиппинах. Повторная запись уже «обкатанного», несколько раз исполненного этим певцом сказания была сделана в 2006 г. Оба раза Нгаяв (Доминго Дулнуван) пел на тували ифугао (один из диалектов ифугао, языка центральнокордильерской группы). Позднее, в январе 2011 г. и январе 2012 г., сказание было записано на языке яттука (южнокордильерская группа), солировали Аппин Гуманган и Рубен Гуманган. Во всех четырех случаях сказание исполнялось под запись, а не в ходе обряда, который я уже не надеялась увидеть. В 2012 г. я наконец записала это сказание во время обряда. Ритуал проводился для Харви Кариньо Талосига, восьмилетнего мальчика из ифугаоской семьи с яттукскими корнями. Родители привезли его для этого из Австралии, где они уже много лет работают. К обряду готовились с рождения ребенка: ему сохраняли нестриженной прядь волос на затылке. Ритуал состоялся в ночь с 8 на 9 декабря в доме деда и бабушки мальчика, Зоило и Селестины Талосигов, в деревне Саламаги муниципалитета Ламут провинции Ифугао. В процессе пения, длившегося всю ночь, сменилось четыре солиста: Аппин Гуманган, Рубен Гуманган, Фелиса Паякги и Уакина Таябан (Станюкович 2025: 58, 61). Следующая запись состоялась в ночь с 28 на 29 декабря 2013 г. во время обряда колот в муниципалитете Кианган, Ифугао. Этот обряд был проведен для племянника видного деятеля ифугаоской культуры, председателя общества «Save the Ifugao rice terraces» Марлона Мартина. Мальчик вырос в столице Филиппин – Маниле, отец его не имеет отношения к горцам, но мать, сестра Марлона, стремилась привить сыну ифугаоское самосознание.

30–31 мая 2025 г., когда эта статья уже находилась в портфеле журнала, в Киангане был проведен еще один ритуал пострижения волос для мальчика из ифугаоской семьи, живущей в столице. Сказание исполняла та же группа яттука, сначала солировала Фелиса, потом Рубен.

Таким образом, в архиве автора появилась седьмая запись (аудио и видео) исполнения этого уникального эпоса; пополнилась также коллекция интервью о нем, взятых на протяжении последних 30 лет (ПМА. 1995–2025).

Название сказания звучит на яттука и тували ифугао почти одинаково, различается только грамматический показатель: *hudhúd di kolót* в тували ифугао, *hudhúd ni kolót* в яттука.

Публикуемый ниже пересказ сказания я записала от Рубена Гумангана, моего троюродного ифугаоского брата по адопции (с 1995 г.), в январе 2011 г. непосредственно перед тем, как они с Аппин Гуманган, самой авторитетной сказительницей муниципалитета Асипуло, спели худхуд под запись на языке яттука. Я понимаю центральнокордильерский язык тували ифугао и могу на нем объясниться, но разговорный яттука, язык южнокордильерской группы, на слух для меня непонятен совсем (хотя транскрибировать и понять общую канву записанного худхуда на яттука я могу ввиду общности структуры и формульного состава эпоса тували и яттука (см.: Klimentenko, Stanyukovich 2018)). Пересказ на яттука я бы на слух не поняла, поэтому попросила пересказать содержание сказания перед исполнением на английском. Выбор языка пересказа был обусловлен желанием не сбивать сказителя, чтобы он не перестроился на тували (яттука – родной язык Рубена, но он говорит и рассказывает на обоих языках). Английский, как совершенно чуждый традиции, не мог нарушить настрой на яттукаязычное исполнение.

Рубен (в яттуцком произношении Лóбин, с ударением на первый слог) – талантливый певец, знаток и хранитель культуры яттука. Помимо типичного для его деревенских соседей набора языков – яттука, тували ифугао и илокано – Рубен знает тагальский и английский. Ему будет приятно увидеть свои слова напечатанными еще и по-русски.

Пересказ сказания

Запись пересказа состоялась в доме покойной Аппин Гуманган в *ситио* (хутор, часть деревни) Какахха муниципалитета Асипуло провинции Ифугао 24 января 2011 г.

Исполнение сказания я снимала на видео, пересказ же, к сожалению, есть только в аудиозаписи, которая не передает мимику, но сохраняет выразительные артистичные интонации рассказчика. В переводе я постаралась насколько возможно отразить особенности оригинала, включая ошибки в местоимениях (в филиппинских языках нет грамматического рода, в том числе в местоимениях) и временных формах глаголов (нет чистого времени, только видовременные конструкции).

Кажется, пиджины и креольские языки тяготеют к использованию притяжательных местоимений вместо личных и к выбору женского рода (если есть категория грамматического рода и разделение местоимений

на мужские и женские). Это отражено даже в названии ныне утраченного норвежско-русского пиджина, торгового языка, которым пользовались и русские, и норвежцы – «твóя по мóя». Дерсу Узала, говоривший на русско-китайском пиджине, ставшем широко известным благодаря книге В.К. Арсеньева и фильму Акиры Куросавы, тоже решительно предпочитает женский род. Рубен, конечно, говорит не на пиджине, а на очень неплохом английском, однако при выборе английского местоимения он выбирает женский вариант. Главный герой, мальчик-юноша по имени Гумминнигин, а также жених – муж его сестры часто представлены в рассказе местоимением «она».

Рис. 1. Рубен, автор пересказа и участник хора, на пути к дому солистки Аппин

Рис. 2. Дом Аппин в Какахха. Фото М.В. Станюкович 24 января 2011 г., пров. Ифугао

Действующие лица:

Гумминнигин – герой, мальчик из деревни Гонхадон

Индангунай, жена Пангаивана, мать Гумминнигина из деревни Гонхадон

Буган, пропавшая старшая сестра Гумминнигина, родом из деревни Гонхадон, живущая в деревне Дулнувон

Алигуюн – жених/муж Буган из деревни Дулнувон

Сказание повествует о поисках пропавшей сестры маленьким братом, родившимся после ее исчезновения. Мальчик разбивает волчки товарищей по играм (обычное «озорование» эпического героя); те в отместку рассказывают о том, что у него пропала сестра. Герой отправляется в поход на охоту за головами с целью найти сестру или отомстить за нее. Он несет в качестве своего пропуска, «**паспорта**» по выражению сказителя, передающуюся по наследству связку бус (головное украшение), которые девушка легко опознаёт как семейные драгоценности; сам брат выступает в качестве «**паспорта**» сестры, удостоверяя ее благородное происхождение и восстанавливая связь с родственниками, и в качестве «**спонсора**» (распорядителя) на ее свадьбе. Найденная сестра и ее муж устраивают юному герою пострижение волос, отросших за годы его странствий.

Сказание поют ночью под полом свайного дома (как было в Саламаги) или во дворе рядом с современным наземным жилищем (как было в Киангане), в котором одновременно мужчины-жрецы исполняют *báki* – обращение к богам и духам, приносят в жертву кур и читают предсказания по желчному пузырю жертвенных свиней и карабао – водяного буйвола (крупных животных закалывают на земле, чуть в стороне). Пострижение волос посвящаемого в обряде, согласно замыслу, происходит одновременно с пострижением героя в сказании, в реальности же сначала сказание допевают, после этого посвящаемый мальчик демонстрирует свои воинские навыки: кидает копье в банановый ложный ствол, а затем ритуальный специалист отрезает ему длинный локон.

Итак, вот перевод записи.

МВС – Мария Владимировна Станюкович, РГ – Рубен Гуманган.

МВС: Ну расскажи мне.

РГ: На английском или на тували?

МВС: Сейчас на английском.

РГ: На английском. *Kolót* – это эээ... когда Гумминнигин был маленьким, когда они играют в волчок, в *bawót*, они играют в *bawót*, в волчок...

МВС: Угу, угу.

РГ: она... он всегда выигрывает.. вает, поэтому его друзья, они ... они... они проиграли игру, и сказали, что:

– Ты всегда побеждаешь, но ты не можешь найти свою сестру Буган.

Но Гумминнигин сказал, что:

– Оой, я за... я не знал, что у меня есть сестра, но вы говорите, что моя сестра...

Я пойду, пойду спрошу свою маму Индангунай.

Ну, когда она пришла домой, он пришел домой, она сказала, что:

– Мама, почему ты мне не сказала⁵, что у меня есть сестра, моя сестра потерялась, почему ты мне не сказала, из-за этого мои друзья, когда я эээ... побеждаю, а они проигрывают, они все жалуются, что я всегда побеждаю, а вот сестру свою не могу найти, потерянную сестру.

Поэтому ее мать сказала, что: – «Кто тебе сказал?»

Он сказал, что – «Мои друзья, ну там, когда мы в волчок играем, и я эээ... разгромлю их, они мне то и се говорят, так что можно спросить тебя, у меня и вправду есть сестра?»

Ну, Индангунай сказала, что:

– Ты... ты бы и не узнал, вот почему я тебе и не говорю, потому что она пропала.

Но он сказал, что – «Нет, я точно найду сестру!», ну ее мать сказала, что:

– Ты не можешь биться, потому что еще мо... маленький, у тебя еще борода не росла, может тебя встретят отцовские враги на своем пути, убьют!

Но он сказал, что «Нет! Я буду биться, буду искать сестру!», ну [нашли] средство, мать говорит, что ты возьми *baggobág*, бусы Буган, ну пойдешь продавать их туда-сюда, да [возьми] при... пригоршню... сделал пыли [пригоршню] <нрзб-МВС> или речного песку, возьми ее, и если они спросят «Сколько просишь?» – ты покажи, сколько пылинок, если они считать, и они забыли, и сказали:

– Нет, мы не будем покупать, трудно ...эээ... ну, трудно пересчитать эти пылинки, ай, эти песчинки, ты туда иди! туда иди! Поэтому, так [и было] на ее пути, на его пути, пока он не дошел до Дулнувана. Когда пришел в Дулнуван, через сколько месяцев, сколько лет, тогда они сказали, что некий человек, Алигуюн, женится на женщине, но у них нет бус, потому что она оставила их в их [родительском] доме, ну они сказали, что ты иди туда вниз, ищи ее. Когда Гумминнигин спустился, сестра:

– Ты почему пришел?

И он сказал, она сказала, что:

Я придумал продавать эти бусы, но не вправду продавать, а искать сестру, потому что она много лет назад пропала, потому что моя мать мне сказала... ээээ... как будто я буду продавать бусы, но я не буду, я им назначу высокую цену, так что их не смогут купить, так что они будут моим **паспортом**, чтобы искать старшую сестру.

Ну, когда Алигуюн говорить, что не плачь, потому что она сказала, что ударит Ал... Гумминнигина, но муж сказал:

– «Не делай этого, у вас одно лицо, может вы брат и сестра», ну когда она успо... когда Алигуюн успокоил Буган, тогда она сказала [жене], что

– Иди в дом и готовь еду, видишь теперь, что она устала, она теперь исхудала, у него длинные волосы, так что иди готовь, так что мы его покормим, и будем... станем истории рассказывать, так что ты узнаешь, зачем он продает эти *inipul*, бусы.

МВС: Ты раньше рассказывал, что у него отросли длинные волосы, потому что он долго бродил.

РГ: Да, вот почему... эээ... вот почему волосы Алиг... Гумминнигина такие длинные, потому что он бродил в поисках сестры. Ну когда они поговорили, когда закончили есть, аааа... Гумминнигин так объяснять, что:

– «Когда я всегда побеждаю со своим волчком... разбиваю [их] волчки... они мне значит говорят»: «Ты все... всегда побеждаешь, но не можешь искать свою сестру... она пропала много лет назад»,

потому что она нашла средство чтобы найти свою сестру, ну когда она пошла в Дулнуван... ээээ... шурин сказал накормить его, они пошли поесть, и истории рассказывали, он [Алигуюн] сказал, что мы устроим нашу *уиу*, нашу свадьбу, хорошо, что ты принес эти, как их... *inipul*, так Гумминнигин сказал:

– Мать научила меня, чтобы я продавал их по очень высокой цене, чтоб их не могли купить, чтоб они были моим **паспортом** в поисках сестры,

ну так они теперь счастливы, потому что аааа... у них теперь есть аааа... *ispónsor*, как будто главный распорядитель, потому что они не могли найти, откуда Буган пришла. Ну а Гумминнигин [сам для Буган] **паспорт**, ну когда они сказали, что:

– Да! Мы теперь пострижем тебе волосы, мы устроим колот, прежде чем праздновать свадьбу, так что ты пойдешь домой в Ду... в Гонхадон, и позовешь ааа... маму Индангунай инПангаиван⁶ и наших родственников, чтобы устроить свадебное празднование, свадебный пир.

Хорошо! Ну вот история *колота*, они еще забьют karabáw и свиней.

Некоторые пояснения и выводы

Рассмотрим сначала аспекты текста, которые могут быть непонятны для людей, далеких от культуры ифугао.

Почему обиженные дети сказали герою о пропавшей сестре «в отместку»? Почему герой так негодует, что от него скрыли пропажу сестры?

Пропажа родственника – несчастье и позор. В традиционном обществе ифугао, не имевшем никаких властных структур, благополучие зависело от многочисленности членов клана и их способности дать отпор. Любая потеря родственника воспринималась как посягательство на семью и должна была быть отомщена (Станюкович 1997). В первую очередь это касалось тех случаев, когда родственник был убит охотниками за головами: отказ от мести означал слабость и служил сигналом другим охотникам за головами – на эту группу можно нападать безнаказанно, они не мстят. По переносу это отношение распространялось на случаи пропажи, похищения, естественной смерти по логике «уравнивания числа» – мы потеряли родственника, пусть наши враги тоже потеряют члена семьи. Группа, не следовавшая этому правилу, стала бы постоянной жертвой нападений и в конце концов была бы истреблена.

Почему будущий зять именуется то женихом, то мужем Буган?

Согласно традиционной (искорененной миссионерами) практике ранних браков, дети с 5–6 лет, незамужние/неженатые юноши и девушки, разведенные и вдовы жили в *агамангах*, так называемых ‘домах молодежи’, и пользовалась половой свободой (Станюкович 1983). Брачное предложение обычно исходило от постоянного партнера девушки, часто уже после того, как девушка забеременеет. Поэтому Алигуюн в пересказе сказания зовется то женихом, то мужем Буган. Этап сватовства – это уже не личное дело пары, а вопрос взаимодействия между большими семьями. Традиционно у ифугао свадьбу устраивали посредники, которые вели переговоры о размерах «приданого» со стороны невесты и «калыма» со стороны жениха (сторона жениха всегда дает больше), о распределении расходов по свадьбе, о порядке и времени устройства серии свадебных обрядов и празднеств – длительный процесс, включающий заготовку дров, приготовление рисового вина, обеспечение требуемого числа жертвенных животных.

Рис. 3. Исполнение сказания пострижения волос после пересказа Рубена.
На головах женщин – солистки Аппин и участницы хора, моей ифугаоской мамы
Эстер Таябан – бусы *inipul*. Фото М.В. Станюкович 24 января 2011 г., пров. Ифугао

Откуда взялось в пересказе слово «спонсор» и что оно означает?

Исходное значение английского слова «спонсор» – крестный/крестная, оно появилось в ифугао в ходе христианизации. Различают спонсоров при крещении (соответствуют крестной матери и крестному отцу в русской культуре) и на свадьбе (наши посаженная мать и посаженный отец). Последних обычно две пары, главная – *principál* (заимствование из испанского), и дополнительная – *secundári* (заимствование из английского). Главный распорядитель, принсипал, несет основную ответственность за устройство свадьбы и дальнейшее достойное поведение молодой пары. В случае конфликтов – например, развода при бездетности – дело будет вести он. Вот эта роль и отводится герою: он станет вестником семье невесты и будет «толкать» свадьбу сестры. В ходе этого длительного процесса, подразумевающего постоянные передвижения посредника из деревни жениха в деревню невесты и обратно, Гумминнигин пригласит себе Агинаю, сестру Алигуюна, и женится на ней. Сказание должно закончиться описанием двойной свадьбы, так полагается в жанре худхудного эпоса (Станюкович 1982). Рубен об этом в пересказе не упоминает потому, что это и так ясно (и ему и мне), а главное потому, что ритуалистические версии худхудов, исполняемые в обрядах, как правило, доводят повествование только до момента, значимого для ритуала. Так, *hudhud ni kolot* обычно завершается описанием колота, пострижения волос герою-Гумминнигину.

Заметим, что в нынешнем состоянии упадка традиции довести ритуальное сказание до нужного момента получается не всегда. *Hudhud ni 'ani/ni page* (сказание урожая/риса), до сих пор исполняемый на полях в Антиполо, самой отдаленной части муниципалитета Асипуло, где говорят на южнокордильерских диалектах, родственных яттука, начинается с описания выравнивания эпическим героем рисовых полей (*munga'ud*) (первый этап аграрного цикла риса, предваряющий высаживание рассады) – и в прежние времена завершался описанием сбора урожая риса (*mun'ani*). Теперь, однако, сказители не успевают дойти до этого момента. Худхуд исполняется только на тех полях, где растёт *tinawon* (букв. «годовой», т.е. рис, дающий один урожай в год, как правило это *dayyakot/dayakket* – сорт клейкого риса, выращиваемого для производства рисового вина). Местные сорта почти вытеснены равнинными, дающими в год два, а то и три урожая. Уборка немногочисленных посадок местных сортов заканчивается раньше, чем повествование доходит до сбора урожая героями сказания. Если бы все поля были засажены рисом *tinawon*, сказители перешли бы на следующее поле и продолжили бы худхуд. Теперь худхуд кончается, как только убран рис с полей с традиционными сортами, и повествование остается незавершенным. Импортные с равнин сорта не обладают сакральным статусом, этот рис не связан с ифугаоскими богами и духами, в том числе героями худхудов,

и для него не проводят аграрных обрядов. Кроме того, равнинный рис убирают не вручную маленькими ножами, когда каждый колосок берут и отрезают отдельно, а с помощью машин, худхуд при этом петь невозможно.

Интересно рассмотреть, какие яттукские/ифугаоские слова сказитель оставил в своем английском пересказе. Их всего пять: *bawót* (волчѣк), *kolot* (пострижение волос), *baggobág* и *inípul* (бусы), и *uyúy* (свадьба)⁷. Все они не имеют прямых английских эквивалентов. *Kolot* и *uyúy* – сложные многоступенчатые ритуалы, перевести *uyúy* как «свадьба» можно только условно; сам обряд перехода *kolot* (пострижение) еще более специфичен.

Ифугаоский *bawót* выглядит иначе, чем равнинные волчки, а бусы *baggobág* и *inípul*⁸ не похожи ни на украшения других филиппинских народов, с которыми ассоциируется английская речь, ни на импортную бижутерию.

В то же время наш мастер слова нашел бы, чем заменить названные яттукские термины, если бы захотел. Представляется, что он оставил их потому, что это наиболее семантически нагруженные понятия, материальные ориентиры, опорные слова, на которых строится ифугаоское эпическое сказание: волчок – озорование юного героя, бусы – сватовство, *kolot* и *uyúy* – обряды, ради которых все и делается.

Слово passport

Особый интерес представляет употребление сказителем слова *passport*. Это недавнее заимствование из английского для ифугао весьма актуально. У филиппинцев паспортов нет. Как в дореформенной России, крестьянин должен «выправить паспорт» для отходничества – а именно для работы за рубежом. Ифугао совмещают относительную сохранность своего языка и культуры (по сравнению с равнинными народами) с бурной и бесстрашной экспансией на равнины и за рубеж – на заработки. Число женщин в трудовой миграции существенно превышает число мужчин. Домработницы из Ифугао, начав с Сингапура, Гонконга, Кореи, продвинулись в Западную Европу и уже осваивают Россию, которая в этом качестве имеет здесь отличную репутацию – «платят хорошо и хозяева добрые».

Слово «паспорт» появляется ближе к концу пересказа, при объяснениях с обретенной сестрой и ее мужем. В начале повествования, когда мать вручает бусы сыну как опознавательный знак, благодаря которому сестра узнает брата, ни о каком паспорте речи не идет.

Было бы соблазнительно трактовать введение слова «паспорт» как артистический прием сказителя. Первоначально я так и предположила: ему наскучил пересказ (Рубен предпочитает петь, любой его рассказ быстро переходит в пение), творческая натура не удержалась от введения тропа

в «прозу» и, раз вступив на художественный путь, этот троп стала развивать. Слова «бусы будут твоим паспортом» от лица матери повторяются героем дважды без особой нужды. В третий раз слово «паспорт» выступает уже как метатроп: не только Гумминнигин несет с собой паспорт (бусы), но он сам является паспортом для своей сестры, удостоверяя ее высокое происхождение, принадлежность к высшему рангу – кандангьянгов.

Рис. 4. Завершив пересказ, Рубен отводит душу, демонстрируя па танца – как гости танцевали на свадьбе. Фото М.В. Станюкович 24 января 2011 г., пров. Ифугао

Однако опрос информантов показал, что Рубен ничего не придумывал, а лишь воспользовался готовой моделью. «Паспорт» используется

как синоним слов *testigo* и *mangiqhquh* – «свидетель», «поручитель», «рекомендующий». Примеры⁹:

Ikuuyug taku nan secretary na ta hiyay pasport taku
Давайте возьмем с собой секретаря, он нас представит (букв. – «будет нашим пас-
портом», речь о визите к губернатору провинции)

Схожая ситуация – посещение ростовщика. Надо взять с собой известного ему поручителя. Выбранный на эту роль также называется паспортом.

Я собираюсь взять интервью у шамана, с которым незнакома:

Pinhod kun etibon hi Manong Luis ngem ikuyup ku Patrick ta hiyay passport ku.
Хочу пойти повидать Дядюшку Луиса, возьму с собой Патрика, чтоб он меня представил (букв. – «он будет моим паспортом»).

Итак, пересказ начинается в довольно бесстрастной манере, быстро переходит в эмоционально окрашенный в момент передачи диалогов, продолжается опять в спокойном ключе. Конец повествования скомкан.

Рис. 5. Постаревший Рубен заново пересказывает худхуд ни колот.
Фото М.В. Станюкович 19 мая 2025 г., пров. Ифугао

Пересказ показывает, о чем в худхуде говорится с точки зрения сказителя. Однако сказание – не таблица умножения. В процессе пения, начавшегося непосредственно после пересказа в Какахха и продолженного в тот же вечер в Амдунтуге (и там и там солировала Аппин), текст ушел в несколько иную сторону и заявленному пересказу не вполне соответствует. Отличаются по содержанию и другие петые тексты худхуда пострижения волос, записанные впоследствии во время ритуалов¹⁰.

Заключение

Каждый исследователь живого устного эпоса во время работы с носителями традиции неизбежно сталкивается с пересказами в той или иной форме. Обычно метатексты воспринимают как подспорье, полезную техническую информацию. Важно, однако, отнестись к пересказу как к некоему феномену, отдельному жанру, который имеет свои структурные, сюжетные и лексические особенности, поскольку выполняет задачи, отличные от исполнения собственно эпоса в его каноническом виде. Для понимания этого феномена важен сравнительно-типологический подход, который позволяет не замыкаться в пределах отдельных традиций, будь то фольклор Сибири или Южных морей, а проследивать общие жанровые закономерности.

Примечания

¹ «Он (солист. – М.С.) начинал каждый стих, а остальные, разобрав текст и вариацию мелодии, повторяли, а в это время ведущий готовился исполнить новую строфу» (Путилов 1978: 100).

² Таковы все филиппинские сказания, русские былины, исландские саги; якутская театрализованная манера исполнения представляется на их фоне исключением из правила.

³ Распространившаяся в последние десятилетия иностранная мода отпускать такой локон на затылке прижилась в поселковой среде провинции Ифугао среди подростков и юношей; смутно ощущаемые коннотации с традиционными символами престижа и богатства придают этой моде дополнительный обертон.

⁴ Впервые о существовании этого жанра было заявлено в (Stanyukovich 2000 и Станюкович 2001); некоторые особенности и эпизоды сказания приведены в (Stanyukovich 2012a, 2013). Символике реалий в худхуде пострижения волос посвящен неопубликованный доклад, представленный на филиппинистической конференции ICORPHIL в Мичиганском университете (Stanyukovich 2012b).

⁵ Очень экспрессивная интонация, он потрясен, возмущен и обвиняет мать в содеянном (что в высшей степени нетипично для разговора ятгукского сына с матерью).

⁶ Индангунай инПангаиван – Пангаиваниха, Индангунай, жена Пангаивана (о структуре именных формул у ифугао см.: (Станюкович 2008; Stanyukovich 2017)

⁷ Широко распространенное в равнинных языках слово karabaw/kalabaw (водяной буйвол) воспринимается как английское потому, что повсеместно используется на Филиппинах в английском дискурсе, устном и письменном (наряду с water buffalo). В Ифугао домашний буйвол называется nuwang, а дикий – duwog.

⁸ Драгоценное ожерелье *inipul* мне удалось купить для Кунсткамеры через полтора года после записи данного пересказа, во время летней экспедиции 2012 г. (МАЭ РАН № 7549-10). Названия украшению дают наиболее ценные овальные и круглые агатовые (сердоликовые) бусины *inipul*, которые располагаются надо лбом и по сторонам головы. Центральное положение надо лбом занимает большая продолговатая бусина *tabbaw*, в музейном экземпляре более темная. *Ronni*, круглые красные бусины, располагаются в затылочной части, около завязок. Помимо двух ниток таких агатовых бус в украшение входят две нити оттягивающих их мелких желтых бус *kilikil*.

⁹ Примеры приведены на тували, собраны в Киангане. Большинство носителей яттука владеют тували, им эта модель тоже знакома.

¹⁰ 19 мая 2025 г., когда эта статья была уже в наборе, я снова встретила в Ифугао с Рубеном и попросила его заново пересказать содержание худхуда пострижения волос. Обе рассказанные им версии сюжета представляли собой «вывернутые наизнанку» варианты пересказа 2011 г.: там повествование ведется с мужской стороны, со стороны младшего брата, и повествует о его странствиях в поисках сестры, а в «женских» версиях 2025 г. в центре повествования находится потерянная старшая сестра и ее приключения. Все три версии сходятся в концовке: младший брат подтверждает принадлежность сестры к семье высокого ранга и проводится обряд пострижения волос. Одна из «женских» версий была исполнена и записана автором во время обряда колот, который провели здесь в Киангане в ночь с 30 на 31 мая 2025 г.

Список источников

- Арбачакова Л.Н. Фольклорные традиции шорцев // Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / сост. Л.Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29). С. 11–40.
- Басангова Т.Г. Вербальный компонент в детской обрядности калмыков // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4 (56). С. 54–59.
- Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материале нганасан XIX – начала XX в.). Л., 1983.
- [Дыренкова 1940] – Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой. М.; Л., 1940.
- Левинтон Г.А. К проблеме эпического подтекста // Фольклор и этнографическая действительность / отв. ред. А.К. Байбурин. СПб., 1992.
- Опись коллекции № 7549 МАЭ РАН. Регистраторы – М.В. Станюкович, А.А. Янковская. ПМА 1995–2025 – полевые материалы автора по Филиппинам: Полевые дневники М.В. Станюкович 1995 г. (в личном архиве автора); Полевой дневник М.В. Станюкович 2011 г. (в личном архиве автора); Полевые дневники М.В. Станюкович лета 2012 г. – Архив МАЭ РАН; Полевые дневники М.В. Станюкович декабря 2012 – января 2013 г. – Архив МАЭ РАН; Полевые дневники М.В. Станюкович 2025 г. (в личном архиве автора).
- Путилов Б.Н. Об эпическом подтексте // Славянский фольклор. М., 1972 (в переводе на англ. яз.: Культурология. The Petersburg Journal of Cultural Studies. № 1. 1993).
- Путилов Б.Н. Песни Южных морей. М., 1978.
- Путилов Б.Н. Миф – обряд – песня Новой Гвинеи. М., 1980.
- Ревуненкова Е.В. Представления о волосах (опыт сравнительно-типологического анализа) // Фольклор и этнографическая действительность / отв. ред. А.К. Байбурин. СПб., 1992. С. 108–113.
- Ревуненкова Е.В. Индонезия и Малайзия – перекресток культур: сб. ст. / под ред. М.В. Станюкович, А.К. Касаткиной. СПб.: МАЭ РАН, 2010. (Маклаевский сборник. Вып. 2).
- Станюкович М.В. Историческая типология и этнокультурные связи героического эпоса

- ифугао, Филиппины: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.
- Станюкович М.В. Социализация детей и подростков у ифугао (Филиппины) // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / под ред. И.С. Кона и др. М., 1983. С. 205–231.
- Станюкович М.В. Охота за головами у ифугао: Практика и ритуал (по материалам начала XX в.) // Этнография, история, культура стран южных морей: Маклаевские чтения, 1995–1997 гг. / отв. ред. Е.В. Ревуненкова, Н.А. Бутинов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 141–150.
- Станюкович М.В. Когда мужчины-жрецы обращаются к духам-помощникам шаманок: эпос, любовная магия и национальные выборы на Филиппинах // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: материалы междунар. конгресса, посвящ. памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова. Москва. Россия. 7–12 июня 1999 г. Ч. 3 / [сост. В.И. Харитонова, Д.А. Функ]. М., 2001. С. 177–192. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам; Т. 5. Ч. 3).
- Станюкович М.В. Эпическое сказание ифугао «Алигуён, сын Биненуахена»: сюжет, персонажи и топонимы // Индонезийцы и их соседи. Festschrift, Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. М.: Изд-во МАЭ РАН, 2008. С. 223–243.
- Станюкович М.В. Современное состояние эпического сказительства и способы получения/передачи сакрального знания на Филиппинах // Шаги/Steps. 2025. Т. 11, № 1. С. 40–67.
- Станюкович М.В., Козинцев А.Г. Крестики и нолики = кролики. О некоторых элементах тайного языка похоронных сказаний яттук, Филиппины // Радловский сборник. СПб., 2016. С. 267–275.
- Стоянов А.К. Искусство хакасских хайджи // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988. С. 577–590.
- Сыченко Г.Б. Музыкально-поэтические традиции шорского фольклора // Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / сост. Л.Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29). С. 41–68.
- Функ Д.А. О чем поет сказитель? Проблемы фиксации и публикации героического эпоса тюрков Южной Сибири // Антропология социальных перемен: сб. ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: Рос. политическая энцикл., 2011. С. 171–179.
- Функ Д.А. О чем поет сказитель? Опыт расшифровки поющих частей эпических сказаний тюрков Южной Сибири // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 162–183.
- Чудояков А.И. Шорские героические сказания: Кан Перген. Алтын Сырык / вступ. ст., подгот. поэт. текста, пер., коммент. А.И. Чудоякова; музыковед, ст. и подгот. нот. текста Р.Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).
- Klimenko S.B., Stanyukovich M.V. Yattuka and Tuwali Ifugao huhdud: Yattuka, Kelei-i, and Tuwali Ifugao Interference // Acta Linguistica Petropolitana, Труды института лингвистических исследований. 2018. Vol. 14, № 2, pp. 585–636.
- Klimenko S.B., Stanyukovich M.V., Sychenko G.B. Poetic language and music of the huhdud ni nosi, a Yattuka funeral chant, the Philippines // Versification: Metrics in Practice (ed. Frog, Satu Grünthal, Kati Kallio & Jarkko Niemi) 2021, Studia Fennica Litteraria 12. Helsinki: Finnish Literature Society. P. 149–170.
- Nelmida P., Nelmida M., Javier D., Tiongson N.G. The Pangasinan // Cultural Centre of the Philippines Encyclopedia. V. 39.
- Revel N. Mental Text, Chanted Performance, Written Transcripts and the Notion of Multiple Drafts in Palawan Highland Epics // Acts of the UNESCO Workshop in Turku, Finland, L. Honko ed. Oral Tradition. 1996. V. 2, № 1. P. 108–132.

- Stanyukovich M.V. Peacemaking Ideology in a Headhunting Society: Hudhud, Women's Epic of the Ifugao // *Hunters and Gatherers in the Modern World. Conflict, Resistance and Self-Determination*. N.Y.; Oxford, 2000. P. 399–409.
- Stanyukovich M.V. Ifugao ethnographic art and its symbolism in hudhud oral epics (with references to collections of St. Petersburg, Russia and Goteburg, Sweden) // *Izabela Kopania, ed. Southeast Asia: Studies in Art, Cultural Heritage and Artistic Relations with Europe*. Polish Institute of Art Studies & Tako Publishing House, Warsaw-Torun, 2012a. P. 77–84.
- Stanyukovich M.V. Tops, Beads and the Epic Hero's Haircut: Hudhud ni Kolot, Ritual Oral Epic Tradition of the Yattuka // *ICOPHIL-9: The Philippines and the World. The Ninth International Conference on the Philippines*. 2012b. Michigan State University. URL: <http://ubcphilippinestudies.ca/2012/10/20/icophil-2012/>
- Stanyukovich M.V. Epic as a means to control memory and emotions of gods and humans: Ritual implications of Hudhud among the Yattuka and Tuwali Ifugao // *Songs of memory in islands of Southeast Asia* / N. Revel (Ed.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ, 2013. P. 167–197.
- Stanyukovich M.V. Anthroponymic Formulas in the Ifugao hudhud and Other Epics of the Philippines // *Frog, ed. FORMULA: Units of Speech – 'Words' of Verbal Art. Working Papers of the Seminar-Workshop 17th–19th May 2017 Helsinki, Finland. Folkloristiikan toimite 23*. Helsinki: Folklore Studies, University of Helsinki. P. 199–207.

References

- Arbachakova L.N. (2010) Fol'klornye traditsii shortsev [Shor folklore traditions]. *Fol'klor shortsev: v zapisiakh 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 godov* [Shor folklore] / L.N. Arbachakova, compilor. Novosibirsk: Nauka, 2010. (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; Vol. 29). pp. 11–40.
- Basangova T.G. (2008) Verbal'nyi komponent v detskoj obriadnosti kalmykov [The verbal component in Kalmyk rituals for children], *Nauchnaia mysl' Kavkaza*. no. 4 (56), pp. 54–59.
- Chudoiaikov A.I. (1998) *Shorskie geroicheskie skazaniia: Kan Pergen. Altyn Saryk* [Shor heroic epics: Kan Pergen. Altyn Saryk] / A.I. Chudoiaikov, Introduction, translation, commentary; R.B. Nazarenko, musicological article and notation. Moscow, Novosibirsk: Nauka, 1998.
- [Dyrenkova N.P. (1940)] – *Shorskii fol'klor* [Shor folklore]. Zapisi, perevod, vstupitel'naia stat'ia i primechaniia N.P. Dyrenkovoi. Moscow, Leningrad, 1940.
- Funk D.A. (2011) O chem poet skazitel'? Problemy fiksatsii i publikatsii geroicheskogo eposa tiurkov Iuzhnoi Sibiri [What about does the storyteller sing? The issues of documenting and publishing the heroic epic of South Siberian Turks]. In: E. Guchinova, G. Komarova, eds. *Antropologiya sotsial'nykh peremen*. Moscow, pp. 171–179.
- Funk D.A. (2021) O chem poet skazitel'? Opyt rasshifrovki poiushchikhsia chastei epicheskikh skazanii tiurkov Iuzhnoi Sibiri Sibiri [What Does Storyteller Sing About? Experience Of Decoding The Singing Parts Of Epic Tales Of The Southern Siberian Turks], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, 2, pp. 162–183.
- Gracheva G.N. (1983) *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taimyra (na materiale nganasan XIX — nachala XX v.)* [Traditional worldview of the hunters of Taymyr (on the Nganasan materials of the 19th – early 20th c.)]. Leningrad, Nauka.
- Inventory of collection No. 7549 MAE RAS. Registrars – M.V. Stanyukovich, A.A. Yankovskaya
- Klimenko S.B., Stanyukovich M.V. (2018) Yattuka and Tuwali Ifugao hudhud: Yattuka, Kelei-i, and Tuwali Ifugao Interference, *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 14, no. 2, pp. 585–636.
- Klimenko S.B., Stanyukovich M.V., Sychenko G.B. (2021) Poetic language and music of the hudhud ni nosi, a Yattuka funeral chant, the Philippines. In: *Versification: Metrics in*

- Practice* (ed. Frog, Satu Grünthal, Kati Kallio & Jarkko Niemi). Studia Fennica Litteraria 12. Helsinki: Finnish Literature Society. pp. 149–170.
- Levinton G.A. (1992) K probleme epicheskogo podteksta [On the issue of the epic subtext]. In: A.K. Baiburin, ed. *Fol'klor i etnograficheskaja deistvitel'nost'* [Folklore and ethnographic reality]. St. Petersburg, Nauka.
- Nelmida P., Nelmida M., Javier D., with Tiongson N. G. The Pangasinan, *Cultural Centre of the Philippines Encyclopedia*, v. 39.
- Putilov B.N. (1972) Ob epicheskome podtekste [On the epic subtext]. In: *Slavianskii fol'klor*. Moscow, 1972 (English translation: Kul'turologiia. The Petersburg Journal of Cultural Studies. № 1. 1993).
- PMA 1995–2025 – Author's field materials on the Philippines.
- Revel N. (1996) Mental Text, Chanted Performance, Written Transcripts and the Notion of Multiple Drafts in Palawan Highland Epics. *Acts of the UNESCO Workshop in Turku*, Finland, L. Honko ed., Oral Tradition, vol. 2, no. 1, pp. 108–132.
- Revunenkov E.V. (1992) Predstavleniia o volosakh (opyt sravnitel'no-tipologicheskogo analiza) [Ideas and beliefs about hair (comparative typological essay)]. In: A.K. Baiburin, ed. *Fol'klor i etnograficheskaja deistvitel'nost'* [Folklore and ethnographic reality]. St. Petersburg, Nauka, pp. 108–113.
- Revunenkov E.V. (2010) *Indoneziia i Malaiziia – perekrestok kul'tur: sbornik statei* [Indonesia and Malaysia, crossroad of cultures. Collection of papers by E.V. Revunenkov] / M.V. Stanyukovich, A.K. Kasatkina, eds. St. Petersburg: MAE RAN. (Maklaevskii sbornik. Vol. 2).
- Stanyukovich M.V. (1982) *Istoricheskaja tipologiia i etnokul'turnye sviazi geroicheskogo eposa ifugao, Filippiny* [Historical typology and ethnocultural ties of the heroic epic of Ifugao, Philippines] (Cand. Sci. (History) Diss., Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of Soviet Union, Leningrad Branch).
- Stanyukovich M.V. (1983) Sotsializatsiia detei i podrostkov u ifugao (Filippiny) [Socialization of children and adolescents among the Ifugao (Philippines)]. In: I.S. Kon, ed. *Etnografiia detstva. Traditsionnye formy vospitaniia detei i podrostkov u narodov Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Azii* [Ethnography of Childhood. Traditional forms of upbringing of children and adolescents among the peoples of East and Southeast Asia]. Moscow, Nauka, pp. 205–231.
- Stanyukovich M.V. (1997) Okhota za golovami u ifugao: Praktika i ritual (po materialam nachala XX v.) [Headhunting among the Ifugao: Practice and Ritual (Based on the sources of the early 20th century)]. In: E.V. Revunenkov, N.A. Butinov, eds. *Etnografiia, istoriia, kul'tura stran iuzhnykh morei: Maklaevskie chteniia, 1995–1997 gg.* [Ethnography, History and Culture of the Countries of Southern Seas]. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 141–150.
- Stanyukovich M.V. (2000) Peacemaking Ideology in a Headhunting Society: Hudhud, Women's Epic of the Ifugao. In: *Hunters and Gatherers in the Modern World. Conflict, Resistance and Self-Determination*. N.Y.-Oxford, pp. 399–409.
- Stanyukovich M.V. (2001) Kogda muzhchiny-zhretsy obrashchaliusia k dukham-pomoshchnikam shamanok: epos, liubovnaia magiia i natsional'nye vybory na Filippinakh [When male priests resort to the spirit helpers of female shamans: the epic, love magic and national elections in the Philippines]. In: V.I. Kharitonova, D.A. Funk, compilers. *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniia i praktiki: Materialy mezhdunar. kongressa, posviashch. pamiati A.V. Anokhina, N.P. Dyrenkovoi, S.M. Shirokogorova*. Moscow, 7–12 iunia 1999 g. Pt. 3. Moscow, pp. 177–192. (Etnologicheskie issledovaniia po shamanstvu i inym traditsionnym verovaniiam i praktikam; V. 5. Pt. 3).
- Stanyukovich M. V. (2008) Epicheskoe skazanie ifugao «Aliguyon, syn Binenuakhena»: siuzhet, personazhi i toponimy [The Ifugao epic song «Aliguyon, son of Binenwahan: the plot, characters, and placenames]. In: Stanyukovich M.V., ed & comp. *Indoneziitsy i ikh sosedi. Festschrift E.V. Revunenkovoi i A.K. Ogloblinu*. [The Indonesians and their

- neighbors. Festschrift for E.V. Revunenkov and A.K. Ogloblin]. *Maklaevskii Sbornik*, Issue. 1. Izdatel'stvo MAE RAN, pp. 223–243.
- Stanyukovich M.V. (2012a) Ifugao ethnographic art and its symbolism in hudhud oral epics (with references to collections of St. Petersburg, Russia and Goteburg, Sweden). In: Izabela Kopania, ed. *Southeast Asia: Studies in Art, Cultural Heritage and Artistic Relations with Europe*. Polish Institute of Art Studies & Tako Publishing House, Warsaw-Torun, pp. 77–84.
- Stanyukovich M.V. (2012b) Tops, Beads and the Epic Hero's Haircut: Hudhud ni Kolot, Ritual Oral Epic Tradition of the Yattuka. In: *ICOPHIL-9: The Philippines and the World. The Ninth International Conference on the Philippines*. 2012. Michigan State University. Available at: <http://ubcphilippinestudies.ca/2012/10/20/icophil-2012/>
- Stanyukovich M. (2013) Epic as a means to control memory and emotions of gods and humans: Ritual implications of Hudhud among the Yattuka and Tuwali Ifugao. In N. Revel, ed. *Songs of memory in islands of Southeast Asia*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ, pp. 167–197.
- Stanyukovich M.V. (2017) Anthroponymic Formulas in the Ifugao hudhud and Other Epics of the Philippines. In: Frog, ed. *FORMULA: Units of Speech - 'Words' of Verbal Art*. Working Papers of the Seminar-Workshop 17th–19th May 2017 Helsinki, Finland. Folkloristiikan toimite 23. Helsinki: Folklore Studies, University of Helsinki. pp. 199–207.
- Stanyukovich M.V. (2025) Sovremennoe sostoianie epicheskogo skazitel'stva i sposoby poluchenii/peredachi sakral'nogo znaniia na Filippinakh [The current state of oral epic performing in the Philippines and ways of transmitting/acquiring sacred knowledge by singers and shamans], *Shagi/Steps*, Vol. 11, no. 1, pp. 40–67.
- Stanyukovich M.V., Kozintsev A.G. (2016) Krestiki i noliki = kroliki. O nekotorykh elementakh tainogo iazyka pokhoronnykh skazanii iattuka, Filippiny [Nuns and habits = rabbits]. In: *Radlovskii sbornik* [Radlov's collection], St. Petersburg, pp. 267–275.
- Stoianov A.K. (1988) Iskusstvo khakasskikh khaidzhi [The art of the Khakass khaidzhi]. In: *Altyn-Aryg. Khakasskii geroicheskii epos*. Moscow, pp. 577–590.
- Sychenko G.B. (2010) Muzykal'no-poeticheskie traditsii shorskogo fol'klora [Musical and poetical traditions of Shor folklore]. In: *Fol'klor shortsev: v zapisiakh 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 godov* [Shor folklore] / L.N. Arbachakova, compilor. Novosibirsk: Nauka, 2010. (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; Vol. 29). pp. 41–68.

Сведения об авторе:

СТАНЮКОВИЧ Мария Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Австралии, Океании и Индонезии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0001-8928-4844. E-mail: mstan@kunstkamera.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Stanyukovich, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8928-4844. E-mail: mstan@kunstkamera.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 24 апреля 2025;
принята к публикации 22 мая 2025.*

*The article was submitted 24.04.2025;
accepted for publication 22.05.2025.*

Научная статья
УДК 303.83
doi: 10.17223/2312461X/48/7

От полевых материалов к публикации: работа Н.П. Дыренковой с текстами шорского эпоса

Дмитрий Анатольевич Функ

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
d_funk@iea.ras.ru*

Аннотация. На основе анализа полевых и чистовых записей шорского героического эпоса 1930-х гг., сохранившихся в архиве Н.П. Дыренковой (НИИ МАЭ РАН (Кунсткамера)), демонстрируются особенности работы исследовательницы по подготовке текстов к публикации. Выявленные разночтения оригиналов и вариантов, готовившихся Н.П. Дыренковой к публикации, характеризуют специфику авторской оценки исходных текстов и своей роли как автора публикаций с поправкой в том числе и на политический контекст времени, а в более широком плане то, как этнографы/этнологи превращают свои полевые записи в антропологические тексты.

Ключевые слова: Дыренкова Н.П., шорский героический эпос, подготовка полевых материалов к публикации, проблема авторства исследователя фольклора, политический контекст исследований

Для цитирования: Функ Д.А. От полевых материалов к публикации: работа Н.П. Дыренковой с текстами шорского эпоса // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 137–157. doi: 10.17223/2312461X/48/7

Original article
doi: 10.17223/2312461X/48/7

From Field Materials to Publication: The Work of N.P. Dyrenkova with the Texts of the Shor Epic

Dmitry A. Funk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, d_funk@iea.ras.ru

Abstract. Based on the analysis of field and final records of the Shor heroic epic of the 1930s, preserved in the archive of N.P. Dyrenkova (Research Institute of the MAE RAS (Kunstkamera)), the features of the researcher's work on preparing texts for publication are demonstrated. The revealed discrepancies between the originals and the versions prepared by N.P. Dyrenkova characterizes the specifics of the author's assessment of the source texts and her role as the author of publications, including the political context of the time, and more broadly, how ethnographers/ethnologists turn their field records into anthropological texts.

Keywords: Dyrenkova N.P., Shor heroic epic, preparation of field materials for publication, the problem of authorship of a folklore researcher, the political context of research

For citation: Funk, D.A. (2025) From Field Materials to Publication: The Work of N.P. Dyrenkova with the Texts of the Shor Epic. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 137–157. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/7

В предисловии к фундаментальному тому «Шорский фольклор», изданному Надеждой Петровной Дыренковой (1899–1941) в 1940 г., есть фраза, которая послужила поводом не только для поисков возможно сохранившегося наследия этой выдающейся исследовательницы, но и для рождения целого ряда научных «мифов»:

«Приведенные (в книге. – Д.Ф.) образцы героического эпоса дают лишь самое общее представление об этом наиболее богатом и пышном в художественном отношении жанре шорского фольклора. *Героическому эпосу и сказителям – кайчи будет посвящен второй том моей работы* (курсив мой. – Д.Ф.)» (Шорский фольклор 1940: v).

Второй том с текстами шорского эпоса, увы, так и не вышел. Н.П. Дыренкова умерла в Ленинграде 28 октября 1941 г., когда ей было всего 42.

После смерти Дыренковой ее полевые и иные материалы, долгое время хранившиеся в отделе этнографии Сибири в Кунсткамере, были сданы в архив. По состоянию на начало 1980-х гг., судя по информации из листков использования архивных дел, к ним за прошедшие десятилетия обращались буквально единицы исследователей. Например, Н.И. Гаген-Торн просматривала записи на русском языке для написания очерка о жизни и деятельности Дыренковой, а А.И. Чудояков работал непосредственно с записями шорского эпоса и, насколько мне известно, сделал не только отдельные выписки, но и снял копию сказания «*Қаны суғу қурбас ала құл'аттығ Ақ Көбелек*», которое он собирался издавать (см.: Афузова 2008: 20; в тексте, равно как и на приведенной в ней фотографии листка с автографом А.И. Чудоякова, это сказание названо «Ак Көбек»).

Впервые с архивом Н.П. Дыренковой в Кунсткамере (Ленинградская часть Института этнографии АН СССР, в настоящее время – НИИ Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). Ф. 3. Оп. 1) я познакомился в 1982 г. Позже, в 1987–1989 гг., при моей помощи он был разобран и каталогизирован. Тогда же была опубликована полная опись сохранившихся в архиве текстов шорского героического эпоса (Функ 1989: 15–19).

И все же ученые и любители, занимавшиеся шорским языком и фольклором в 1980–1990-е гг., по большей части оставались в неведении относительно судьбы архива Дыренковой. Незнание, вероятно, и привело к рождению и циркулированию слухов о том, что будто бы второй том

шорского фольклора, который Дыренкова готовила к изданию и в который должны были войти лишь эпические тексты, был в готовом виде вывезен из страны известным лингвистом и фольклористом Н.Н. Поппе: эта версия судьбы Дыренковских записей однажды была рассказана мне шорским лингвистом Э.Ф. Чиспияковым. Затем Поппе был «амнистирован» и получила хождение иная версия – о будто бы хранящемся в Ленинграде втором томе «Шорского фольклора». В развернутом виде она была озвучена в 1998 г.: «...среди неизданных работ, имеющих непреходящую ценность, – второй том шорского фольклора Н.П. Дыренковой, хранящийся в Институте этнографии в С.-Петербурге (книга написана хорошим почерком без поправок, полностью готова к набору)» (Шенцова 1998: 120). Впрочем, были и иные версии: «К великому сожалению, второй том этой книги, где был собран эпос Горной Шории, погиб в блокаде Ленинграда, вероятно, вместе с автором» (Колюпанов 1996: 5).

Работа непосредственно с архивом тем не менее велась и в эти годы.

В частности, в 1999 г. вышел мой очерк исследований шорского эпоса Н.П. Дыренковой (Функ 1999; позднее этот текст с дополнениями и уточнениями в качестве параграфа вошел в монографии 2005 и 2024 гг.; там же была опубликована и уточненная опись архива), а также был издан русский перевод сказания «Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Коок», выполненный этой исследовательницей (Шорская 1999: 129–140).

В начале 2000-х гг. появилась еще одна краткая опись шорских эпических текстов, составленная на основе знакомства с частью архива Дыренковой (Д. 69, 70, 73, 74, 75, 78, 79, 91, 94, 99, 83, 85, 89, 235) (Арбачакова 2001: 131–136).

Публикаций архивных фольклорных материалов, записанных на шорском языке, в последующие два десятилетия не было, хотя надо отметить, что проекты, в которых эта задача ставилась, были. Помимо устных сообщений моих коллег И.А. Невской и Л.Н. Арбачаковой о предоставлении им в начале 2000-х гг. ксерокопий нескольких чистовых записей шорского эпоса из архива Н.П. Дыренковой, об этом свидетельствует и моя переписка того времени с заведующей отделом этнографии Сибири Л.Р. Павлинской, в которой речь идет об отказе в предоставлении материалов со ссылкой на то, что работа по подготовке их к изданию уже ведется². Исключением в работе с архивом Н.П. Дыренковой стал фундаментальный том с этнографическими ее статьями и полевыми материалами (Дыренкова 2012).

В последние несколько лет – после получения разрешения директора Кунсткамеры А.В. Головнева и сканов примерно полутора десятков эпических текстов – я стал целенаправленно работать с записями героического эпоса, которые в 1930-е гг. Дыренкова делала у шорцев. В 2022 г.

мной был издан нормализованный (на кириллице и сообразно современным нормам орфографии шорского языка) и мною же переведенный на русский язык один эпический текст из этого архива – «Қырық эмчектиг Қыдай-Арығ» / «Сорокагрудая Кыдай-Арыг» (Семь вечеров 2022: 72–105), а вскоре было принято согласованное с дирекцией Кунсткамеры решение о подготовке большого тома с шорскими текстами Дыренковой для издания их в серии «Кунсткамера. Архивы».

Первой задачей, которую необходимо было решить, являлся выбор текстов для подготовки их к публикации. Именно выбор, поскольку ни о подготовке сразу всех сохранившихся в архиве записей, ни даже хотя бы только тех, что были самой Дыренковой переписаны набело (вполне возможно, что это свидетельство того, что сама исследовательница намеревалась их издать в первую очередь) речь не могла идти из-за огромных объемов, не говоря уже о трудоемкости и времязатратности реализации этой идеи³.

В архиве Дыренковой сохранилось 35 полных записей шорского героического эпоса, которые были сделаны лично ею⁴: два текста были записаны от некоего Азры в улусе Кубансу в верховьях р. Мрас, семь от Н.А. Напазакова (два из них переписаны набело), 13 от А.И. Абакаева (из них 7 переписаны набело), три от Г.Н. Кастаракова, пять от П.Н. Амзорова (два текста переписаны набело), два от И.П. Амзорова (один из них сохранился лишь в нескольких чистовых вариантах и в переводе на русский язык, без полевых записей), один от К.П. Апонаева (полевые записи и чистовик) (все шесть сказителей – из куста деревень в самых низовьях р. Мрас), один от Г.Ф. Токмашева из улуса Березовая Грива в низовьях Кондомы (полевые записи и чистовик) и, наконец, еще один текст в записи от неизвестного сказителя существует лишь в виде большого, почти на 140 страницах, машинописного текста с разбивкой на стихотворные строки на русском языке⁵ (подробнее см.: Функ 2024: 501–504).

Все они выполнены на шорском языке, латиницей, от руки, очевидно, под диктовку, и делятся на те, которые существуют лишь в виде полевых записей в школьных тетрадах (их примерно две трети от общего числа записей), и те, которые есть как в виде полевых записей, так и в набело переписанных вариантах на листах формата А4 (примерно треть или если говорить об объеме в листах, то это 473 листа чистовых записей), хотя есть и тексты, существующие лишь в виде чистовых вариантов, а один, упомянутый выше, и вовсе лишь в машинописи и только на русском языке.

Говоря о больших объемах текстового материала, я имею в виду не только собственно реально большой объем, но и необходимость в случае издания включать в книгу не два варианта каждого текста, как это сделала бы Н.П. Дыренкова (шорский текст на фонетической латинице и

перевод на русский язык), а три, имея в виду шорский текст на современной кириллице и в соответствии с современной орфографией шорского языка. Без этого главная задача книги, которая видится мне как возвращение культурного наследия шорскому народу, вряд ли будет считаться решенной.

Варианты компоновки сохранившихся архивных текстов могли бы быть различными, но в итоге я остановился на том, чтобы представить в книге хотя бы по одному тексту, записанному в каком-то одном районе Шории, но от каждого из тех сказителей, от которых были сделаны полные записи эпоса. Исходя из этого, выбор предсказуемо пал на нижнемерасский район, в котором в основном работала Н.П. Дыренкова и в котором она записала наибольшее число эпических сказаний.

Таким образом, в 2024 г. началась работа со следующими эпосами, записанными в 1936 г.⁶ Н.П. Дыренковой от нижнемерасских сказителей: «*altyn köök räčäliġ qatqan čula*» – от Ивана Прокофьевича Амзорова (Д. 237), «*Qara qan*» – от Григория Николаевича Кастаракова (Д. 93), «*Qara qan*» – от Константина Павловича Апонаева (кайчи⁷ Карол) (Д. 102), «*qazyr tō*» (Д. 81) и «*qyr öläŋ aq öläŋ*» (Д. 89) – от Алексея Ивановича Абакаева (кайчи Ахмед) (Д. 81), «*Altyn toŋus*» – от Николая Александровича Напазакова (кайчи Морошка) (Д. 73, 74), «*ałtyn qamčy=ba oq saıyyn*» – от Прокопия Никоноровича Амзорова (кайчи Акока) (Д. 97). Общий объем рукописных текстов на шорском языке составил 259 листов.

Поскольку, как уже было сказано, была поставлена задача включить в книгу записи полных текстов всех сказителей нижнемерасского района, с которыми работала Дыренкова, то кроме тех текстов, которые были переписаны ею самой набело, мне пришлось взять в работу и один из тех, который существует лишь в виде полевых записей, – это эпос «*Qara qan*», записанный от Г.Н. Кастаракова.

Процесс работы с архивными шорскими текстами, во многом занудный и монотонный, оказался по-своему увлекательным, поскольку ежедневно требовал от меня нахождения решений, связанных как с переводом рукописей в компьютерный формат, для чего был необходим подбор соответствующих символов, с конвертированием латиницы в современную кириллицу (скорее, я поступал ровно наоборот, поскольку набор записанных на латинице текстов представлялся мне более удобным и быстрым именно на кириллице), с постоянным решением – я бы сказал, в значительной степени этического – вопроса о пределах допустимой «нормализации» в попытке максимально сохранить диалектные и персональные особенности языка сказителей и вместе с тем обеспечить максимальную близость текстов к нормам современного шорского литературного языка, не говоря уже о поиске ответов на вопросы о значении

устаревших слов, отсутствующих в современных словарях, и смысле отдельных эпических формул при переводе текстов на русский язык и подготовке своих комментариев.

Этот процесс вполне может стать темой отдельного очерка, который в большей мере будет интересным, наверное, лингвистам, специалистам в области текстологии, чем собственно антропологам. В данном же случае я хочу остановиться на другом аспекте работы, а именно поразмышлять над соотношением полевых и чистовых фольклорных материалов, тех материалов, которые, скорее всего, как раз и готовились самой Дыренковой к изданию в заявленном ею в 1940 г. «втором томе», или, если говорить более общо, над тем, как антропологи превращают свои полевые записи в академические тексты (в нашем случае несколько менее претенциозно – превращают их в публикации фольклорных материалов). Проблема соотношения полевых материалов и выходящих в итоге из-под пера антропологов книг и статей активно обсуждается в антропологическом сообществе как применительно к текстовым практикам, которые выходят за пределы собственно текстов, поскольку оказываются связаны с необходимостью учета, например контекстов власти или институциональных ограничений (см.: Clifford 1986: 2), так и к профессиональным иллюзиям, порождаемым в ходе полевых исследований, которые отражаются затем в научных текстах (de Seta 2020). Не менее значимым, как мне представляется, является и то, какую роль примеряет на себя антрополог (этнограф) в ходе полевых работ и особенно в процессе последующей обработки записанного – скажем «автора» или же «редактора» записанных в поле фольклорных текстов, что я попробую показать в этой статье.

Сначала несколько слов о чистовых записях шорских текстов в архиве Н.П. Дыренковой. Все они сделаны на листах формата А4 чернильной ручкой на фонетической латинице (разной степени точности в разных текстах), как правило, без использования прописных букв, в том числе при написании имен персонажей. Большая их часть вряд ли может быть сочтена финальной версией, поскольку изобилует описками, зачеркиваниями, комментариями на полях (обычно это карандашные пометки с вариантами перевода тех или иных слов и словосочетаний) (рис. 1), хотя есть и несколько на удивление чистых рукописей, без каких-либо пометок в тексте или на полях.

Довольно быстро выяснилось, что без обращения к полевым записям даже при наличии чистовиков не обойтись – где-то были явные орфографические ошибки и описки (число описок в подавляющем большинстве даже набело переписанных текстов исчисляется многими десятками, если не сотнями), ошибки в именах персонажей, в обозначении мастей

богатырских коней, пропуски целых фраз (заметные при чтении текста), а где-то меня просто что-то смущало, как, например, немотивированные зачеркивания уже написанных слов. Оказалось, что Н.П. Дыренкова не только исправляла отдельные грамматические формы, но и опускала какие-то фрагменты записанного от сказителя текста или же, наоборот, брала на себя роль сказителя, вставляя какие-то слова и даже целые фразы в чистовой текст или, скажем, меняя порядок слов в предложении.

Обратимся к примерам.

Первый из них иллюстрирует не только пропуск нескольких слов в чистовой записи (в сравнении с той, что был сделан непосредственно от сказителя), но и изменение порядка слов в чистовике. В сказании «Qara qan», записанном⁸ от К.П. Апонаева, читаем:

Anaŋ körzälär, alton qulaş synnyġ saryġ qara qannuŋ čurtun Kälim qys qara qannuŋ čurtun kör taŋnap tura pardy (Д. 102. Л. 14).

Фраза выглядит так, как если бы она состояла из двух различных частей. После слова *saryġ* явно не хватает подлежащего (указания на коня) и какого-то сказуемого. И эти слова нашлись в полевых записях: *sar'at tura tüştü* (Л. 51). То есть, в чистовом варианте первое предложение в приведенном выше фрагменте должно читаться так:

Anaŋ körzälär, alton qulaş synnyġ saryġ [sar'at tura tüştü].

Затем (они) увидели, с шестидесятисаженным крупом (желто-)[соловый конь опустился] (перевод мой. – Д.Ф.).

Соответственно, окончание фразы, приведенной изначально, является самостоятельным предложением. Но и в нем в чистовом варианте обнаружилось расхождение с полевой записью.

Если в чистовике мы читаем:

Kälim qys qara qannuŋ čurtun kör taŋnap tura pardy (Л. 14).

Келим-кыс, чурт Кара-хана рассматривая, стояла (перевод мой. – Д.Ф.),

то в полевых записях:

kelim qys kör taŋnap tura ^bpardy q.q.nuŋ čurtun (Л. 51).

Келим-кыс, рассматривая, стояла, чурт К[ара]-х[ан]а (перевод мой. – Д.Ф.).

Да, сказитель, диктовавший текст, «нарушил» в данном случае привычный порядок слов в предложении, характерный для тюркских языков (глагол обычно стоит в конце предложения), но является ли это достаточным основанием для того, чтобы исправлять его речь?

В этом тексте, впрочем, как и в других, довольно много пропусков, равно как и вставок, принадлежащих самой Дыренковой. Приведу еще два примера из того же эпоса «Qara qan» в записи от К.П. Апонаева.

Kün köbünän qarbašča'lar, kün ärtiști, aī köbünän qarbaščylar, toγus čylγa šyγara qarbaščalar (Л. 18).

Больше дня сражаются, день прошел, больше месяца сражаются, в течение девяти лет сражаются (перевод мой. — Д.Ф.).

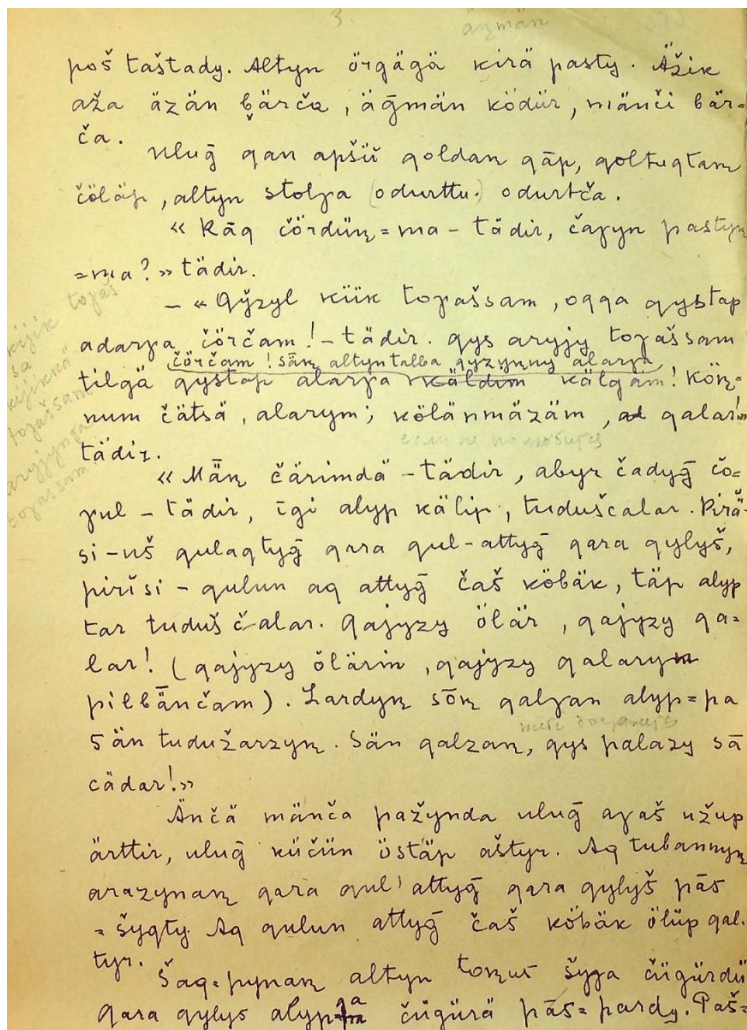

Рис. 1. Страница с чистовой записью эпоса «Алтын-Тонгус»
(Д. 73. Л. 3)

Фраза с точки зрения следования принципам построения эпических формул выглядит неполной. Обращение к полевым записям, как и в предыдущем случае, позволило выявить пропуск нескольких значимых слов: *aī ärtiști, čyl köbünän qarbaščalar*.

То есть фраза в чистовом варианте должна была бы выглядеть так:

Kün köbünän qarbašča'lar, kün ärtišti, aï köbünän qarbaščylar [aï ärtišti, çyl köbünän qarbaščalar], toγus çylya šyγara qarbaščalar.

Больше дня сражаются, день прошел, больше месяца сражаются, [месяц прошел, больше года сражаются], в течение девяти лет сражаются.

Еще один пример находим на листе 22:

Qan qor'at at ünü=bä kištädi, alyptyñ ünü=bä çōqtandy.

Кроваво-каурый конь по-лошадиному заржал, по-богатырски заговорил (перевод мой. – Д.Ф.).

В полевых же записях текст иной, с усеченной формулой:

q. qor'at alyptyñ ünübile coqtandy (Л. 55 об.)

К[роваво]-каурый конь по-богатырски заговорил (перевод мой. – Д.Ф.).

Очевидно, здесь текст подвергся «улучшению», исходя из знания Дыренковой о полной эпической формуле «*at ünü=bä kištädi, alyptyñ ünü=bä çōqtandy*» у шорских сказителей⁹, возможно, в том числе и в творчестве сказителя К.П. Афонаева, от которого был записан эпос «*Qara qan*» (впрочем, уверенно говорить об этом нельзя, поскольку от Афонаева был записан лишь один текст).

Здесь же, кстати, видно и то, что при подготовке полевых записей к изданию исследовательница производила нормализацию шорских текстов, заменяя, в частности, некоторые аффиксы на те, которые соответствовали бы новой орфографии: в данном случае вместо аффикса *-биле* был использован аффикс *-бе*.

Порой в текстах встречаются описки (?), затуманивающие смысл фразы.

Так, в чистовом варианте эпоса «*Altyn toγus*», записанного от Н.А. Напазакова, читаем:

Pala altyn örgä kirä ħärdi, altyn ustolya odurup aš čidi (Д. 73. Л. 24).

Ребенок в золотой дворец вошел, за золотой стол сев, аш поел (перевод мой. – Д.Ф.).

Поскольку в шорском эпосе *auu*¹⁰ либо наливают (*yp-*), либо пьют (*uu-*), то использование этого слова в паре с глаголом «есть» заставило меня перепроверить, а что же было записано непосредственно от сказителя. В полевых записях оказалось следующее:

altyn örgege cediniš kire berdi. ustolga odurup tabaq cidiler (Д. 74. Л. 7)

в золотой дворец, взявшись за руки, вошли. За стол сев, (еду) поели (перевод мой. – Д.Ф.).

Не только слово *tabaq* было заменено на *aš*, не только аффикс напр.-дат. пад. в случае со словом *örge* был заменен с *-ge* на долгую *-e* (*ā*), но

и смысл фразы, как видно, был существенно искажен. Из чистового варианта следует, что ребенок один заходит во дворец, садится за стол и «питье» ест, в то время как сказитель говорил о нескольких персонажах, которые вместе зашли во дворец (причем оговаривал, как именно — «взявшись за руки») и вместе же сидели за столом (определение «золотой» здесь было опущено) и «еду» ели.

Встречаются и иные серьезные вмешательства в текст оригинала, причем такие, которые позволяют говорить о том, что они делались вполне осознанно. В эпосе «*ałtyn qamčy=ba oq sałıyn*», записанном от П.Н. Амзорова, в одном месте мне встретились два зачеркнутых слова: *syngarap körgeñi* (Д. 97. Л. 116; см. рис. 2) — ‘внимательно посмотрел’.

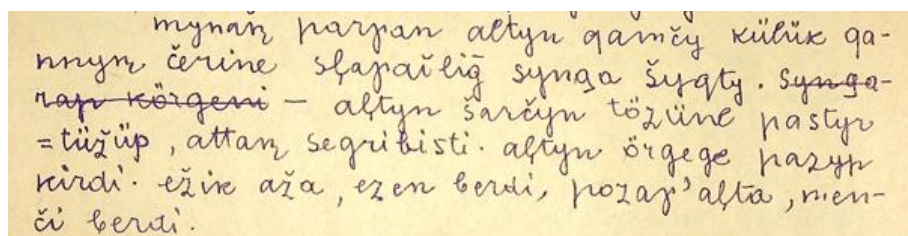

Рис. 2. Фрагмент чистовой записи текста эпоса «Алтын-Камчи и Ок-Салгын» с зачеркнутыми словами *syngarap körgeñi* (Д. 97. Л. 116)

Обращение к полевым записям (рис. 3) позволило обнаружить не просто эти два слова, но и несколько строк, которые по каким-то причинам исследовательница решила не включать в текст, готовившийся ею к публикации.

В полевых записях читаем:

syngarap körgeñi aq mal arg(a) ulus çatır kelip ð O.Salg. ceenezi ałtyn orgede ponu saqtap odur cygan poltur.A.K. po argalyg synnañ azyra pastyrgany, O.S. ceenezi alt. orgedeñ şygyp ponu körüp turca (Д. 97. Л. 42)

Внимательно посмотрел — чистый скот, многочисленный народ живут. О[к]-Салгын, его племянник, сидя в золотом дворце, его поджидая, сидел, оказывается. Когда А[лтын]-К[амчи] горный хребет переваливал, О[к]-С[алгын], его племянник, из золотого дворца вышел, стоит и смотрит на него (перевод мой. — Д.Ф.).

Что стало причиной отказа от включения этого фрагмента в чистовой вариант текста, мы вряд ли сейчас сможем узнать.

Казалось бы, не так уж страшно пропустить или же, наоборот, вставить что-то в текст, но мне все же кажется, что исследовательница в какой-то момент перестала чувствовать ту грань, за которую нельзя заходить в попытке что-либо улучшить в исходных записях. Об этом говорит то, что примеров, подобных тем, что я привел выше, обнаружилось довольно много.

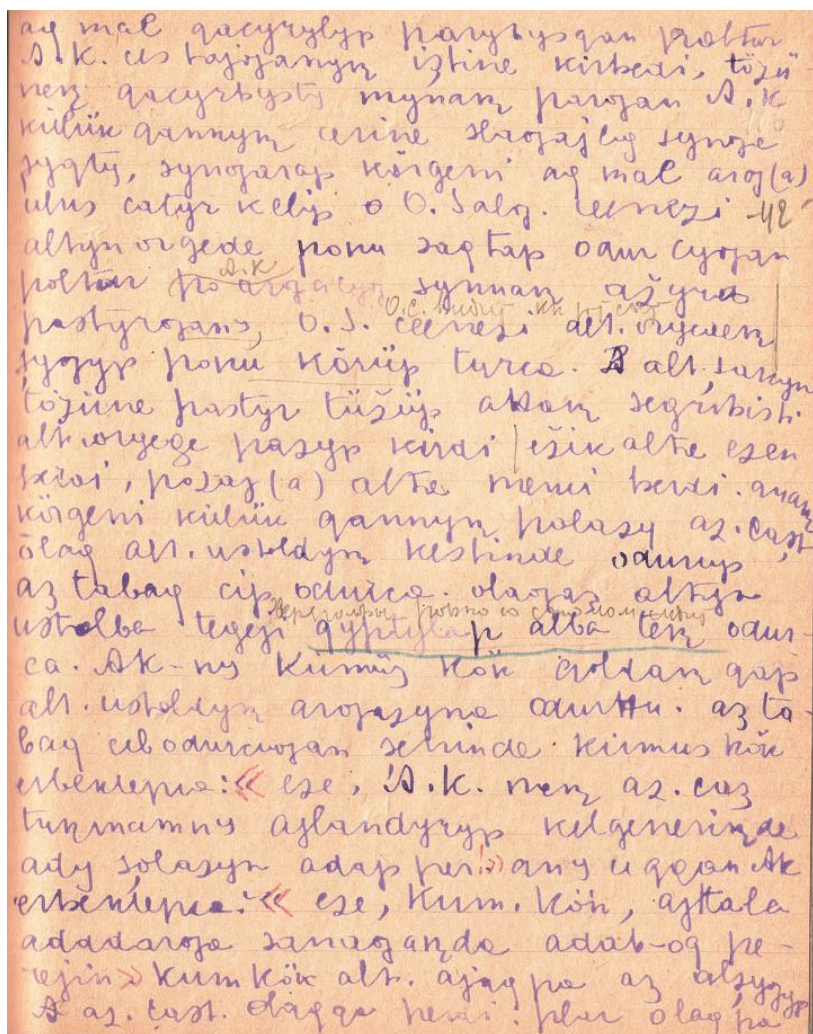

Рис. 3. Страница с полевыми записями эпоса «Алтын-Камчи и Ок-Салгын»
(Д. 97. Л. 42)

Зная о такой работе с текстами, невольно стали возникать сомнения и в тех случаях, когда в записях вдруг стали встречаться откровенно «народные» представления, скажем, о хане, который, вернувшись с охоты, делит добычу со своим подданным народом, причем оставляет себе меньшую часть:

añnardy adyñ alyp, qara por'atqa art saldy. uluğ synnañ äñip, adazyñyñ çurtuna çädip kälди. aña quştyñ ädin iği pölbüsti, köp sabazyn qara tañanyñ tözüñdä çatqan albatqy çonyä päр saldy, as sabazyn altyn örgäñ iştinä aparyp, altyn köök päçäzinä pärdi (Д. 237. Л. 32).

«Зверей и птиц настреляв, Каткан Чула на темносерого коня добычу навьючил. С великого хребта спустившись, в отцовский юрт въехал. Мясо зверей и птиц на две части разделил. Большую часть народу, живущему у подножья черной тайги отдал, меньшую часть в золотой дворец понес и старшей сестре своей Алтын Кёök подал» (Д. 237. Л. 56, перевод Н.П. Дыренковой; орфография и пунктуация оригинала сохранены. – Д.Ф.).

К сожалению, этот мотив, встретившийся в тексте сказания «*altyn köök räčäliġ qatqan čula*» («Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Кёёк»), оказалось невозможным сверить с полевыми записями, поскольку их в архиве нет.

Обращение к электронному корпусу шорских эпических сказаний (<https://corpora.iea.ras.ru/corpora/>) свидетельствует о том, что в 62 текстах (по состоянию на начало 2025 г.) он встречается лишь один раз, причем именно в записях Н.П. Дыренковой: в сказании «*Qara qan*», которое она записала от К.П. Апонаева:

Ol albaty čonuna aŋ=ma qužun ortazyn pölüp tašta bārgān.

Albaty čonu tǝzǝ any körüp paqtap parčazy qyŋyryš=kälip alyŋan: «čazŋ uzaq polzun, tǝp, sǝni čajayān čajačŋ čazŋ uzaq ätsin! ölbās mögü polzun!» alyŋan

Этому подданому народу, половину птиц и зверей отделив, бросил/швырнул. Подданный народ, это увидев, славя (его), громко (букв. ‘крича’) благославлял: «Жизнь твоя длинной пусть будет, говоря, создавший тебя Создатель жизнь твою пусть долгой сделает! Не умирающим вечным будь!» (благославлял) (перевод мой. – Д.Ф.).

В опубликованных ранее текстах этот мотив встречается еще однажды, и вновь в записях Н.П. Дыренковой: в сказании «*aq qan*», включенном в том «Шорский фольклор», богатырь Ак-хан

aŋ qužunun ortazyn albatqy čonyā artyza perdi; orta aŋ qužun altyn orgē āl-keldi
(Шорский фольклор 1940: 163).

Половину (убитого) зверя-птицы подданным людям оставил; половину зверя-птицы к золотому дворцу привез (Шорский фольклор 1940: 163).

Несмотря на вписанность этого мотива в целом в эпический стиль шорских сказаний, он все же не вызывает особого доверия. В эпосе народ безлик и пассивен. Это либо бесчисленный/многочисленный (*шоды чоқ улус-чон, арга чон / арга улус*), либо подданный народ (*албатқы чон*), который враги угоняют в плен и который наши богатыри-ханы пытаются вернуть, либо же сами угоняют подданный народ других ханов, а порой и просто, после победы над врагом, рубят его «в капусту» (*ақ малды арга улусту қабыста чеп кертчалар* ‘чистый скот (и) многочисленный народ словно капусту рубят’), поскольку им так много народа не нужно (пример из сказания «*čsaš taïga*» из репертуара П.Н. Амзорова в записи Н.П. Дыренковой (Д. 97).

К сожалению, в нашем распоряжении нет полевых дневников Дыренковой (см. опись https://www.kunstkamera.ru/files/Archive_KK/opisi/f_3_op_1_polevye_materialy_i_nauchnye_trudy_pis_ma_k_dyrenkovo_j_n_p_trudy_drugih_lic.pdf, в которой под № 46–49 значатся лишь дневники за 1925–1927 гг., в то время как подавляющая часть записей эпоса была сделана не ранее 1936 г.¹¹), которые, возможно, помогли бы понять, как именно исследовательница работала со сказителями, обозначала ли она им какие-то вводные, предлагала ли включать в текст какие-то мотивы или же, наоборот, не упоминать их. Что такое практиковалось в то время, известно со слов моих пожилых информантов, которые помогали А.И. Смердову записывать шорский эпос в 1938–1939 гг., т.е. практически в те же годы, когда там работала Н.П. Дыренкова (Семь вечеров 2022: 142–143).

Возвращаясь к феномену превращения записанного непосредственно от информанта в то, что в итоге оказывается опубликованным, хочу обратить внимание на один эпический текст из числа тех, что был издан самой Дыренковой. Это пересказ сказания «aq öleŋ-me qut öleŋ». В комментариях к нему исследовательница писала следующим образом: «Текст Ак-öleŋг и Кыр-öleŋг приводится как образец пересказа героической поэмы. Полный текст этой героической поэмы-сказки войдет во II том настоящего издания» (Шорский фольклор 1940: 386). Пересказ, действительно, краток, он занимает всего полторы страницы (Там же: с. 154, 156 шорский текст и 155, 157 перевод на русский язык). Напомню основные звенья этого сюжета:

У подножия белого таскыла (сопки) на берегу белого моря в золотом дворце жили два брата, ездящие на большом и малом светло-чалых (*улуҕ-кичиҕ ақ қыр ат*) конях. Когда Ак-Оленг ехал, то птицы-фламинго, сидевшие в гнезде промеж ушей его малого светло-чалого коня, пели, а девяностострунный тальниковый комус сам играл, завораживая всё и всех вокруг. Ак-Оленг замечает слезы в глазах своего младшего брата, Кыр-Оленга. Тот в ответ на расспросы брата рассказывает ему о его предстоящей смерти, поскольку такова воля Создателя. Кони останавливаются. С неба летит железная стрела и пробивает лопатку Ак-Оленга. Конь богатыря тут же убегает за живой травой и вскоре возвращается. Ак-Оленг оживает, садится на своего коня и уносится прочь. Младший брат расстраивается из-за того, что его брат потерял разум, решает не ехать вслед за ним и возвращается в стойбище своих родителей, где «живя и богатея, жить стал».

Имея в своем распоряжении название эпоса и пусть скудные, но все же некоторые сведения о сказителе (в комментариях к пересказу Дыренкова указала, что текст был записан в низовьях р. Мрас, в улусе Акколь, от сказителя из рода Карга: Шорский фольклор 1940: 386), я решил посмотреть, а что же сохранилось в архиве и насколько этот пересказ соотносится с полной записью этого сказания.

В архиве Н.П. Дыренковой хранятся две записи одноименного эпоса, причем обе как в виде полевых записей, так и в начисто переписанном виде. Одна была сделана от кайчи Ахмеда, А.И. Абокаева, из сеока («рода») Тогус Тас в улусе Сибиргинском; сказание названо «*qut öläŋ aq öläŋ*» и записано оно на 42 тетрадных страницах в черновике, а позже переписано набело на 41 листе (Д. 89). Другой одноименный текст был записан от кайчи Морощки, Н.А. Напазакова, из сеока («рода») Уста в улусе Чувашенском, точнее в Большой Чувашке, *üstünğ'al*; это сказание в полевых тетрадях названо «*qut öläŋ aq öläŋ=mä*» (Д. 76–77) и «*qut öläŋ=mä aq öläŋ*» в чистовом варианте (Д. 78). Объем этого текста несколько меньший в сравнении с объемом ранее названного сказания: 38 тетрадных страниц в полевых записях и 37 листов в чистовике.

Иначе говоря, полных текстов этого эпоса, записанных в Акколе или же от сказителя если и не из Акколя, то хотя бы из какого-то соседнего улуса, который бы причислял себя к «роду» Карга, в архиве нет.

Хотя в моем распоряжении нет копии текста эпоса, записанного от Н.А. Напазакова, а есть лишь текст, который Дыренкова записала от А.И. Абокаева, я все же позволю себе некоторые комментарии. Дело в том, что сюжет эпоса, рассказанного Дыренковой этим сказителем, значимо отличается от того, что было представлено в «пересказе» в томе «Шорский фольклор». Кратко я указывал на это ранее (см.: Функ 2024: 363–364), но здесь назову основные сюжетные звенья этого сказания, записанного от Абокаева, с тем, чтобы имеющиеся расхождения были видны максимально отчетливо.

У подножия Черной тайги (высокой горы) с тремя дверями в золотом дворце живут Ак-хан и Алтын-Кас. Внутри тайги – управляющий именем Ак-хана Кыр-чайзан и Кыр-орекен. В обличье черных кошек появляются подземные персонажи Черные Шебельдей, которые убивают обоих богатырей, а их вдов, скот и народ угоняют с собой. Конь Ак-хана спасается сам, находит пленниц и возвращает на стойбище, где ранее появился сын Кыр-орекен, мальчика, родившегося в неволе у Алтын-Кас. Мальчики, ставшие братьями, получают богатырские имена Кыр-Оленг и Ак-Оленг. Там же звучит пророчество, согласно которому старший брат Кыр-Оленг будет жить вечно, если не будет нарушать уложения Создателя, а младший, Ак-Оленг, если небесная живая стрела пробьет его доспех, умрет. Сказано также, что Ак-Оленг будет ездить на трехухом коне, светло-соловом коне, у которого промеж ушей будет большое гнездо, а на крупе будет лежать и играть семидесятиструнный *чадыган-комус*. Братья отправляются мстить за своих родителей. Кыр-Оленг убивает Черных Шебельдей. Братья спасают своих матерей и возвращают награбленное имущество. Узнав имена своих суженых – у Кыр-Оленга это Хан-кыс, а у Ак-Оленга Кюмюш-Кёёк, – братья отправляются на их поиски. Ак-Оленга убивает небесной стрелой.

Птицы-фламинго, гнездившиеся между ушей коня, создают гроб, в который старший брат укладывает останки младшего брата. Они заполняют все пространство гроба и это означает, что он действительно умер. Конь Ак-Оленга теряет разум и убегает прочь. Кыр-Оленг отказывается от поисков суженой и возвращается домой. Там мать погибшего брата рассказывает ему, где может быть конь ее сына. Тот безуспешно пытается его настичь. Возвращается домой, и тут уже собственная мать отправляет его на поиски суженой. По дороге Кыр-Оленгу встречается богатырь, укоряющий его в том, что он забыл о своем брате, и предлагает ехать в землю некоего богатыря Табатта (именно его стрела, оказывается, убила Ак-Оленга). Богатыри приезжают туда, расправляются с Табатта и с одним из его сыновей. Оставленный в живых второй сын в благодарность дает Кыр-Оленгу волшебную свирель, которая может возвращать умерших к жизни. Наши богатыри разъезжаются по своим стойбищам. После возвращения домой мать Кыр-Оленга вновь отправляет сына на поиски суженой. Кыр-Оленг находит Хан-кыс, но та хитрит и, утверждая, что это не она, а именно Кюмюш-Кёёк (после смерти его брата) предназначена в жены Кыр-Оленгу, отсылает его, предварительно наделив его дополнительной силой. Кыр-Оленг успевает на пир, на котором Кюмюш-Кёёк должна была стать 71-й женой богатыря по имени Чек, и убивает соперника. В этот раз Кыр-Оленга обманывает Кюмюш-Кёёк, отказавшуюся превращаться в волшебный предмет и ехать в кармане своего «суженого». Она надевает одеяние кукушки, пообещав следовать за Кыр-Оленгом, но затем улетает, сказав, что Хан-кыс специально отослала его прочь, поскольку вот-вот закончится время, когда она еще может стать чьей-то женой. Кыр-Оленг возвращается во владения Хан-Кёёк. Та соглашается выйти за него замуж, после чего они оба отправляются на родину Кыр-Оленга. По дороге Кыр-Оленг вспоминает погибшего брата и начинает играть на свирели. Ее звуки разносятся по всему миру и в ответ слышатся звуки семидесятиструнного чадыган-комуса. Оживший Ак-Оленг просит брата играть на свирели, не переставая, чтобы он смог найти его по этим звукам. После того, как звуки свирели перестали раздаваться (свирель могла лишь трижды играть) на выручку приходит конь Кыр-Оленга. Кони братьев слышат ржанье друга и в итоге братья находят друг друга. Кыр-Оленг приезжает домой. Следом туда возвращается Ак-Оленг после поездки за своей суженой. Сказание завершается описанием свадебных пиров братьев.

Как мы видим, при наличии неких общих мотивов и имен двух главных героев, сюжет в данном случае действительно иной. Не у той горы (что для сказителей принципиально важно) разворачивается действие, не с братьев начинается повествование, иными показаны их роли (старший-младший, да не кровные они братья к тому же),

различаются и масти коней, на которых ездят главные герои, Ак-Оленг не лишается разума, а его оживание происходит не благодаря его коню и живой траве, Кыр-Оленг не отказывается от поисков брата, а, наоборот, прилагает массу усилий, чтобы его найти, герои не остаются без суженых и др.

Хотя в томе «Шорский фольклор» есть несколько фольклорных текстов разных жанров, записанных от некоего информанта из рода Карга¹² в улусе Акколь (Шорский фольклор 1940: тексты 59, 70 и 112), все же вопрос об авторстве «пересказа» эпоса о братьях Кыр-Оленге и Ак-Оленге лично для меня остается открытым.

Можно обратить внимание на еще один эпический текст – «Өленг Тайджи», вошедший в том «Шорский фольклор» (Шорский фольклор 1940: 72–80, 73–81), о котором в примечаниях было сказано: «Сказка Алтын Тайджи (sic! – Д.Ф.) не имеет обычной концовки, потому что сказитель передал ее не полностью» (Там же: 383). Записан этот текст, как явствует из примечаний, был от информанта из рода Четибер в улусе Томазак, в наст. вр. г. Мыски. В данном случае у нас есть возможность для идентификации текста, поскольку в архиве сохранилась запись одноименно эпоса, сделанная (возможно, не самой Дыренковой) от 15-летнего Петра Тодышева (Д. 70). Тодышевы – одна из фамилий, чья родовая принадлежность (сеок Чедьвер/Чедыбер) точно установлена. Мало того, наброски перевода этой рукописи на русский язык – они сопровождают примерно первую треть текста (первые 14 страниц из 55) – позволяют утверждать, что эта первая часть эпоса и есть тот самый «не полностью переданный сказителем текст», который вошел в том «Шорский фольклор». Каковы были причины указания при публикации фрагмента этого эпоса на его «недорассказанность» сказителем, сказать сложно.

Объяснений у представленных мной наблюдений может быть несколько.

Беру с книжной полки том «Шорского фольклора», составленный Дыренковой, и вижу на титульной странице посвящение, написанное ее рукой: «Лиле от автора 12/ VIII 1940» (рис. 4). От «автора»? Если Дыренкова действительно именно таким образом видела свою роль, то становится понятной та ее работа с текстами оригиналов, о которой шла речь в статье. Представления о фольклоре как об «искусстве слова» и благие побуждения вкупе с великолепным владением материалом порой способны сыграть злую шутку с исследователем, который, может быть и неосознанно, пытается представить публикуемые тексты так, как следует, а не так, как они были записаны.

Возможно также, что Н.П. Дыренкова чувствовала общую ситуацию, в которой народные эпосы все больше и все чаще стали подвергаться критике с разных сторон, в которой благом казалась доработка этих текстов, равно как и запись (вполне возможно реально существовавших)

фольклорных текстов о колхозах, счастливой советской жизни, о советских вождях и т.п.

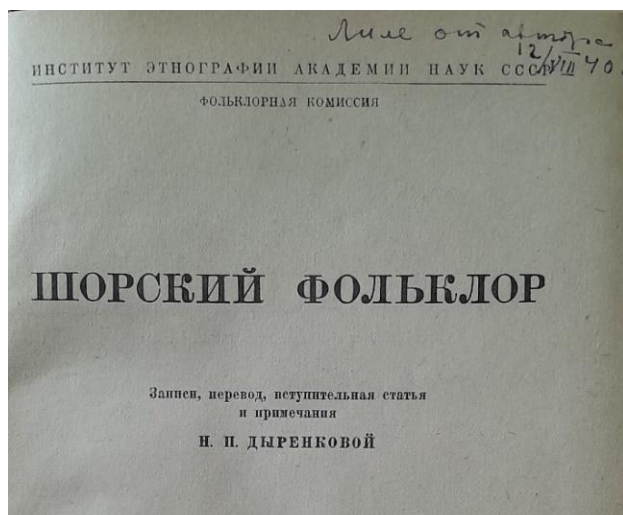

Рис. 4. Фрагмент титульной страницы книги «Шорский фольклор» (1940)

Вряд ли случайно сборник «Шорский фольклор» открывался именно блоком песен о Ленине и Сталине (Шорский фольклор 1940: 2–7). Во всяком случае, сама исследовательница отчетливо проговаривала идею возникновения нового фольклора в предисловии к книге:

Среди новых художественных произведений первое место занимают песни. <...> Они – живой отклик на живую действительность <...> Если в старых песнях доминировали ноты безнадежности и тоски, то новые песни полны чувством гордости радости и уверенностью в будущем. С особой любовью повторяет песня имена тех, кто дал шорцам радость свободного творчества – имена Ленина и Сталина (там же: xxxix).

Несколько позднее, в разгар кампании против народных эпосов, активно развернувшейся в СССР в 1944 г. с пиком в 1948–1952 гг. (подробно см.: Шнирельман 2024: 482–506), именно такого рода фольклорные штудии сотрудников Института этнографии АН СССР считались примером идеологически правильного подхода к фольклору, как об этом писалось, например, в газете «Правда» в 1951 г.:

Много произведений народного творчества собрано (сотрудниками Института этнографии. – Д.Ф.) в разных районах страны в послевоенные годы и, в частности, минувшим летом на Урале. В них выражены поэзия труда, пафос великих строек, идея борьбы за мир, за победу коммунизма, чувства всенародной любви к большевистской партии, к великому Сталину (Народное творчество. 1951. № 309: 2).

Вполне возможно, что часть каких-то мотивов в записанных Н.П. Дыренковой текстах представлялась ей несвоевременной, откуда и «не полностью переданные» тексты, и вызывающие вопросы «пересказы». В записанных текстах, действительно, много того, что плохо согласовывалось с декларируемыми в те годы социалистическими нормами, и потому благом, вполне возможно, представлялось не издавать что-то или же издавать в трансформированном виде. Кстати, в том же сказании о братьях Кыр-Оленг и Ак-Оленг в самом начале сказания есть мотив беспробудного пьянства Ак-хана. «Пересказ», начинающийся с названия имен двух братьев, позволял не затрагивать предысторию, иначе потребовалось бы каким-то образом объяснять читателям, почему эпические богатыри так ведут себя.

И все же, в заключении я хотел бы подчеркнуть несомненную значимость всех материалов, собранных Н.П. Дыренковой. Да, мы видим некие вольности в обработке этих записей, да, они полны описок и ошибок, но вместе с тем они являются уникальным, не имеющим аналогов, свидетельством высокого уровня развития эпической традиции у шорцев в 1930-е гг. и богатства сюжетов и эпического языка шорских героических сказаний, равно как и уникальным свидетельством специфики научной мысли в СССР практически столетней давности.

Мы довольно часто, говоря об истории науки, ограничиваемся перечнем работ того или иного классика, полагая это достаточным для характеристики его вклада в науку. И при этом оставляем в стороне ту самую «этнографическую кухню», где, в каких условиях и из чего «варились» труды этого классика. Речь, таким образом, не о попытках критиковать кого-либо за что-либо (мы все, все, кто работает в поле, делаем множество ошибок), а о том, чтобы понять, как и почему именно так наши предшественники видели в поле именно то, что они видели, как и для чего они это фиксировали, как обрабатывали и почему облекали свои мысли в ту или иную форму... а порой и просто молчали.

Примечания

¹ Здесь и далее в ссылках на архив Н.П. Дыренковой (Архив НИИ МАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1) указывается лишь номер дела.

² Из email-письма от 10.01.2003 г.: «К сожалению, в настоящий момент мы не можем предоставить Вам копии документов из архива Н.П. Дыренковой, т.к. решается вопрос о полном издании ее полевых этнографических материалов... Долгие годы в МАЭ не было средств на подготовку и издание архивных материалов, сегодня такая возможность появилась».

³ В данном случае речь не столько о большом объеме текстового материала, с которым сложно совладать, сколько о том, что сейчас в мире насчитывается буквально 2–3 специалиста, которые занимаются шорским героическим эпосом и, пусть и в разной степени, владеют шорским языком. В одиночку на реализацию проекта издания записей шорского эпоса, выполненных лишь одной Н.П. Дыренковой (а таких архивов по меньшей мере

- Функ Д.А. Из истории изучения шорского эпоса (записи и публикации Н.П. Дыренковой 1925–1940 гг.) // Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. М., 1999. Вып. 9. С. 120–128.
- Функ Д.А. Антропология героического эпоса. Крик, разрывающий дно Вселенной. М.: Культура, 2024. 566 с. (Методы антропологии).
- Шенцова И.В. Задачи лингвистов в области шорского языкознания // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Новокузнецк, 1998.
- Шницерельман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. 624 с.
- Шорская героическая сказка «Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Коок» [подгот. к публ. Д.А. Функа] // Народы Российского Севера и Сибири / Сибирский этнограф. сб. № 9. М., 1999. С. 129–140.
- Шорский фольклор / Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Clifford J. Introduction: Partial Truths // Clifford J. and G.E. Markus (eds.) Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography. Univ. of California Press, 1986. P. 1–26.
- De Seta G. Three lies of digital ethnography // J. of Digital Social Research. 2020. Vol. 2, № 1. P. 77–97.

References

- Arbachakova L.N. (2001) *Tekstologiiia shorskogo geroicheskogo eposa* [Textology of the Shor heroic epic]. Novosibirsk. 160 p.
- Afuzova T. (2008) Iz arkhiva professora A.I. Chudoiakova [From the archive of Professor A.I. Chudoyakov]. In: *Dukhovnaia Shoriia. Shorskii fol'klor v zapisiakh i iz arkhiva professora A.I. Chudoiakova* [Spiritual Shoria. Shor folklore in the records and from the archive of Professor A.I. Chudoyakov]. Kemerovo: IPP «Kuzbass», pp. 17–20.
- Dyrenkova N.P. (2012) *Tiurki Saiano-Altai. Stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of Sayan-Altai. Articles and ethnographic materials]. St. Petersburg: MAE RAN. 408 p. (Seriia «Kunstkamera — Arkhiv». Vol. VI).
- D'iakonova V.P. (1989) Nadezhda Petrovna Dyrenkova: k 90-letiiu so dnia rozhdeniia [Nadezhda Petrovna Dyrenkova: on the 90th anniversary of her birth]. In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaia* [Folklore Heritage of the Altai Mountains]. Gorno-Altai, pp. 3–14.
- Koliupanov V. (1996) *Altyn shor. Zolotaia Shoriia. Skazaniia, mify, legendy, skazki Gornoi Shorii* [Altyn Shor. Golden Shoria. Tales, myths, legends, fairy tales of Mountain Shoria]. Kemerovo.
- Kondakov G. (1979) M. Gor'kii i altaiskii fol'klor [M. Gorky and Altai folklore]. In: *Ulagashevskie chteniia* [Ulagashevsky readings]. Gorno-Altai. Vol. 1.
- Narodnoe tvorchestvo [Folk art], *Pravda*, 5 November 1951, no. 309, p. 2.
- Sem' vecherov. Antologiiia shorskogo eposa* / Sostavlenie, perevod na russkii iazyk, vstupitel'nye stat'i i kommentarii D.A. Funka [Seven Evenings. Anthology of the Shor Epic / Compilation, translation into Russian, introductions and comments by D.A. Funk]. Moscow: IEA RAN, 2022. 296 p.
- Funk D.A. (2005) *Miry shamanov i skazitelei (kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov)* [Worlds of Shamans and Storytellers (A Comprehensive Study of Teleut and Shor Materials)]. Moscow: Nauka. 398 p.
- Funk D.A. (1989) Epicheskie skazaniia shortsev v arkhive N.P. Dyrenkovoi (Arkhiv LCh IE AN SSSR, f. 3, op. 1) [Epic tales of the Shors in the archives of N.P. Dyrenkova (Archive of the Leningrad Branch of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, f. 3, op. 1)]. In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaia* [Folklore Heritage of the Altai Mountains]. Gorno-Altai, pp. 15–19.
- Funk D.A. (1999) Iz istorii izucheniia shorskogo eposa (zapisi i publikatsii N.P. Dyrenkovoi 1925–1940 gg.) [From the history of the study of the Shor epic (recordings and publications

- of N.P. Dyrenkova 1925–1940)]. In: *Narody Rossiiskogo Severa i Sibiri. Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Peoples of the Russian North and Siberia. Siberian Ethnographic Collection], Vol. 9. Moscow, pp. 120–128.
- Funk D.A. (2024) *Antropologiya geroicheskogo eposa. Krik, razryvaiushchii dno Vseleynoi* [Anthropology of the Heroic Epic: A Cry That Tears the Bottom of the Universe]. Moscow: Izdatel'stvo «Kul'tura». 566 p. (Metody antropologii).
- Shentsova I.V. (1998) Zadachi lingvistov v oblasti shorskogo iazykoznaniiia [The tasks of linguists in the field of Shor linguistics]. In: *Deiatel'nost' Andreia Il'icha Chudoiakova i dukhovnoe vozrozhdenie shorskogo Naroda* [The activities of Andrei Ilyich Chudoyakov and the spiritual revival of the Shor people]. Novokuznetsk.
- Shnirel'man V.A. (2024) *V pogone za predkami: Etnogenez i politika* [In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia. 624 p.
- Shorskaya geroicheskaya skazka «Katkan-Chula, imeiushchii starshuiu sestru Altyn-Kook» [podgot. k publ. D. A. Funka] [Shor heroic tale “Katkan-Chula, who has an older sister Altyn-Kook” (prepared for publication by D. A. Funk)]. In: *Narody Rossiiskogo Severa i Sibiri / Sibirskii etnograf. sb.* [Peoples of the Russian North and Siberia / Siberian ethnographic collection], no. 9. Moscow, 1999, pp. 129–140.
- Shorskii fol'klor* / Zapisi, perevod, vstupitel'naia stat'ia i primechaniiia N.P. Dyrenkovoii [Shor folklore / Records, translation, introductory article and notes by N.P. Dyrenkova]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1940.
- Clifford J. (1986) Introduction: Partial Truths. In: Clifford J. and G.E. Markus (eds.) *Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography*. Univ. of California Press, pp. 1–26.
- De Seta G. (2020) Three lies of digital ethnography, *J. of Digital Social Research*, Vol. 2, no. 1, pp. 77–97.

Сведения об авторе:

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitry A. Funk, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 апреля 2025;
принята к публикации 22 мая 2025.*

*The article was submitted 03.04.2025;
accepted for publication 22.05.2025.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 902

doi: 10.17223/2312461X/48/8

С Иртыша на Обь: хронология и причины средневековых миграций (по материалам Шайтанского археологического комплекса)

Ольга Викторовна Зайцева¹
Евгений Вячеславович Водясов²

¹ *Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева,
Усть-Каменогорск, Казахстан*

² *Университет Шакарима, Семей, Казахстан*
¹ snori76@mail.ru

Аннотация. Рассматривается феномен появления «степного» скотоводческого населения на берегах Оби на рубеже I–II тыс. н.э. Основное внимание уделено Шайтанскому археологическому комплексу (Томское Приобье), который является самым северным и крупнейшим скоплением памятников скотоводов-металлургов в Обском бассейне. На основе анализа новых радиоуглеродных дат и археологических данных сделан вывод о том, что первые крупные миграции относятся к IX в., что привело к стремительному расширению культурно близких коневодческих культур на огромных пространствах Восточного Казахстана и Западной Сибири. Миграционный импульс исходил из кимакской культурной среды Казахского Прииртышья. Главными причинами расширения коневодческих культур могли являться не только политические события, но и климатические изменения. Вторая фаза (XI–XIII вв.) в истории Шайтанского комплекса сопровождается массовым производством железа и связана с басандайской археологической культурой. В середине XIII в. население шайтанских городищ резко сокращается. Это могло быть вызвано как монгольскими походами против «лесных» народов, так и наступлением Малого ледникового периода, активная фаза которого нанесла огромный урон коневодческому хозяйству из-за сурового климата и невозможности прежних тебенёвок в зимнее время.

Ключевые слова: Казахское Прииртышье, Верхнее Приобье, басандайская культура, сарматская культура, кимаки, радиоуглеродный метод, климатические изменения

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Программы BR24992916 «Комплексные историко-археологические исследования области Абай».

Для цитирования: Зайцева О.В., Водясов Е.В. С Иртыша на Обь: хронология и причины средневековых миграций (по материалам Шайтанского археологического комплекса) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 158–188. doi: 10.17223/2312461X/48/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/8

From Irtysh to Ob: Chronology and Causes of Medieval Migrations (Based on the Materials of the Shaitan Archaeological Complex)

Olga V. Zaitceva¹, Evgeny V. Vodyasov²

¹ D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

² Shakarim University, Semey, Kazakhstan

¹ snori76@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the emergence of “steppe” cattle-breeding populations in the Ob River Region at the turn of the I-II millennium AD. The main attention is focused on the Shaitan archaeological complex (Tom’ River Region), which is the northernmost and largest concentration of cattle-breeding-metal-lurgical sites in the Ob basin. Based on the analysis of new radiocarbon dates and archaeological data, it is concluded that the first major migrations date back to the IX century, which led to a rapid expansion of culturally close horse-breeding cultures over vast areas of Eastern Kazakhstan and Western Siberia. The migration impulse came from the Kimak cultural environment of the Kazakhstan Irtysh Region. The main reasons for the expansion of horse-breeding cultures could be not only political events, but also climatic changes. The second phase (XI–XIII centuries) in the history of the Shaitan complex is accompanied by mass production of iron and is associated with the Basandaiskaya archaeological culture. In the middle of the XIII century the population of Shaitan settlements sharply decreases. This could be caused both by the Mongol campaigns against “forest” peoples and the onset of the Little Ice Age, the active phase of which caused a huge damage to the horse breeding economy due to the harsh climate and the impossibility to keep cattle in winter.

Keywords: Kazakhstan Irtysh Region, Upper Ob Region, Basandaiskaya culture, Srostkinskaya culture, Kimaks, radiocarbon dating, climatic changes

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Program BR24992916 “Comprehensive historical and archaeological research of the Abay region”.

For citation: Zaitceva, O.V. & Vodyasov, E.V. (2025) From Irtysh to Ob: Chronology and Causes of Medieval Migrations (Based on the Materials of the Shaitan Archaeological Complex). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 158–188 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/8

Введение

Средневековая история Западной Сибири рассматривается большинством ученых в рамках постепенного и многоэтапного процесса «тюркизации» (Савинов 1984, 2016; Могильников 1987; Плетнева 1987; Троицкая 2002). Термин «тюркизация» был первоначально заимствован из лингвистики, где он обозначал языковую ассимиляцию, при которой

происходили частичная или полная потеря местного языка и его замена на один из тюркских языков. В археологии под «тюркизацией» стали понимать как распространение культурного влияния тюркского мира на таёжные народы, так и непосредственные процессы миграций тюркоязычных кочевников на территорию Сибири.

Большинство ученых сегодня полагают, что появлению скотоводческих культур на юге Западной Сибири способствовали крупные миграции из степи (Могильников 1980, 1992; Беликова 1996, 2001; Адамов 2000; Плетнева 1997; Горбунов 2003; Ширин 2004; Савинов 1984, 2016; Илюшин 2016; Водясов 2018). Приверженцы другой точки зрения объясняют процессы культурогенеза в Обь-Томском междуречье не сменой населения, а эволюционной трансформацией предшествующей верхнеобской культуры в басандайскую при доминировании местных традиций (Бобров и др. 2010: 110–111).

Причины и этапы средневековых миграций необходимо рассматривать с учетом локальных особенностей отдельных областей такого обширного региона, как Западная Сибирь. Именно поэтому мы сосредоточимся в этой статье на конкретном Шайтанском археологическом комплексе, позволяющем рассмотреть особую модель заселения Верхнего Приобья на рубеже I–II тыс. Эти земли заняли группы коневодов-металлургов, которые впервые принесли в таежный мир развитые технологии производства железа. Уровень «металлургической грамотности» был настолько высок, что практически каждое изученное поселение содержало массовые свидетельства металлургической деятельности (Водясов 2012a; Vodyasov 2016; Водясов, Зайцева 2017). В настоящей статье мы попробуем ответить на вопросы о том, какие исторические процессы стоят за внезапным появлением коневодов-металлургов на далекой периферии их ареала и как сформировалась басандайская культура, являвшаяся самым северным рубежом коневодов в средневековом мире.

Главные причины, по которым мы хотим обратиться в этой статье именно к Шайтанскому археологическому комплексу (ШАК), сводятся к трем. Первая связана с размерами и изученностью этого комплекса. ШАК включает в себя шесть городищ, пять поселений, одно местонахождение, два курганных могильника и является одним из крупнейших комплексов средневековых памятников Приобья и одновременно самым большим железоделательным центром эпохи средневековья во всей Западной Сибири (Зайцева и др. 2004; Водясов 2012b; Vodyasov et al. 2015; Vodyasov 2016; Водясов, Зайцева 2017; Вавулин и др. 2020).

Во-вторых, ни на одном из исследованных памятников ШАК не обнаружено археологических слоев предшествующих эпох. Рассматриваемая экологическая ниша пустовала и вдруг «внезапно» стала пристанищем для большого количества населения на рубеже I и II тыс. н.э., что само по себе говорит о наличии крупных миграций в прошлом.

Наконец, третья причина связана с тем, что в ходе многолетних раскопок на территории ШАК нами получена представительная серия из 37 радиоуглеродных дат для поселенческих и погребальных памятников, большинство из которых публикуется здесь впервые. Указанные факторы позволяют назвать ШАК ключевым археологическим источником для изучения средневековых миграций.

Памятники Шайтанского археологического комплекса: характер культурного слоя и хозяйство средневекового населения

ШАК расположен на юге Томской области в Кожевниковском районе, в правобережье Оби рядом с устьем р. Таган (рис. 1).

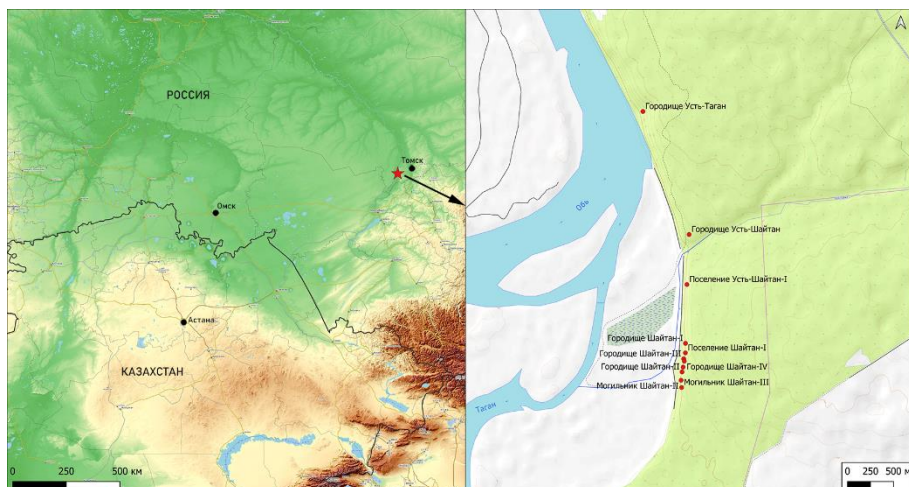

Рис. 1. Карта с указанием Шайтанского археологического комплекса

ШАК включает в себя шесть городищ (Шайтан-I, -II, -III, -IV, Усть-Шайтан, Усть-Таган), пять поселений (юрты Таганские, Шайтан-I, Андрaва-I, -II, -III), одно местонахождение (Шайтанское) и два курганных могильника (Шайтан-II, -III). Все памятники (кроме поселения юрты Таганские) расположены сплошной вереницей на правой надпойменной террасе р. Обь (см. рис. 1). При освоении ландшафтов пришлое население использовало каждый выступающий в обскую пойму мыс для строительства на нем городища. Так, в центральной части ШАК нет ни одного мыса, на котором бы не находилось средневековое городище или поселение. Оборонительные линии городищ представлены одним внешним рвом глубиной до 5 м и внутренним валом высотой до 1,5 м.

С севера и юга ШАК ограничен руслами правых притоков Оби – устьем Тагана и Андрaвой соответственно. На севере урочище Шайтан

границит с выходами качественной железной руды – Киреевским проявлением сидерита (Коноваленко и др. 2010; Водясов, Асочакова 2020). За 2001–2013 гг. раскопками общей площадью 1 082 кв. м в разной степени исследовано 11 памятников: городища Усть-Шайтан, Усть-Таган, Шайтан-I, -II, -III, -IV, поселения Шайтан-I, Усть-Шайтан-I, Таганское, местонахождение Шайтанское и курганный могильник Шайтан-II.

Характерной особенностью практически всех исследованных памятников (кроме городища Усть-Шайтан и поселения Усть-Шайтан-I) является насыщенность культурного слоя многочисленными свидетельствами металлургии железа. Где бы мы ни заложили раскоп на его территории, будь то периферия или центральные участки поселений и даже могильника, в среднем на 1 м² исследованной площади приходилось около 1,2 кг железного шлака. В случае, например, городища Шайтан-IV насыщенность шлаком была еще выше и составляла уже 4 кг на 1 м² (Водясов 2012б: 153). Материалы археологических раскопок памятников ШАК показали, что металлурги добыли приблизительно 15 тонн руды, которая способна была им дать порядка 3 тонн железных криц. При этом раскопками исследовано менее 2% площади, занимаемой Шайтанским комплексом памятников. В контексте и масштабах сибирской таежной металлургии эти показатели весьма внушительны.

Другая особенность заключается в повторяемости структуры стада домашних животных на разных памятниках ШАК (рис. 2).

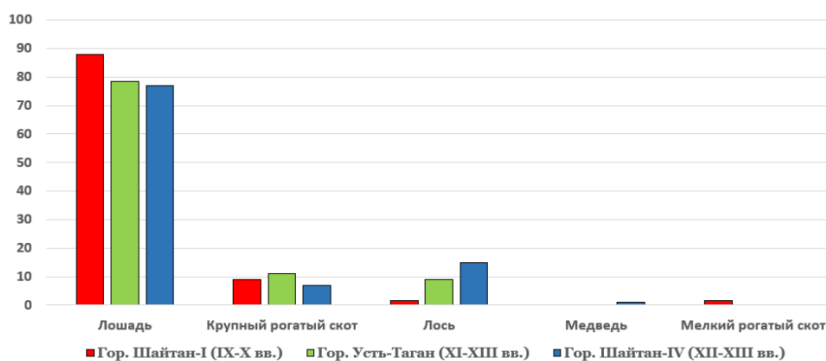

Рис. 2. Видовое определение (%) костей животных, обнаруженных на шайтанских городищах первой и второй фазы. Osteологические определения выполнены в 2010–2014 гг. аспирантом кафедры зоологии позвоночных и экологии ТГУ М.М. Девяшиным

Археологические и остеологические исследования ясно показывают, что главным направлением хозяйства являлось скотоводство (со значительным преобладанием в стаде лошади) и металлургия железа. Среди участников шайтанской экспедиции в свое время была популярна шутка

о том, что делать ставки на новые находки перед началом полевого сезона просто бессмысленно, так как любой раскоп будет до краев наполнен костями лошади и железным шлаком.

Керамическая посуда Шайтанского археологического комплекса

Как отмечалось выше, культурных слоев предшествующих эпох на территории ШАК не обнаружено. Кроме городища Шайтан-III, где фиксируются находки широкого охвата II тыс. н.э., все остальные памятники однослойные, что является благоприятным фактором для анализа керамических традиций.

Вся керамика ШАК в подавляющем большинстве представлена горшками, которые, в свою очередь, разбиваются на **две группы**. Первая группа объединяет керамические лепные круглодонные горшки с хорошо профилированными и отогнутыми наружу венчиками. По характеру орнаментации и формовке первая группа разбивается на две подгруппы.

Подгруппа Ia включает горшки с ямочно-гребенчатым орнаментом и, как правило, косыми насечками по срезу венчика. Зоны орнаментации состоят из линий аккуратных ямок по шейке сосуда, ниже которых расположены фестоны, выполненные тонким гребенчатым штампом по плечикам сосудов. Чаще всего фестоны образуют горизонтальные пояса, а также ромбы, зигзаги и вертикальные отпечатки штампов (рис. 3). Ближайшие аналоги такой керамике происходят из многочисленных поселений сросткинской культуры лесостепного Алтая (Горбунов и др. 2016) за тем лишь исключением, что шайтанская посуда – сплошь круглодонная, тогда как для сросткинской характерна плоскодонность. Здесь еще важно подчеркнуть, что керамика **подгруппы Ia** встречена только на городищах Усть-Шайтан и Шайтан-I (рис. 4), при этом на них фиксировалось совместное залегание посуды **подгрупп Ia** и **Ib**. Другая особенность шайтанских памятников с керамикой «сросткинского» облика заключается либо в отсутствии, либо в крайне малой насыщенности слоя остатками черной металлургии по сравнению с остальными памятниками ШАК.

Подгруппа Ib самая многочисленная и представлена на всех исследованных шайтанских памятниках без исключения (рис. 3, 4). Она объединяет круглодонные горшки с очень бедной орнаментацией. У подавляющего большинства сосудов венчики отогнуты наружу, орнаментированы чаще всего косыми насечками или пальцевыми/ногтевыми защипами. По шейке сосудов, как правило, нанесены либо одиночный ряд неровных ямок, либо оттиски гребенчатого штампа, либо косые насечки. Общими чертами **подгрупп Ia** и **Ib** являются: схожие формы горшков с хорошо профилированными венчиками, наличие косых насечек на срезах венчиков, линии ямок по шейке сосудов, отсутствие орнамента на тулове и

дне. Отличия наблюдаются в том, что для посуды *подгруппы 1б* характерно резкое обеднение орнаментальных мотивов, более грубая формовка и толстые стенки, отсутствие фестонов и прочих мотивов, выполненных мелким гребенчатым штампом.

Шайтанская посуда *подгруппы 1б* отражает основные керамические традиции басандайской культуры в Томском Приобье. Она имеет множество аналогий в могильниках и поселениях Нижнего Притома в XI–XIV вв. (Плетнева 1997: 97–104). Помимо этого, схожие керамические комплексы известны также на Среднем Чулыме в X–XIII в. (Беликова 1996: 58–63), в Новосибирском Приобье в X–XIV вв. (Адамов 2000: 81–82; Савинов и др. 2006) и в Кузнецкой котловине в начале II тыс. н.э. (Ширин 2004: 99).

Первые исследования, выявившие сходства в керамическом комплексе кимаков Казахстанского Прииртышья и средневекового населения Приобья, принадлежат Ф.Х. Арслановой (Арсланова 1979, 1980). В основном сравнение шло с хорошо изученными и опубликованными к тому времени комплексами могильников Басандайка и Еловка. В дальнейшем новые памятники, исследуемые как в Казахстанском Прииртышье, так и в Приобье, только подтверждали их культурную близость (Арсланова, Самашев 1984; Арсланова, Самашев 1987; Плетнева 1987, 1997).

Мы согласны с тем, что происхождение шайтанской керамики *подгруппы 1б* следует связывать с кимакской культурной средой Северо-Восточного Казахстана. Именно там для конца I тыс. н.э. выделяется тип посуды (Арсланова 2013: 269, рис. 1), который полностью идентичен керамике Новосибирского и Томского Приобья. Другое сходство Томского Приобья и Казахстанского Прииртышья связано с обрядом использования керамической посуды в погребениях. В Томском Приобье исследовано около 300 погребений XI–XV вв. (Плетнева 1997), посуда встречена в 26% случаев. Наличие такого количества керамики в погребениях не характерно для соседнего Новосибирского Приобья и Лесостепного Алтая, но обнаруживает полное сходство с Северо-Восточным Казахстаном. Так, на Бобровском и Ждановском могильниках Ф.Х. Арслановой раскопано 40 курганов, в 11 из которых (27% случаев) обнаружены керамические сосуды (Арсланова 2013). При анализе погребального обряда и инвентаря курганов Северо-Восточного Казахстана Ф.Х. Арсланова прямо указывала, что одним из регионов, где намечается наибольшее сходство, является территория басандайской культуры (Арсланова 2013: 171). Таким образом, вероятным исходным импульсом появления керамики подгруппы 1б являлось Казахстанское Прииртышье.

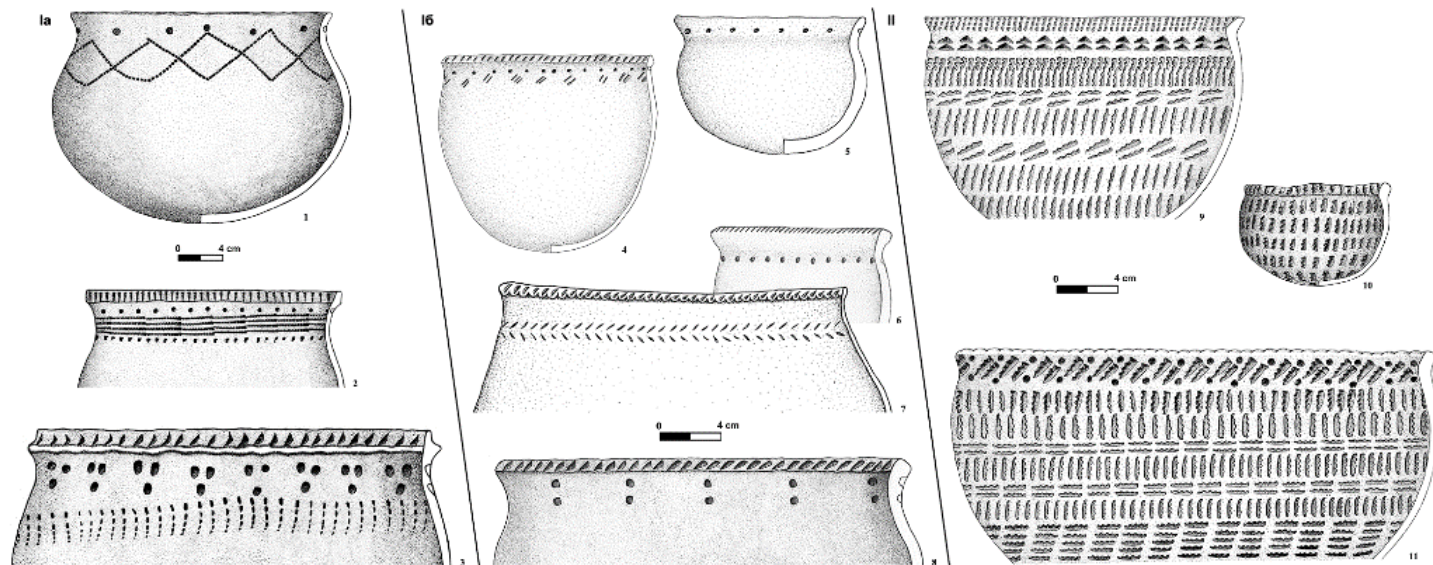

Рис. 3. Керамика Шайтанского комплекса. 1, 2, 3, 8 – городище Усть-Шайтан;
4, 9-11 – могильник Шайтан-II; 5, 7 – городище Усть-Таган; 6 – городище Шайтан-I

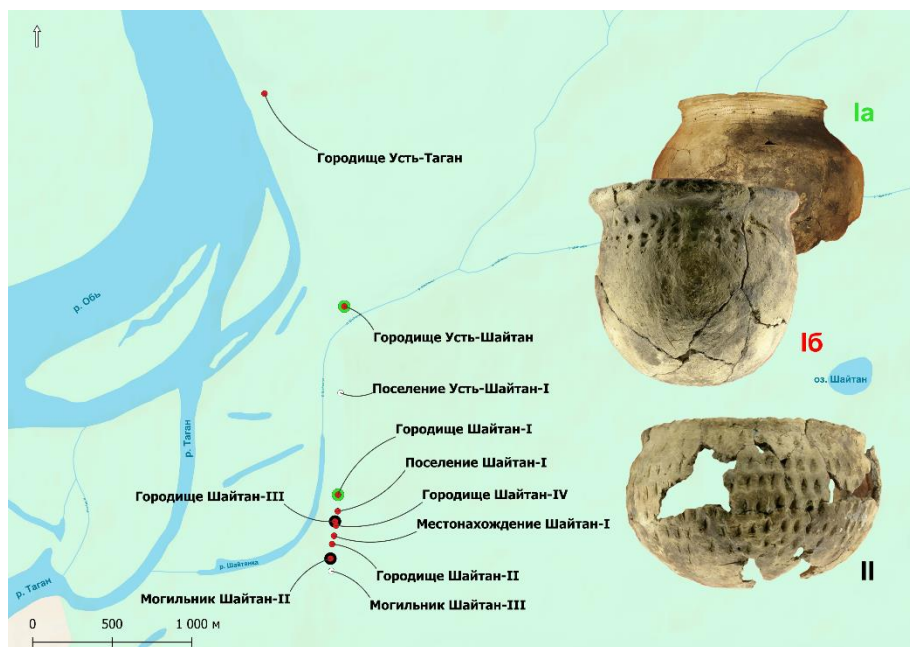

Рис. 4. Распространение керамических горшков двух групп на территории Шайтанского археологического комплекса. Зеленые кружки – керамика первой группы (подгруппа Ia); красные кружки – керамика первой группы (подгруппа Ib); черные кружки – керамика второй группы; белые кружки – нет данных

Ко **второй группе** керамики ШАК относятся круглодонные сосуды горшковидной формы, встреченные только на городище Шайтан-III и на могильнике Шайтан-II (см. рис. 3, 4). В отличие от сосудов первой группы они орнаментированные либо полностью, либо на две трети. Венчики, как и у керамики первой группы, отогнуты наружу. Преобладающими элементами в орнаменте являются оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Кроме того, встречаются круглые ямки, причем также исключительно в основании шейки.

Подобная керамика известна в Томском Приобье (Плетнева 1990: 98–101; Яковлев, Мец 1993: 142–143, рис. 6; Водясов, Пушкарев 2019), в таёжном Причулымье (Дульзон 1953, 1955) и Новосибирском Приобье (Сяткин и др. 2005). Схожие керамические комплексы Томского Приобья и Таёжного Причулымья чаще всего традиционно датировались исследователями XVI–XVII вв., при этом нижняя граница определялась исключительно интуитивно, что уже не раз отмечалось в литературе (Зайцева, Капитонова 2003; Водясов, Пушкарев 2019). Археологические материалы и радиоуглеродные даты с городищ Томского Приобья (Барсуков 2016; Водясов, Пушкарев 2019) сегодня позволяют определить нижнюю дату керамики **второй группы** XV в. и говорить о сосуществовании двух групп керамики в Томском Приобье в это время.

Радиоуглеродная хронология Шайтанского археологического комплекса

За годы раскопок памятников ШАК получено 37 радиоуглеродных дат (таблица). Семнадцать из них опубликованы ранее (Zaitceva, Vodyasov 2014; Барсуков 2016; Водясов 2018), остальные приводятся в этой статье впервые (рис. 5, 6). Анализ и обработка радиоуглеродных данных в программе OxCal 4.4 позволяет выделить три четкие хронологические фазы существования ШАК, которые хорошо коррелируются с археологическим материалом.

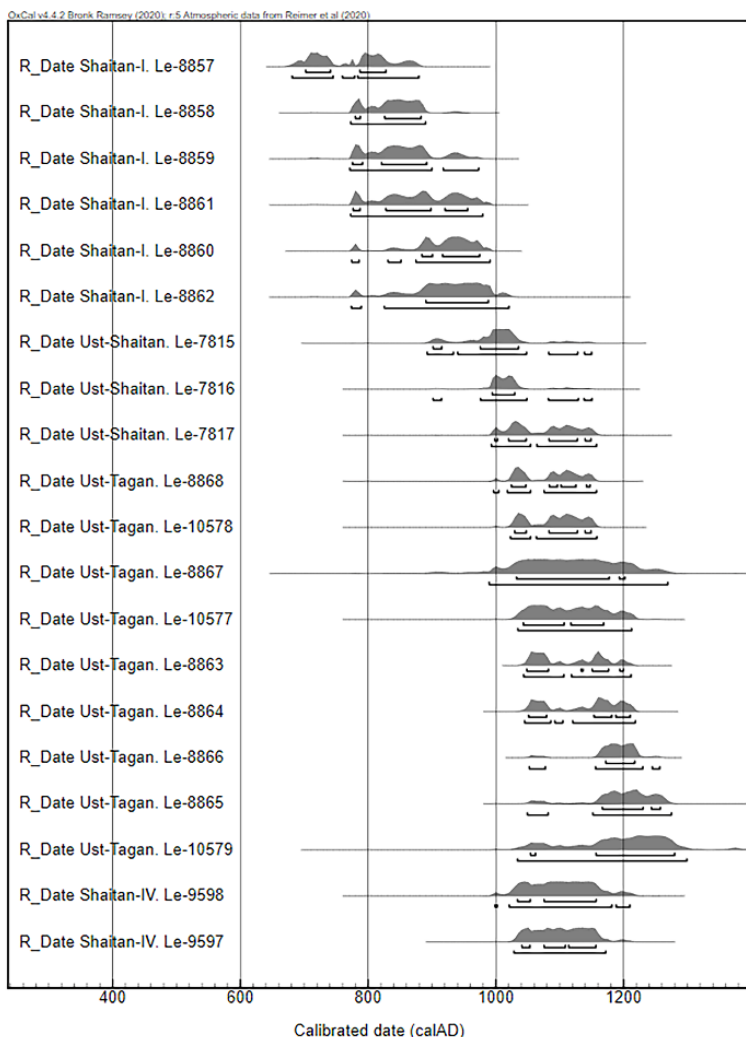

Рис. 5. Калиброванные радиоуглеродные даты
городищ Усть-Шайтан, Усть-Таган, Шайтан-IV

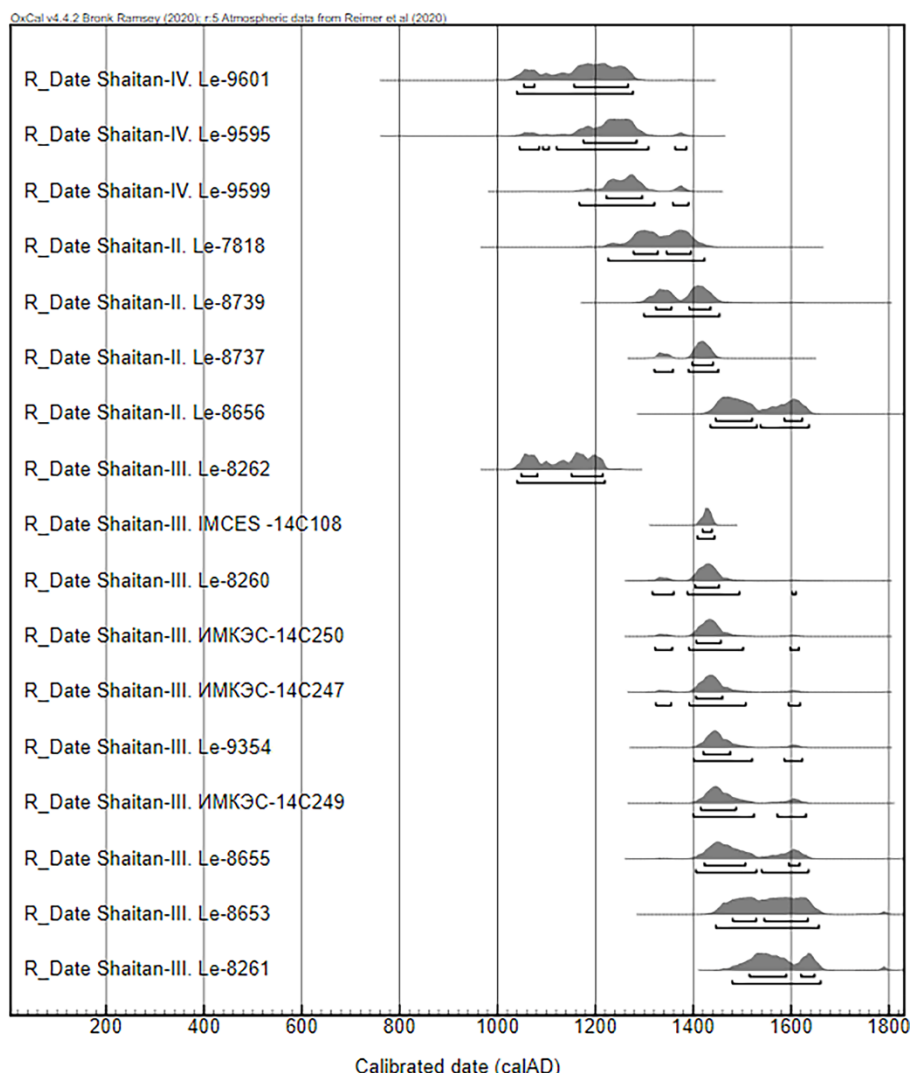

Рис. 6. Калиброванные радиоуглеродные даты
городищ Шайтан-III, -IV и могильника Шайтан-II

Первая «сросткинская» фаза. IX – начало XI в.

Первые скотоводы-металлурги прибыли в шайтанские земли в IX–X вв. В этот период они основали городище Шайтан-I, а чуть позже, на рубеже X–XI вв., ненадолго возник форпост Усть-Шайтан (см. рис. 5), судя по тонкому и бедному культурному слою. Напомним, что именно на этих самых ранних городищах найдена керамика «сросткинского» облика (*подгруппа Ia*), хотя и керамика *подгруппы Ib* на них также присутствует. Невыразительные следы металлургии в небольшом количестве

обнаружены только на городище Шайтан-I. Металлургический «бум» начнется чуть позже.

Разумеется, нам стало любопытно сравнить радиоуглеродную хронологию ранних шайтанских памятников, содержащих «сросткинскую» керамику, с хронологией самой сросткинской культуры Алтая. Для этого мы собрали опубликованные даты сросткинских комплексов (Тишкин и др. 2016, 2018; Тишкин 2018) и провели их калибровку с использованием новой и более точной калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et. al. 2020). Кроме этого, мы суммировали известные радиоуглеродные даты по кимакским памятникам Восточного Казахстана (Омаров и др. 2020; Самашев, Айткали 2024а, 2024б), откуда, согласно мнению большинства ученых, и произошел исход скотоводов в северные обские просторы.

Результаты оказались впечатляющими (рис. 7). Шайтанские городища первой фазы предстают полностью синхронными сросткинской культуре Лесостепного Алтая, которая хорошо датируется по новой калибровочной кривой в тех же пределах IX–X вв. По материалам городища Усть-Шайтан видно, что в Томском Приобье «сросткинская» посуда *подгруппы Ia* просуществовала до самого начала XI в.

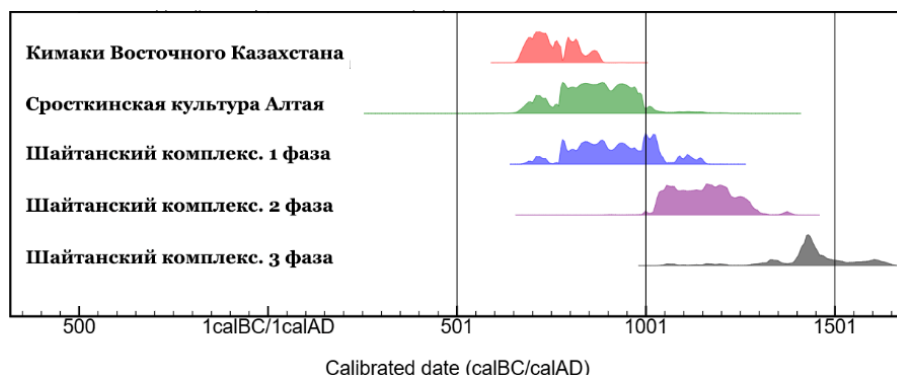

Рис. 7. Радиоуглеродная хронология кимакских памятников Верхнего Прииртышья, и памятников Шайтанского археологического комплекса

Примечательно и то, что радиоуглеродные даты кимакских памятников Восточного Казахстана после калибровки укладываются в период VIII–IX вв. и оказываются закономерно немного древнее как шайтанских памятников, так и сросткинских скотоводов Алтая (рис. 7). Более ранняя хронологическая позиция кимакских комплексов Верхнего Прииртышья, дополненная точными археологическими параллелями с обскими материалами, подтверждает гипотезу о крупных миграциях с Иртыша на Обь.

Конечно, с накоплением новых данных радиоуглеродная картина будет меняться, но уже сегодня есть весомые свидетельства того, что в IX в. произошло быстрое и мощное расширение ареала коневодческих

культур «степи» – от Тарбагатайского горного хребта на юге до таежных берегов Оби на севере.

Вторая «басандайская» фаза. Начало XI – середина XIII в.

Этот период можно назвать золотым веком в истории урочища Шайтан, так как вся его территория плотно заселена, и многие выстроенные в ряд городища и поселения-посады существуют в одно время. Коневодческая направленность в хозяйстве сохраняется, количество коров в стаде остается примерно таким же, но начинает от века к веку заметно увеличиваться роль охоты. Это хорошо видно на разных памятниках по количеству костей лося – чем позже, тем их больше (см. рис. 2).

В начале XI в. происходит полное исчезновение посуды *подгруппы Ia*, характерной для предыдущей «сросткинской» фазы. На смену ей приходит грубо исполненная и бедно украшенная керамика басандайской культуры, повсеместно встречаемая на всех памятниках ШАК (см. рис. 4). Хронологию второй фазы подтверждают и археологические вещи, характерные для XI–XIII вв.: лазуритовая каплевидная пронизка, железная пластина с крюком, скобовидные кресала, и другие предметы (Водясов 2018).

В свое время А.А. Адамов высказывал мысль об эволюционном изменении керамики в соседнем Новосибирском Приобье и увеличении степени орнаментации сосудов на протяжении X–XIV вв. (Адамов 2000: 33). Однако радиоуглеродные даты для Томского Приобья показывают иную картину и позволяют, напротив, говорить о резком упрощении орнаментальных сюжетов и огрублении керамических форм. Если в изменениях керамических традиций и можно рассмотреть какую-то эволюцию, то разве что обратную.

Интересно тут и другое. Памятники басандайской культуры появляются в Томском Приобье ровно в тот момент, когда сросткинская культура полностью исчезает на Алтае, и условным рубежом между этими событиями служит самое начало XI в. (см. рис. 7). Удивительно, что с точки зрения радиоуглеродных дат мы не видим никаких хронологических перекрытий двух культур. В чем же причина? Глобальное переселение алтайских лесостепных скотоводов на север или какие-то иные процессы, которые привели к исчезновению одних и появлению других обществ? А может быть, у нас просто еще слишком мало радиоуглеродных дат и со временем хронологии двух культур переплетутся?

Кроме временных несостыковок, есть еще одна существенная разница между сросткинской культурой Алтая и басандайской культурой Верхнего Приобья – металлургические технологии. Насколько мы можем судить из обзорной статьи, посвященной сросткинским поселениям Лесостепного Алтая (Горбунов и др. 2016), там раскопано более 4 000 кв. м, и нет никаких свидетельств железоделательного производства. В Томском Приобье, наоборот, басандайские поселения повсеместно забиты шлаками, рудами, фрагментами сыродутных горнов и прочими металлургическими

отходами. Именно на вторую фазу приходится расцвет шайтанской металлургии. Этот же металлургический «бум» охватил в начале II тыс. н.э. также соседние территории Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины (Адамов 2000; Ширин 2004), но почему-то обошел стороной Алтай. Поэтому к выше озвученным вопросам о хронологической связи сrostкинских и басандайских культур мы считаем уместным задать еще один – какие события вызвали столь быструю железную «революцию» в Верхнем Приобье в XI в. при отсутствии подобных технологий в предыдущий период?

Добавим также, что у лесного населения предшествующей верхнеобской культуры, как и у сrostкинской, тоже отсутствовала развитая металлургия железа. Так, в Новосибирском Приобье ни плавильные, ни кузнечные горны второй половины I тыс. н.э. вообще не известны, хотя в разной степени здесь изучено более 40 раннесредневековых поселенческих памятников (Троицкая, Новиков 1998: 10–15). Подобная картина прослеживается и в Томском Приобье, где следы металлургии железа представлены только одним кузнечным горном на поселении Кисловка-II. Отметим, что сегодня это вообще единственный известный горн верхнеобской культуры во всем Верхнем Приобье (Водясов, Зайцева 2017). По всей видимости, стоит признать, что внезапное появление в лесостепном и таежном Приобье металлургов-скотоводов в начале II тыс. н.э. ничем другим, кроме миграционных процессов, объясняться не может.

Д.Г. Савинов писал: «По-настоящему процессы тюркизации в Западной Сибири начинаются с середины IX в., когда после гибели Уйгурского каганата на прилегающих к нему с севера землях складывается одно из самых поздних и самое северное древнетюркское этносоциальное объединение – государство кимако-кыпчаков с центром на Иртыше» (Савинов 2016). Однако начало формирования басандайской культуры в Томском и Новосибирском Приобье Д.Г. Савинов относил к более позднему времени и датирует XI в. (Савинов 2016). Такой датировки придерживаются практически все исследователи (Плетнева 1997; Бобров и др. 2010). О.Б. Беликова, также соглашаясь с предложенной датировкой, считает, что пришлый компонент басандайской культуры отражает миграции тюркоязычных (кимако-кыпчакских) групп, которые произошли позже распада кимако-кыпчакского государственного объединения, т.е. после 30-х гг. XI в. (Беликова 2001). Вторая «басандайская» фаза урочища Шайтан начинается как раз с этого рубежа (см. рис. 7), и наши радиоуглеродные даты уверенно подтверждают миграционную гипотезу.

Но откуда именно появился в лесной Сибири хозяйственный тип коневодов-металлургов, когда ни для сrostкинской культуры, ни для раннесредневековых коллективов Приобья он не был характерен? Конечно, имеется соблазн посмотреть южнее на карту и снова связать это с кимакскими влияниями. Однако сравнить хозяйство населения басандайской

культуры с экономикой Кимакского каганата мешает тот факт, что кимакские города Верхнего Прииртышья, а также поселения и какие бы то ни было производственные площадки до сих пор остаются не исследованными. С одной стороны, по письменным арабским источникам мы знаем, что кимаки хорошо владели железоделательными технологиями (Кумекон 1972: 96–97), но с другой стороны – археологически они не известны. Поэтому вопрос о причинах бума железной металлургии в таежной Сибири – все еще открыт.

Третья «финальная» фаза. XV – начало XVII в.

Золотой век урочища Шайтан неожиданно прервался в середине XIII века (см. рис. 7).

**Результаты радиоуглеродного датирования древесины
из археологических памятников ШАК. Все даты откалиброваны в программе
OxCal v4.2.4 с помощью калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020)**

Археологический памятник	Номер образца	¹⁴ C Age (BP)	Калиброванный возраст (2σ)	Ссылки
Городище Шайтан-I	Le-8857	1240 ± 25	AD 702-828; AD 681-879	Эта работа
Городище Шайтан-I	Le-8858	1190 ± 20	AD 780-883; AD 773-890	Эта работа
Городище Шайтан-I	Le-8859	1180 ± 20	AD 775-891; AD 771-973	Эта работа
Городище Шайтан-I	Le-8861	1160 ± 35	AD 776-956; AD 773-979	Эта работа
Городище Шайтан-I	Le-8860	1140 ± 25	AD 884-974; AD 774-991	Эта работа
Городище Шайтан-I	Le-8862	1120 ± 45	AD 890-988; AD 774-1020	Эта работа
Городище Усть-Шайтан	Le-7815	1040 ± 40	AD 902-1035; AD 892-1150	Эта работа
Городище Усть-Шайтан	Le-7816	1025 ± 30	AD 994-1029; AD 902-1150	Эта работа
Городище Усть-Шайтан	Le-7817	990 ± 35	AD 998-1149; AD 993-1157	Эта работа
Городище Усть-Таган	Le-8868	980 ± 25	AD 998-1149; AD 993-1157	Водясов 2018
Городище Усть-Таган	Le-10578	970 ± 25	AD 1029-1149; AD 1023-1158	Водясов 2018
Городище Усть-Таган	Le-8867	930 ± 80	AD 1032-1202; AD 989-1269	Водясов 2018
Городище Усть-Таган	Le-10577	920 ± 40	AD 1043-1169; AD 1034-1212	Водясов 2018
Городище Усть-Таган	Le-8863	910 ± 20	AD 1048-1199; AD 1043-1212	Водясов 2018
Городище Усть-Таган	Le-8864	900 ± 25	AD 1051-1210; AD 1045-1218	Водясов 2018

Археологический памятник	Номер образца	¹⁴ C Age (BP)	Калиброванный возраст (2σ)	Ссылки
Городище Усть-Таган	Le-8866	865 ± 25	AD 1172-1217; AD 1052-1256	Водясов 2018
Городище Усть-Таган	Le-8865	845 ± 40	AD 1167-1257; AD 1049-1275	Водясов 2018
Городище Усть-Таган	Le-10579	820 ± 80	AD 1054-1280; AD 1034-1299	Водясов 2018
Городище Шайтан-IV	Le-9598	950 ± 45	AD 1034-1157; AD 999-1210	Эта работа
Городище Шайтан-IV	Le-9597	940 ± 30	AD 1041-1156; AD 1028-1172	Эта работа
Городище Шайтан-IV	Le-9601	850 ± 70	AD 1054-1267; AD 1040-1277	Эта работа
Городище Шайтан-IV	Le-9595	790 ± 70	AD 1176-1284; AD 1045-1386	Эта работа
Городище Шайтан-IV	Le-9599	750 ± 60	AD 1222-1296; AD 1167-1390	Эта работа
Могильник Шайтан-II	Le-7818	660 ± 80	AD 1278-1395; AD 1226-1423	Эта работа
Могильник Шайтан-II	Le-8739	540 ± 60	AD 1324-1435; AD 1299-1454	Zaitceva, Vodyasov 2014
Могильник Шайтан-II	Le-8737	520 ± 40	AD 1398-1440; AD 1321-1451	Zaitceva, Vodyasov 2014
Могильник Шайтан-II	Le-8656	390 ± 50	AD 1446-1623; AD 1435-1636	Эта работа
Городище Шайтан-III	Le-8262	900 ± 35	AD 1049-1215; AD 1040-1219	Эта работа
Городище Шайтан-III	IMCES - 14C108	495 ± 20	AD 1419-1438; AD 1409-1444	Барсуков 2016
Городище Шайтан-III	Le-8260	490 ± 50	AD 1404-1453; AD 1317-1610	Барсуков 2016
Городище Шайтан-III	ИМКЭС-14C250	480 ± 50	AD 1406-1456; AD 1322-1616	Барсуков 2016
Городище Шайтан-III	ИМКЭС-14C247	474 ± 50	AD 1406-1460; AD 1324-1618	Барсуков 2016
Городище Шайтан-III	Le-9354	450 ± 45	AD 1421-1476; AD 1401-1623	Барсуков 2016
Городище Шайтан-III	ИМКЭС-14C249	474 ± 50	AD 1415-1487; AD 1400-1630	Барсуков 2016
Городище Шайтан-III	Le-8655	430 ± 60	AD 1423-1617; AD 1405-1635	Эта работа
Городище Шайтан-III	Le-8653	340 ± 60	AD 1481-1634; AD 1446-1657	Эта работа
Городище Шайтан-III	Le-8261	300 ± 40	AD 1515-1648; AD 1480-1660	Эта работа

Как видно из графиков (см. рис. 5, 6), количество населения ШАК сокращается настолько резко, что к началу третьей фазы в XV в. здесь осталось лишь одно городище Шайтан-III и небольшой расположенный рядом мо-

гильник Шайтан-II, состоящий всего из 22 курганных насыпей. Все остальные поселения начиная со второй половины XIII в. становятся необитаемыми.

Именно на третьей фазе появляется богато орнаментированная посуда второй группы (см. рис. 3), хотя горшки первой группы продолжают бытовать как минимум до середины XV в. Это видно по их совместному залеганию в одних и тех же курганах могильника Шайтан-II (см. рис. 3, 4, 9–11).

Примечательно, что несмотря на депопуляцию, население урочища Шайтан не теряет металлургических навыков и продолжает активно производить железо на протяжении всей финальной фазы. В XVII в., согласно историческим источникам, в Таганском Приобье проживали темерчинцы, или «темерци-йон». По мнению А.П. Дульзона, это название переводится с тюркского как «народ-кузнецы» (Дульзон 1956: 307; Барсуков 2015). Очень похоже, что темерчинцы и были последними жителями урочища Шайтан.

Миграции и климатические потрясения

Не менее интересно разобраться в причинах, побудивших большое число скотоводов мигрировать из степей в сторону северной тайги. Как мы уже выяснили, наиболее резкий рост городищ и поселений в Томском Приобье связан с судьбой кимакского каганата. Но почему эти миграции случились лишь в эпоху кимако-кыпчакских гегемоний и коллапсов? Что мешало, например, жителям Тюркских каганатов занять эти земли ранее? Другой вопрос адресован причинам резкого сокращения населения в XIII–XIV вв. и полного забвения Шайтанского комплекса к моменту прихода на Обь русского населения в XVII в.

В поисках ответов следует рассмотреть возможную связь между хронологией заселения Шайтанской экологической ниши и глобальными климатическими изменениями последних двух тысяч лет, главными из которых стали климатический пессимум эпохи Великого переселения народов, средневековый климатический оптимум и последовавший за ним Малый ледниковый период. Для этого нам понадобятся комплексные данные по реконструкции средневекового климата в различных регионах Сибири, Центральной Азии и Китая (Малолетко 2003; Мыглан 2010; Жилина 2010; Zhang et al. 2010; Churakova Sidorova et al. 2020; Wilson et al. 2016; Тишкин, Быков 2013; Ганиев 2017; Михаревич и др. 2020; Приходько и др. 2020; Бляхарчук и др. 2021).

Как известно, эпоха раннего Средневековья сопровождалась значительным похолоданием, известным как климатический пессимум эпохи Великого переселения народов, или Позднеантичный малый леднико-

вый период (Poschlod 2015: fig. 1; Büntgen et al. 2016). Кульминацией похолодания в Северном полушарии стали температурные экстремумы в VI в. н.э., скорее всего, вызванные крупными извержениями вулканов и сокращением солнечного тепла из-за выброса в атмосферу вулканической пыли (Михаревич и др. 2020: 526). Катаклизмы 536–537 гг. отразились в трудах византийского историка Прокопия Кесарийского, который писал: «И в этом году произошло величайшее чудо: весь год солнце испускало свет как луна, без лучей, как будто оно теряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. С того времени, как это началось, не прекращались среди людей ни война, ни моровая язва, ни какое-либо иное бедствие, несущее смерть» (Прокопий Кесарийский 1993: 274). На это же время пришлось первая в истории пандемия бубонной чумы («Юстинианова» чума), унесшая жизни около 100 млн человек – примерно четверти населения планеты. Если добавить к этому постоянные неурожаи, голод и нескончаемые разорительные войны, то трудно представить себе время хуже.

Климатические катаклизмы носили глобальный характер, и, конечно же, регион Томского Приобья не был исключением. Для соседнего с ним Прикетья в VI–IX вв. климат отличался неустойчивостью увлажнения и увеличением непроходимых болот (Бляхарчук и др. 2021). Велика вероятность, что при таких условиях пойменные обские луга могли быть заболоченными в период климатического пессимума, а суровые зимы с большим снежным покровом значительно затрудняли содержание скота на тебеневке. В любом случае, территория Томского Приобья являлась крайне неблагоприятным местом для ведения скотоводства в VI–VIII вв. н.э., что может объяснить отсутствие миграционных потоков из Евразийских степей в это время. В период похолоданий вряд ли кто-то из степных жителей думал мигрировать в еще более суровые северные условия, и все миграции, как правило, были направлены на юг.

В самих кочевнических степях Центральной Азии и на севере Китая резкие смены климата приводили к катастрофическим последствиям. Так, во время извержений и катаклизмов 536–537 гг., описанных Прокопием Кесарийским в Византии, Западную Вэй в северном Китае поразил голод, погубивший 80% населения (Ганиев 2017: 170). В период династии Суй (581–618 гг.) страшный голод произошел в степях Тюркского каганата. Вот что сообщает летопись Суй Шу: «Жизнь тюрков зависит от травы и воды. За весь прошлый год не было ни дождя, ни снега, так что реки высохли и налетела саранча; растения и деревья были полностью уничтожены огнем; *половина людей и животных умерли* (курсив наш. – О.З., Е.В.) от голода и болезней. Их прежнее местожительство стало выжженной землей, на которой нельзя больше жить. Так они *потянулись потом на юг* (курсив наш. – О.З., Е.В.) пустыни, чтобы перебиться на некоторое время» (Ганиев 2017: 171).

Следующие массовые вымирания произошли в степи из-за сильной морозной катастрофы 626 г., которая, как считает ряд ученых, привела к падению Восточного Тюркского каганата в 630 г. н.э. (Fei et al. 2007). В 685 г. многие также бежали из Второго Восточно-тюркского каганата на юг, в сторону Китая, поскольку в их степях почти 3 года стояла великая засуха, в результате чего пало 70–80% домашнего скота, а люди от голода и нищеты ели друг друга (Ганиев 2017: 173–174).

Однако ситуация резко изменилась в последующий период Средневекового климатического оптимума, продолжавшегося примерно в IX–XII вв. (Михаревич и др. 2020: 526). Этот период сопровождался потеплением, приведшим к сокращению лесов и заболоченности в Западной Сибири. В эпоху Средневекового оптимума демографическая емкость пастбищ и продуктивность остепненных лугов лесостепного Алтая значительно увеличились (Там же: 529).

Засушливость климата в Центральноазиатских степях (Yang et al. 2009; Михаревич и др. 2020; Kalugin et al. 2013) могла стимулировать местных кочевников к походам на север. Ряд исследователей живописно и точно отмечают изменение климата на территории Томской области в период потеплений: «Если во влажные периоды, когда на болотах разрастались непроходимые топи, охотники-рыболовы могли жить относительно спокойно в изоляции от более воинственных степняков, то в периоды более сухого климата болота становились проходимыми, зарастали лесом и к ним все чаще навевались южные нежеланные гости» (Бляхарчук и др. 2021: 42).

В этом месте полезно вспомнить легенду о сложении кимакского союза племен, записанную Гардизи в середине XI в. Согласно ей, объединение семи крупных родов произошло в результате миграций кочевников в поисках новых пастбищ, так как на старых угодьях для лошадей не осталось корма. Они пришли в то место, где течет большая река, много деревьев и обилие дичи в лесу, а зимой там выпал такой снег, что они не смогли вернуться в родные угодья и остались на этом месте (Кумеков 1972: 35). Не исключено, что в легенде описывается сильная засуха, принудившая скотоводов переселиться на новое место. Может ли такое быть, что этим местом была Обь, особенно учитывая новые радиоуглеродные даты расселения скотоводов и описания арабскими учеными типично таежных мест с обилием пушнины в лесу и непроходимыми су-гробами зимой?

Не случайно именно на «средневековое потепление» приходится генезис сросткинской культуры в Барнаульском Приобье, поскольку установился климат, благоприятный для жизни и ведения скотоводства (Приходько и др. 2020: 273; Михаревич и др. 2020: 529–530). Именно в этот же период Климатического оптимума в урочище Шайтан прибывают первые скотоводы, а с начала XI в. происходит его массовое заселение.

Благодаря потеплению, Верхнее Приобье открыло свои ворота южным кочевникам, став для них новым домом. Климат способствовал максимальному продвижению вдоль Оби пришлых групп из евразийских степей. При этом ШАК (и басандайская культура в целом) является самым северным в Приобье скоплением поселенческих памятников металлургов-скотоводов. Продвинуться дальше на север вниз по Оби не позволяли подступающие границы таежной зоны, которые четко давали понять скотоводам, что богатых пастбищ там не найти.

На карте (рис. 8) хорошо видно, что средневековая общность коневодческих культур Верхнего Прииртышья и Приобья образует треугольник, который своеобразным миграционным клином направлен на север. Именно эту вершину венчают басандайские памятники самых северных коневодов Оби.

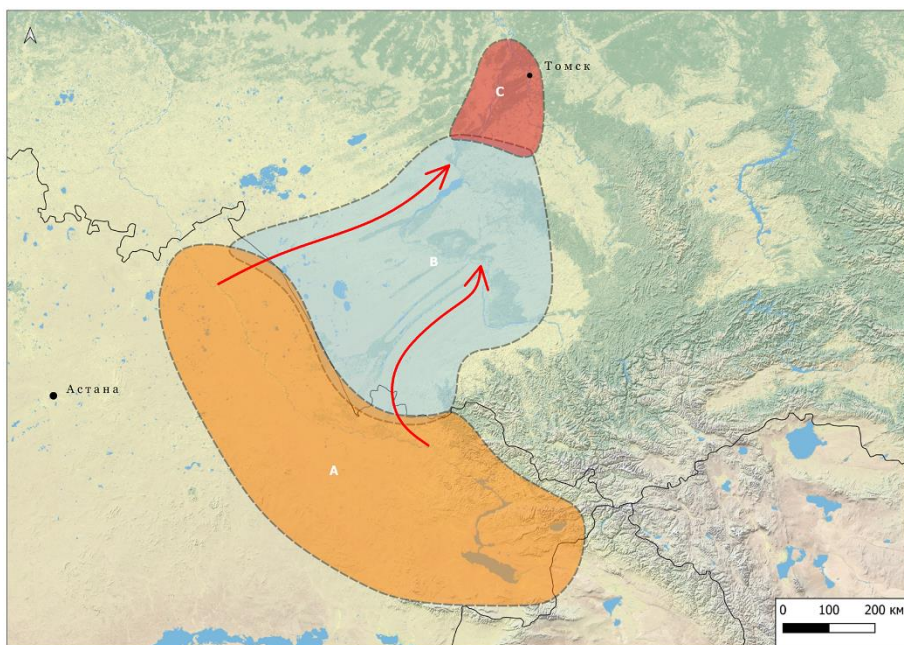

Рис. 8. Ареал основных памятников Казахстанских кимаков (А), сrostкинской культуры (В) и басандайской культуры (С) с указанием возможных миграционных путей с Иртыша на Обь

Таким образом, хронология сrostкинской культуры Алтая и динамика роста шайтанских городищ в Томском Приобье совпадает с фазой потепления и Климатического оптимума. Тут еще надо подчеркнуть, что историографически появление в южнотаежном поясе первых скотоводов традиционно объясняли политическими событиями и распадом кимако-кыпчакского союза. Но современные радиоуглеродные

даты ясно дают понять, что наиболее широкое распространение родственных коневодческих культур приходится на IX в., т.е. на пик расцвета кимакского каганата, а не его коллапса. Отдельные роды, возможно, стремились откочевать на север и сохранить свою свободу при чрезмерной централизации. При этом климатические изменения позволили им занять новые обские пастбища, которые из-за обилия влаги были несравненно богаче своей высокой летней травой, чем прииртышские степи.

Но что случилось дальше? В чем причины резкого сокращения населения шайтанских памятников к середине XIII в.? Возможно, всему виной монгольские завоевания и военные походы против «лесных» народов как раз в это же время. Но, с другой стороны, нельзя не учитывать и наступление активной фазы Малого ледникового периода, значительное похолодание которого могло привести к экономической дезориентации шайтанского населения (Барсуков 2016: 38). Например, для Якутии начало глобального похолодания относят к XIV в. (Churakova Sidorova et al. 2020: fig. 2), а в российском Алтае – к XIII в. (Рудая 2023), что хронологически совпадает с шайтанской депопуляцией.

Для соседнего Алтайского региона в постзолотоордынское время наблюдается, судя по всему, схожая картина массового опустения прежде богатых территорий (Тишкин, Быков 2013).

Рост влажности, заболоченность пойменных пастбищ и холодные зимы привели к сокращению скотоводства, а также к увеличению роли охоты в хозяйстве местного населения, пытающегося адаптироваться к новым суровым условиям. Приведем пару примеров. Для шайтанских городищ, существовавших в период Климатического оптимума (IX–XIII вв.), средняя доля костей диких животных составляла около 9%, тогда как для Могильницкого комплекса памятников XV–XVII вв., расположенного в том же бассейне р. Таган, доля диких животных увеличилась практически втрое и составляла уже 34,2% (Плетнева 1976: 218). На позднесредневековом поселении Золотая Горка, находящемся на Оби в 25 км севернее ШАК, количество особей диких животных превышало 66% (Яковлев, Мец 1993).

А как изменилось скотоводческое хозяйство на соседней Томи с наступлением Малого ледникового периода? Судя по всему, разводить лошадей там было ничуть не легче. По остеологическим определениям материалов поселения Шеломок V, датированного авторами XVI–XVII вв. (Барсуков и др. 2023), доля животных, добытых охотой, составляла около 77%, а лошадей – менее 8%. Интересно, что еще пару столетий назад соотношение домашних и диких животных в урочище Шайтан было ровно обратным, а теперь мы видим, как быстро глобальные климатические потрясения могут кардинально поменять стратегию выживания.

Заключение

Приведенные археологические и радиоуглеродные данные Шайтанского комплекса позволяют приблизиться к решению проблем, связанных с причинами появления в Приобье коневодческих культур. Мы объясняем культурные перемены в Верхнем Приобье не трансформацией местных обществ, а непосредственными миграциями металлургов-скотоводов из Казахстанского Прииртышья.

Первые волны этих миграций относятся к IX в., что привело к максимальному расширению и появлению материально близких коневодческих культур на огромных пространствах Восточного Казахстана и Западной Сибири. Вряд ли можно объяснить случайностью, что хронологические границы первой фазы существования Шайтанского археологического комплекса и сrostкинской культуры на Алтае полностью совпадают. Вероятнее всего, именно климатический оптимум открыл в IX–X вв. дорогу многим степным кочевникам в долины западносибирских рек. Период XI–XIII вв. можно назвать золотым веком в истории Шайтанского комплекса. Благоприятные условия для скотоводства, а также богатые и легкодоступные железные руды позволили коневодам-металлургам продвинуться максимально далеко на север.

В XIII в. население шайтанских городищ резко сокращается, причины чего еще предстоит выяснить. Мы не исключаем как монгольские походы против «лесных» народов, так и наступление Малого ледникового периода, активная фаза которого, без сомнения, нанесла огромный урон коневодческому хозяйству из-за сурового климата и невозможности тебенёвок в зимнее время. По крайней мере, значительное увеличение роли охоты в культуре обских поселений XV–XVII вв. говорит именно об этом. На финальной фазе прежде густонаселенная Шайтанская ойкумена сокращается до одного небольшого городища Шайтан-III, но и оно к началу XVII в. оказывается полностью заброшенным.

Список источников

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Издательская группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 406 с.
- Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 79–104.
- Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племён Казахстанского Прииртышья с населением Западной Сибири в IX–XI вв. // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 80–82.
- Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганный комплекс «Карагат» в Семипалатинской области // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 161–165.
- Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 122–133.

- Барсуков Е.В. Темерчинская волость и темерчинцы в составе томского уезда XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 86–91.
- Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан III // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 33–39.
- Барсуков Е.В., Девяшин М.М., Идимешев А.А. Поселение Шеломок V – новый памятник позднего Средневековья в Нижнем Притомье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. 2023. С. 491–495. doi: 10.17746/2658-6193.2023.29.0491-0495
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
- Беликова О.Б. Басандайская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 28–31.
- Бляхарчук Т.А., Боброва А.И., Жилина Т.Н. Природно-климатические условия на юго-востоке Западной Сибири и развитие этнокультур Прикетья (V в. до н.э. – XVII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 36–48.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.
- Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Культурные ландшафты с «высоты птичьего полета»: возможности аэрофотосъемки для выявления памятников археологии в лесной зоне // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 120–127.
- Водясов Е.В. Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012а. 23 с.
- Водясов Е.В. Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012б. Т. 1. 178 с.
- Водясов Е.В. Городище Усть-Таган: памятник черной металлургии Верхнего Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 1 (19). С. 84–98.
- Водясов Е.В., Асочакова Е.М. В поисках железных рудников: геоархеологический взгляд // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 170–188.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тернистый путь черной металлургии в таёжном Обь-Иртыше // Stratum plus. 2017. № 6. С. 237–250.
- Водясов Е.В., Пушкарев А.А. Время «Тоянова городка»: новые нумизматические находки и радиоуглеродные данные // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 142–151.
- Ганиев Р.Т. Древние тюрки и климатические катаклизмы в Центральной Азии (534–679) // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 2 (163). С. 168–179.
- Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: сб. науч. тр. Кн. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 37–42.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сrostкинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 218–229. doi: 10.14258/izvasu(2016)4-38
- Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки ТГПИ. 1953. Т. X. С. 127–335.
- Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки ТГПИ. 1955. Т. XIII. С. 97–154.
- Дульзон А.П. Диалекты татар – аборигенов Томи // Ученые записки. Труды Томского государственного педагогического института. 1956. Т. 15. С. 297–380.
- Жилина Т.Н. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 206–211.

- Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 37–40.
- Зайцева О.В., Капитонова М.А. Предварительные итоги исследования Шайтанского археологического микрорайона (к археологической карте Кожевниковского района Томской области) // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 15–19.
- Илюшин А.М. Западные и восточные кипчаки по материалам археологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 15–19.
- Коноваленко С.И., Асочакова Е.М., Барсуков Е.В., Зайцева О.В. Вещественный состав шлаков и руд железнорудного производства на территории Шайтанского комплекса средневековых археологических памятников в Томском Приобье // Минералогия техногенеза-2010. Миасс: Имин УрО РАН, 2010. С. 196–206.
- Кумекоев Б.Е. Государство Кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1972. 156 с.
- Малолетко А.М. Западная Сибирь в Малую ледниковую эпоху (1550–1850 гг.) // География и природопользование Сибири. 2003. Вып. 6. С. 8–25.
- Михаревич М.В., Мыглан В.С., Приходько В.Е. Реконструкция климата и ландшафтов Средневековья на основе палинологического изучения подкурганых почв и дендрохронологических данных Алтая // Почвоведение. 2020. № 5. С. 519–534.
- Могильников В.А. Время и пути тюркизации юга Западной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. С. 75–81.
- Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С. 242–248.
- Могильников В.А. Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 109–112.
- Мыглан В.С. Климат и социум в Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2010. 230 с.
- Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Баймуханов Н.Б., Сагындыкова С.Т. Вооружение и конское снаряжение средневековых кочевников Казахского Алтая (по материалам могильника Аян) // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (2). С. 941–957.
- Плетнева Л.М. Поселения и городище у дер. Могильники // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 214–219.
- Плетнева Л.М. Взаимодействие культур в период тюркизации в Томском Приобье // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 97–100.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
- Приходько В.Е., Азаренко Ю.А., Шаяхметов М.Р., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Пивоварова Е.Г. Реконструкция климата Средневековья на основе почвенных и геохимических исследований курганов сросткинской культуры и ее локализация на юге Западной Сибири // Почвоведение. 2020. № 3. С. 261–278.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. 576 с.
- Рудая Н.А. Климат и растительность позднего голоцена Алтая (по данным из палеозапесей озер) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. XXIX. С. 823–828.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г. Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири в историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 27–31.

- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 424 с.
- Самашев З., Айткали А.К. Комплекс вооружения кимакского воина из Казахского Алтая (по материалам могильника Кансар) // Археология евразийских степей. 2024а. № 3. С. 392–402. doi: 10.24852/2587-6112.2024.3.392.402
- Самашев З., Айткали А. К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрок // Археология Казахстана. 2024б. № 2 (24). С. 11–26. doi: 10.52967/akz2024.2.24.11.26
- Сяткин В.П., Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования средневекового поселения Пятый Кордон-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI, ч. I. Новосибирск, 2005. С. 468–469.
- Тишкин А.А. Новые данные о радиоуглеродном датировании древних и средневековых памятников Алтая и Верхнего Приобья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 124–131.
- Тишкин А.А., Быков Н.И. Этнокультурная ситуация и природно-климатические изменения на юге Западной Сибири и Алтае в постзолотоордынское время // Политическое и культурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XVI–XVII вв.): тезисы V Международного болгарского форума. Симферополь, 2013. С. 121–123.
- Тишкин А.А., Быков Н.И., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование погребальных комплексов сросткинской культуры Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. XXII. С. 191–196.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование материалов из курганов раннесредневекового памятника Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2018. № 24. С. 165–173.
- Троицкая Т.Н. Некоторые из путей тюркизации населения Западной Сибири // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 дек., 2002 г. Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 92–95.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. Вып. 6. С. 69–112.
- Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая Горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье во II тыс. н.э.) // Археологические исследования в Обь-Томском междуречье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 129–151.
- Büntgen U., Myglan V., Ljungqvist F. et al. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // Nature Geosci. 2016. № 9. P. 231–236. doi: 10.1038/ngeo2652
- Churakova Sidorova O.V., Corona C., Fonti M.V. et al. Recent atmospheric drying in Siberia is not unprecedented over the last 1,500 years // Sci Rep. 2020. № 10. 15024. doi: 10.1038/s41598-020-71656-w
- Fei J., Zhou J., Hou Y. Circa A.D. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire // Climatic Change. 2007. № 81. P. 469–475.
- Kalugin I., Darin A., Rogozin D., Tretyakov G. Seasonal and centennial cycles of carbonate mineralization during the past 2500 years from varved sediment in Lake Shira, South Siberia // Quaternary International. 2013. № 290–291. P. 245–252.
- Poschold P. The Origin and Development of the Central European Man-made Landscape, Habitat and Species Diversity as Affected by Climate and its Changes – a Review // Interdisciplinaria Archaeologica. 2015. Vol. VI, Is. 2. P. 197–221.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 kcal BP) // Radiocarbon. 2020. № 62 (4). P. 725–757. doi: 10.1017/RDC.2020.41

- Vodyasov E.V. Kondoma Tatars and the bloomery process (source: the Great northern expedition) // *Bylye Gody*. 2016. № 40 (2). P. 335–344.
- Vodyasov E.V., Zaitseva O.V., Pushkaryov A.A., Barsukov E.V. Shaitan medieval mining and metallurgical complex (Western Siberia, 10th–17th centuries) // *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*. 2015. № 1. P. 145–152.
- Wilson R., Anchukaitis K., Briffa K.R., Büntgen U., Cook E., D'Arrigo R., Davi N., Esper J., Frank D., Gunnarson B., Hegerl G., Helama S., Klesse St., Krusic P.J., Linderholm H.W., Myglan V., Osborn T.J., Rydval M., Schneider L., Schurer A., Wiles G., Zhang P., Zorita E. Last millennium northern hemisphere summer temperatures from tree rings: Part I: The long term context // *Quaternary Science Reviews*. 2016. Vol. 134. P. 1–18. doi: 10.1016/j.quascirev.2015.12.005
- Yang B., Wang J., Bräuning A., Dong Z., Esper J. Late Holocene climatic and environmental changes in arid central Asia // *Quaternary International*. 2009. Vol. 194, Is. 1–2. P. 68–78.
- Zaitseva O.V., Vodyasov E.V. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light // *Bylye Gody*. 2014. № 34 (4). P. 504–509.
- Zhang Zhibin, Tian Huidong, Cazelles Bernard, Kausrud Kyrre L., Bräuning Achim, Guo Fang and Stenseth Nils Chr. Periodic climate cooling enhanced natural disasters and wars in China during AD 10–1900 // *Proc. R. Soc.* 2010. № 277. P. 3745–3753. doi: 10.1098/rspb.2010.0890

References

- Adamov A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob region in the 10th–14th centuries]. Tobol'sk; Omsk: OmGPU. 256 p.
- Arslanova F.Kh. (2013) *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia* [Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region]. Astana: Izdatel'skaia gruppa filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana. 406 p.
- Arslanova F.Kh. (1980) *Keramika rannesrednevekovykh kurganov Kazakhstanskogo Priirtysh'ia* [Ceramics of early medieval burial mounds of the Irtysh region of Kazakhstan]. In: *Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei* [Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes]. Moscow: Nauka, pp. 79–104.
- Arslanova F.Kh. (1979) *K voprosu o svyaziakh plemen Kazakhstanskogo Priirtysh'ia s naseleniem Zapadnoi Sibiri v IX–XI vv.* [On the issue of connections between the tribes of the Kazakh Irtysh region and the population of Western Siberia in the 9th–11th centuries.]. In: *Etnogenez i etnicheskaia istoriia tiurkoiazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Ethnogenesis and ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories]. Omsk, pp. 80–82.
- Arslanova F.Kh., Samashev Z.S. (1984) *Kurgannaia gruppa «Karashat» v Semipalatinskoi oblasti* [The Karashat burial mound group in the Semipalatinsk region]. In: *Etnicheskaia istoriia tiurkoiazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii: tezis dokladov oblastnoi nauchnoi konferentsii po antropologii, arkheologii i etnografii* [Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories: proceedings of the regional scientific conference on anthropology, archeology and ethnography]. Omsk, pp. 161–165.
- Arslanova F.Kh., Samashev Z.S. (1987) *Kurgany kimakov v Semipalatinskom Priirtysh'e* [Kimak burial mounds in the Semipalatinsk Irtysh region]. In: *Problemy srednevekovoi arkheologii Urala i Povolzh'ia* [Problems of Medieval Archaeology of the Urals and the Volga Region]. Ufa, pp. 122–133.
- Barsukov E.V. (2015) *Temerchinskaya volost' i temerchinty v sostave tomskogo uezda XVII v.* [Temerchinskaya Volost and The Temerchins of Ujezd Tomskiy in XVII Century], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 6 (38), pp. 86–91.
- Barsukov E.V. (2016) «*Temnyi vek*» srednevekovoi arkheologii Tomskogo Priob'ia: rezul'taty izucheniia postroiki XV v. na gorodishche Shaitan III [The "Dark Age" In The Medieval Archaeology Of The Tomsk Ob Area: Results Of A Study Of A XVth Century Construction

- At The Shaitan III Fortified Settlement], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 5 (43), pp. 33–39.
- Barsukov E.V., Deviashin M.M., Idimeshev A.A. (2023) Poselenie Shelomok V – novyi pamiatnik pozdnego Srednevekov'ia v Nizhnem Pritom'e [The Shelomok V Settlement – a New Archeological Site of the Late Middle Ages in the Lower Tom Region], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Vol. XXIX, pp. 491–495. doi: 10.17746/2658-6193.2023.29.0491-0495.
- Belikova O.B. (1996) *Srednee Prichulym'e v X-XIII vv.* [Middle Chulym region in the 10th–13th centuries]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 272 p.
- Belikova O.B. (2001) Basandaiskaia kul'tura [Basandai culture]. In: *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ia. Materialy k entsiklopedii Tomskoi oblasti* [Peoples and cultures of the Tomsk-Narym Ob region. Materials for the encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 28–31.
- Bliakharchuk T.A., Bobrova A.I., Zhilina T.N. (2021) Prirodno-klimaticheskie uslovia na iugo-vostoke Zapadnoi Sibiri i razvitie etnokul'tur Priket'ia (V v. do n.e. — XVII v.) [Natural And Climatic Conditions In The South-East Of Western Siberia And Development Of Ethnocultures Of The Ket' River Region (5th c. BC - 17th c. AD)], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (55), pp. 36–48.
- Bobrov V.V., Vasiutin A.S., Onishchenko S.S. (2010) *Vaganovskii kurgannyi nekropol' IX v. v Prislair'e* [Vaganovo burial mound necropolis of the 9th century in the Salair region]. Kemerovo: INT. 276 p.
- Vavulin M.V., Zaitseva O.V., Pushkarev A.A. (2020) Kul'turnye landschafty s «vysoty ptich'ego poleta»: vozmozhnosti aerofotos"emki dlia vyivleniia pamiatnikov arkheologii v lesnoi zone [Cultural Landscapes From A Bird's Eye View: Applying Aerial Photography To Identify Archaeological Sites In Forest Zone], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 67, pp. 120–127.
- Vodiasov E.V. (2012a) *Chernaia metallurgii v Ob'-Tomskom mezhdurech'e v epokhu srednevekov'ia. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Ferrous metallurgy in the Ob-Tomsk interfluvium in the Middle Ages. Abstract of a Cand.Sc. History thesis]. Kemerovo. 23 p.
- Vodiasov E.V. (2012b) *Chernaia metallurgii v Ob'-Tomskom mezhdurech'e v epokhu srednevekov'ia. Diss. ... kand. ist. nauk* [Ferrous metallurgy in the Ob-Tomsk interfluvium in the Middle Ages. Cand.Sc. History thesis.]. Kemerovo. Vol. 1. 178 p.
- Vodiasov E.V. (2018) Gorodishche Ust'-Tagan: pamiatnik chernoi metallurgii Verkhnego Priob'ia [Ust'-Tagan Hillfort: Iron Smelting Site In The Upper Ob River Region], *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*, Vol. 1 (19), pp. 84–98.
- Vodiasov E.V., Asochakova E.M. (2020) V poiskakh zheleznykh rudnikov: geoarkheologicheskii vzgliad [In Search Of Iron Ore Mines: A Geo-Archaeological Perspective], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 170–188.
- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. (2017) Ternisty put' chernoi metallurgii v taezhnom Ob'-Irtysh'e [The Treacherous Path Of Ironmaking In The Taiga Zone Of The Ob-Irtysh River Region], *Stratum plus*, no. 6, pp. 237–250.
- Vodiasov E.V., Pushkarev A.A. (2019) Vremia «Toianova gorodka»: novye numizmaticheskie nakhodki i radiouglerodnye dannye [Time Of The Hillfort "Toyano Gorodok": New Numismatic Finds And Radiocarbon Data], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 61, pp. 142–151.
- Ganiev R.T. (2017) Drevnie tiurki i klimaticheskie kataklizmy v Tsentral'noi Azii (534–679) [Ancient Turks And Climate Disasters In Central Asia (534-679 AD)], *Izvestiia UrFU. Serii 2. Gumanitarnye nauki*, Vol. 19, no. 2 (163), pp. 168–179.
- Gorbunov V.V. (2003) Protsessy tiurkizatsii na iuge Zapadnoi Sibiri v rannem srednevekov'e [Turkification processes in the south of Western Siberia in the early Middle Ages]. In: *Istoricheskii opyt khoziaistvennogo i kul'turnogo osvoeniia Zapadnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia. Collection of scientific papers]. Book I. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, pp. 37–42.

- Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Kungurov A.L. (2016) Poseleniia srostkinskoi kul'tury na territorii Lesostepnogo Altaia: identifikatsionnye priznaki [Settlements Of Srostki Culture In Forest-Steppe Altai: Identification Signs], *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (92), pp. 218–229. DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-38.
- Dul'zon A.P. (1953) Pozdnie arkheologicheskie pamiatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniia chulymskikh tatar [Late archaeological sites of Chulym and the problem of the origin of the Chulym Tatars], *Uchenye zapiski TGPI*, Vol. X, pp. 127–335.
- Dul'zon A.P. (1955) Ostiatskie mogil'niki XVI i XVII vekov u sela Molchanova na Obi [Ostyak burial grounds of the 16th and 17th centuries near the village of Molchanova on the Ob], *Uchenye zapiski TGPI*, Vol. XIII, pp. 97–154.
- Dul'zon A.P. (1956) Dialekty tatar – aborigenov Tomi [Dialects of the Tatars – Tom's aborigines], *Uchenye zapiski. Trudy Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, Vol. 15, pp. 297–380.
- Zhilina T.N. (2010) Malyi lednikovyi period kak odno iz kolebaniy klimata v golotsene i ego posledstviia v Zapadnoi Sibiri [Minor Ice Age As One Of The Climatic Fluctuations In The Holocene And Its Consequence In Western Siberia], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 340, pp. 206–211.
- Zaitseva O.V., Barsukov E.V., Gusev A.V. (2004) O vydelenii Shaitanskogo arkheologicheskogo mikroraiona na iuge Tomskoi oblasti [On the allocation of the Shaitansky archaeological microdistrict in the south of the Tomsk region]. In: *Arkheologicheskie mikroraiony Severnoi Evrazii* [Archaeological microregions of Northern Eurasia]. Omsk, pp. 37–40.
- Zaitseva O.V., Kapitonova M.A. (2003) Predvaritel'nye itogi issledovaniia Shaitanskogo arkheologicheskogo mikroraiona (k arkheologicheskoi karte Kozhevnikovskogo raiona Tomskoi oblasti) [Preliminary results of the study of the Shaitansky archaeological microdistrict (to the archaeological map of the Kozhevnikovsky district of the Tomsk region)]. In: *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia v iuzhnotaеzhnoi zone Zapadnoi Sibiri* [Archaeological and ethnographic research in the southern taiga zone of Western Siberia]. Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 15–19.
- Iliushin A.M. (2016) Zapadnye i vostochnye kipchaki po materialam arkheologii [The Western And East Kipchak On Archeology Materials], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 5 (43), pp. 15–19.
- Konovalenko S.I., Asochakova E.M., Barsukov E.V., Zaitseva O.V. (2010) Veshchestvennyi sostav shlakov i rud zhelezodelatel'nogo proizvodstva na territorii Shaitanskogo kompleksa srednevekovykh arkheologicheskikh pamiatnikov v Tomskom Priob'e [Material composition of slags and ores of iron production on the territory of the Shaitansky complex of medieval archaeological monuments in the Tomsk Ob region]. In: *Mineralogiia tekhnogeneza-2010: Nauchnoe izdanie* [Mineralogy of Technogenesis-2010: Scientific Publication]. Miass: Imin UrO RAN, pp. 196–206.
- Kumekov B.E. (1972) *Gosudarstvo Kimakov IX-XI vv. po arabskim istochnikam* [The Kimak State of the 9th-11th centuries according to Arabic sources]. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kaz. SSR. 156 p.
- Maloletko A.M. (2003) Zapadnaia Sibir' v Maluiu lednikovuiu epokhu (1550–1850 gg.) [Western Siberia during the Little Ice Age (1550–1850)], *Geografiia i prirodopol'zovanie Sibiri*, Vol. 6, pp. 8–25.
- Mikharevich M.V., Myglan V.S., Prikhod'ko V.E. (2020) Rekonstruktsiia klimata i landshtaftov Srednevekov'ia na osnove palinologicheskogo izucheniia podkurgannykh pochv i dendrokronologicheskikh dannykh Altaia [Reconstruction Of Climate And Landscapes Of The Medieval Period On The Basis Of Palynological Study Of Paleosols Buried Under Kurgans And Dendrochronological Data From Altai (South Of Western Siberia)], *Pochvovedenie*, no. 5, pp. 519–534.
- Mogil'nikov V.A. (1992) Vremia i puti tiurkizatsii iuga Zapadnoi Sibiri [Time and ways of Turkification of the south of Western Siberia]. In: *Etnicheskaia istoriia tiurkoiazыchnykh*

- narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [The ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories]. Omsk: Izd-vo Omsk. un-ta, pp. 75-81.
- Mogil'nikov V.A. (1980) Ob etnicheskom sostave naseleniia Srednego i Verkhnego Priob'ia v I tys. n.e. [On the ethnic structure of the population of the Middle and Upper Ob region in the 1st millennium AD]. In: *Narody i iazyki Sibiri* [Peoples and languages of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, pp. 242-248.
- Mogil'nikov V.A. (1987) Migratsii i protsess tiurkizatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri [Migrations and the process of Turkification of the population of the South of Western Siberia]. In: *Smena kul'tur i migratsii v Zapadnoi Sibiri* [Cultural change and migration in Western Siberia]. Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 109-112.
- Myglan V.S. (2010) *Klimat i sotsium v Sibiri v malyi lednikovyi period* [Climate and society in Siberia during the Little Ice Age]. Krasnoiar'sk: Sibirskii federal'nyi un-t. 230 p.
- Omarov G.K., Besetaev B.B., Baimukhanov N.B., Sagyndykova S.T. (2020) Vooruzhenie i konskoe snariazhenie srednevekovykh kochevnikov Kazakhskogo Altaia (po materialam mogil'nika Aian) [Weapons and horse equipment of medieval nomads of the Kazakh Altai (based on materials from the Aian burial ground)], *Mir Bol'shogo Altaia*, no. 6 (2), pp. 941-957.
- Pletneva L.M. (1976) Poseleniia i gorodishche u der. Mogil'niki [Settlements and hillfort near the village of Mogilniki], *Iz istorii Sibiri*, Vol. 21, pp. 214-219.
- Pletneva L.M. (1987) Vzaimodeistvie kul'tur v period tiurkizatsii v Tomskom Priob'e [Interaction of Cultures during the Period of Turkification in the Tomsk Ob Region]. In: *Smena kul'tur i migratsii v Zapadnoi Sibiri* [Cultural change and migration in Western Siberia]. Tomsk. Izd-vo TGU, pp. 97-100.
- Pletneva L.M. (1990) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob region in the late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 134 p.
- Pletneva L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob region at the beginning of the 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 350 p.
- Prikhod'ko V.E., Azarenko Iu.A., Shaiakhmetov M.R., Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Pivovarova E.G. (2020) Rekonstruktsiia klimata Srednevekov'ia na osnove pochvennykh i geokhimicheskikh issledovanií kurganov srostkinskoi kul'tury i ee lokalizatsiia na iuge Zapadnoi Sibiri [Reconstruction Of The Climate Of The Medieval Epoch Based On Soil And Geochemical Studies Of Kurgans Of The Srostki Culture In The South Of Western Siberia], *Pochvovedenie*, no. 3, pp. 261-278.
- Procopius Caesarensis (1993). *Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia* [The Persian War. The Vandal War. Secret History]. Moscow: Nauka. 576 p. (In Russian)
- Rudaya N.A. (2023) Klimat i rastitel'nost' pozdnego golotsena Altaia (po dannym iz paleozapisei ozer) [Late Holocene Climate And Vegetation Of The Altai Mountains (Based On Lake Paleorecords)], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Vol. XXIX, pp. 823-828.
- Savinov D.G. (1984) *Narody Iuzhnoi Sibiri v drevnetiurkskuiu epokhu* [Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Izd-vo LGU. 174 p.
- Savinov D.G. (2016) Arkheologicheskie formy «tiurkizatsii» naseleniia Zapadnoi Sibiri v istoricheskom kontekste [Archaeological Forms Of "Turcization" Of Western Siberia's Population In A Historical Context], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 4 (42), pp. 27-31.
- Savinov D.G., Novikov A.V., Rosliakov S.G. (2006) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaia kul'tura)* [Upper Ob region at the turn of eras (Basanday culture)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. 424 p.
- Samashev Z., Aitkali A.K. (2024a) Kompleks vooruzheniia kimakskogo voina iz Kazakhskogo Altaia (po materialam mogil'nika Kansar) [Warrior Burial Of The Kimak Period From The Kazakh Altai], *Arkheologiia evraziiskikh stepei*, no. 3, pp. 392-402. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.392.402>

- Samashev Z., Aitkali A. (2024b) K izucheniiu signifikii muzhskikh nabornykh poiasov drevnikh tiurkov [To the study of the significance of ancient turks male belt sets], *Arkheologiiia Kazakhstana*, no. 2 (24), pp. 11–26. <https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11.26>
- Siatkin V.P., Durakov I.A., Mzhel'skaia T.V. (2005) Issledovaniia srednevekovogo poseleniia Piatyi Kordon-1 [Studies of the medieval settlement of the Fifth Cordon-1], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Vol. XI, Is. I. Novosibirsk, pp. 468–469.
- Tishkin A.A. (2018) Novye dannye o radiouglerodnom datirovanii drevnikh i srednevekovykh pamiatnikov Altaia i Verkhnego Priob'ia [New data on radiocarbon dating of ancient and medieval monuments of Altai and Upper Ob region]. In: *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii: sb. nauch. st.* [Modern solutions to current problems of Eurasian archaeology: collection of scientific articles] / ed. by A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, Vol. 2, pp. 124–131.
- Tishkin A.A., Bykov N.I. (2013) Etnokul'turnaia situatsiia i prirodno-klimaticheskie izmeneniia na iuge Zapadnoi Sibiri i Altae v postzoltoordynskoe vremia [The ethnocultural situation and natural and climatic changes in the south of Western Siberia and Altai in the post-Golden Horde period]. In: *V Mezhdunarodnyi Bolgarskii forum «Politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeistvie gosudarstv i narodov v postzoltoordynskom prostranstve (XVI–XVII vv.): Tezisy* [V International Bulgarian Forum "Political and Cultural Interaction of States and Peoples in the Post-Golden Horde Space (XVI–XVII centuries): Abstracts]. Simferopol', pp. 121–123.
- Tishkin A.A., Bykov N.I., Gorbunov V.V., Seregin N.N. (2016) Radiouglerodnoe datirovanie pogrebal'nykh kompleksov srostkinskoi kul'tury Lesostepnogo Altaia [Radiocarbon dating of burial complexes of the Srostki culture of the Forest-Steppe Altai], *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia*. Vol. XXII, pp. 191–196.
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N. (2018) Radiouglerodnoe datirovanie materialov iz kurganov rannesrednevekovogo pamiatnika Srostki-I [Radio Carbon Dating Of Materials From The Mounds Of The Early Medieval Site Srostki-I], *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia*, no. 24, pp. 165–173.
- Troitskaia T.N. (2002) Nekotorye iz putei tiurkizatsii naseleniia Zapadnoi Sibiri [Some of the ways of Turkification of the population of Western Siberia]. In: *Tiurkskie narody: materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (9–11 dek., 2002 g. Tobol'sk)* [Turkic peoples: materials of the V-th Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia" (December 9–11, 2002, Tobolsk)]. Tobol'sk; Omsk: OmGPU, pp. 92–95.
- Troitskaia T.N., Novikov A.V. (1998) Verkhneobskaia kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Upper Ob culture in Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 152 p.
- Shirin Iu.V. (2004) Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti [The ancient settlement Gorodok and its surroundings]. In: *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquity]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», Vol. 6, pp. 69–112.
- Iakovlev Ia.A., Mets F.I. (1993) Selishche Zolotaia Gorka (k postanovke voprosa ob etnicheskoi situatsii v Tomskom Priob'e vo II tys. n.e.) [The settlement of Zolotaya Gorka (on the formulation of the question of the ethnic situation in the Tomsk Ob region in the 2nd millennium AD)]. In: *Arkheologicheskie issledovaniia v Ob'-Tomskom mezhdurech'e* [Archaeological research in the Ob-Tomsk interfluvial], Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 129–151.
- Büntgen U., Myglan V., Ljungqvist F. et al. (2016) Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD, *Nature Geosci*, 9, pp. 231–236. <https://doi.org/10.1038/ngeo2652>
- Churakova Sidorova O.V., Corona C., Fonti M.V. et al. (2020) Recent atmospheric drying in Siberia is not unprecedented over the last 1,500 years, *Sci Rep*, 10, 15024 <https://doi.org/10.1038/s41598-020-71656-w>
- Fei J., Zhou J., Hou Y. (2007) Circa A.D. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire, *Climatic Change*, no. 81, pp. 469–475.

- Kalugin I., Darin A., Rogozin D., Tretyakov G. (2013) Seasonal and centennial cycles of carbonate mineralization during the past 2500 years from varved sediment in Lake Shira, South Siberia, *Quaternary International*, no. 290–291, pp. 245–252.
- Poschold P. (2015) The Origin and Development of the Central European Man-made Landscape, Habitat and Species Diversity as Affected by Climate and its Changes – a Review, *Interdisciplinaria Archaeologica*, Vol. VI, Is. 2, pp. 197–221.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., . . . Talamo, S. (2020) The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 kcal BP), *Radiocarbon*, no. 62 (4), pp. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41.
- Vodyasov E.V. (2016) Kondoma Tatars and the bloomery process (source: the Great northern expedition), *Bylye Gody*, no. 40 (2), pp. 335–344.
- Vodyasov E.V., Zaitseva O.V., Pushkaryov A.A., Barsukov E.V. (2015) Shaitan medieval mining and metallurgical complex (Western Siberia, 10th–17th centuries), *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*, no. 1, pp. 145–152.
- Wilson R., Anchukaitis K., Briffa K.R., Büntgen U., Cook E., D'Arrigo R., Davi N., Esper J., Frank D., Gunnarson B., Hegerl G., Helama S., Klesse St., Krusic P.J., Linderholm H.W., Myglan V., Osborn T.J., Rydval M., Schneider L., Schurer A., Wiles G., Zhang P., Zorita E. (2016) Last millennium northern hemisphere summer temperatures from tree rings: Part I: The long term context, *Quaternary Science Reviews*, Vol. 134, pp. 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2015.12.005>.
- Yang B., Wang J., Bräuning A., Dong Z., Esper J. (2009) Late Holocene climatic and environmental changes in arid central Asia, *Quaternary International*, Vol. 194, Is. 1–2, pp. 68–78.
- Zaitseva O.V., Vodyasov E.V. (2014) Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light, *Bylye Gody*, no. 34 (4), pp. 504–509.
- Zhang Zhibin, Tian Huidong, Cazelles Bernard, Kausrud Kyrre L., Bräuning Achim, Guo Fang and Stenseth Nils Chr. (2010) Periodic climate cooling enhanced natural disasters and wars in China during AD 10–1900, *Proc. R. Soc.*, no. 277, pp. 3745–3753. <https://doi.org/10.1098/rspb.2010.0890>.

Сведения об авторах:

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, руководитель музея Алтын Алтай, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: snori76@mail.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Университет Шакарима (Семей, Казахстан).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga V. Zaitseva, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: snori76@mail.ru

Evgeny V. Vodyasov, Shakarim University (Semey, Kazakhstan).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 марта 2025;
принята к публикации 25 мая 2025.*

*The article was submitted 07.03.2025;
accepted for publication 25.05.2025.*

Научная статья
УДК 902/904 (574)
doi: 10.17223/2312461X/48/9

Курган позднесакского времени из Восточной Сарыарки

Азат Калыулы Айткали¹,
Арман Кайратулы Курмангалиев²,
Альбина Ергешбаевна Ержанова³,
Зулхумар Расулжанкызы Каримбаева⁴

^{1, 3, 4} *Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан*

² *Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан*

¹ *azza_semsk@mail.ru*

² *armanqayrat2017@gmail.com*

³ *erjanova_a@mail.ru*

⁴ *z_karimbayeva@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты археологических исследований кургана № 8 могильника Хандар сайы 1, расположенного в северных предгорьях горного массива Кокентау в Восточной Сарыарке. Основная задача исследования заключалась в уточнении хронологии и культурной атрибуции памятника на основе стратиграфического анализа насыпи, технологического изучения керамических фрагментов и трасологического анализа каменного алтарика. Радиоуглеродное датирование подтвердило позднесакскую принадлежность памятника (IV–III вв. до н.э.). Среди находок представлен лепной сосуд, типичный по технологии изготовления для сако-усуньских памятников. Каменный алтарь примечателен наличием следов органики, охры и воздействия огня, свидетельствующих о его использовании в погребально-культовых практиках. Рассмотрена проблема культурной дифференциации сакского мира на основе сопоставления материалов кургана 8 с памятниками карамолинского типа и соседних территорий (Центральный Казахстан, Жетысу, Восточный Казахстан), что позволило выявить сложность и многообразие этнокультурных контактов в позднесакское время. Полученные результаты существенно дополняют имеющиеся представления о культурно-хронологических взаимосвязях в Центральном и отчасти Восточном Казахстане в эпоху раннего железного века и открывают перспективы для дальнейших комплексных исследований.

Ключевые слова: археология, Казахстан, Восточная Сарыарка, горы Кокентау, кочевники, курган, погребение, радиоуглеродное датирование, каменный «алтарь», позднесакское время, фрагменты керамики

Благодарности: статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта AP19678440. Авторы выражают благодарность ведущему научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Маргулана С.Ж. Рахимжановой за ценные советы при подготовке данной публикации.

Для цитирования: Айткали А.К., Курмангалиев А.К., Ержанова А.Е., Каримбаева З.Р. Курган позднесакского времени из Восточной Сарыарки // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 189–208. doi: 10.17223/2312461X/48/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/9

Late Saka Period Burial Mound from Eastern Saryarka

Azat K. Aitkali¹, Arman K. Kurmangaliev²,
Albina E. Erzhanova³, Zulkhumar R. Karimbaeva⁴

^{1, 3, 4}A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

¹azza_semsk@mail.ru

²armanqayrat2017@gmail.com

³erjanova_a@mail.ru

⁴z_karimbayeva@mail.ru

Abstract. The article presents the results of archaeological research on mound No. 8 at the Khandar Saiy 1 burial site, located in the northern foothills of the Kokentau mountain range in Eastern Saryarka. The primary objective of the study was to refine the chronology and cultural attribution of the site through stratigraphic analysis of the mound, technological examination of ceramic fragments, and traceological analysis of a stone altar. Radiocarbon dating confirmed the Late Saka affiliation of the monument (4th–3rd centuries BC). Among the artifacts, a handmade ceramic vessel was discovered, typical in its manufacturing technology for Saka-Wusun sites. The stone altar is notable for traces of organic substances, ochre, and exposure to fire, indicating its use in funerary and ritual practices. The article addresses the issue of cultural differentiation within the Saka world through a comparative analysis of materials from mound 8 with those of the Karamola type and neighboring territories (Central Kazakhstan, Zhetysay, Eastern Kazakhstan), highlighting the complexity and diversity of ethno-cultural interactions during the Late Saka period. The obtained results significantly enhance existing understandings of the cultural and chronological relationships within Central and partly Eastern Kazakhstan during the Early Iron Age and open new prospects for further integrated research.

Keywords: archeology, Kazakhstan, Eastern Saryarka, Kokentau Mountains, nomads, kurgan, burial, radiocarbon dating, stone altar, late Saka period, ceramic fragments

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of grant funding from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN AP19678440. The authors express their gratitude to S.Zh. Rakhimzhanova, Senior Research Fellow at the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, for her valuable advice during the preparation of this publication.

For citation: Aitkali, A.K., Kurmangaliev, A.K., Erzhanova, A.E. & Karimbaeva, Z.R. Late Saka Period Burial Mound from Eastern Saryarka. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 189–208 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/9

Введение

Исследования курганов сакского времени в Восточной Сарыарке имеют продолжительную историю, начавшуюся с первых разведочных работ в первой половине XX в. Однако систематическое изучение погребальных памятников региона было инициировано лишь в 1960–1970-е гг. в результате масштабных археологических работ Центрально-Казахстанской экспедиции под руководством А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева и их последователей. Именно в этот период были выявлены и подробно изучены эталонные памятники тасмолинской культуры раннесакского периода. Позднее было установлено, что к V–IV вв. до н.э. ареал данной культуры по ряду причин существенно сокращается.

В настоящее время спектр изучаемых объектов постепенно расширяется благодаря выявлению и раскопкам памятников следующего этапа – позднесакского времени (IV–III вв. до н.э.), позволивших существенно дополнить представления о культурном многообразии региона и определить направления межрегиональных связей местного населения. Однако изученные памятники данного периода пока немногочисленны, что свидетельствует о необходимости дальнейшего накопления археологических материалов. В связи с этим многие вопросы, касающиеся хронологических границ, культурной атрибуции и специфики межрегиональных взаимодействий позднесакского времени в Восточной Сарыарке, пока не получили исчерпывающих ответов и требуют дополнительных исследований.

Одним из таких памятников позднесакского времени является могильник Хандар сайы 1, включающий исследованный курган 8. Памятник расположен в северном предгорье горного массива Кокентау, на высоте 322–324 м над уровнем моря, в 30 км к западу от одноименного села. Название могильника и одноименной долины, на территории которой располагается курган, при переводе с казахского языка трактуется как «Ханская ложбина». С историко-географической точки зрения, исследуемый могильник находится на периферии Восточной Сарыарки (в пределах Казахского мелкосопочника) в регионе, отличающемся высокой концентрацией археологических памятников (Бейсенов 2000: 113–116; Касенова 2019: 47). В административном отношении памятник входит в состав Жанасемейского района Абайской области Республики Казахстан.

В данной статье впервые вводятся в научный оборот материалы, обнаруженные в ходе раскопок кургана 8 могильника Хандар сайы 1, что существенно расширяет представления о культурных особенностях древнего населения позднесакского времени Восточной Сарыарки. Исследование приобретает особую значимость благодаря использованию современных методов анализа, включая трасологическое исследование,

детальный технологический анализ керамических фрагментов, а также радиоуглеродное датирование. Применение этих методов позволило уточнить хронологические рамки памятника, определить его культурную специфику и выявить его место в системе межрегиональных взаимодействий в указанный период.

Характеристика материалов раскопок

Первые письменные свидетельства, касающиеся именно этой местности, получены в 1903 г. в результате сбора данных Семипалатинским областным статистическим комитетом. В сообщении Н. Коншина под названием «О памятниках старины Семипалатинской области», представляющем собой сводку полученной комитетом информации, упоминаются лишь надписи на скалах, обнаруженные в горной местности Коконь в Кокеньской волости (Коншин 1903: 4–5). Впоследствии аналогичные сведения были воспроизведены в книге «Археологическая карта Казахстана» (Археологическая карта Казахстана 1960).

Археологическое изучение этой территории было начато в 2014 г. сотрудниками филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в городе Астана под руководством А. Айткали (Айткали и др. 2014). Полевые разведочные работы подтвердили насыщенность территории вокруг горного массива Кокентау археологическими памятниками, охватывающими период от каменного века до этнографического времени. Среди выявленных объектов обнаружены разновременные поселения, могильники, мастерские и множество гротов с писаницами (Самашев 2023: 140–158; Зайцева и др. 2024).

В последующие годы работы проводились с перерывами, в результате чего в период с 2014 по 2019 г. было исследовано тринадцать курганов раннего железного века, входящих в состав шести погребальных комплексов, относящихся по своим характеристикам к синхронному времени (Айткали и др. 2023: 82–94). Вопрос об их культурной принадлежности до настоящего времени остается открытым.

В полевом сезоне 2023 г. исследования были продолжены Кокентауским археологическим отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана. Учитывая, что в предыдущие годы работы охватили северо-западную оконечность и центральную часть горного массива, исследовательская деятельность была перенесена на северо-восточный склон горы Кокентау, где и располагался рассматриваемый памятник.

Могильник Хандар сайы 1 представляет собой комплекс, включающий 17 курганов, сооруженных на тщательно выбранной возвышенной платформе, доминирующей над окружающим ландшафтом. Такое расположение свидетельствует о продуманности выбора местности древними строителями и подчеркивает особую оригинальность этого

комплекса. Представленный в публикации топографический план памятника ясно демонстрирует доминирующее положение выбранной платформы, что подчеркивает ее значимость в пространственной организации и, вероятно, сакральной роли данного ансамбля (рис. 1).

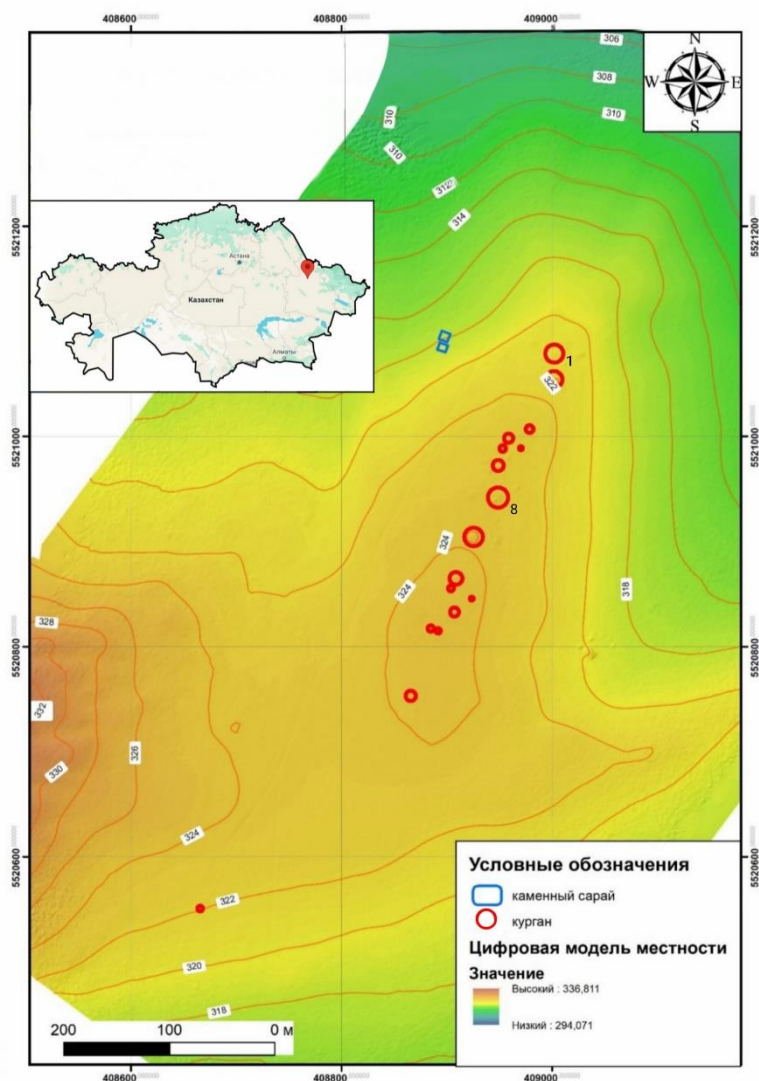

Рис. 1. Топографический план могильника Хандар сайы 1 и его местонахождение на карте Казахстана

Курганы могильника, разнообразные по своим размерам, сгруппированы в три условные группы, вытянутые в меридиональном направлении. Нумерация курганов выполнена в последовательности начиная с севера и на юг. Первая группа включает два кургана (№ 1 и 2), расположенные в северной оконечности могильника. Вторая группа, расположенная в 20 м южнее, включает семь курганов. Третья группа также состояла из семи курганов, однако она была отделена от второй группы небольшим ступенчатым возвышением, подчеркивающим ее пространственную обособленность. Самый крайний объект в южной части могильного поля, курган 17, располагался изолированно, на расстоянии 120 м к югу от последней группы.

Наиболее габаритные насыпи преимущественно были сосредоточены в первой и второй группах. Насыпи крайних северных курганов в цепочке, достигавшие диаметра до 16 м и сохранившиеся высотой около 1 м, подверглись сильному разрушению, которое, судя по характеру повреждений, произошло сравнительно недавно. В целом в центральных частях насыпей многих курганов наблюдались глубокие воронки, впоследствии частично или полностью засыпанные. Раскопками было исследовано четыре кургана, и все они оказались начисто разграбленными. Тем не менее в кургане 8, несмотря на его сильное разрушение, удалось обнаружить предметы, представляющие научную ценность.

Курган 8, будучи самым большим в цепочке, располагался ближе к центральной части могильника и входил в состав второй группы. Диаметр 18 м, высота 1,3 м. Каменно-земляная насыпь имела полусферическую заметно уплощенную форму в разрезе и подокруглую конфигурацию в плане, с пологими краями, возникшими под воздействием эрозийных процессов.

Наземное сооружение памятника представляет собой многослойную структуру, которая проявлялась в порядке и особенностях залегания слоев. В соответствии с общепринятыми стандартами полевых археологических исследований, земляные работы на кургане проводились вручную, с последующим удалением грунта и камней за границы разметки. Раскоп оформлялся в форме круга, полностью охватывающего насыпь кургана. Послойное снятие грунта выполнялось по секторам, с обязательным сохранением двух бровок по линиям С-Ю и В-З для детальной фиксации особенностей возведения данного кургана.

На первом этапе исследования во всех секторах кургана был полностью удален тонкий дерновый слой, мощность которого увеличивалась на склонах, достигая 0,3–0,5 м. После снятия дерна, благодаря использованию методов геоинформационных систем, была зафиксирована следующая картина. По данным топографической модели центральная часть кургана выделялась максимальными абсолютными высотами (отмеченными красным цветом), образуя четко выраженный округлый «купол» (рис. 2). Эта зона

возвышения плавно переходит в периферийные зоны, отображенные зелеными и сине-зелеными переходами, где высотные показатели постепенно снижаются. Как видно, подобная морфология рельефа выражает наибольшую плотность насыпи именно в центральном сегменте кургана, что, вероятно, свидетельствует о поэтапной технологии возведения данного сооружения с целенаправленной укладкой основного массива камней в середине.

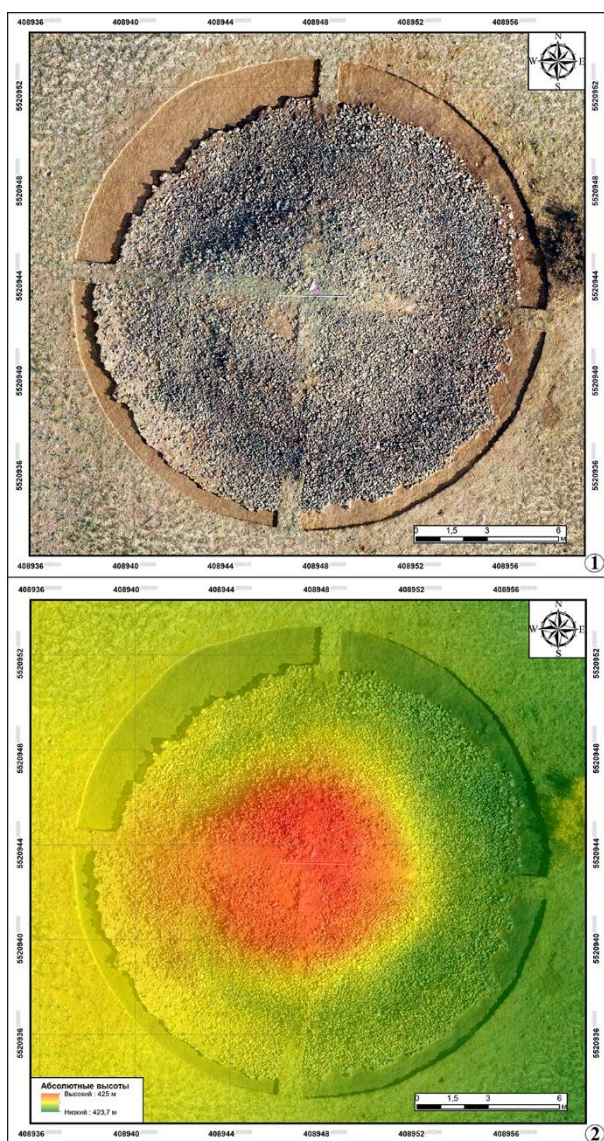

Рис. 2. Курган 8: 1 – ортофотоплан; 2 – карта высот

По завершении фиксации внешних рельефных особенностей кургана была начата последовательная разборка его стратиграфических слоев. В процессе исследования выявлена сложная многофазная структура, состоящая из нескольких четко дифференцированных слоев и конструктивных элементов. Такое наблюдение коррелирует со стратиграфией памятника, представленной верхним дерновым слоем, за которым следуют четыре основных слоя с различной текстурой и составом, образующих структурную основу насыпи.

В основании кургана выявлен надмогильный холм высотой 0,6–0,7 м, перекрытый сверху однорядной каменной выкладкой, которая четко фиксировалась во всех разрезах (рис. 3). После удаления этой насыпи в центре обнаружена могильная яма прямоугольной формы с закругленными краями, ориентированная длинной осью по линии 3-В с небольшими отклонениями. Размеры могильной ямы: длина – 3,6 м, ширина – 2 м, глубина – 1,55 м. Стенки ямы имеют слегка пологий уклон, а дно выполнено ровным.

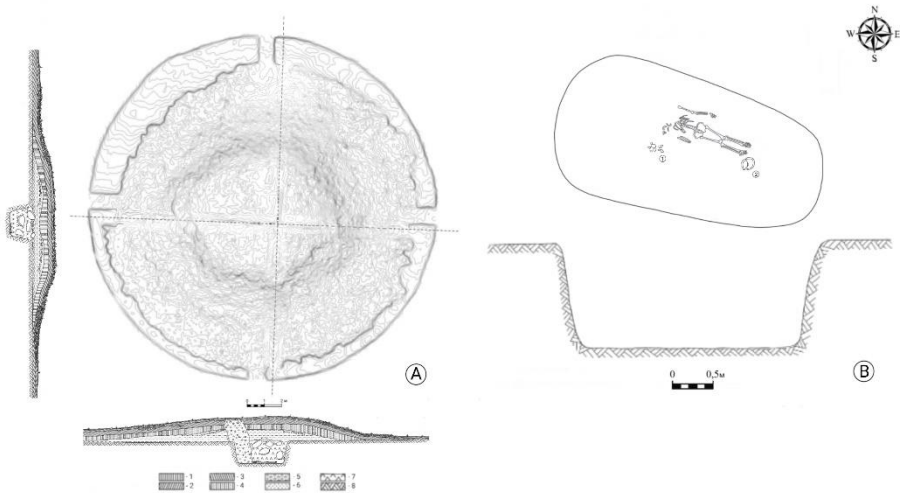

Рис. 3. Курган 8: *A* – план и разрезы: 1 – дерновый слой; 2 – буровато-серая гумусированная супесь; 3 – коричневый суглинок; 4 – светло-серый суглинок; 5 – темно-коричневый суглинок; 6 – перемешанный слой (грабительский лаз); 7 – серый суглинок; 8 – материк; *B* – план и разрез могильной ямы: 1 – фрагменты керамики; 2 – «алтарик»

Следует отметить, что могила подверглась тотальному грабежу. Об этом свидетельствует профиль по оси 3-В, где видны следы (разноцветные смешанные слои), интерпретированные как грабительский лаз, пронизывающий все стратиграфические горизонты до дна могильной ямы. Заполнение грабительского лаза представлено сочетанием коричневого

и светлого суглинка с включением мелких камней, типичных для курганной насыпи.

Каменные плиты перекрытия погребальной камеры были в значительной степени повреждены и смещены относительно их первоначального местоположения. На дне могильной ямы обнаружен неполный скелет погребенного человека, в вытянутом положении на спине, с ориентацией головы в западный сектор. Рядом с погребенным, на уровне правого плеча, расчищены фрагменты разбитого керамического сосуда, а в области чуть ниже правой стопы найден каменный «жертвенник» или «алтарик», разломанный на две части.

Анализ предметного комплекса

В исследованном захоронении, как упоминалось ранее, были обнаружены фрагменты керамики, а также каменный «алтарик». Образцы керамики включают около 150 небольших фрагментов, относящихся к одному сосуду (рис. 4, 1). Толщина стенок довольно равномерная, в большинстве случаев колеблется в пределах 6–9 мм. Фрагменты венчика и основания среди образцов отсутствуют. Поэтому о первоначальной форме можно судить только по тулову и горловине. Стенки сосуда были прямыми, либо плавно изогнутыми, а горловина слегка сужалась. Среди образцов отсутствовали фрагменты основания, однако можно предположить, что оно было округлой формы.

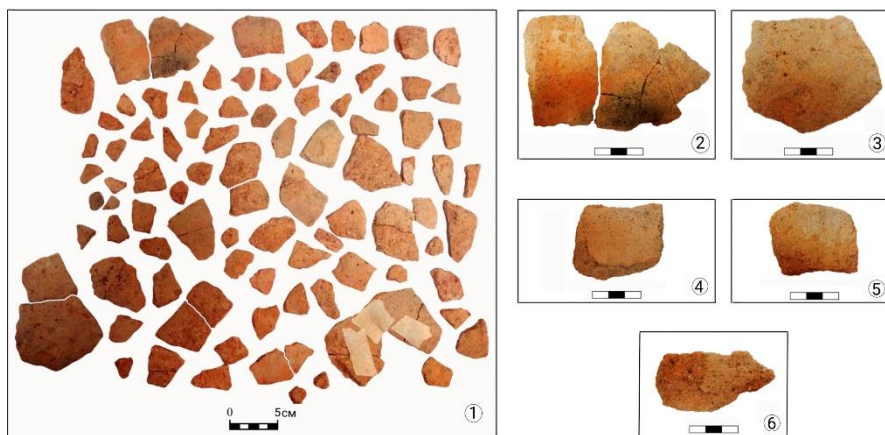

Рис. 4. Фрагменты керамики

Горшок был изготовлен вручную методом лоскутного налепа. О способе изготовления свидетельствуют несколько черепков с осколками плит (см. рис. 4, 2). На внешней поверхности также имеются отпечатки

от пальцев, оставленные механическими движениями гончара при придании формы горшка (см. рис. 4, 3). Не все черепки декорированы. Но внутренняя часть сосуда была тонко покрыта бледно-оранжевым слоем ангоба (см. рис. 4, 4). Ангоб также прослеживается на других нескольких черепках с внешней стороны сосуда. На них также сохранились следы обжига (см. рис. 4, 5). В целом сохранность фрагментов сосудов плохая, внешняя поверхность сильно подвержена эрозии. Плохая сохранность сосуда не дает возможности дать исчерпывающее описание первоначальной обработки поверхности.

Гончары использовали глину с умеренно высоким содержанием железа. В глину была добавлена дробленая порода и песок. В результате цвет и текстура получились средне-красными с большим количеством белых и черных минеральных включений (см. рис. 4, 6). Присутствуют незначительные участки темного цвета, но в остальном цвет однороден для всех черепков (см. рис. 4, 2). Сосуд был обожжен при очень низкой температуре (<800 °C) в простой яме костровым обжигом. Топливо, использованное в костре, создало окислительную среду с малым количеством сажи и дыма, что позволило создать равномерный оранжевый цвет по всем стенкам и внутренней текстуре сосуда.

Функциональная роль сосуда, по-видимому, была исключительно торжественно-ритуальной. Текстура очень непрочная, пористая и рыхлая. Жидкости вытекали через некоторое время. Вероятно, данный сосуд не использовался для хранения жидкостей. Кроме того, признаки нагревания или приготовления пищи также отсутствуют. Не наблюдается ни следов пищи, ни обугливания, ни повреждений от нагревания. Таким образом, сосуд мог быть изготовлен исключительно для использования во время погребальной церемонии – без какого-либо предварительного использования.

Сохранившиеся фрагменты сосуда демонстрируют сходство с керамическими изделиями из памятников сако-усуньского времени, обнаруженными в могильниках Катартобе и Каратума, расположенных на территории Жетысу (Семиречье) (Онгарулы и др. 2020: 431–448; Байпаков и др. 2016; Амиров 2016: 34–41). Сходство рассматриваемых керамических комплексов проявляется в технологических особенностях: в применении ожелезненной глины с добавлением значительного количества песка и измельченной породы (в соотношении 1:4); изготовлении сосудов методом лоскутного налёпа; мягком заглаживании поверхности с нанесением ангоба и обжиге в костровых условиях при температуре, не превышающей 800 °C.

Каменный жертвенник или «алтарик» представляет собой изделие из гранита средней плотности. В плане предмет имеет овальную форму с асимметричными торцами, один из которых шире другого. Максимальный диаметр «алтарика» составляет 22 см, высота – 4,3 см, толщина боковой части – 4 см, а в центральной части – 2 см.

В продольном сечении изделие слегка выпуклое, с краями, сходящимися к центру под углом около 9° . Сечение предмета овальное. Максимальная глубина углубления в центре достигает 2,4 см, по краям – 1,9 см. Вес изделия составляет 0,93 кг (рис. 5). Основание «алтарика» имеет выпуклую форму, тогда как верхняя поверхность остается плоской с заметным скосом на узкой стороне. Внешняя поверхность изделия характеризуется низкой степенью шлифовки, вследствие чего на ней сохранились многочисленные каверны и неровности. При этом обработка наружной стороны абразивным инструментом была выполнена более равномерно.

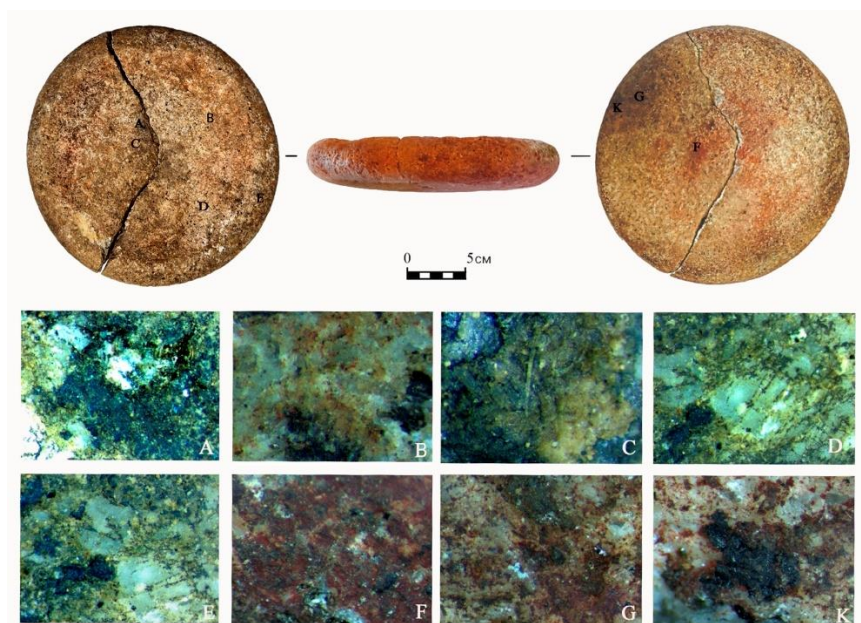

Рис. 5. Фотофиксация макро- и микроследов на «алтарике»: *A* – остаток жирной органики (макросъемка с увеличением 100×); *B* – сохранившиеся следы круговых линии от каменного орудия (макросъемка с увеличением 100×); *C* – остатки органики и от жирной пищи на внутренней части изделия (макросъемка с увеличением 250×); *D* – линейные следы износа на поверхности изделия (макросъемка с увеличением 250×); *E* – линейные следы износа на боковой части изделия (макросъемка с увеличением 200×); *F* – следы охры, впитавшиеся в нижнюю наружную выпуклую часть изделия (макросъемка с увеличением 100×); *G* – следы охры и жирной пищи на наружной нижней части изделия (макросъемка с увеличением 100×); *K* – следы жирной пищи ближе к боковой части наружной выпуклой поверхности изделия (макросъемка с увеличением 200×)

Как показывает изучение «алтарика», следы воздействия огня не всегда заметны визуально. В данном случае их удалось обнаружить исключительно с использованием микроскопического анализа. Анализ проводился с использованием стереоскопического микроскопа ZEISS steREO

Discovery. V8 с максимальным увеличением до 800 крат. Микрофотографии были выполнены при стандартном увеличении в 100 раз.

С высокой вероятностью заготовкой для каменного «алтарика» служила плита среднего размера. После отбора сырья и выполнения разметки долотом изготавливались заготовочные формы, при этом материал выдалбливался кусками, предположительно размером около 1,6 см, с использованием метода обивки, что придавало изделию цилиндрическое очертание. Следы этой операции были зафиксированы как на внешней, так и на внутренней поверхности предмета. На бортике удалось выявить концентрические параллельные риски, которые, по-видимому, относятся к этапу первичной разметки бортика.

На исходной плите контуры бортика намечались с использованием инструмента резцового типа. Внутренний массив камня затем удалялся с помощью долотообразного инструмента, что оставило характерные следы, отчетливо видимые на внутренней стороне борта «алтарика». В центральной части стенки и на дне изделия следы выдалбливания были впоследствии сглажены методом шлифовки. Процесс шлифовки был направлен на устранение неровностей и дефектов. Следы этой операции зафиксированы как в центре углубления, так и на внешних сторонах бортов. Внутренняя часть каменного «алтарика» шлифовалась круговыми движениями, о чем свидетельствуют характерные следы обработки.

На самом дне «алтарика» зафиксированы макро- и микротрещины, которые, вероятно, возникли под воздействием огня. Внутри углубления обнаружены остатки растительных стеблей, а также следы красной краски (охры). На внешней стороне дна видны следы нагара и характерного жирного блеска, что может свидетельствовать о пролипании жидкостей. Краска проникла в поры материала, что подтверждает ритуальное назначение предмета.

На втором этапе обработки изделие приобрело индивидуальные черты, выполнялась разметка контуров тела и дна «алтарика», которые затем подвергались тщательной доработке. Следы данной операции фиксируются визуально, включая наблюдение без использования увеличительных приборов. На боковой части жертвенника зафиксированы следы воздействия металлического инструмента, предположительно долота, в виде неглубоких желобков. Ширина рабочей части инструмента варьировалась в пределах 1,4–1,8 см. Эти следы частично сохранились, несмотря на последующую шлифовку. Финальным этапом обработки поверхности являлось шлифование, направленное на устранение неровностей и дефектов. Следы данной операции, зафиксированные на микрофотографиях, свидетельствуют о тщательном сглаживании поверхности и завершении обработки изделия.

Исследуемый предмет относится к артефактам, именуемым в научной литературе «переносными жертвенниками» или «алтариками» (Васильев 1998: 25). Круглые конструкции без опор данного типа широко распространены на территории Евразийских степей в период с VII по III в. до н. э. Историографию изучения подобных предметов можно проследить в работах таких исследователей, как К.Ф. Смирнов, М.К. Кадырбаев, В.Н. Васильев и др. (Смирнов 1964: 162–170; Кадырбаев 1977: 204–212; Зуев 1996: 54–66; Васильев 1998: 25–43; Маргарян 2017: 104; Сеитов 2017: 182–206). М. К. Кадырбаев, изучая жертвенники без опоры из могильников Тасмола I, V, VI, Карамурын I, II, IV, выделил два этапа их бытования: первый – VII–V вв. до н.э., и второй – V–III вв. до н.э. (Кадырбаев 1966: 311). Округлой формы жертвенники без опоры были выявлены в погребении кургана 2 могильника Тасмола V, а также в погребении кургана 10 могильника Карамурын I. Основным отличием жертвенника из Тасмола V является наличие четырех выступов на коротких и длинных боковых сторонах изделия (Бейсенов 2015: 28). Плоский каменный жертвенник также был найден в могильнике позднесакского времени Тасарал 3 в Прибалхашье, однако в опубликованных материалах отсутствуют его детальное описание и фотодокументация, что затрудняет осуществление сравнительного анализа (Бейсенов и др. 2016: 258). В целом на территории Сарыарки изготовление каменных «алтариков» без ножек преимущественно было свойственно тасмолинской историко-культурной общности. Однако отсутствие очевидных аналогов данного каменного изделия в более позднее время свидетельствует о его вероятном своеобразии среди известных артефактов соответствующего типа и одновременно подчеркивает необходимость проведения дальнейших комплексных исследований подобных находок, позволяющих более глубоко осмыслить их роль в контексте культово-ритуальной практики.

Хронологическая атрибуция памятника

Для уточнения хронологии кургана № 8 могильника Хандар сайы 1 было выполнено радиоуглеродное датирование костных останков погребенного человека. Полученные результаты после калибровки (рис. 6) позволяют уверенно датировать исследуемый памятник позднесакским временем, а именно IV–III вв. до н. э. Эти данные подтверждают выводы, ранее сделанные на основе анализа погребального обряда и найденных артефактов. Вместе с тем анализ радиоуглеродных дат для курганов № 1 и № 8 свидетельствует о возможной закономерности в последовательности возведения погребальных сооружений на могильном поле Хандар сайы 1. Сооружение курганов, по-видимому, начиналось с северной части и постепенно смещалось к югу, отражая определенную упорядоченность данного процесса. К сожалению, сильное разграбление кургана

№ 8 не позволяет провести более точный сравнительный анализ погребального обряда и инвентаря между этими двумя курганами.

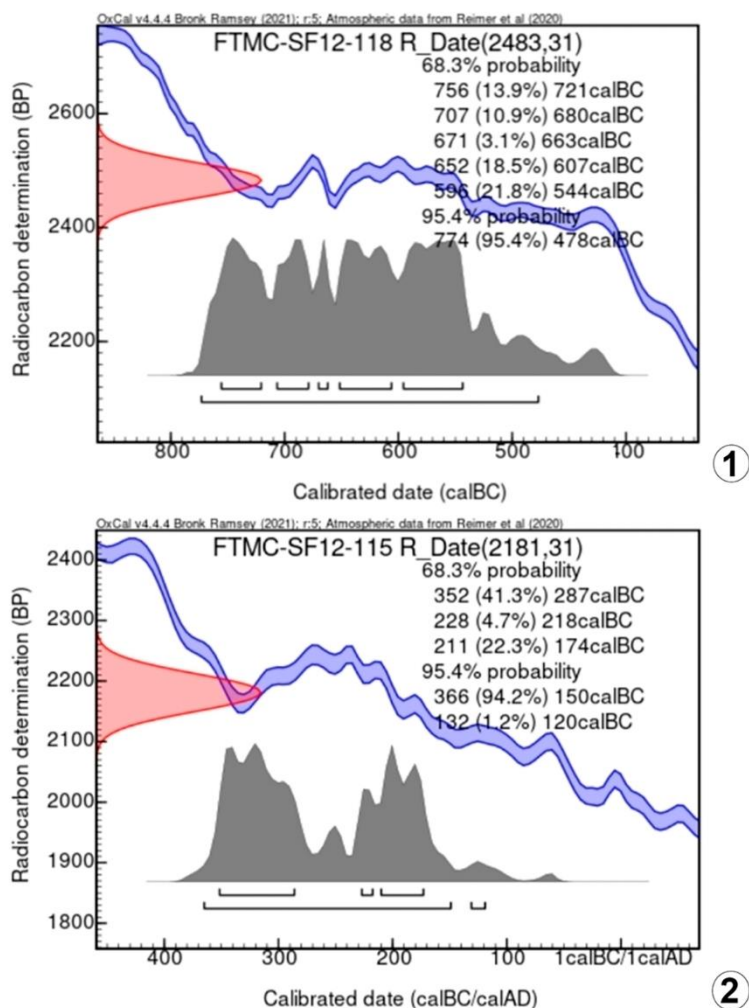

Рис. 6. Могильник Хандар сайы 1. Калиброванные значения дат по костям погребенных людей: 1 – курган 1; 2 – курган 8

Тем не менее полученные абсолютные даты подчеркивают хронологическую близость кургана № 8 к памятникам карамолинского типа, свидетельствуя об общих культурно-хронологических тенденциях позднесакской эпохи на территории Восточной Сарыарки. Эти результаты формируют надежную основу для последующих исследований погребальных традиций и культурных процессов позднесакского населения рассматриваемого региона.

Обсуждение

Локализация исследованного памятника в пределах историко-географического региона Сарыарки обеспечивает веское основание для проведения сравнительного анализа, прежде всего, с аналогичными объектами, обнаруженными именно в этом ареале. В раннесакский период на данной территории существовала занимающая огромное пространство тасмолинская культура, хронологические рамки которой, согласно последним данным, охватывают VIII–V вв. до н.э. В результате современных археологических исследований, проводимых в Центральном Казахстане под руководством А.З. Бейсенова, были выявлены материалы, указывающие на существование погребальных памятников второй половины I тыс. до н.э., которые не соответствуют традициям тасмолинской культуры (Бейсенов 2014).

Особый интерес представляют малоизученные археологические объекты коргантасского и карамолинского типа (Бейсенов 2024). Анализ археологических находок из этих комплексов позволил отнести их к позднесакскому периоду. Как установлено, памятники коргантасского типа отражают взаимодействие с восточными районами Центральной Азии, в частности с регионом Ордос, и датируются IV–II вв. до н.э. Однако в контексте данного исследования памятники второго типа вызывают наибольший интерес, поскольку их особенности во многом соответствуют характеристикам памятников, исследованных нами. Памятники карамолинского типа, представленные на данный момент лишь немногими объектами, обладают своеобразием и значительно различаются как от Тасмолы, так и от Коргантаса. По имеющимся данным, они распространены в юго-восточной и восточной частях Центрального Казахстана и предварительно датируются IV–III вв. до н.э.

В соответствии с принятыми погребальными традициями, население Карамолы обычно размещало усопших на спине на дне больших могильных ям, вырытых в широтном направлении. При этом головы, как правило, были ориентированы в западный сектор. Критерием объединения данных захоронений в единый тип послужили специфические находки, такие как восьмерковидные провололочные серьги, косметические «булавки» с округлым навершием, а также ряд других предметов, выходящих за рамки раннесакского времени. Следует особо подчеркнуть, что аналогии шпилькам из Карамолы были зафиксированы в материалах могильника Кызылауыз-1 в Жетысу (Акишев, Кушаев 1963: 99). Более того, плоскодонный сосуд из того же могильника по своим морфологическим характеристикам демонстрирует значительное сходство с кувшином, обнаруженным в могильнике Иссык (Бейсенов 2014: 76).

Среди памятников карамолинского типа особо выделяется вышеназванный могильник Тасарал 3, расположенный на стыке Центрального

Казахстана и Жетысу, что подчеркивает его значимое положение в пограничной зоне, служившей пространством активных контактов между населением этих регионов (Бейсенов и др. 2016). Данный памятник интерпретируется его исследователем как представляющий ранний этап карамолинского круга древностей и датирован V–IV вв. до н.э. Вещевой комплекс могильника Тасарал 3 (курганы 3, 6, 12) демонстрирует значительное сходство с материалами могильника Каратобе (курганы 2, 3), исследованного нами в ходе раскопок 2014 г. в северо-западной части горного массива Кокентау (Айткали и др. 2014). Кроме всего прочего, оба памятника объединяет наличие восьмерковидных серег с нижним малым кольцом, ориентированным перпендикулярно верхнему, а также набор бус из полудрагоценных камней в составе инвентаря.

В целом сравнительный анализ погребального обряда кургана 8 могильника Хандар сайы 1 и памятников, исследованных ранее у подножья горного массива Кокентау, с памятниками карамолинского типа выявляет ряд ключевых общих черт. Сходства проявляются в архитектурных особенностях курганов, ориентации погребенных, характерных деталях инвентаря и конфигурации могильных ям, что, вероятно, отражает общие мировоззренческие установки.

Вместе с тем заслуживает внимания и ситуация в более восточных районах Казахстана. В рассматриваемую эпоху на территории Восточного Казахстана фиксируется так называемая кулажургинская культура, которую, по мнению З. Самашева, едва ли можно считать самостоятельным культурным образованием (Самашев 2011: 200–201). Предполагается, что ранние памятники, отличающиеся восточной ориентацией погребений и использованием каменных ящиков, могли принадлежать рядовым представителям пазырыкцев. Одновременно выделяют и другую группу объектов, также относимых к кулажургинскому кругу, где отсутствуют каменные ящики, а погребенные ориентированы головой на запад и снабжены весьма скромным инвентарем. Согласно ранее проведенным наблюдениям, данная вторая группа демонстрирует определенное сходство с усуньскими древностями Жетысу и, вероятно, не имеет прямой связи с «классическими» кулажургинцами Казахского Алтая. Более того, она может представлять собой потомков населения, вытесненного из балхашийского региона под влиянием волны хуннской экспансии.

Таким образом, сопоставление всех вышеизложенных материалов показывает, что процессы межрегиональных контактов в рассматриваемый период были весьма интенсивными, а локальные культуры проявляли сложное переплетение традиций и инноваций.

Заключение

Проведенное исследование кургана 8 могильника Хандар сайы 1 представляет собой важный шаг в изучении погребальных традиций и

культурных процессов позднесакского периода Восточной Сарыарки. Материалы раскопок, в том числе обнаруженные керамические фрагменты и каменный «алтарик», указывают на сочетание локальных ремесленных традиций и заимствованных элементов, отражающих развитые межрегиональные связи. Сопоставление полученных данных с близлежащими памятниками дает возможность глубже понять закономерности культурной динамики в позднесакское время и выявить особенности культурно-хронологических процессов, происходивших на этой территории.

В целом результаты раскопок кургана 8 формируют основу для дальнейших сравнительных исследований, ориентированных на реконструкцию исторических процессов в широком пространстве Центрального Казахстана и сопредельных регионов. Детальная интерпретация выявленных материалов и их включение в общую источниковую базу позволяют усматривать в данном комплексе не только свидетельство локальных традиций, но и показатель постоянных культурных контактов между отдельными группами. Дальнейшие исследования в этой области откроют новые горизонты для понимания социальной организации, ритуальных практик и ремесленных навыков позднесакских общностей, а также их места в системе контактов Евразийских степей.

Примечания

¹ Технологический анализ керамического сосуда выполнен PhD, научным сотрудником «Назарбаев Университет» Р. Doumani Dupuy.

Список источников

- Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж.* Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 г. // Кадырбаевские чтения–2014 / отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мега принт, 2014. С. 151–160.
- Айткали А., Жунисханов А., Рахманкулов Е.* Исследование курганов ранних кочевников Семейского Прииртышья // Археология Казахстана. 2023. № 3 (21). С. 82–94.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 298 с.
- Амиров Е.* Керамика могильника Каратума // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур / отв. ред. А. Онгар. Алматы: Ин-т археологии, 2016. С. 34–41.
- Археологическая карта Казахстана* / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 450 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В.* Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. 672 с.
- Бейсенов А.З.* О значении термина «Арка» в ареалах расселения тюркоязычных народов среднеазиатско-казахстанского ареала // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. Вып. 4 / отв. ред. В.М. Массон. Бишкек: Мурас, 2000. С. 113–116.

- Бейсенов А.З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тыс. до н. э.) // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7. С. 68–79.
- Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6. С. 22–31.
- Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дүйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Кулькова М.А. Радиоуглеродные даты из могильника сакского времени Тасарал 3 (Центральный Казахстан) // Евразия в кайназое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 5 / отв. ред. И.М. Бердников. Иркутск: ИГУ, 2016. С. 256–264.
- Бейсенов А.З. Коргантас, Карамола, Тасмола. К вопросу о культурной ситуации в Центральном Казахстане в позднесакское время // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 3. С. 122–142.
- Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1 / отв. ред. И.М. Акбулатова. Уфа: НМ РБ, 1998. С. 25–43.
- Зайцева О.В., Вавулин М.В., Водясов Е.В. Увидеть невидимое: цифровая реконструкция и выявление новых рисунков грота Акбауыр // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 100–112.
- Зуев В.Ю. Научный миф о савроматских жрицах // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Скифо-сибирика, 1996. С. 54–68.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана / отв. ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–428.
- Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // Советская археология. 1977. № 3. С. 204–212.
- Касенова А. Изучение тюркских изваяний Сарыарки на современном этапе // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 47–60.
- Коншин Н.Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 1. Семипалатинск: Областное правление, 1903. С. 1–32.
- Маргарян К.Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 104–106.
- Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М. Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан-Тэджон. 2020. 464 с.
- Самашев З. Берел. Berel. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Самашев З.С. Писаницы горы Кокентау в Восточном Казахстане // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2023. № 17. С. 140–158.
- Сеитов А.М. Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 182–206.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

References

- Aitkali A., Zhuniskhanov A., Kairmagambetov A., Akhmetov M., Rakhmankulov E. (2014) Predvaritel'nyye rezul'taty issledovaniya mogil'nika Karatobe v mikroarkheologicheskom rayone Kokentau v 2014 g [Preliminary results of the study of the Karatobe burial ground in the Kokentau microarchaeological region in 2014]. In: *Kadyrbaevskie chteniya–2014* [Kadyrbaev readings–2014]. Astana: Aktobe regional museum of local history, pp. 151–160.

- Aitkali A., Zhuniskhanov A., Rahmankulov E. (2023) Issledovaniye kurganov rannikh kochevnikov Semeyskogo Priirtysh'ya (Study of burial mounds of early nomads of the Semey Irtysh region), *Arheologiya Kazakhstana*, no. 3 (21), pp. 82–94.
- Akishev K.A., Kushaev G.A. (1963) *Drevnyaya kul'tura sakov i usunej doliny r. Ili* [Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River valley]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR.
- Amirov E.A. (2016) Keramika mogil'nika Karatuma [Ceramics of the Karatuma burial ground]. In: *Saki i savromaty Kazakhskikh stepey: kontakt kul'tur* [Sakas and Sauromatians of the Kazakh Steppes: Contact of Cultures]. Almaty: Institut arheologii, pp. 34–41.
- Ageeva E.I., Akishev K.A., Kushaev G.A. et al. (compl.) (1960) *Arheologicheskaya karta Kazakhstana* [Archaeological map of Kazakhstan]. Alma-Ata: AN Kaz SSR.
- Baypakov K.M., Voyakin D.A., Zakharov S.V. (2016) *Mogil'nik Karatuma* [Karatuma burial ground]. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza.
- Beisenov A.Z. (2000) O znachenii termina «Arka» v arealakh rasseleniya tyurkoyazychnykh narodov sredneaziatsko-kazakhstanskogo areala [On the meaning of the term «Archa» in the areas of settlement of the Turkic-speaking peoples of the Central Asian-Kazakhstan area]. *Osh i Fergana: arkheologiya, novoye vremya, kul'turogenез, etnogenез*, Vol. 4, pp. 113–116.
- Beisenov A.Z. (2014) O pamyatnikakh karamolinskogo tipa v Vostochnoy Saryarke vtoraya polovina I tys. do n. e. [On the Karamolinsky-type monuments in Eastern Saryarka (second half of the 1st millennium BC)], *Vestnik Novosibirskogo universiteta*, Vol. 13 (7), pp. 68–79.
- Beisenov A.Z. (2015) Tsentral'nyy Kazakhstan v rannem zheleznom veke [Central Kazakhstan in the Early Iron Age]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, Vol. 7 (6), pp. 22–31.
- Beisenov A.Z., Shashenov D.T., Duisenbay D.B., Akhiyarov I.K., Kulkova M.A. (2016) Radiouglerodnyye daty iz mogil'nika saksского времени Tasaral 3 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Radiocarbon dates from the Saka burial ground Tasaral 3 (Central Kazakhstan)]. *Yevraziya v kaynazoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*, Vol. 5, Irkutsk: IGU, pp. 256–264.
- Beisenov A.Z. (2024) Korgantas, Karamola, Tasmola. K voprosu o kul'turnoy situatsii v Tsentral'nom Kazakhstane v pozdnesakskoye vremya [Korgantas, Karamola, Tasmola. On the issue of the cultural situation in Central Kazakhstan in the late Saka period]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, Vol. 36 (3), pp. 122–142.
- Vasiliev V.N. (1998) K voprosu o sarmatskikh kamennykh zhertvennikakh kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the issue of Sarmatian stone altars of the nomads of the Southern Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*, no. 1. Ufa: NM RB, pp. 25–43.
- Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Vodyasov, E.V. (2024) Uvidet' nevidimoye: tsifrovaya rekonstruktsiya i vyyavleniye novykh risunkov grota Akbaury [Seeing the Invisible: Digital Reconstruction and Identification of New Drawings of the Akbaury Grotto]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, Vol. 4, pp. 100–112.
- Zuev V.Yu. (1996) Nauchnyy mif o savromatskikh zhritsakh [The Scientific Myth of the Sauromatian Priestesses]. In: *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu* [Priesthood and shamanism in the Scythian era]. St. Petersburg: Skifo-Siberica, pp. 54–68.
- Kadyrbaev M.K. (1966) Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of the Tasmola culture]. In: *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka., pp. 303–428.
- Kadyrbaev M.K. (1977) Kamennyye altari-zhertvenniki iz Severo-Zapadnogo [Stone altars-sacrificial offerings from North-West Kazakhstan], *Sovetskaya Arkheologiya*, no. 3, pp. 204–212.
- Kasanova A. (2019) Izucheniye tyurkskikh izvayaniy Saryarki na sovremennom etape [Study of Turkic sculptures of Saryarka at the present stage], *Povolzhskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 47–60.

- Konshin N. (1903) O pamyatnikakh stariny v Semipalatinskoy oblasti [About ancient monuments in the Semipalatinsk region]. In: *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Semipalatinsk Sub-department of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], Vol. 1, pp. 1–32.
- Margaryan K.G. (2017) Osnovnyye printsipy klassifikatsii i tipologii kamennykh zhertvennikov rannego zheleznogo veka [Basic principles of classification and typology of stone altars of the early Iron Age]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 17(2), pp. 104–106.
- Ongaruly A., Pyon Yonghwan, Nam Sangwon, Kairmagambetov A., Kim Yonghyun, Nuskabay A., Kyzyrkhanov M. (2020) *Katartobe. Necropolis of the Saka elite Zhetysu* [Katartobe. Necropolis of the Saka elite Zhetysu]. Nur-Sultan-Tejon.
- Samashev Z. (2011) *Berel*. Almaty: Taimas.
- Samashev Z.S. (2023) Pisanitsy gory Kokentau v Vostochnom Kazakhstane [The Rock Art of Mount Kokentau in East Kazakhstan], *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa»*, Vol. 17, pp. 140–158.
- Seitov A.M. (2017) Drevniye kochevniki Turgaya serediny I tys. do n.e. – serediny I tys. n.e. [Ancient nomads of Turgay from the middle of the 1st millennium BC to the middle of the 1st millennium AD]. In: *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha* [Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and era]. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, pp. 182–206.
- Smirnov K.F. (1964) *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Early history and culture of the Sarmatians]. Moskva.

Информация об авторах:

АЙТКАЛИ Азат Калыулы – PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). E-mail: azza_semsk@mail.ru

КУРМАНГАЛИЕВ Арман Қайратұлы – докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: armanqayrat2017@gmail.com

ЕРЖАНОВА Альбина Ерғешбаевна – PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). E-mail: erjanova_a@mail.ru

КАРИМБАЕВА Зулхумар Расулжанқызы – магистр, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). E-mail: z_karimbayeva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Azat K. Aitkali, A.K. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan). E-mail: azza_semsk@mail.ru

Arman K. Kurmangaliyev, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan). E-mail: armanqayrat2017@gmail.com

Albina E. Erzhanova, A.K. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan). E-mail: erjanova_a@mail.ru

Zulhumar R. Karimbaeva, A.K. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan). E-mail: z_karimbayeva@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 31 января 2025;
принята к публикации 4 апреля 2025.*

*The article was submitted 31.01.2025;
accepted for publication 04.04.2025.*

Научная статья
УДК 902.01
doi: 10.17223/2312461X/48/10

Бусы населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века (по материалам могильника Пинчуга-6)

Полина Олеговна Сенотрусова¹,
Павел Владимирович Мандрыка²

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

² *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

¹ *polllina1987@rambler.ru*

² *pmandryka@yandex.ru*

Аннотация. К периоду финала раннего железного века в Нижнем Приангарье относится могильник Пинчуга-6. На памятнике выявлено 18 погребений по обряду трупосожжения на стороне. В составе сопроводительного инвентаря выделяется группа бус, насчитывающая 63 экземпляра. Они выполнены из стекла, поделочных камней, египетского фаянса, органического материала. С учетом материала, технологии, формы и цвета бус, выделено 17 типов, среди которых преобладают стеклянные изделия. Каменные бусы представлены зонными и гранеными сердоликовыми и халцедоновыми предметами. Среди стеклянных больше всего средних золотостеклянных бусин, присутствуют синие монохромные зонные, боchenковидные и ребёрчатые изделия, встречаются глазчатые, полосатые и мозаичные экземпляры. Большая часть изделий из стекла и египетского фаянса находит аналогии среди продукции восточно-средиземноморских ремесленных центров эллинистического и римского времени. Каменные бусы аналогичны южносибирским находкам хуннского и таштыкского времени. Набор бус могильника Пинчуга-6 ближе всего материалам таштыкской и фоминской культур юга Сибири и подтверждает датировку могильника в рамках III–IV вв. н.э.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, финал раннего железного века, бусы, стекло, импорт, украшения

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФ (проект № 22-18-00470П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Бусы населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века (по материалам могильника Пинчуга-6) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 209–223. doi: 10.17223/2312461X/48/10

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/10

Beads of the Population of the Lower Angara Region in the Final of the Early Iron Age (Based on Materials of the Pinchuga-6 Grave Ground)

Polina O. Senotrusova¹, Pavel V. Mandryka²

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ polllina1987@rambler.ru

² pmandryka@yandex.ru

Abstract. The Pinchuga-6 burial ground is located in the lower reaches of the Angara River. This is the largest necropolis of the end of the Early Iron Age. At the burial ground, scientists found 18 burials, all of them performed according to the ritual of corpse burning on the side. Beads are present among other finds. There are 63 copies of them. They are made of glass, ornamental stones, Egyptian faience and organic material. Taking into account the material, technology, shape and color of beads, 17 types have been identified, among which glass products predominate. Stone beads are made of carnelian and chalcedony. Among glass beads, the majority are medium-sized beads with gold foil; there are blue monochrome zoned, turret-shaped and ribbed items; there are ocellated, striped and mosaic specimens. Most of the beads are products of the Eastern Mediterranean craft centers of Hellenistic and Roman times. The stone beads are similar to the South Siberian finds of the Xiongnu and Tashtyk times. The set of beads from the Pinchuga-6 burial ground is closest to the materials of the Tashtyk and Fominsk cultures of southern Siberia and confirms the dating of the burial ground within the framework of the 3rd–4th centuries AD.

Keywords: Lower Angara region, the End of the Early Iron Age, beads, glass, import, jewelry

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470П “The world of the ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy”)

For citation: Senotrusova, P.O. & Mandryka, P.V. (2025) Beads of the Population of the Lower Angara Region in the Final of the Early Iron Age (Based on Materials of the Pinchuga-6 Grave Ground). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 209–223 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/10

Введение

Количество археологических источников, позволяющих характеризовать культуру населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века, продолжает оставаться небольшим. Единственным полностью изученным некрополем этого периода является могильник Пинчуга-6, где исследовано 18 погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне. Отличительной чертой памятника является разнообразие категорий сопроводительного инвентаря, среди которых выделяются бусы

из стекла, поделочных камней и органических материалов. Ранее они не становились темой отдельной публикации и еще не введены в научный оборот. Вместе с тем найденные бусы являются предметами «далекого импорта», что позволяет рассматривать их для уточнения хронологии отдельных погребальных комплексов и определения направлений путей коммуникации ангарского населения в финале раннего железного века.

Описание материалов

На могильнике Пинчуга-6 зафиксированы 63 бусины из стекла, камня, египетского фаянса и органического материала (рог?). Они отмечены в семи погребениях могильника, межмогильном пространстве и современных грабительских ямах. Сохранность изделий разная, некоторые экземпляры рассыпались еще во время полевых работ и извлечь их целиком не удалось, но факт их присутствия отмечен документальной фотосъемкой. Часть бусин из стекла была оплавлена или сломана еще в древности. В таких случаях фиксировалось только количество предметов, но в представленной типологии они не использованы.

В погребальных комплексах количество бусин варьирует от 1 до 20 экземпляров. Больше всего (20 экз.) разнотипных бусин отмечено в погребении № 8, это коллективное захоронение в котором находились останки не менее трех человек.

Рис. 1. Бусы из могильника Пинчуга-6:

- 1–5 – камень; 6–25 – стекло; 26, 27 – египетский фаянс; 28–30 – органический материал (рог); 1, 2, 11, 16, 18, 24 – грабительской ямы № 5; 3 – из погребения № 9; 4, 8, 10, 17, 19, 20, 23 – из погребения № 12; 5, 21, 26, 27 – из погребения № 8; 6, 7, 12, 13 – из погребения № 4; 9, 15, 25 – из межмогильного пространства; 14 – черная с полосой; 22, 28–30 – из погребения № 17

В итоге удалось определить ключевые характеризующие признаки для 37 бусин могильника Пинчуга-6, именно они учтены в разработанной типологии. В ее основу положены подходы к изучению стеклянных и каменных бус, разработанные Е.М. Алексеевой, Н.П. Довгалюк, Р.Р. Руслановой и другими исследователями. Отделы выделены на основании используемого для изготовления бус материала, разряды – по способу его обработки, группы – по виду используемого материала, типы – по форме, цвету и особенностям декора изделий.

Отдел I. Каменные бусы

Разряд I.1. Обработка поверхности (резка, шлифование, полирование) и сверление.

Группа I.1.A. Сердоликовые.

Тип I.1.A.1. Зонные бусы (2 экз.) ярко-оранжевого и желтого цвета (см. рис. 1, 1, 2) из грабительской ямы № 5. У одной бусины канал конической формы (диаметр от 1 до 5 мм). Диаметр бусин 11 и 12 мм, высота 7 мм, диаметр канала, соответственно 2 и 1 мм.

Тип I.1.A.2. Граненые бусы (2 экз.), красно-коричневого цвета (см. рис. 1, 3, 4) из погребений № 9 и № 12. У одной бусины семь граней, у второй – восемь. Грани разного размера, некоторые углы скруглены. Диаметр бус 9 мм, высота 6 и 7 мм, диаметр канала 2 мм.

Группа I.1.B. Халцедоновая или из розового кварца (?).

Тип I.1.B.1. Восьмигранная бусина из минерала бледно-розового цвета (см. рис. 1, 5) из погребения № 8. Грани разного размера, некоторые углы скруглены. Диаметр 9 мм, высота 7 мм, диаметр канала 2 мм.

Отдел II. Стеклянные бусы

Разряд II.1. Бусы, изготовленные путем сгиба полосы.

Группа II.1.A. Полихромные.

Тип II.1.A.1. Зонные полосатые бусы, чередуются полосы прозрачного и бледно-желтого стекла, на одной бусине заметны следы красного пигмента (2 экз.) (см. рис. 1, 6, 7). Обе из погребения № 4. Диаметр 10 и 11 мм, высота соответственно 7 и 8 мм, диаметр канала 2 мм.

Тип II.1.A.2. Мозаичная непрозрачная зонная бусина со сложным ковровым орнаментом (см. рис. 1, 8) из погребения № 12. Использовано белое, красное, темно-коричневое и бледно-голубое стекло. Диаметр 13 мм, высота 10 мм, диаметр канала 4 мм.

Разряд II.2. Бусы, изготовленные путем деления тянутой трубочки.

Группа II.2.A. Полихромные.

Тип II.2.A.1. Зонные белые непрозрачные бусины с синими глазками (4 экз.) (см. рис. 1, 9) происходят из погребений № 8 и межмогильного пространства. Две бусины рассыпались во время полевых работ, одна оплавлена, одна – сохранилась полностью. Диаметр бус от 12 до 13 мм, высота от 8 до 10 мм, диаметр канала – от 2 до 4 мм.

Тип II.2.A.2. Темно-синие зонные непрозрачные бусины с глазками белого и синего цвета (2 экз.) (см. рис. 1, 10) из погребения № 12. У одной бусины отслоились глазки, а поверхность покрыта слоем плотной патины. Вторая бусина целая. Диаметр бус от 12 до 14 мм, высота от 10 до 12 мм соответственно, диаметр канала – 2 мм.

Тип II.2.A.3. Темно-синяя непрозрачная зонная бусина с белыми вытянутыми глазками (см. рис. 1, 11), найдена в грабительской яме № 5. Диаметр 12 мм, высота 10 мм, диаметр канала 2 мм.

Тип II.2.A.4. Кольцевидные светло-голубые полупрозрачные небольшие бусины с белыми «ресничками» (см. 2 экз.) (рис. 1, 12, 13) из погребения № 4. Диаметр 5 мм, высота 2 мм, диаметр канала 1 мм.

Тип II.2.A.5. Черная непрозрачная зонная бусина с нанесенной поперечной белой полосой (см. рис. 1, 14) из погребения № 9. Диаметр 6 мм, высота 4 мм, диаметр канала 1 мм.

Группа II.2.Б. Монохромные.

Тип II.2.Б.1. Цилиндрическая темно-синяя непрозрачная бусина (рис. 1, 15) из погребения № 4. Сломана пополам. Диаметр 10 мм, высота 16 мм, диаметр канала 2 мм.

Тип II.2.Б.2. Зонные темно-синие непрозрачные бусины с окисленной поверхностью (2 экз.) (см. рис. 1, 16, 17), одна найдена в погребении № 8, вторая – в грабительской яме № 5. Диаметр первой бусины 6 мм, высота 4 мм, диаметр канала 1 мм. Размеры второго изделия: диаметр 11 мм, высота 9 мм, диаметр канала 2 мм.

Тип II.2.Б.3. Цилиндрическая темно-синяя непрозрачная бусина с ребрами (см. рис. 1, 18) из грабительской ямы № 5. Восстановлена из двух половинок. Диаметр 12 мм, высота 10 мм, диаметр канала 2 мм.

Тип II.2.Б.4. Зонные бусины (4 экз.), поверхность сильно патинирована, цвет определить невозможно (вероятно, первоначально были белые или прозрачные) (см. рис. 1, 19, 20) из погребений № 8, 9 и 12. Две оплавлены и деформированы, другие две – целые. Диаметр от 10 до 13 мм, высота от 8 до 9 мм, диаметр канала 2 мм.

Группа II.2.В. Бусы с металлической прокладкой.

Тип II.2.В.1. Округлые поперечно-сжатые полупрозрачные бусины с внутренней прокладкой из металлической фольги (6 экз.) (см. рис. 1, 21–25). Найдены в погребениях № 8, 17 и в междоельном пространстве. Для изделий характерно плотное соединение слоев стекла. Отмечены как оплавленные и сломанные экземпляры, так и целые. Диаметр варьирует от 10 до 18 мм, высота от 7 до 11 мм, диаметр канала от 2 до 4 мм.

Отдел III Бусы из египетского фаянса

Разряд III.1. Формование.

Тип III.1.1. Шаровидные ребристые поперечно-усеченные бусы с десятью гранями (2 экз.) (см. рис. 1, 26, 27). Обе из погребения № 8. По-

верхность бусин сильно патинирована, вероятно, первоначально бирюзового или голубого цвета. Диаметр 19 и 20 мм, высота 12 и 15 мм, диаметр канала 7 мм.

Отдел IV. Бусы из органических материалов

Разряд IV.1. Обработка поверхности (резка, шабрение, шлифование) и сверление.

Тип IV.1.1. Зонные непрозрачные бусы, изготовленные, скорее всего, из рога (возможно, кости) (3 экз.) (см. рис. 1, 28–30). Обнаружены в погребениях № 8 и 12. Диаметр от 10 до 12 мм, высота от 7 до 9 мм, диаметр канала 2 мм.

Таким образом, в ходе изучения могильника Пинчуга-6 получена небольшая, но достаточно представительная коллекция бус из стекла, поделочных камней, египетского фаянса и органического материала. Больше всего стеклянных изделий (27 экз.), они же отличаются наибольшим разнообразием. В коллекции преобладают зонные бусы среднего размера (диаметр от 9 до 18 мм), представлено пять микробусин (диаметр менее 9 мм) и только две крупные бусины (диаметр более 18 мм).

Самый многочисленный тип бус – стеклянные зонные полупрозрачные с прокладкой из золотой или серебряной фольги (6 экз.). Судя по оплавленным и сломанным изделиям их первоначальное число было значительно больше. Из полихромных изделий преобладают стеклянные белые зонные бусины с синими глазками (3 экз.). Единообразна коллекция бусин из поделочных камней, где преобладают сердоликовые.

Обсуждение

Коллекция бус из могильника Пинчуга-6 невелика, но разнообразна и представлена 17 типами, большая часть которых находит аналогии не только в Сибири, но и на весьма отдаленных от Нижней Ангары территориях.

Поскольку аналитическое изучение памятников второй четверти I тыс. н.э. Нижнего Приангарья и сопредельных районов Енисейской Сибири началось относительно недавно, то мы не имеем возможности сравнить набор бус из погребений могильника Пинчуга-6 с территориально и хронологически близкими комплексами. При обсуждении бусинового материала авторы вынуждены опираться на весьма отдаленные аналогии. Абсолютное большинство выделенных типов бус являются для долины нижнего течения Ангары предметами далекого импорта, попавшими сюда в результате торгово-обменных операций, что делает такую корреляцию правомерной.

Каменные бусы, как граненые, так и гладкие, хорошо известны в Южной Сибири, где они встречаются начиная с хуннского времени и до

середины I тыс. н.э. Каменные граненые и шаровидные бусы из сердолика известны в Туве в могильнике II–I вв. до н.э. Ала-Тей 1 (Килуновская, Леус 2022: 117). Встречены они и в погребениях Иволгинского могильника того же времени (Давыдова 1996: табл. 4). Граненые бусины из сердолика отмечаются в таштыкских комплексах, в том числе на могильниках Комарково, Тесинский Залив-3, в составе Знаменского клада, есть они и в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (Вадецкая 1999: 70, 172; Губенко 2019).

Стеклянные бусы, изготовленные путем сгиба полосы, составляют особый отдел. В Причерноморье эта технология изготовления бус появляется еще в I в. до н.э. – I в. н.э. и продолжает развиваться в позднеримское время (Алексеева 1978: 34). В последний указанный период изготавливались разнообразные полосатые бусы. Можно допустить, что именно из Причерноморских мастерских поступили бусины из чередующихся полос прозрачного и бледно-желтого стекла, отмеченные на могильнике Пинчуга-6 (см. рис. 1, 14), хотя идентичные образцы авторам не известны.

Мозаичные стеклянные бусы хорошей сохранности и высокого качества изготовления не так часто встречаются в археологических коллекциях. Для сарматского круга культур такие изделия датируются в диапазоне II–IV вв. н.э., при этом отмечается их европейское происхождение (Grumeza, Bârcă 2020: 409). Мозаичная бусина, аналогичная найденной на Пинчуге-6, известна в погребениях конца II – третьей четверти III вв. н.э. в Западной Румынии (Грумеза 2021: 77). На территории Альфёльда мозаичные бусы появляются в сарматских погребениях с конца II в. н.э. (Иштаванович, Кульчар, Стоянова 2021: 22). В Северном Причерноморье они встречаются в I–II вв. н.э., но наиболее близкие ангарской находке изделия датируются III–IV вв. н.э. (Алексеева 1982: 40). На могильнике Нейзац в Центральном Крыму аналогичные предметы известны в погребениях конца II–IV вв. н.э. (Стоянова 2004: 285). Крупная мозаичная бусина зафиксирована в кургане № 10 могильника Брут 2 в Центральном Предкавказье, который датируется первой половиной III в. н.э. (Румянцева 2009: 354). В Прикамье изделия этого типа есть в Тарасовском могильнике в комплексах III–IV вв. н.э. (Голдина, Голдина 2021: 134–135) и Заборьинском могильнике IV в. н.э. (Голдина, Бернц 2015: 52). Для этой территории эти украшения являются импортными, а их проникновение в долину Камы связывается с сарматским влиянием. Из приведенных аналогий можно заключить, что мозаичные бусы могли появиться на Ангаре не раньше III в. н.э.

Среди полихромных бусин выделяются глазчатые синие и белые экземпляры. В Причерноморье белые бусы с синими глазками датируются I в. до н.э. – III в. н.э. (Алексеева 1975: табл. 14). В Прикамье они присутствуют в погребениях I–II вв. н.э. Тарасовского могильника (Голдина,

Голдина 2021: 130). В Южной Сибири аналогичные изделия известны в таштыкском могильнике Комарково и в составе Знаменского клада. Последний первоначально был датирован II–I вв. до н.э. (Вадецкая 1999: 68, 173), впоследствии время его создания омоложено до первой четверти I тыс. н.э. (Подольский 2002: 234).

Синие бусы с белыми глазками широко применялись для изготовления украшений в Причерноморье. Появляясь еще в VI–IV вв. до н.э., они стали очень популярны на рубеже эр (Алексеева 1975: 65). Наиболее схожие с ангарскими синие бусины с белыми глазками отмечены в Прикамье, где найдены в погребениях II–III вв. н.э. Тарасовского могильника (Голдина, Голдина 2021: 130).

Черные бусины средних и малых размеров с белой поперечной полосой в Северном Причерноморье датируются I в. до н.э. – I в. н.э. (Алексеева 1978: 40). В Пьяноборских древностях Нижнего и Среднего Прикамья встречается в комплексах I–II вв. н.э. (Саттаров 2019: 82). В Тарасовском могильнике в Прикамье они найдены в комплексах IV в. н.э. (Голдина, Голдина 2021: 135).

Аналогии темно-синей бусине с вытянутыми белыми «ресничками» авторам не известны. Также как и небольшим полупрозрачным бусинам голубого цвета с тонкими белыми полосками. Относительно последних следует отметить, что изделия аналогичной формы и цвета, но без дополнительного декора встречаются на Южном Урале в погребениях III–IV вв. н.э. (Русланова 2018: 121).

Среди монохромных бус преобладают изделия синих оттенков. Зонные темно-синие бусины из непрозрачного стекла зафиксированы на Южном Урале в комплексах III–VIII вв. н.э. (Русланова 2018: 105). Есть они на могильнике II–IV вв. н.э. Нейзац в Центральном Крыму (Стоянова 2004: 267). Бусы этого типа отмечены в Среднем Поволжье на Тойгузинском II городище и датируются первыми веками нашей эры (Бугров 2007: 446). Крупные синие зонные и шаровидные изделия зафиксированы в таштыкских могильниках I–II вв. н.э. Комарково и Терской (Вадецкая 1999: 68–69).

Цилиндрические бусы из прозрачного темно-синего стекла бытовали в Причерноморье с I в. до н.э. по IV в. н.э. (Алексеева 1978: 67). В Среднем Поволжье они известны на рубеже эр (Бугров 2007: 446), в нижнем течении Волги – в комплексах II в. до н.э. – второй половины II в. н.э. (Мошеева 2019: 103).

Ребристые синие зонные бусы бытовали в Причерноморье на протяжении как эллинистического, так и римского периодов (Алексеева 1978: 71). В Прикамье они найдены в погребениях III–IV вв. н.э. Тарасовского могильника (Голдина, Голдина 2021: 135), есть они и в пьяноборских древностях первых веков нашей эры (Саттаров 2019: 82). На Южном

Урале аналогичные изделия присутствуют в комплексах III – начала VI вв. н.э. (Русланова 2018: 105).

Стеклянные бусы с прослойкой из золотой или серебряной фольги получили распространение в I тыс. н.э. Округлые поперечно-сжатые изделия средних размеров встречаются в Северном Причерноморье в I–IV вв. н.э. (Алексеева 1975: 30).

В могильниках рязано-окских финнов крупные золотостеклянные бусины преобладают в комплексах рубежа I/II – рубежа II/III вв. н.э. (Румянцева 2007: 221). На Дьяковом городище бусы этого типа в значительном количестве зафиксированы в слое, который датируется концом II – первой половиной IV в. н.э. (Кренке 2011: 87). В целом в степной и лесостепной зоне Восточной Европы они наиболее характерны для периода конца I в. н.э. – начала/середины IV в. н.э. (Румянцева 2015: 71). На Южном Урале они датируются III–VIII вв. н.э. (Русланова 2018: 110). В Сибири они встречаются в фоминских комплексах Кузнецкой котловины (Ширинов 2003: 87), саргатских погребениях Притоболья (Матвеева 1993: 112), таштыкских могильниках Минусинской котловины (Вадецкая 1999: 68). Золотостеклянные бусы из могильников Комарково и Береш в Хакасско-Минусинской котловине датируются первыми веками нашей эры (Галибин 1983: 100), есть они в составе Июсскогоклада (Июсский... 2013: 100). Аналогичная бусина найдена авторами статьи при изучении поселенческого комплекса Глиняный, расположенного на северной периферии Канско-Рыбинской котловины.

Крупные шаровидные поперечно-усеченные граненые бусы из египетского фаянса в Северном Причерноморье датируются I–IV вв. н.э. (Алексеева 1975: 25). В Центральной Европе бусы этого типа чаще всего встречаются с конца I в. н.э. до конца II в. н.э., но иногда присутствуют и в комплексах более позднего времени (Румянцева 2009: 351). Ареал подобных изделий необычайно широк, они известны на Южном Урале в III–IV вв. н.э. (Русланова 2018: 136). Аналогичные бусы присутствуют среди материалов гляденовского костыща I в. до н.э. – III в. н.э. (Кореньков, Мингалева 2022: 158). В Прикамье, кроме этого, они известны в Тарасовском могильнике в погребениях I–III вв. н.э. (Голдина, Голдина 2021: 130). К наиболее северным точкам обнаружения бус этого типа можно отнести поселение Море-ю II в Большеземельной тундре (Мурыгин, Косинцев, Марченко-Вагапова 2019: 78).

Выводы

На основании морфологической характеристики выделяется несколько групп типов бус из могильника Пинчуга-6, связанных с разными ремесленными центрами.

Большая часть изделий происходит с территории Северного Причерноморья и относится к восточно-средиземноморскому центру производства бус из стекла и египетского фаянса. Среди них глазчатые, золотостеклянные, реберчатые, монокромные бусы среднего размера, крупные фаянсовые бусины и другие типы. Мозаичная бусина могла быть изготовлена в провинциальных мастерских на периферии Римской империи. Без проведения дополнительных исследований по определению химического состава стекла точнее определить место изготовления украшений невозможно.

Каменные бусы, найденные на могильнике Пинчуга-6, отличаются от сердоликовых и халцедоновых бус, распространенных в первой половине I тыс. н.э. в степной и лесостепной зоне Восточной Европы, но при этом аналогичны бусинам из погребений хуннского и таштыкского времени Южной Сибири. Видимо, в данном случае можно говорить о местном сибирском или центральноазиатском производстве этих вещей. Традиция изготовления граненых каменных бус была устойчивой и просуществовала в регионе несколько столетий. Зонные бусины из органического материала (рога?) могли быть изготовлены непосредственно на Ангаре, в подражание привозным предметам.

Большинство выделенных типов бус датируется в широких рамках рубежа эр – середины I тыс. н.э., при этом для определения их возраста мы опираемся на схемы, разработанные на основании материалов Северного Причерноморья. Естественно, что таким образом можно маркировать только нижнюю хронологическую границу бытования тех или иных типов бус. В течение какого времени они попадали в Нижнее Приангарье и сколько использовались местным населением, прежде чем оказались в погребениях, точно определить невозможно. Корреляция хронологии отдельных типов бус позволяет ограничить время сложения комплекса этих украшений в диапазоне начала III–IV вв. н.э., что подтверждает предложенную ранее датировку могильника Пинчуга-6.

Бусы могли поступать в Нижнее Приангарье с территории Южной Сибири, через которую проходили северные ответвления Великого шелкового пути. Набор бус из ангарских погребений ближе всего находкам из таштыкских памятников, есть некоторое сходство и с фоминскими комплексами. Вероятно, именно контакты южносибирского и ангарского населения во второй четверти I тыс. н.э. обеспечивали приток бус в Нижнее Приангарье. О наличии постоянных культурных коммуникаций между населением этих регионов говорят и другие материалы. На могильнике Пинчуга-6 также были найдены поясные обоймы и роговые изделия с волютообразным декором, характерные для таштыкской культуры. Известны находки таштыкских сосудов с полулунным зубчатым орнаментом по долине Енисея, вплоть до устья Ангары. Население Нижнего Приангарья было заинтересовано в торговле с южными соседями, получая в обмен на пушнину ряд товаров, среди которых были и бусы.

Заключение

По результатам изучения могильника Пинчуга-6 сформирована первая для Нижнего Приангарья и сопредельных южнотаежных районов коллекция бус второй четверти I тыс. н.э. На основании их морфологической характеристики выделено 17 типов изделий из камня, стекла, египетского фаянса и органических материалов. Практически все бусы являются для долины нижнего течения Ангары предметами «далекого импорта». Среди них преобладают стеклянные изделия, связанные с восточно-средиземноморским центром производства. Они находят аналогии в Северном Причерноморье, Предкавказье, Прикамье, на Южном Урале, территории Альфёльда. Каменные бусы из могильника Пинчуга-6 аналогичны находкам из памятников хуннского времени в Южной Сибири и таштыкских комплексов Хакаско-Минусинской котловины. Единичные изделия могут быть соотнесены с провинциальными ремесленными центрами восточных окраин Римской империи. Предложенные выводы являются предварительными и могут быть скорректированы по результатам определения химического состава стекла.

Стеклянные и каменные бусы могильника Пинчуга-6 находят наиболее близкие территориальные аналогии среди материалов таштыкской и фоминской культур юга Сибири и в целом подтверждают датировку могильника в рамках III–IV вв. н.э. Наличие в погребениях некрополя значительного числа разнотипных бус маркирует вовлеченность ангарского населения в сложную систему межкультурных коммуникаций этого периода.

Список источников

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников (далее САИ). Г1-12/1. М., 1975. 96 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12/2. М., 1978. 122 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12/3. М., 1982. 105 с.
- Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. XVII. С. 442–453.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. 440 с.
- Галибин В.А. Состав стекла из памятников Красноярского края // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 98–100.
- Голдина Е.В., Бернц В.А. Бусы Заборьинского могильника IV в. н. э. в Среднем Прикамье: использование и классификация // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 4. С. 47–57.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д. К вопросу о датировке и хронологии бус тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Археология евразийских степей. 2021. № 3. С. 124–147.
- Грумеза Л. Бусы из кораллов и морских раковин в погребениях, приписываемых сарматам, на территории Румынии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Симферополь: Салта ЛТД, 2021. С. 74–88.

- Губенко Е.В. Находки бус в погребениях таштыкского могильника Тесинский Залив-3 // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2019. С. 120–122.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник / Археологические памятники сунну. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.
- Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. Бусы в костюме населения сарматского времени Крыма и Альфёльда // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Симферополь: Салта ЛТД, 2021. С. 10–43.
- Июсский клад (каталог коллекции) / А.П. Бородовский, В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.
- Килуновская М.Е., Леус П.М. Женское погребение с коралловыми сережками из могильника хунну Ала-Тей 1 в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2022. № 1 (33). С. 110–120.
- Коренюк С.Н., Мингалева М.К. Бусы Гляденовского костыща (материалы раскопок 2003–2006 гг.) // Археология Евразийских степей. 2022. № 5. С. 151–163.
- Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Мошеева О.Н. Синий цвет в сарматских бусах // Археология как жизнь. Волгоград: Сфера, 2019. С. 99–111.
- Мурыгин А.М., Косинцев П.А., Марченко-Ваганова Т.И. Поселение раннего железного века охотников на северного оленя в Большеземельской тундре (территория Ненецкого автономного округа) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 3. С. 74–84.
- Подольский М.Л. Знаменский клад из Хакасии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 229–234.
- Румянцева О.С. Бусы могильника Брут 2 второй половины II–III века н.э. // Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 2009. С. 341–437.
- Румянцева О.С. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 213–245.
- Румянцева О.С. Стекланные бусы Велегожского клада: монохромные и с металлической прокладкой // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 68–79.
- Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.
- Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.
- Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 263–319.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Grumeza L., Bârcă V. Glass beads found in Sarmatian cemeteries from southwestern Romania // Археологія і давня історія України. 2020. № 3. С. 402–415.

References

- Alekseeva E.M. (1975) Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ja [Antique beads from the Northern Black Sea region]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources], G1-12/1. Moscow. 96 p.

- Alekseeva E.M. (1978) Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ja [Antique beads from the Northern Black Sea region]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources], G1-12/2. Moscow. 122 p.
- Alekseeva E.M. (1982) Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ja [Antique beads from the Northern Black Sea region]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources], G1-12/3. Moscow. 105 p.
- Bugrov D.G. (2007) Busy Tojguzinskogo II gorodishha [Beads of Tojguzinsky II settlement]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Vol. XVII. pp. 442–453.
- Vadeckaja Je.B. (1999) *Tashtyjskaja jepoha v drevnej istorii Sibiri* [The Tashtyk Epoch in the ancient history of Siberia]. Sankt-Peterburg.: Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie». 440 p.
- Galibin V.A. (1983) Sostav stekla iz pamjatnikov Krasnojarskogo kraja [Composition of glass from monuments of the Krasnoyarsk region]. *Drevnie kul'tury Evrazijskikh stepej* [Ancient cultures of the Eurasian steppes]. Leningrad: Nauka Publ, pp. 98–100.
- Goldina E.V., Bernc V.A. (2015) Busy Zabor'inskogo mogil'nika IV v. n. je. v Srednem Prikam'e: ispol'zovanie i klassifikacija [Beads of the Zabor'ye cemetery of IV century A. D. in the Middle Kama region: usage and classification]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija*, no. 4, pp. 47–57.
- Goldina E.V., Goldina R.D. (2021) K voprosu o datirovke i hronologii bus tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednej Kame [On dating and chronology of beads from 1st–5th century Tarasovo burial ground on Middle Kama]. *Arheologija evrazijskikh stepej*. no. 3. pp. 124–147.
- Grumeza L. (2021) Busy iz korallov i morskikh rakovin v pogrebenijah, pripisyvaemyh sarmatam, na territorii Rumynii [Coral and Mollusk Shell Beads in the Graves Attributed to Sarmatians in Romania]. *Krym v sarmatskuju jepohu (II v. do n. je. – IV v. n. je.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. Simferopol': Firma "Salta" LTD Publ., pp. 74–88.
- Gubenko E.V. (2019) Nahodki bus v pogrebenijah tashtyjskogo mogil'nika Tesinskij Zaliv-3 [Finds of beads in the burials of the Tashtyk burial ground Tesinsky Bay-3]. *Materialy LIX Rossijskoj arheologo-jetnograficheskoj konferencii studentov i molodyh uchjonyh* [Materials of the LIX Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Blagoveshchensk – Heihe: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., pp. 120–122.
- Davydova A.V. (1996) *Ivolginskij arheologicheskij kompleks. Tom 2: Ivolginskij mogil'nik*. [Ivolginsky archaeological complex. Vol. 2: Ivolginsky burial ground]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 176 p.
- Ishtvanovich Je., Kul'char V., Stojanova A.A. (2021) Busy v kostjume naselenija sarmatskogo vremeni Kryma i Al'fjol'da [Beads in the costume of the population of the Sarmatian time of Crimea and Alföld]. *Krym v sarmatskuju jepohu (II v. do n. je. – IV v. n. je.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. Simferopol': Firma "Salta" LTD Publ., pp. 10–43.
- Ijusskij klad (katalog kollekicii)* [Iyusky treasure (Collection catalogue)]. A.P. Borodovskij, V.E. Larichev. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. 120 p.
- Kilunovskaja M.E., Leus P.M. (2022) Zhenskoe pogrebenie s korallovymi serezhkami iz mogil'nika hunnu Ala-Tej 1 v Tuve [Female grave with coral earrings from Xiongnu burial ground Ala-Tei 1 in Tuva]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*, no. 1(33), pp. 110–120.
- Korenjuk S.N., Mingaleva M.K. (2022) Busy Gljadenovskogo kostishha (materialy raskopok 2003–2006 gg.) [The beads found on the Glyadenovo Sanctuary during the 2003–2006 excavation period]. *Arheologija evrazijskikh stepej*, no. 5, pp. 151–163.
- Krenke N.A. (2011) *D'jakovo gorodishhe: kul'tura naselenija bassejna Moskvyy-reki v I tys. do n. je. – I tys. n. je.* [Dayakovo hillfort: the culture of the population of the river Moskva basin in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Publishing house of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. 548 p.

- Matveeva N.P. (1993) *Sargatskaja kul'tura na Srednem Tobole* [Sargat culture in Middle Tobol]. Novosibirsk: Nauka Publ. 175 p.
- Mosheeva O.N. (2019) Sinij cvet v sarmatskih busah [The blue color in the Sarmatian beads]. *Arheologija kak zhizn'* [Archeology is like life]. Volgograd: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Sfera", pp. 99–111.
- Murygin A.M., Kosintsev P.A., Marchenko-Vagapova T.I. (2019) Poselenie rannego zheleznoogo veka ohotnikov na severnogo olenja v Bol'shezemel'skoj tundre (territorija Neneckogo avtonomnogo okruga) [An Early Iron age camp of reindeer hunters in the Bolshezemelskaya tundra, Nenets Autonomous Okrug]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii*, Vol. 47, no. 3, pp. 74–84.
- Podol'skij M.L. (2002) Znamenskij klad iz Hakasii [Znamensky treasure from Khakassia]. *Klady: sostav, hronologija, interpretacija* [Treasures: composition, chronology, interpretation]. Sankt-Peterburg, pp. 229–234.
- Rumjanceva O.S. (2009) Busy mogil'nika Brut 2 vtoroj poloviny II–III veka n.e. [Beads from the Brutus 2 burial ground from the second half of the 2nd–3rd centuries AD]. *Pamjatniki rannih alan central'nyh rajonov Severnogo Kavkaza* [Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus]. Moscow: Publishing house of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 341–437.
- Rumjanceva O.S. (2007) Busy massovyh tipov [Beads of mass types]. *Vostochnaja Evropa v seredine I tysjacheletija n.e. Ranneslavjanskij mir*. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD. Early Slavic world]. Vol. 9. Moscow: Publishing house of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 213–245.
- Rumjanceva O.S. (2015) Stekljannye busy Velegozhskogo klada: monohromnye i s metallicheskoj prokladkoj [Glass beads of the Velegozhsky treasure: monochrome and with a metal lining]. *Lesnaja i lesostepnaja zony Vostochnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov*. [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples]. Tula: State Museum-Reserve "Kulikovo Field" Publ., pp. 68–79.
- Ruslanova R.R. (2018) *Busy Juzhnogo Urala po materialam nekropolej III–VIII vekov* [Beads of the Southern Urals based on materials from necropolises of the 3rd–8th centuries]. Ufa: Bashk. jencikl. 376 p.
- Sattarov R.R. (2019) *Importnye predmety v p'janoborskoj kul'ture (konec II v. do n.e. – II v. n.e.). Diss. kand. ist. nauk*. [Imported items in the Pyanobor culture (late 2nd century BC – 2nd century AD)]. Kazan. 167 p.
- Senotrusova P.O., Dedic A.Yu., Mandryka P.V. (2022) Pogrebal'nyj obrjad naselenija Nizhnego Priangar'ja v finale jepohi zheleza (po materialam mogil'nika Pinchuga-6) [The burial rite of the Lower Angara population in the Final Stage of the Iron Age (case study of the Pinchuga-6 cemetery)]. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii*, Vol. 266, pp. 297–307.
- Stojanova A.A. (2004) Busy i podveski iz mogil'nika Nejzac (po materialam raskopok 1996–2001 gg.) [Beads and pendants from the Neizats burial ground (based on materials from excavations of 1996–2001)]. *Bosporskie issledovanija* [Bosporus Research]. Vol. V. Simferopol; Kerch: Demeter Publ., pp. 263–319.
- Shirin Iu.V. (2003) *Verhnee Priob'e i predgor'ja Kuzneckogo Alatau v nachale I tysjacheletija n.e.: (Pogrebal'nye pamjatniki fominskoj kul'tury)* [Upper Ob and foothill of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD: (Funeral monuments of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost. 288 p.
- Grumeza L., Bărcă V. (2020) Glass beads found in Sarmatian cemeteries from southwestern Romania. *Arheologija i davnja istorija Ukraïni*, no. 3, pp. 402–415.

Информация об авторах:

СЕНОТРУСОВА Полина Олеговна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: polllina1987@rambler.ru

МАНДРЫКА Павел Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: pmandryka@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Polina O. Senotrusova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: polllina1987@rambler.ru

Pavel V. Mandryka, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pmandryka@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 4 сентября 2024;
принята к публикации 21 марта 2025.*

*The article was submitted 04.09.2024;
accepted for publication 21.03.2025.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 613.87
doi: 10.17223/2312461X/48/11

Представления студентов об отцовском вкладе (данные по 10 регионам России)

Валентина Николаевна Буркова¹
Марина Львовна Бутовская²
Алексей Михайлович Ермаков³
Азат Булатович Галимханов⁴
Аида Июньевна Егорова⁵
Раушания Ильшатовна Зинурова⁶
Ольга Вячеславовна Калининченко⁷
Гули Георгиевна Колтун⁸
Оксана Николаевна Кониева⁹
Наталья Викторовна Мантатова¹⁰
Санал Степанович Маштыков¹¹
Татьяна Васильевна Милаева¹²
Виктория Ивановна Сподина¹³

^{1,2} *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

³ *Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия*

⁴ *Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия*

⁵ *Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия*

⁶ *Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, Россия*

⁷ *Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия*

⁸ *Приморский государственный аграрно-технологический университет,
Уссурийск, Россия*

^{9,11} *Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия*

¹⁰ *Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
Улан-Удэ, Россия*

¹² *Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия*

¹³ *Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Россия*

¹ burkovav@gmail.com

Аннотация. Современные исследования родительства не только указывают на равную значимость материнской и отцовской заботы, но и выделяют специфическое влияние отцов как ключевой источник благополучия семьи и положительных результатов развития ребенка. Цель исследования – сравнительная оценка представлений об отцовском вкладе у молодежи из 10 регионов России, выявление факторов, ассоциированных с отцовским поведением. Общая выборка составила 3 174 человека и была собрана среди студентов различных вузов из 10 регионов России. В работе была использована короткая версия опросника «Отцовская забота» и шкала экономических параметров из опросника «Ранние средовые влияния». На большой выборке из 10 регионов России показаны региональные отличия видов отцовской заботы. Основными факторами, повышающими отцовские инвестиции в заботу и воспитание детей, были: наличие полной семьи, религиозная принадлежность, образование отца, семейный достаток, количество детей в семье. Исследование демонстрирует значимость отцовской роли в современных популяциях и выявляет региональные различия в отцовской заботе и участии в воспитании детей.

Ключевые слова: отцовство, отцовская забота, отцовский вклад, пол, религия, образование отца, семейный достаток, студенты, регионы России

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01639, <https://rscf.ru/project/24-28-01639/>

Для цитирования: Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И., Калиниченко О.В., Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Мانتатова Н.В., Маштыков С.С., Милаева Т.В., Сподина В.И. Представления студентов об отцовском вкладе (данные по 10 регионам России) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 224–249. doi: 10.17223/2312461X/48/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/11

Students' Perceptions of Paternal Investments (Data from 10 Regions of Russia)

Valentina N. Burkova¹, Marina L. Butovskaya², Alexey M. Ermakov³,
Azat B. Galimkhanov⁴, Aida I. Egorova⁵, Raushaniia I. Zinurova⁶,
Olga V. Kalinichenko⁷, Guli G. Koltun⁸, Oksana N. Konieva⁹,
Natalia V. Mantatova¹⁰, Sanal S. Mashtykov¹¹,
Tatiana V. Milaeva¹², Victoriya I. Spodina¹³

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

² *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

³ *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

⁴ *Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation*

⁵ *North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation*

⁶ *Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation*

⁷ *Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation*

⁸ *Primorsky State Agrarian-Technological University, Ussuriisk, Russian Federation*

^{9, 11} Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

¹⁰ Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov,
Ulan-Ude, Russian Federation

¹² Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russian Federation

¹³ Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian
Federation

¹ burkovav@gmail.com

Abstract. Modern parenting studies not only indicate the equal importance of maternal and paternal care, but also highlight the specific influence of fathers as a key source of family well-being and positive child development outcomes. Aim of this study is comparing of perceptions of paternal investment among young people from 10 regions of Russia and to identify factors associated with paternal behavior. The work examined three types of paternal care depending on factors such as gender, region of residence, father's education level, religious affiliation, education level, and family income. The total sample included 3,174 people and was collected among students of various universities from 10 regions of Russia. The work used a short version of the "Paternal Care" questionnaire and the scale of economic parameters from the "Early Environmental Influences" questionnaire. A large sample from 10 regions of Russia showed regional differences in types of paternal care. The main factors increasing paternal investment in children were: having a complete family, religious affiliation, father's education, family wealth, and the number of children in the family. The study also highlights the importance of the paternal role in modern populations and reveals regional differences in paternal care and involvement in raising children.

Keywords: fatherhood, father care, father investment, sex, religion, father's education, family wealth, students, regions of Russia

Acknowledgements: This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01639, <https://rscf.ru/project/24-28-01639/>

For citation: Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Ermakov, A.M., Galimkhanov, A.B., Egorova, A.I., Zinurova, R.I., Kalinichenko, O.V., Koltun, G.G., Konieva, O.N., Mantatova, N.V., Mashtykov, S.S., Milaeva, T.V. & Spodina, V.I. (2025) Students' Perceptions of Paternal Investments (Data from 10 Regions of Russia). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 224–249 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/11

Введение

Степень родительского вклада мужчин (отцов) и женщин (матерей) различается в силу биологических и психологических особенностей (Бутовская 2013). Согласно теории родительского вклада (parental investment theory) пол, репродуктивный успех которого физиологически более затратен, вносит больший вклад в родительство (Trivers 1972). В человеческом обществе женщины тратят гораздо больше энергии на беременность, лактацию, защиту и воспитание своих детей, тогда как работа мужчин может проявляться неравномерно, в том числе полностью отсутствовать, и не так важна для выживания младенцев, как вклад матери (Hrdy 1999). Однако отцовский вклад имеет большое значение для социальной компетентности ребенка и повышения выживаемости

потомства, что в свою очередь повышает и репродуктивный успех самого мужчины.

С точки зрения эволюции союз родителей важен для сохранения более успешного потомства. Качество супружеских отношений и участие родителей в заботе о детях оказывает существенное влияние на качество воспитания, эмоциональный климат в семье, а также на успешность ребенка в будущем (Whitchurch, Constantine 1993; Guo, Harris 2000; Калина 2019). Современные исследования не только указывают на равную значимость материнской и отцовской заботы, но и выделяют специфическое влияние именно отцов (Калина 2019). Во многих работах отцы рассматриваются как ключевой источник благополучия семьи и положительных результатов развития ребенка (Diniz et al. 2021). Совместное воспитание детей определяется как степень, в которой мужья и жены, исполняя роли матерей и отцов, согласовывают, разделяют, поддерживают и координируют друг с другом задачи по заботе о ребенке/детях (McHale, Fivaz-Depeursinge 1999). Хорошо функционирующие родительские договоренности по воспитанию детей или совместное воспитание должны оказывать благоприятное влияние на качество родительской заботы о потомстве, а также благоприятно влиять на эмоциональный климат семьи, что обеспечивает более комфортное существование ребенка и повышает его будущие успехи (Sotomayor-Peterson et al. 2012).

Согласно теории жизненного цикла (life history theory) родители с низким социально-экономическим статусом сталкиваются с дилеммой между работой и проведением времени со своими детьми, что приводит к меньшему объему прямой заботы и большему объему родительских усилий, связанных с косвенной заботой, такой как финансовое обеспечение детей и семьи (Brumbach et al. 2009; Dinh et al. 2022; Frankenhuys, Nettle 2020).

Однако пути вовлечения отца в заботу о детях и его последствия для развития ребенка различаются и зависят от сложного взаимодействия индивидуальных, социальных, культурных и экологических переменных (Cabrera et al. 2018; Semenova et al. 2024). Культурные ценности, восприятие того, что является социально желательным или нежелательным, во многом определяют родительское поведение, а также качество социализации детей и привитые им ценности (Grusec 2002). Например, в исследованиях латиноамериканских семей родительская поддержка мексиканских традиционных ценностей (семейности и симпатии) была связана с родительскими практиками, которые подчеркивали послушание детей (Arcia, Johnson 1998; Halgunseth et al. 2006), и повышенным уровнем отцовского участия в воспитании детей (Adams et al. 2007). Вопреки стереотипу мачизма, в котором латиноамериканские мужчины считаются жесткими и невовлеченными в роли супруга и отца, чувство чести,

уважения, мужества, семейственности и ответственности латиноамериканского мужчины может объяснить его более высокую вовлеченность во все вопросы, связанные с семьей и воспитанием детей (Adams et al. 2007). При сравнении отцовских вкладов среди традиционных культур Африки показано, что распределение мужских и женских ролей в обществе имеет влияние на заботу о детях: гендерная иерархия особенно выражена у скотоводов отчасти из-за регулярных войн и мужского контроля над скотом, что, в свою очередь, важно для выживания женщин и детей, одним из ее последствий является то, что отцы-скотоводы оказывают мало прямой заботы о детях, тогда как прямое участие отцов из группы охотников-собирателей намного выше (Marlowe 2010; Бутовская, Буркова 2011; Бутовская и др. 2012).

В современном обществе разделение родительских обязанностей трансформируется под влиянием разных факторов, мужчины нередко выполняют функции, которые ранее считались исключительно женскими, и наоборот. Если раньше считалось, что основной функцией отца является обеспечение семьи и участие в социализации ребенка, а матери – в непосредственном уходе, удовлетворении основных потребностей, воспитании и эмоциональной поддержке ребенка, в настоящее время доказано, что отцовская любовь оказывает огромное влияние на развитие детей (Ильин 2012; Калина 2019). Основная часть исследований отцовства и его влияния на будущее благополучие детей проведена в западных странах с высоким уровнем дохода, тогда как сведения об отцовском вкладе в условиях развивающихся стран (со средним и низким уровнем дохода) остаются очень ограниченными и основаны на отчетах матерей об участии отца (Bornstein, Putnick 2016; Garcia et al. 2022). Согласно данным ООН более 70% домохозяйств в странах с низким и средним уровнем дохода имеют отца (UN, 2022), и отец часто является главой домохозяйства со значительными полномочиями по принятию решений и влиянием на динамику семьи (Baland, Ziparo 2018).

В России отечественный антрополог И.С. Кон провел огромную работу по исследованию феномена отцовства и изучал его в рамках культурно-исторического развития института отцовства и отцовских практик, выделяя традиционные роли отца как кормильца и защитника, указывая при этом на имеющиеся противоречия – обязанность обеспечения семьи не предполагает необходимости заниматься непосредственным выживанием и воспитанием детей (Кон 2009). В реальности, мужчины сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, они должны строить карьеру, обеспечивать финансовое благополучие семьи, быть мужественными и сильными, с другой – должны быть внимательными и ласковыми отцами и мужьями, проводящими большое количество времени в семье

и поддерживающими благополучную атмосферу с членами семьи. Далеко не всегда эти две функции могут сосуществовать вместе без ущерба друг другу.

В России с ее полиэтническим населением сосуществуют различные представления об отцовском вкладе в воспитание и заботу о детях, ассоциированные с этнической и религиозной принадлежностью, однако имеются и универсальные черты, обусловленные общим историческим прошлым и биологическим базисом. Многие исследователи указывают на имеющийся в России кризис отцовства, который является закономерным следствием системного кризиса семьи, маскулинности и власти (Кон 2009). Исследователи в области педагогики отмечают, что «это происходит по причинам фактического отсутствия эффективного отцовского воспитания и положительного личного примера, из-за воспроизводства в массовом варианте неэффективной отцовской педагогики» (Загвязинский, Чехонин 2017: 114). Другие специалисты считают, что причины разрушения института отцовства в России определяются историческими путями развития, например, подменой понятия отца народов в идеологии советского периода, заменившего индивидуального отца (Фан 2013; Зубарев 2011). Один из путей преодоления кризиса исследователи видят в возрождении традиционной роли отца. Современные работы указывают на многовекторность изменений практик отцовства в России: с одной стороны, появляются новые формы, например вовлеченное отцовство, а с другой – усиливаются традиционные модели образцов маскулинности и отцовства, снижающие роль отца в регулярной заботе (Социальная работа с мужчинами 2017).

Цель данного исследования – сравнительная оценка представлений об отцовском вкладе у молодежи из 10 регионов России, выявление факторов, ассоциированных с отцовским поведением. Для этого по единой схеме был собран сравнительный материал в разных регионах России с разным этническим происхождением и религиозными представлениями.

Методы исследования

С целью оценки показателей отцовской заботы было проведено анкетирование студентов из 10 регионов России. Каждый из соавторов данной работы опрашивал респондентов в своем регионе. Все респонденты перед началом опроса давали письменное добровольное согласие. После чего заполняли демографический опросник (пол, возраст, этничность, семейный статус, наличие и количество сиблингов, религиозная принадлежность и др.). Протокол исследования утвержден Этическим комитетом Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Протокол № 11 от 22.09.2022 г.) в соответствии с принятыми международными нормами. Важно отметить, что этническая принадлежность

(также как и религиозная) основывалась на самооценках самих респондентов, таким образом, мы не можем исключить, что в конечную выборку могли попасть дети от смешанные браков, по тем или иным причинам указавшие свою этничность по одному из родителей или основываясь на личных представлениях о собственной этнической идентичности.

Выборка исследования. Общая выборка составила 3 174 человека (табл. 1) и была собрана среди студентов различных вузов из 10 регионов России (средний возраст 22,08 года).

Таблица 1

Выборка исследования

Регион	Всего	Пол		Средний возраст (станд. откл.)	Семейный статус (полная / в разводе)
		муж.	жен.		
БАШКОРТОСТАН	315	197	118	24,37 ($\pm 10,64$)	81,6% / 18,4%
БУРЯТИЯ	466	203	263	20,28 ($\pm 2,54$)	77% / 23%
КАЛМЫКИЯ	377	159	218	18,90 ($\pm 4,48$)	71,6% / 28,4%
МОСКВА И МОСК. ОБЛ.	257	65	190	22,24 ($\pm 8,62$)	69,4% / 30,6%
РЕСПУБЛИКА КОМИ	104	12	92	19,60 ($\pm 1,59$)	72,1% / 27,9%
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	425	170	255	20,53 ($\pm 2,98$)	68% / 32%
РОСТОВСКАЯ ОБЛ.	597	235	364	19,24 ($\pm 3,03$)	71,6 % / 28,4%
ТАТАРСТАН	345	134	211	26,79 ($\pm 3,29$)	74,5% / 25,5%
ХМАО	128	28	100	31,07 ($\pm 13,47$)	78,9% / 21,1%
ЯКУТИЯ	160	38	122	21,13 ($\pm 0,42$)	76,9% / 23,1%
ВСЕГО	3 174	1 241	1 933	22,08 ($\pm 5,11$)	

Методы исследования. В работе была использована короткая версия опросника «Отцовская забота» в русскоязычной версии (Sotomayor-Peterson et al. 2013; Семенова 2021). Отцовская забота оценивались в трех показателях: 1) ежедневная отцовская забота (ежедневные родительские обязанности, такие как питание, гигиена, уход, здоровье, успеваемость); 2) регулярная отцовская забота (совместные прогулки, занятия спортом, знакомство отца с интересами ребенка, с кругом его друзей и учебой); 3) вневременная отцовская забота (внимание и участие в воспитании, разговоры о событиях в мире, о личных переживаниях детей, о вреде наркотиков, обучение манерам, планирование карьеры и будущего). Респонденты рассказывали о том, как их отцы воспитывали и растили их самих и их братьев и сестер в детстве, какие функции и обязанности осуществляли, оценивали вклад отцов по разным показателям. Коэффициенты надежности альфа Кронбаха имели очень высокие показатели по всем трем субшкалам: ежедневная отцовская забота (0,95), регулярная отцовская забота (0,94), вневременная отцовская забота (0,93).

Для самооценки уровня семейного достатка была использована шкала экономических параметров, состоящая из 10 вопросов, из опросника «Ранние средовые влияния» (Early Environment Questionnaire) в

русскоязычной версии (Black, Gable 2012; Семенова 2021), в которой респонденты отвечали на ряд вопросов о том, в каких условиях они жили в детстве: «В детстве в моей семье обычно хватало денег на основные нужды»; «В детстве мы жили от зарплаты до зарплаты». Коэффициент надежности альфа Кронбаха по этой шкале был низкий (0,586).

Полученные данные проанализированы с использованием статистического пакета SPSS-27 и Python.

Результаты и обсуждение

Статистический анализ (многомерный ковариационный анализ GLM MANCOVA) со шкалами отцовской заботы в качестве зависимых переменных и набором независимых переменных (регион, пол, религия, образование отца, статус семьи) показал наиболее значимый эффект статуса семьи – в полной или разведенной семье жил респондент в детстве, пол респондента был более важен при оценке ежедневной и регулярной отцовской заботы, а образование отца – при вневременной отцовской заботе, менее значимыми были факторы региона проживания, религии и семейного достатка (табл. 2). Этничность в целом не оказывала значимого влияния на факторы отцовской заботы, кроме слабо выраженной связи со шкалой вневременной заботы (табл. 2).

Таблица 2

Взаимодействие шкал отцовской заботы и набора независимых переменных (регион, пол, религия, образование отца, статус семьи)

Зависимая переменная	R ² *	Независимая переменная	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частная Eta ² **
Ежедневная отцовская забота	0,165	Регион	9	7,902	< 0,001	,022
		Пол	1	28,982	< 0,001	,009
		Религия	4	4,897	< 0,001	,006
		Образование отца	9	27,033	< 0,001	,072
		Статус семьи	1	135,887	< 0,001	,042
		Семейный достаток	53	4,089	< 0,001	,066
		Этничность	10	0,906	Не значимо	,005
Регулярная отцовская забота	0,179	Регион	9	7,154	< 0,001	,020
		Пол	1	40,699	< 0,001	,013
		Религия	4	4,194	0,002	,005
		Образование отца	9	29,259	< 0,001	,078
		Статус семьи	1	153,796	< 0,001	,047
		Семейный достаток	53	5,923	< 0,001	,092
		Этничность	10	0,837	Не значимо	,004
	0,276	Регион	9	5,786	< 0,001	,016

Зависимая переменная	R ² *	Независимая переменная	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частная Eta ^{2**}
Вневременная отцовская забота		Пол	1	57,369	< 0,001	,018
		Религия	4	5,457	< 0,001	,007
		Образование отца	9	60,619	< 0,001	,149
		Статус семьи	1	284,972	< 0,001	,084
		Семейный достаток	53	4,557	< 0,001	,073
		Этничность	10	2,015	0,028	,010
Общая отцовская забота	0,210	Регион	9	8,299	< 0,001	,023
		Пол	1	44,816	< 0,001	,014
		Религия	4	5,398	< 0,001	,007
		Образование отца	9	41,645	< 0,001	,096
		Статус семьи	1	193,136	< 0,001	,057
		Семейный достаток	53	5,656	< 0,001	,089
		Этничность	10	1,019	Не значимо	,005

* R² (коэффициент детерминации) объясняет процент изменчивости по каждому из тестируемых признаков.

** Частная Eta в квадрате показывает, какая доля общей дисперсии зависимой переменной обусловлена данным фактором.

На рис. 1–3 представлено распределение ответов (средние значения) по трем шкалам отцовской заботы в 10 регионах России с учетом пола респондентов.

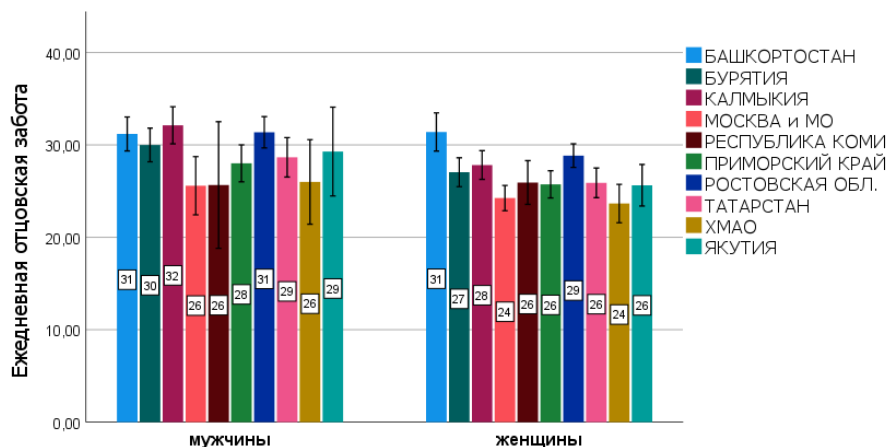

Рис. 1. Ежедневная отцовская забота в 10 регионах России с учетом пола респондентов

Самый высокий ежедневный отцовский вклад отмечали юноши из Калмыкии, Башкортостана и Ростовской области, девушки – из Башкортостана, Ростовской области и Калмыкии. В целом можно сказать, что

здесь ответы мужчин и женщин были схожими. Меньше всего отцы участвовали в ежедневных заботах о детях в Москве и Московской области, Ханты-Мансийском автономном округе (далее ХМАО) и Республике Коми (рис. 1).

Регулярная отцовская забота была ниже всего в Республике Коми и ХМАО, по мнению юношей, и в ХМАО и Якутии – по мнению девушек (рис. 2). Большее внимание к таким обязанностям проявляли отцы из Калмыкии и Ростовской области – как по мнению мужчин, так и женщин (рис. 2).

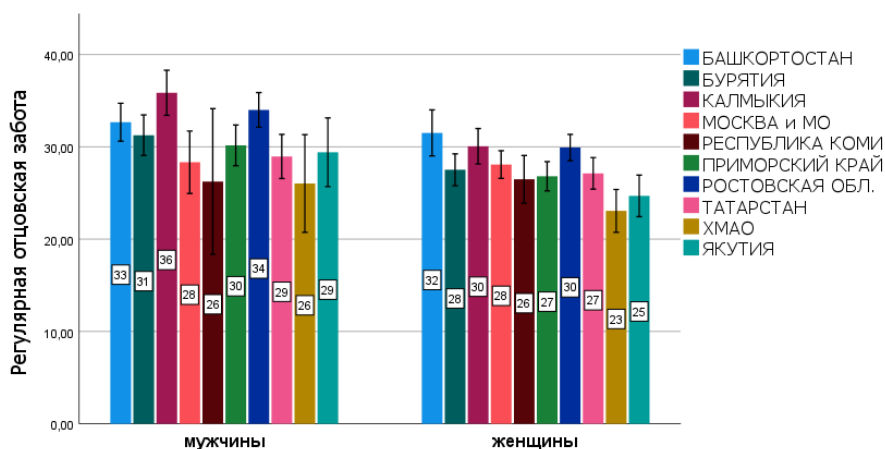

Рис. 2. Регулярная отцовская забота в 10 регионах России с учетом пола респондентов

Вневременная отцовская забота была самым равномерно-распределенным показателем из всех (рис. 3). За время детства отцы так или иначе проявляли внимание и участие в воспитании ребенка/детей, вели с ними разговоры о событиях в мире, о личных переживаниях детей, о вреде наркотиков, обучали манерам, планировали карьеру и обсуждали будущее. Женщины во всех регионах оценивали вклад их отцов по данному показателю чуть ниже, чем мужчины. Самые низкие оценки по вневременной отцовской заботе были в Якутии и Приморском крае – по мнению девушек, Москве и ХМАО – по мнению юношей.

Таким образом, в исследованных нами регионах лучше всего справлялись с обязанностями отцов, по мнению самих детей, мужчины из Калмыкии, Башкортостана и Ростовской области, а меньше всего участия проявляли отцы в Москве и Московской области, Ханты-Мансийском автономном округе и Республике Коми, хотя по представленным графикам видно, что имелись региональные отличия по видам заботы. Так, отцы из Якутии прекрасно справлялись с ежедневными и регулярными обязанностями, при этом меньше всего участвовали в более глобальных

видах заботы – планирование будущего детей или разговоры о мироустройстве.

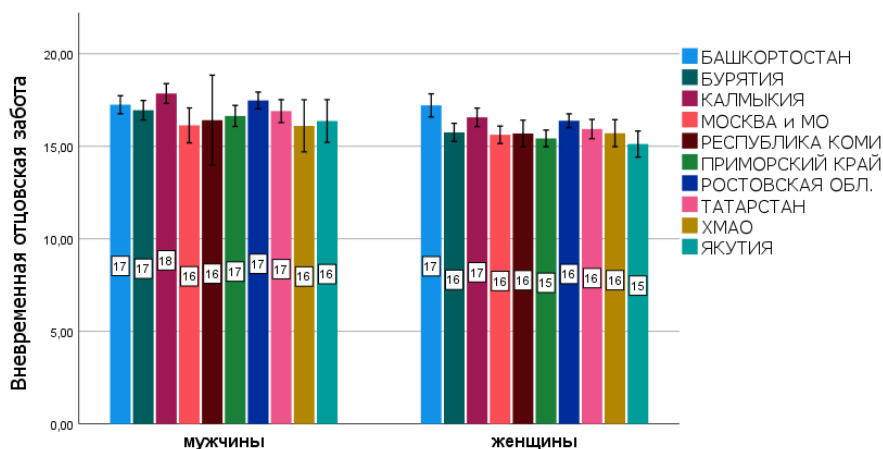

Рис. 3. Вневременная отцовская забота в 10 регионах России с учетом пола респондентов

Различия имели более значимый характер по региональному разделению, чем этническому (многомерный анализ с учетом переменной «этничность» не показал значимого вклада в шкалы отцовской заботы (табл. 2) и мы не включали его в последующий анализ). Большее влияние имела религиозная принадлежность, чем этническая.

Отцовская забота и религия

Религиозные убеждения встроены в культурный образ мышления и оказывают влияние на поведение людей, зачастую большее, чем этническая принадлежность (в особенности в полиэтнических обществах). Религия вносила значимый вклад в факторы отцовской заботы в нашей выборке (см. табл. 2).

По религиозной принадлежности наша выборка распределилась следующим образом: самыми моноконфессиональными были калмыки (84% буддисты), 50,6% буддистов также представлено респондентами из Бурятии, больше всего приверженцев православия было в Ростовской области (64,4%) и ХМАО (59,4%), ислама – в Татарстане и Башкортостане (34,2% и 34% соответственно), язычество указали в качестве своей веры студенты из Якутии (48,8%) и ХМАО (21,1%) (табл. 3). Наибольшее количество атеистов было в Москве и Московской области (49%), Якутии (42,5%), Приморском (41,6%) и Республике Коми (40,4%).

Таблица 3

Конфессиональная принадлежность респондентов, %

Регион	Православие	Ислам	Буддизм	Атеизм	Язычество
БАШКОРТОСТАН	45,7	34	0,6	19,4	0,3
БУРЯТИЯ	30,3	0,4	50,6	17	1,7
КАЛМЫКИЯ	6,9	1,6	84	7,2	0,3
МОСКВА И МОСК. ОБЛ.	46,3	2	0,4	49	2,4
РЕСПУБЛИКА КОМИ	54,8	3,8	0	40,4	1
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	52,5	0,5	2,6	41,6	2,8
РОСТОВСКАЯ ОБЛ.	64,4	1,2	0,5	32,7	1,2
ТАТАРСТАН	37,4	34,2	0,9	26,7	0,9
ХМАО	59,4	3,9	0,8	14,8	21,1
ЯКУТИЯ	8,1	0,6	0	42,5	48,8

Анализ распределения оценок отцовской заботы в зависимости от конфессиональной принадлежности респондента показал, что приверженцы православия, ислама и буддизма описывали вклад своих отцов в их развитие и воспитание больше, чем дети-атеисты и язычники, при ежедневной и вневременной заботе (рис. 4, 6), при этом атеисты и буддисты внутри своей группы разделились на две подгруппы – те, кто указал минимум отцовской заботы, и средние оценки. В целом можно говорить о том, что отсутствие веры (атеизм) указывает на меньшие отцовские инвестиции и, по всей видимости, связано с менее традиционными взглядами на семью и семейные отношения.

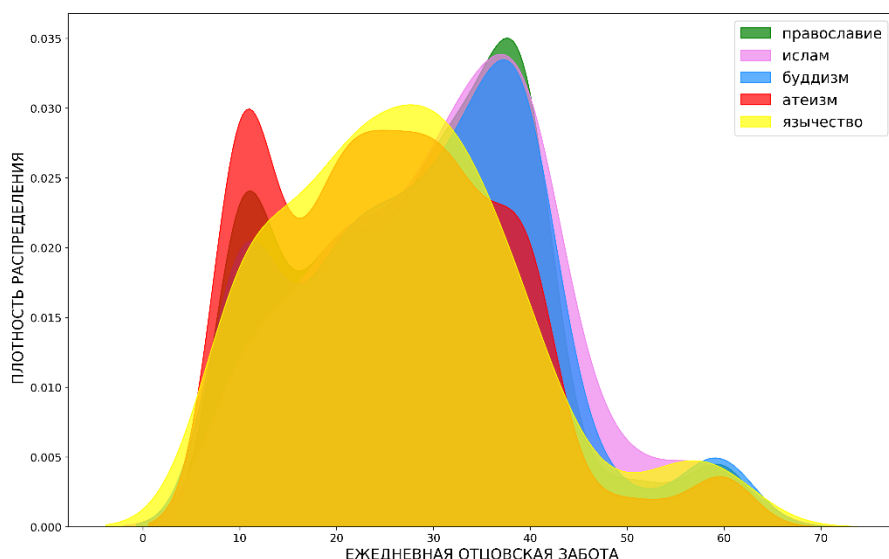

Рис. 4. Ежедневная отцовская забота и религиозная принадлежность респондентов

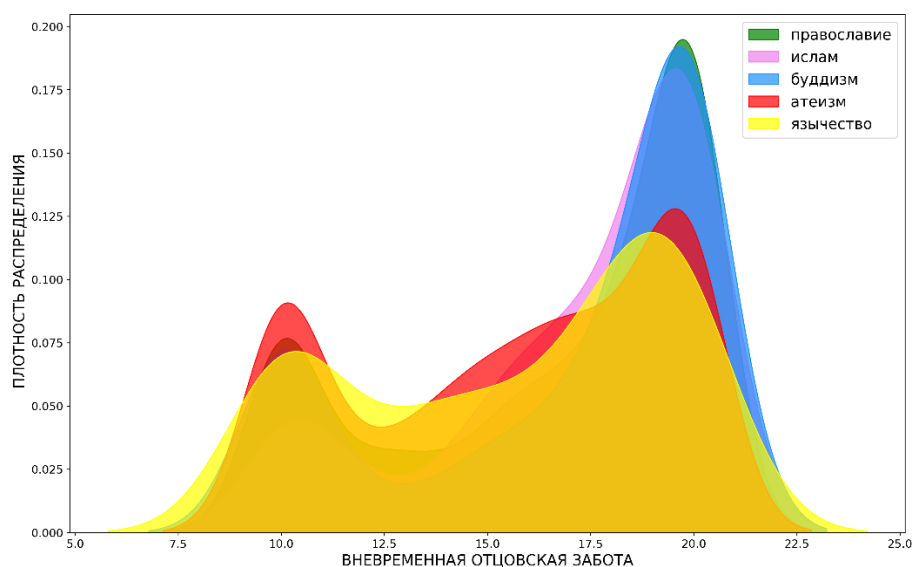

Рис. 5. Вневременная отцовская забота и религиозная принадлежность респондентов

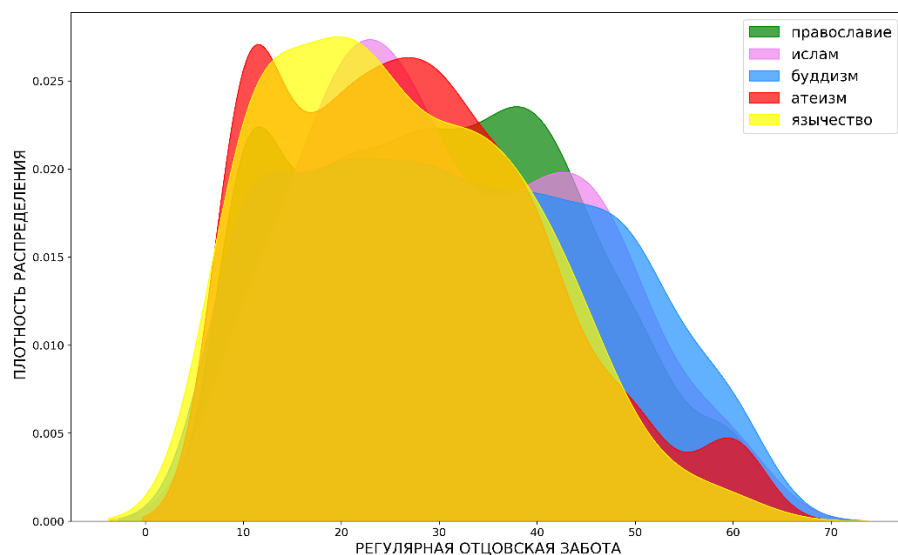

Рис. 6. Регулярная отцовская забота и религиозная принадлежность респондентов

Эти данные могут объяснить полученные нами результаты по распределению отцовской заботы в регионах (см. рис. 1–3): лучше всего справлялись с отцовскими обязанностями мужчины из Калмыкии – напомним, что респонденты из этого региона являлись самой моноконфессиональной группой (84% буддисты). Напротив, минимальное участие принимали отцы из Москвы и Московской области (49% респондентов являлись

атеистами). Отцы из Якутии (48,8% респондентов являлись язычниками) прекрасно справлялись с ежедневными и регулярными обязанностями.

Схожие результаты были получены нами ранее на кросскультурной выборке из России, Беларуси и Болгарии, где верующие респонденты (православные и мусульмане) имели более традиционные взгляды на семью и место мужчины и женщины в ней, чем атеисты (Семенова и др. 2025). Данные по тюркским народам также показали, что уровень отцовской заботы был выше в тех регионах, где у респондентов наблюдались более традиционные взгляды на семью, было меньшее количество атеистов и меньший процент разводов в семьях (Буркова и др. 2024; Семенова и др. 2024). Хотя результаты недавнего метаанализа и других исследований и указывают на тот факт, что роль религиозности неоднозначна, тем не менее присутствует выраженная связь между более высокой религиозностью и вовлеченностью отца в заботу о детях (DeMaris et al. 2011; Perri et al. 2011; Diniz et al. 2021).

В случае регулярной отцовской заботы (совместные прогулки, занятия спортом, знакомство отца с интересами ребенка, с кругом его друзей и успеваемостью) ответы респондентов распределились неравномерно и имели много подгрупп (см. рис. 6). Фактор религиозной принадлежности, по-видимому, носил здесь многовекторный характер вкупе с другими факторами – социальными и экономическими, и этот вывод требует более подробного анализа.

Отцовская забота и семейный статус родительской семьи

Каждый из респондентов также указывал, рос он в полной семье или родители были в разводе. В нашей выборке наибольшее количество разведенных семей наблюдалось в Приморском крае (32%), Москве и Московской области (30,6%) и Ростовской области (28,4%), наименьшее – в Башкортостане (18,4%) и ХМАО (21,1%) (см. табл. 1).

По всем трем шкалам отцовской заботы наблюдалась значимая зависимость – ожидаемо в полных семьях ежедневная и регулярная забота со стороны отцов была значимо выше, чем в неполных; в случае с вневременными обязанностями вклад отцов был чуть выше – видимо, отцы имели больше возможностей для таких видов деятельности, как планирование будущего детей (например, образование и карьера), разговоры о глобальных событиях и вреде курения/наркотиков, не связанных с непосредственным ежедневным уходом за ребенком (рис. 7–9). Многие предыдущие исследования показывали, что супружеские конфликты, в том числе разводы, негативно влияют на участие отцов в заботе о детях, а брак соотносится более высоким уровнем отцовского участия (Diniz et al. 2021; Fagan, Palkovitz 2011; Jia et al. 2016; Malone-Colon, Roberts 2006).

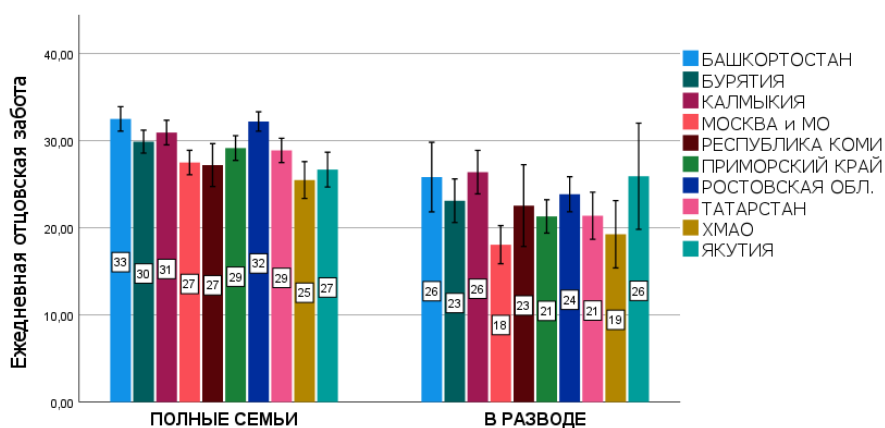

Рис. 7. Ежедневная отцовская забота и семейный статус родительской семьи

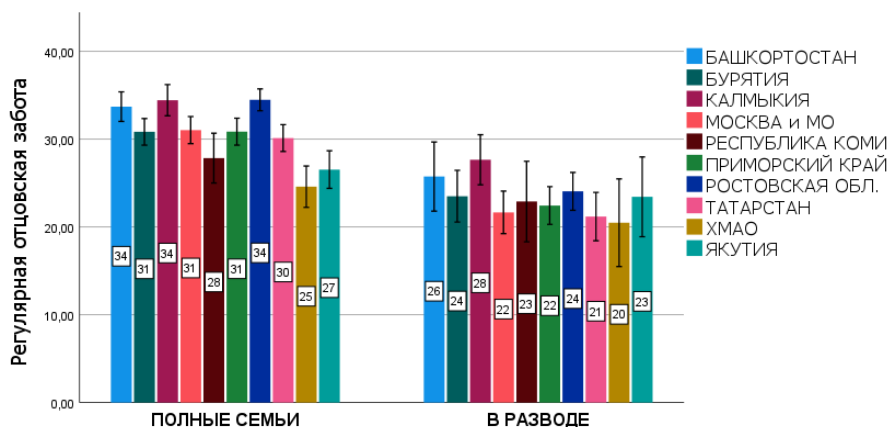

Рис. 8. Регулярная отцовская забота и семейный статус родительской семьи

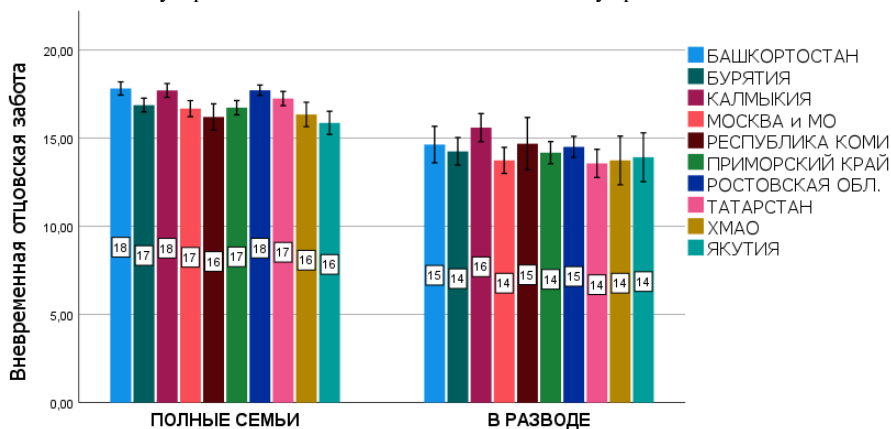

Рис. 9. Вневременная отцовская забота и семейный статус родительской семьи

Отцовская забота и уровень образования отца

Для оценки взаимосвязи между шкалами отцовской заботы и образованием отца был применен регрессионный анализ. Участники исследования отмечали уровень образования отца по шкале от 1 до 7 (1= не знаю, 2 = начальная школа, 3 = средняя школа, 4 = среднее специальное образование (колледж, техникум, училище), 5 = бакалавр, 6 = магистр (высшее), 7 = ученая степень/несколько в/о). Респонденты, указывающие, что их отцы часто выполняли ежедневные обязанности по заботе о них и их братьях и сестрах, имели отцов с более высоким уровнем образования ($B = 1,636$; $t = 13,934$; $p < 0,001$). Еще более выраженной эта взаимосвязь была в случае регулярной отцовской заботы ($B = 2,100$; $t = 16,095$; $p < 0,001$). Вневременная отцовская забота также положительно коррелировала с уровнем образования отцов ($B = 0,715$; $t = 21,137$; $p < 0,001$). Таким образом, респонденты во всех регионах отмечали более высокий уровень заботы и внимания со стороны отцов, чей уровень образования был выше (рис. 10).

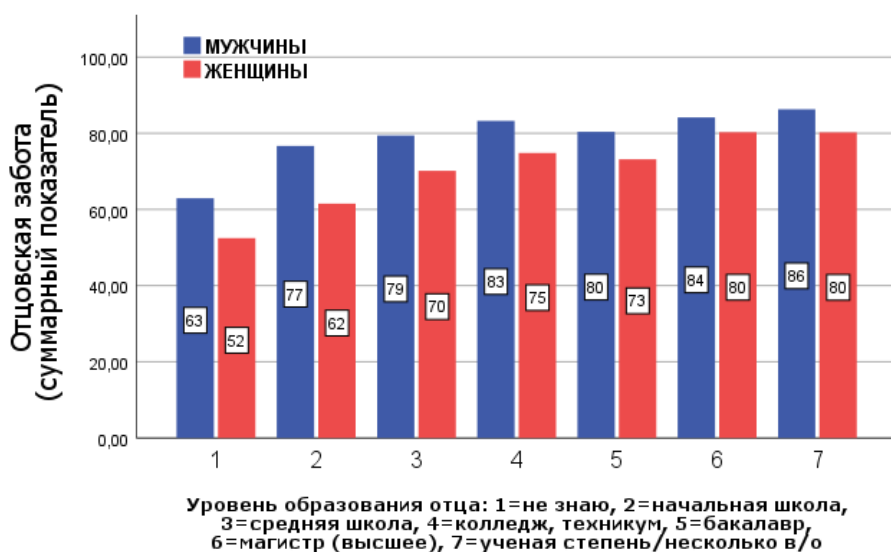

Рис. 10. Отцовская забота и уровень образования отца с учетом пола респондентов

Данные результаты согласуются с другими работами в самых разных странах – образование отца положительно влияло на качество и частоту заботы о детях и определяло будущее благополучие детей (Diniz et al. 2021; Gracia 2014; Sayer et al. 2004; Kalil et al. 2012).

Отцовская забота и количество детей в семье

Для оценки взаимосвязи между шкалами отцовской заботы и количеством детей в семье (сиблингов респондента от одних родителей) был применен регрессионный анализ. В табл. 4 представлена статистика по количеству детей в семье респондента по регионам. Больше всего семей с одним ребенком было в Приморском крае, Москве и Московской области, Республике Коми, Татарстане и Ростовской области, представленных (за исключение Татарстана) в основном русскими респондентами (по их самооценке). По общей выборке больше всего семей встречалось с двумя детьми за исключением Бурятии и Якутии, где чаще имелись семьи с тремя детьми (табл. 4). Наибольшее количество семей с четырьмя и более детьми было в ХМАО, Якутии и Бурятии (табл. 4).

Выявлена сильная положительная связь между количеством родных братьев и сестер и уровнем общей отцовской заботы ($B = 3,313$; $t = 8,568$; $p < 0,001$). Студенты, у которых были братья и сестры, отмечали, что их отцы больше заботились о них, чем те, кто рос в семье один. При этом интересно отметить, что наибольшие средние оценки получили отцы, в семье которых было 2 (77,36 балла), 3 (80,81), 4 (79,37), 5 (81,14) детей, тогда как единственные в семье респонденты оценили своих отцов на 62,74 балла.

Таблица 4

Количество детей в семье респондента по регионам, %

Регион	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
БАШКОРТОСТАН	25,1	48,3	14,6	6	3,2	1,6	0,3	0,3	0,6	–	–
БУРЯТИЯ	20	27,9	30,5	11,4	6,2	2,4	1,1	0,2	–	0,4	–
КАЛМЫКИЯ	20,7	31	30	11,9	5	0,8	0,5	–	–	–	–
МОСКВА И МОСК. ОБЛ.	33,3	47,5	12,5	3,9	1,6	0,4	0,8	–	–	–	–
РЕСПУБЛИКА КОМИ	31,7	41,3	17,3	6,7	1,9	1	–	–	–	–	–
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	41,4	41,2	12,7	2,6	0,9	0,5	0,5	–	–	–	–
РОСТОВСКАЯ ОБЛ.	31,2	51,4	13,2	3	0,7	0,2	–	–	–	–	0,3
ТАТАРСТАН	31,6	49,3	12,2	2,3	2,6	0,3	0,6	0,9	–	–	0,3
ХМАО	14,8	30,5	19,5	18	4,7	5,5	2,3	1,6	1,6	0,8	0,8
ЯКУТИЯ	23,8	21,3	28,7	11,9	6,3	5,6	1,9	0,6	–	–	–

На первый взгляд кажется, что единственным детям в семье должно быть больше внимания и заботы, однако наши результаты показывают обратное. Вполне вероятно, что наличие двух и более детей указывает на более ответственное отношение отцов к своим обязанностям, более крепкую семью. А наличие одного ребенка может быть следствием неожиданной беременности, случайной внебрачной связи, или указывать на отсутствие желания сохранять семью в будущем, уходом отца из

семьи. На это косвенно указывают наши данные по количеству разводов – количество неполных семей с единственным ребенком составляло 45,5% от общей выборки, тогда как с двумя детьми – 35,1%, тремя – 12,8%, четырьмя – 3,9%.

Отцовская забота и семейный достаток

Исследования показывают, что характеристики участия отца в заботе о детях, как правило, связаны с социально-экономическим положением семьи (Parke, Cookston 2019). Более выражено это в странах с высоким доходом, тогда как в странах со средними и низкими доходами населения данная взаимосвязь наблюдается не всегда (Garcia et al. 2022; Буркова и др. 2025). В большинстве обществ матери тратят больше времени на уход за детьми, чем отцы, но разрыв этот, по-видимому, выше в странах с низким и средним уровнем дохода (Bornstein, Putnick 2016).

Для оценки взаимосвязи между шкалами отцовской заботы и семейным достатком в семье респондента в период его детства был применен регрессионный анализ. Выявлена сильная отрицательная связь между уровнем отцовской заботы и бедностью ($B = -0,871$; $t = -16,406$; $p < 0,001$), т.е. дети, которые жили в бедности, отмечали низкий уровень отцовского вклада во всех трех вариантах – ежедневная, регулярная и вневременная забота, независимо от пола респондента (рис. 11).

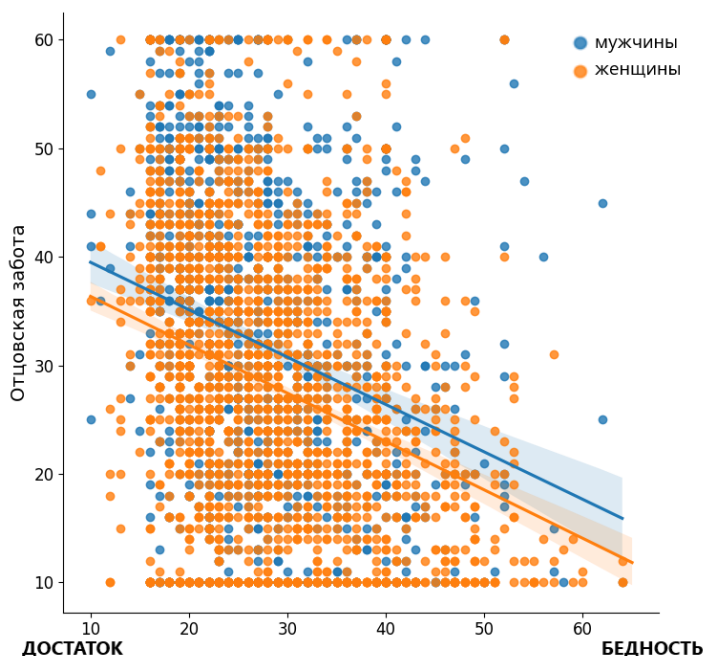

Рис. 11. Отцовская забота и семейный достаток в семье

Данные результаты не указывают однозначно на то, что в бедных семьях роль отца сведена к минимуму или отсутствует (при условии наличия полной семьи). Зачастую речь идет о том, что отцы сфокусированы на финансовом обеспечении своих семей, и все их усилия и время сконцентрированы на добывании ресурсов (Brumbach et al. 2009; Dinh et al. 2022; Frankenhuys, Nettle 2020).

Заключение

Результаты данного исследования указывают на наличие региональных различий в оценке отцовского вклада в воспитание и заботу о детях с учетом различных факторов. Данные собраны в 10 регионах России по аналогичному дизайну. Самое большое влияние на размер отцовских инвестиций имел семейный статус – студенты, прожившие свое детство в разведенной семье, указывали на меньший вклад отца по всем трем показателям отцовского вклада. Данные результаты вкупе с большим количеством разводов указывают на необходимость работы среди молодежи, направленной на поддержку семей и укрепление роли отцов в процессе воспитания детей.

Религиозная принадлежность респондентов (в отличие от этничности) имела сильное влияние на разные виды отцовской заботы – в целом в семьях атеистов ее уровень был существенно ниже, чем там, где респонденты указали приверженность какой-либо вере. В дальнейших исследованиях необходимо более подробно смотреть на ситуацию в каждом регионе. Очевидно, что на отцовскую заботу влияют одновременно разные факторы. Наши данные по общей выборке показали значимое влияние на размер отцовской заботы семейного достатка (в бедных семьях отцовская забота была существенно ниже) и количество детей в семье (единственные дети указывали, что получали меньше внимания со стороны отцов, чем дети из многодетных семей), уровень образования отца (более образованные отцы вкладывали больше сил в заботу о детях).

Наши результаты косвенно указывают на ряд регионов, в которых проблема с участием отцов в воспитании детей стоит более остро. К ним относится Москва и Московская область, Республика Коми, ХМАО и Якутия. Напротив, для Ростовской области, республик Калмыкия и Башкортостан характерно более активное участие отцов в жизни детей.

Исследования последних лет показывают, что участие отцов в заботе о детях положительно ассоциировано с развитием более высоких когнитивных способностей у детей, и это особенно четко прослеживается с течением времени (Diniz et al. 2021). Напротив, более низкая вовлеченность отца связана с большей агрессией в отношениях ребенка со сверстниками, независимо от качества отношений между матерью и ребенком (Diniz et al. 2021). Наше исследование также подчеркивает значимость

отцовской роли в современных популяциях и выявляет региональные различия в отцовской заботе и участии в воспитании детей. Эти результаты могут быть полезны для создания программ и стратегий, направленных на поддержку семьи и семейных ценностей, укрепление роли и авторитета отца, разработку масштабных мер по поддержке отцовства, профилактике «социального сиротства», отцовской инертности и уклонения от воспитания собственных детей.

Список источников

- Буркова В.Н., Семенова О.В., Бутовская М.Л., Амиргалина Г.Т., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И. Мужские и женские роли в представлении тюркоязычных народов: кросс-культурный анализ (башкиры, казахи, татары и якуты) // Байкальские встречи – XIII. Степная Евразия: культурное единство и многообразие: материалы междунар. науч.-практ. конф., 20–21 сентября 2024 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2024. С. 10–20.
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Кавина А. (Танзания). Мужские и женские роли в семье и социуме в представлениях студентов Танзании // Азия и Африка сегодня. 2025. № 6. (в печати).
- Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век-2, 2013. 256 с.
- Бутовская М.Л., Буркова В.Н. Социальный статус и репродуктивный успех мужчин в эгалитарном обществе хадза – охотников-собирателей северной Танзании // Антропология социальных перемен: сб. ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН. 2011. С. 365–386.
- Бутовская М.Л., Карелин Д.В., Буркова В.Н. Традиционные скотоводы Восточной Африки сегодня: репродуктивный успех, плодовитость, детская смертность и благосостояние датого Северной Танзании // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2012. № 4. С. 70–83.
- Загвязинский В.И., Чехонин А.Д. Воспитательный потенциал отцовства: концептуальные основания исследования и поддержки // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 10. С. 106–127. doi: 10.17853/1994-5639-2017-10-111-132
- Зубарев С.М. Хрустальный купол фантазий. М.: Академия, 2011. 288 с.
- Ильин Е.П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. 1070 с.
- Калина И.А. Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 49–56. doi: 10.17759/jmfp.2019080405
- Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 495 с.
- Семенова О.В. Кросснациональный количественный анализ отцовского вклада и уровня заботы в современных постиндустриальных обществах на примере России, США и Бразилии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 204 с.
- Семенова О.В., Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Амиргалина Г.Т., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И. Отцовская забота у тюркоязычных народов: кросс-культурный анализ (башкиры, казахи, татары и якуты) // Байкальские встречи – XIII. Степная Евразия: культурное единство и многообразие: материалы междунар. науч.-практ. конф., 20–21 сентября 2024 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2024. С. 43–53.
- Семенова О.В., Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Каспарова Е.Н., Калинин О.В., Стоянова С. Мужские и женские роли в представлении белорусов, болгар и русских // Журнал фронтирных исследований. 2025. № 1 (10). С. 120–149. doi: 10.46539/jfs.v10i1.607

- Социальная работа с мужчинами / ред. А.Г. Малышева, М.В. Середа. СПб.: СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр “Семья”», 2017. 182 с.
- Фан И.Б. Без отцов: проблемы социализации в российской истории, культуре и политике // *Философия образования*. 2013. № 6 (51). С. 79–87.
- Adams M., Coltrane S., Parke R. Cross-ethnic applicability of the gender-based attitudes toward marriage and child rearing scales // *Sex Roles*. 2007. Vol. 56. P. 325–339.
- Arcia E., Johnson A. When respect means to obey: Immigrant Mexican mothers' values for their children // *Journal of Child and Family Studies*. 1998. Vol. 7. P. 79–95.
- Baland J.-M., Ziparo R. Intra-household bargaining in poor countries // *Towards gender equity in development*. 2018. Vol. 4. P. 69–96.
- Black C.J., Gable J.C. Early Environment Questionnaire. 2012. 10 p.
- Bornstein M.H., Putnick D.L. Mothers' and fathers' parenting practices with their daughters and sons in low- and middle-income countries // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2016. Vol. 81 (1), № 60.
- Brumbach B.H., Figueredo A.J., Ellis B.J. Effects of harsh and unpredictable environments in adolescence on development of life history strategies // *Human Nature*. 2009. Vol. 20 (1). P. 25–51.
- Cabrera N., Volling B., Barr R. Fathers are parents, too! Widening the lens on parenting for children's development // *Child Development Perspectives*. 2018. Vol. 112. P. 152–157. doi: 10.1111/cdep.12275
- DeMaris A., Mahoney A., Pargament K.I. Doing the Scut Work of Infant Care: Does Religiousness Encourage Father Involvement? // *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73 (2). P. 354–368. doi: 10.1111/j.1741-3737.2010.00811.x
- Dinh T., Haselton M.G., Gangestad S.W. “Fast” women? The effects of childhood environments on women's developmental timing, mating strategies, and reproductive outcomes // *Evolution and Human Behavior*. 2022. Vol. 43 (2). P. 133–146.
- Diniz E., Brandão T., Monteiro L., Veríssimo M. Father involvement during early childhood: A systematic review of the literature // *Journal of Family Theory & Review*. 2021. Vol. 13 (1). P. 77–99.
- Fagan J., Palkovitz R. Coparenting and relationship quality effects on father engagement: Variations by residence, romance // *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. P. 637–653. doi: 10.1111/j.1741-3737.2011.00834.x
- Frankenhuis W.E., Nettle D. The strengths of people in poverty // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. Vol. 29 (1). P. 16–21.
- Garcia I.L., Fernald L.C., Aboud F.E., Otieno R., Alu E., Luoto J.E. Father involvement and early child development in a low-resource setting // *Social science & medicine*. 2022. Vol. 302, № 114933.
- Gracia P. Fathers' child care involvement and children's age in Spain: A time use study on differences by education and mothers' employment // *European Sociological Review*. 2014. Vol. 30, № 2. P. 137–150.
- Grusec J.E. Parental socialization and children acquisition of values // *Handbook of parenting* (Vol. 5) / Ed. M.H. Bornstein. Mahwah, NJ: Lawrence Earlbaum, 2002. P. 145–167.
- Guo G., Harris K.M. The mechanisms mediating the effects of poverty on children's intellectual development // *Demography*. 2000. Vol. 37 (4). P. 431–447.
- Halgunseth L.C., Ispa J.M., Rudy D. Parental control in Latino families: An integrated review of the literature // *Child Development*. 2006. Vol. 77. P. 1282–1297.
- Hrdy S. Mother nature: A history of mothers, infants and natural selection. New York, 1999. 770 p.
- Jia R., Kotila L.E., Schoppe-Sullivan S.J., Dush C.M. New parents' psychological adjustment and trajectories of early parental involvement // *Journal of Marriage and Family*. 2016. Vol. 78. P. 197–211. doi: 10.1111/jomf.12263
- Kalil A., Ryan R., Corey M. Diverging destinies: Maternal education and the developmental gradient in time with children // *Demography*. 2012. Vol. 49. P. 1361–1383.

- Malone-Colon L., Roberts A. Marriage and the well-being of African American boys (Research Brief No. 2). New York, NY: Center for Marriage and Families, Institute for American Values, 2006.
- Marlowe F. The Hadza: hunter-gatherers of Tanzania (V. 3). University of California Press, 2010. 325 p.
- McHale J.P., Fivaz-Depeursinge E. Understanding triadic and family group interactions during infancy and toddlerhood // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 1999. № 2. P. 107–127.
- Parke R.D., Cookston J.T. Many types of fathers, many types of contexts: An agenda for future progress in fathering research // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2019. Vol. 84. P. 131–146. doi: 10.1111/mono.12404
- Perry A.R., Harmon D.K., Leeper J. Resident Black Fathers' Involvement // *Journal of Family Issues*. 2011. Vol. 33(6). P. 695–714. doi: 10.1177/0192513x11428125
- Sayer L.C., Gauthier A.H., Furstenberg F.F.J. Educational differences in parent's time with children: cross-national variations // *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. P. 1152–1169.
- Semenova O., Figueredo A.J., Tokumaru R.S., Defelipe R., Lucci T.K., Salmon C., Vogel E., Zambrano R., Bytovskaya M. Evolutionary adaptation perspectives on childcare with references to life history plasticity in the modern world: Brazil, Russia, and the USA // *Adaptive Human Behavior and Physiology*. 2024. Vol. 10 (2). P. 148–181.
- Sotomayor-Peterson M., De Baca T.C., Figueredo A.J., Smith-Castro V. Shared parenting, parental effort, and life history strategy: A cross-cultural comparison // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44 (4). P. 620–639.
- Trivers R.L. Parental investment and sexual selection // *Sexual selection and the descent of man* / Ed. by B. Campbell. London, 1972. P. 136–179.
- Whitchurch G., Constantine L. Systems theory // *Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach* / Eds. by P. Boss, W. Doherty, R. LaRossa, W. Schumm, S. Steinmetz. New York, 1993. P. 325–355.
- United Nations. Database on household size and composition 2022. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/household-size-and-composition> (accessed: 28.03.2025).

References

- Burkova V.N., Semenova O.V., Butovskaya M.L., Amirgalina G.T., Galimkhanov A.B., Egorova A.I., Zinurova R.I. (2024) Muzhskie i zgenskie roli v predstavlenii tjurkojazychnih narodov: kross-kul'turnij analiz (bashkiry, kazahi, tatary, jakity) [Male and female roles in the representation of Turkic-speaking peoples: cross-cultural analysis (Bashkirs, Kazakhs, Tatars and Yakuts)]. *Baykal'skie vstrechi – XIII. Stepnaya Evrazija: kul'turnoe edinstvo i mnogoobrazie: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 20-21 september 2024. Ulan-Ude, pp. 10–20.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Kavina A. (2025) Muzhskie i zgenskie roli v sem'je i sociume v predstavlenijah studentov Tanzanii [Man and women roles in family and society in the perceptions of Tanzanian students], *Asija i Afrika segodnja – Asia and Africa Today*, no 6 (in print).
- Butovskaya M.L., Burkova V.N. (2011) Social'nyj status i reproduktivnyj uspeh muzhchin v jegalitarnom obshchestve hadza – ohotnikov-sobiratelej severnoj Tanzanii [Social status and reproductive success of men in the egalitarian Hadza hunter-gatherer society of northern Tanzania], *Anthropology of Social Change*. Moscow, pp. 365–386.
- Butovskaya M.L. (2013) *Anthropologija pola* [Anthropology of sex]. Frjazino. 256 p.
- Butovskaya M.L., Karelin D.V., Burkova V.N. (2012) Tradicionnye skotovody Vostochnoj Afriki segodnja: reproduktivnyj uspeh, plodovitost', detskaja smertnost' i blagosostojanie datoga Severnoj Tanzanii [Traditional pastoralists of East Africa today: reproductive

- success, fertility, child mortality and welfare of Datoga of Northern Tanzania], *Moscow University Anthropology Bulletin*, no 4, pp. 70–83.
- Zagvyazinsky V.I., Chekhonin A.D. (2017) Vospitatel'nyy potencial otsovstva: konceptual'nye osnovaniya issledovaniya I poddergki [The educational potential of fatherhood: Conceptual bases of research and support], *Obrazovaniye i nauka – The Education and Science Journal*, no. 10 (19). pp. 106–127. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-10-111-132
- Zubarev S.M. (2011) *Chrystalnyi kupol fantazij* [Crystal dome of fantasies]. Moscow: Publishing House Akademija; 2011. 288 p.
- Il'in E.P. (2012) *Psikhologiya vzroslosti* [Psychology of adulthood]. Sankt-Peterburg: Piter, 2012. 1070 p.
- Kalina I.A. (2019). Otsovstvo kak psikhologicheskii fenomen. Obzor sovremennoy zarubezhnoy literature [Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature], *Sovremennaya zarubezhnaya literatura – Journal of Modern Foreign Psychology*, Vol. 8, no. 4, pp. 49–56. doi: 10.17759/jmfp.2019080405
- Kon I.S. (2009) *Muzhchina v menjajushhemsja mire* [A Man in a Changing World]. Moscow. 495 p.
- Semenova O.V. (2021) *Krossnatsional'nyy kolichestvennyy analiz otcovskogo vклада i urovnya zaboty v sovremennykh postindustrial'nykh obshchestvakh na primere Rossii, SShA i Brazii*; dis. na soiskanie stepeni kand. ist. nauk. [Cross-national quantitative analysis of paternal contribution and level of care in modern post-industrial societies on the example of Russia, the USA and Brazil; dis. for the degree of Cand. of Historical Sciences]. Moscow. 204 p.
- Semenova O.V., Burkova V.N., Butovskaya M.L., Amirgalina G.T., Galimkhanov A.B., Egorova A.I., Zinurova R.I. (2024) Otcovskaja zabota u tjurkojazychnykh narodov: kross-kul'turnyj analiz (bashkiry, kazahi, tatory i jakuty) [Paternal care among Turkic-speaking peoples: a cross-cultural analysis (Bashkirs, Kazakhs, Tatars and Yakuts)]. *Baykal'skie vstrechi – XIII. Stepnaya Evrazija: kul'turnoe edinstvo I mnogoobrazie: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 20-21 September 2024. Ulan-Ude, pp. 43-53.
- Semenova O., Burkova V., Butovskaya M., Ermakov A., Kasparova E., Kalinichenko O., Stoyanova S. (2025) Muzhskie i zhenskie roli v predstavlenii belorusov, bolgar i russkikh [Male and Female Roles in the Perception of Young People Among Belarusians, Bulgarians, and Russians], *Journal of Frontier Studies*, no (10), pp. 120-149. <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i1.607>
- Social'naja rabota s muzhchinami* (2017) [Social work with men]. Ed. A.G. Malisheva. St Petersburg. 182 p.
- Fan I.B. (2013) Bez otsov: pronlemy socializatsii v rossiyskoy istorii, kul'ture I politiki [Without fathers: Problems of socialization in the Russian history, culture and politics], *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*, Vol. 6 (51), pp. 79–87.
- Adams M., Coltrane S., Parke R. (2007) Cross-ethnic applicability of the gender-based attitudes toward marriage and child rearing scales. *Sex Roles*, Vol. 56, pp. 325–339.
- Arcia E., Johnson A. (1998) When respect means to obey: Immigrant Mexican mothers' values for their children. *Journal of Child and Family Studies*, Vol. 7, pp. 79–95
- Baland J.-M., Ziparo R. (2018) Intra-household bargaining in poor countries. *Towards gender equity in development*, Vol. 69, Vol. 4, pp. 69–96.
- Black C. J., Gable J. C. (2012) *Early Environment Questionnaire*. 10 p.
- Bornstein M.H., Putnick D.L. (2016) Mothers' and fathers' parenting practices with their daughters and sons in low-and middle-income countries. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, Vol. 81(1), no 60.
- Brumbach B.H., Figueredo A.J., Ellis B.J. (2009) Effects of harsh and unpredictable environments in adolescence on development of life history strategies. *Human Nature*, Vol. 20(1), pp. 25–51.

- Cabrera N., Volling B., Barr R. (2018) Fathers are parents, too! Widening the lens on parenting for children's development. *Child Development Perspectives*, Vol. 112, pp. 152–157. DOI: 10.1111/cdep.12275
- DeMaris A., Mahoney A., Pargament K.I. (2011) Doing the Scut Work of Infant Care: Does Religiousness Encourage Father Involvement? *Journal of Marriage and Family*, Vol. 73(2), pp. 354–368. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00811.x
- Dinh T., Haselton M.G., Gangestad S.W. (2022) “Fast” women? The effects of childhood environments on women’s developmental timing, mating strategies, and reproductive outcomes. *Evolution and Human Behavior*, Vol. 43(2), pp. 133–146.
- Diniz E., Brandão T., Monteiro L., Verissimo M. (2021) Father involvement during early childhood: A systematic review of the literature. *Journal of Family Theory & Review*, Vol. 13(1), pp. 77–99.
- Fagan J., Palkovitz R. (2011) Coparenting and relationship quality effects on father engagement: Variations by residence, romance. *Journal of Marriage and Family*, Vol. 73, pp. 637–653. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00834.x
- Frankenhuis W.E., Nettle D. (2020) The strengths of people in poverty. *Current Directions in Psychological Science*, Vol. 29(1), pp. 16–21.
- Garcia I.L., Fernald L.C., Aboud F.E., Otieno R., Alu E., Luoto J.E. (2022) Father involvement and early child development in a low-resource setting. *Social science & medicine*, Vol. 302, no 114933.
- Gracia P. (2014) Fathers’ child care involvement and children’s age in Spain: A time use study on differences by education and mothers’ employment. *European Sociological Review*, Vol. 30, pp. 137–150.
- Grusec J.E. (2022) Parental socialization and children acquisition of values. *Handbook of parenting* (Vol. 5). Ed. M.H. Bornstein. Mahwah, NJ: Lawrence Earlbaum, 2002, pp. 145–167.
- Guo G., Harris K.M. (2000) The mechanisms mediating the effects of poverty on children’s intellectual development. *Demography*, Vol. 37(4), pp. 431–447.
- Halgunseith L.C., Ispa J.M., Rudy D. (2006) Parental control in Latino families: An integrated review of the literature. *Child Development*, Vol. 77, pp. 1282–1297.
- Hrdy S. (1999) Mother nature: A history of mothers, infants and natural selection. New York, 770 p.
- Jia R., Kotila L.E., Schoppe-Sullivan S.J., Dush C.M. (2016) New parents' psychological adjustment and trajectories of early parental involvement. *Journal of Marriage and Family*, Vol. 78, pp. 197–211. DOI: 10.1111/jomf.12263
- Kalil A., Ryan R., Corey M. (2012) Diverging destinies: Maternal education and the developmental gradient in time with children. *Demography*, Vol. 49, pp. 1361–1383.
- Malone-Colon L., Roberts A. (2006) Marriage and the well-being of African American boys (Research Brief No. 2). New York, NY: Center for Marriage and Families, Institute for American Values.
- Marlowe F. (2010) The Hadza: hunter-gatherers of Tanzania (Vol. 3). University of California Press, 325 p.
- McHale J.P., Fivaz-Depeursinge E. (1999) Understanding triadic and family group interactions during infancy and toddlerhood. *Clinical Child and Family Psychology Review*, Vol 2, pp. 107–127.
- Parke R.D., Cookston J.T. (2019) Many types of fathers, many types of contexts: An agenda for future progress in fathering research. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, Vol. 84, pp. 131–146. DOI: 10.1111/mono.12404
- Perry A.R., Harmon D.K., Leeper J. (2011) Resident Black Fathers’ Involvement. *Journal of Family Issues*, Vol. 33(6), pp. 695–714. DOI: 10.1177/0192513x11428125
- Sayer L.C., Gauthier A.H., Furstenberg F.F.J. (2004) Educational differences in parent’s time with children: cross-national variations. *Journal of Marriage and Family*, Vol. 66, pp. 1152–1169.

- Semenova O., Figueredo A.J., Tokumaru R.S., Defelipe R.P., Lucci T.K., Salmon, C., ... & Bytovskaya M. (2024) Evolutionary adaptation perspectives on childcare with references to life history plasticity in the modern world: Brazil, Russia, and the USA. *Adaptive Human Behavior and Physiology*, Vol. 10(2), pp. 148–181.
- Sotomayor-Peterson M., De Baca T.C., Figueredo A.J., Smith-Castro V. (2013) Shared parenting, parental effort, and life history strategy: A cross-cultural comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 44(4), pp. 620–639.
- Trivers R.L. (1972) Parental investment and sexual selection. *Sexual selection and the descent of man*. Ed. B. Campbell. London, pp. 136–179.
- Whitchurch G., Constantine L. (1993) Systems theory. *Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach*. Eds. P. Boss, W. Doherty, R. LaRossa, W. Schumm, S. Steinmetz. New York, pp. 325–355.
- United Nations (2022). *Database on household size and composition* 2022. Retrieved from <https://www.un.org/development/desa/pd/data/household-size-and-composition> (accessed 28.03.2025).

Информация об авторах:

БУРКОВА Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: burkovav@gmail.com

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия); профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

ЕРМАКОВ Алексей Михайлович – доктор биологических наук, декан факультета «Биоинженерия и ветеринарная медицина», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Россия).

ГАЛИМХАНОВ Азат Булатович – кандидат юридических наук, доцент, Институт права, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия).

ЕГОРОВА Аида Июньевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Института психологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия).

ЗИНУРОВА Раушания Ильшатовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой, директор Института управления инновациями, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань, Россия).

КАЛИНИЧЕНКО Ольга Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия).

КОЛТУН Гули Георгиевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Приморский государственный аграрно-технологический университет (Уссурийск, Россия).

КОНИЕВА Оксана Николаевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия).

МАНТАТОВА Наталья Викторовна – доктор ветеринарных наук, профессор, заведующий кафедрой терапии клинической диагностики акушерства и биотехнологии, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова (Улан-Удэ, Россия).

МАШТЫКОВ Санал Степанович – кандидат биологических наук, доцент кафедры ветеринарной медицины, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия).

МИЛАЕВА Татьяна Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми научный центр Урального отделения РАН (Сыктывкар, Россия).

СПОДИНА Виктория Ивановна – доктор исторических наук, директор Обско-Угорского института прикладных исследований и разработок ХМАО–Югры (Ханты-Мансийск, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Valentina N. Burkova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: burkovav@gmail.com

Marina L. Butovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).

Alexey M. Ermakov, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Azat B. Galimkhanov, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation).

Aida I. Egorova, North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

Raushaniia I. Zinurova, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation).

Olga V. Kalinichenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Guli G. Koltun, Primorsky State Agrarian-Technological University (Ussuriisk, Russian Federation).

Oksana N. Konieva, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation).

Natalia V. Mantatova, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov (Ulan-Ude, Russian Federation).

Sanal S. Mashtykov, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation).

Tatiana V. Milaeva, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russian Federation).

Victoriya I. Spodina, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 апреля 2025;
принята к публикации 25 мая 2025.*

*The article was submitted 03.04.2025;
accepted for publication 25.05.2025.*

Научная статья
УДК 575.17
doi: 10.17223/2312461X/48/12

Миграционная история итальянцев Крыма. Исследование с привлечением генетических и квазигенетических маркеров

Наталья Валерьевна Балинова¹

Стефания Дзини²

Никита Викторович Хохлов³

Сергей Вячеславович Макаров⁴

Любовь Сергеевна Бычковская⁵

Наиля Хаджиевна Спицына⁶

^{1,4,5} Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова, Москва, Россия

^{2,3,6} Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия

¹ balinovs@mail.ru

Аннотация. Потомков итальянских мигрантов с Апеннинского полуострова с конца XVIII – начала XX в. в настоящее время можно обнаружить среди населения Крыма. Представлены результаты комплексного антропогенетического исследования, основанного на распространенности шести генетических (РАН, TH01, NOS3, SLC6A3, CCR5, ACE) и квазигенетических маркеров среди итальянцев Крыма. По данным пяти маркеров, потомки итальянцев более близки к европейским популяциям и ближе всего к русским, что говорит о степени метисации данной группы и высоком уровне гетерозиготности. По рассчитанным расстояниям РАН, TH01 они тяготеют к исторической предковой популяции итальянцев Италии, но определить территориальное происхождение по этим маркерам не представляется возможным. Поэтому нами была предпринята попытка проанализировать фамилии итальянцев Крыма и их предков в качестве надежных квазигенетических маркеров. Результаты показали, что большинство мигрантов (52,53%) имели северное происхождение, 27,72% мигрантов происходили из южных регионов Апеннинского полуострова, 19,75% – из центральной области Италии. Трансформации, которым подвергались во времени исконные фамилии итальянских мигрантов, отражают сложный процесс адаптации итальянских групп в Черноморско-Азовском регионе. Результаты комплексного исследования дополняют знания по этнической геномике итальянцев.

Ключевые слова: популяция, полиморфизм, ядерный геном, геногеография фамилий, этногеномика, итальянцы Крыма

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ.

Для цитирования: Балинова Н.В., Дзини С., Хохлов Н.В., Макаров С.В., Быч-ковская Л.С., Спицына Н.Х. Миграционная история итальянцев Крыма. Исследование с привлечением генетических и квазигенетических маркеров // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 250–270. doi: 10.17223/2312461X/48/12

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/12

On the Issue of the Migration History of Italians of the Crimea. A Study Involving Genetic and Quasi-Genetic Markers

Natalia V. Balinova¹, Stefania Zini², Nikita V. Khokhlov³,
Sergey V. Makarov⁴, Lubov S. Bychkovskaya⁵,
Naila Kh. Spitsyna⁶

^{1,4,5} Research Center for Medical Genetics, Moscow, Russian Federation

^{2,3,6} Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

¹ balinovs@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a comprehensive anthropogenetic analysis of a group of modern “Italians of Crimea,” who are descendants of Italian migrants from the Apennine Peninsula between the late 18th and early 20th centuries. The genetic study is based on the analysis of the prevalence of genotypes and alleles of six autosomal polymorphic genes (PAH, TH01, NOS3, SLC6A3, CCR5 and ACE) in Italians of Crimea. According to the data of five markers, the descendants of Italians are closer to European populations and closest to Russian populations, which indicates the degree of miscegenation of this group and a high level of heterozygosity. According to the calculated distances for PAH and TH01, they gravitate towards the historical ancestral population of Italians of Italy, but it is not possible to determine the territorial origin from these markers. Therefore, we attempted to analyse the surnames of the Italians of Crimea and their ancestors as reliable quasigenetic markers. The results revealed that the majority of migrants (52.53 %) were of northern origin, 27.72 % of migrants originated from the southern regions of the Apennine Peninsula, and 19.75 % originated from the central region of Italy. The transformations that the original surnames of Italian migrants underwent over time reflect the complex process of adaptation of Italian groups in the Black Sea-Azov region. The results of this comprehensive study add to the knowledge of the ethnic genomics of Italians.

Keywords: population, polymorphism, nuclear genome, genogeography of surnames, ethnogenomics, Italians of Crimea

Acknowledgements: The study has been funded by the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Balinova, N.V., Zini, S., Khokhlov, N.V., Makarov, S.V., Bychkovskaya, L.S. & Spitsyna, N.Kh. (2025) On the Issue of the Migration History of Italians of the Crimea. A Study Involving Genetic and Quasi-Genetic Markers. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 250–270 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/12

Введение

Относительно недавно итальянцы официально были включены в список признанных незаконно депортированных малочисленных народов Крыма (Указ Президента РФ от 12 сентября 2015 г. № 458 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 “О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития”»). Так называемые итальянцы Крыма являются современными потомками итальянских мигрантов с Апеннинского полуострова, появившихся в период с конца XVIII и до начала XX в. Их небольшая группа численностью до 200 человек проживает на Крымском полуострове преимущественно в г. Керчи.

Сложившиеся в Европе при беспрецедентной экспансии Бонапарта в конце XVIII – начале XIX в. социально-политические условия и благоприятная миграционная политика Российской империи способствовали притоку мигрантов в Россию. Иностранцы мигранты, являясь дополнительным рабочим потенциалом, приносили передовые технологии, ускоряя социально-экономическое развитие регионов (Писаревский 2011). Истоки формирования этнической группы итальянцев Крыма связаны с эпохой массовой колонизации территорий Северного Причерноморья и Приазовья, инициированной Екатериной II, после присоединения Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. и подписания Кучук-Кайнарджийского договора в 1774 г.

В истории миграции итальянцев на территорию Черноморско-Азовского бассейна можно проследить три основные волны.

Первая, условно называемая «Одесской», состояла из итальянских переселенцев, обосновавшихся в конце XVIII – первой половине XIX в. в г. Одессе. В период 1810–1820 гг. итальянцы второй волны «Феодосийской миграции» направляются на Восток в прибрежные города Крымского полуострова. Третья, «Керченско-Азовская» волна, начинается в 1820–1830-х гг. и продолжается до конца XIX в. Для большинства Керчь становится лишь промежуточной остановкой на пути к другим портовым городам Приазовья – Таганрогу, Мариуполю, Бердянску, постоянным местом жительства – лишь для небольшой части итальянских переселенцев.

Контингент итальянских мигрантов различался и включал также деятелей культуры и искусства. Приезжие итальянские актеры, певцы, художники, архитекторы, родом с Севера и Юга Италии, привнесли в города Северного Причерноморья особый итальянский стиль и колорит. Большинство итальянских мигрантов состояло из «людей моря»: шкиперы, богатые судовладельцы и торговцы, банкиры, страховщики от-

правлялись в города Причерноморья и Приазовья из регионов Апеннинского полуострова (преимущественно из нынешних Лигурии и Пьемонта) с коммерческой целью открытия торговых путей на Восток. Данные территории были хорошо известны в Италии еще со времен средневековой генуэзской колонизации региона. Историческая память привела лигурийских и генуэзских торговцев и судовладельцев XVIII–XX вв. к идее возрождения морских торговых путей и восстановления генуэзского коммерческого превосходства в регионе.

Многие гарибальдийцы, покинувшие родину по причинам, связанным с политическими переменами, составили новую волну итальянцев, регистрируемую с 1861 г. до конца XIX в. (Зарубин 2008).

Убыль численности впервые фиксируется с 30-х гг. XX в. Лица, сохранившие итальянское гражданство, возвращаются в Италию. Оставшаяся часть в 1942 г. была отправлена на спецпоселение в Казахстан. После Великой Отечественной войны некоторые из них остались там или переехали в другие регионы Советского Союза. Другие вернулись на историческую родину. Лица, не имеющие родных и близких в Италии, возвратились в Крым, где до начала войны было сосредоточено большинство итальянских переселенцев.

Целью статьи является прояснение миграционной истории группы современных итальянцев Крыма путем проведения комплексного антропогенетического исследования с привлечением генетических и квазигенетических маркеров. Анализ геногеографии фамилий, построение карт распространения современных итальянских фамилий по регионам Италии с определением трансформаций фамилий у современных итальянцев Крыма даст новую информацию о регионах исхода мигрантов и позволит установить время, характер и интенсивность произошедших микроэволюционных изменений.

Материалы и методы

Генетическое исследование основывалось на анализе ДНК, выделенной из буккального эпителия 57 потомков итальянцев Крыма. Сбор биоматериала происходил с соблюдением этических принципов, установленных Хельсинкской декларацией Всемирной медицинской ассоциации, – с информированного согласия на участие.

В панель для анализа были выбраны функционально значимые гены, представляющие особую важность в медико-биологических исследованиях: фенилаланингидроксилазы (PAH – 30-нуклеотидные tandemные повторы (VNTR) в 3'-области в гене), тирозингидроксилазы (TH01 – тетра-нуклеотидные повторы в 1 интроне), эндотелиальной NO-синтазы (NOS3 – 27-нуклеотидный VNTR в 4 интроне (rs3138808)), переносчика

дофамина (SLC6A3 – 40-н. VNTR в 3'-области), хемокинового рецептора 5 (CCR5 – 32-н. делеция (rs333)), ангиотензин I – превращающего фермента (ACE – инсерционно-делеционный полиформизм (in/del) в 16 интроне (rs1799752)).

Метод генотипирования, условия и состав реакционной смеси подробно изложены в работе (Макаров и др. 2023).

Для построения дендрограмм результатов кластеризации генетических межпопуляционных расстояний D_A по Нею (Nei et al. 1983) применялся среднесвязывающий метод (NJ) (Saitou, Nei 1987) и использовалась программа DISPAN (Ota 1993).

Антропонимические материалы представлены фамилиями итальянских мигрантов, прибывших в города Черноморско-Азовского бассейна в XIX–XX вв., и их потомков. Они выявлены из массива источников фондов российских и итальянских архивов. Анализировались также документы, справочники, исторические труды, периодические издания, газеты, памятные книжки, официальные справочные статистические издания Российской империи в фондах Российской государственной библиотеки (Москва), Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и личные архивы.

Использование фамилий в качестве квазигенетических однородительских маркеров, передающихся по отцовской линии, разработано J.F. Crow и A.P. Mange (Crow, Mange 1965).

Для определения карт распространения современных итальянских фамилий по регионам Италии использованы три разных веб-ресурса Национального института статистики, Istituto Nazionale di Statistica ISTAT, и единого электронного архива DBU – Data Base Unico телефонных номеров и личных данных клиентов национальных операторов стационарной и мобильной телефонной связи (Diffusione del cognome; Mappe dei Cognomi Italiani; Tutto sui cognomi italiani).

Результаты и обсуждение

Результаты генотипирования по изученным генам в выборке итальянцев Крыма представлены в таблице.

Частоты аллелей изученных генов в выборке итальянцев Крыма

Ген	Аллель	Частота	Ошибка +/-
РАН	*3	0,4196	0,0466
	*8	0,2054	0,0382
	*9	0,3661	0,0455
	*10	0,0089	0,0089
	N = 56		
ТН01	*6	0,2456	0,0403
	*7	0,1754	0,0356

Ген	Аллель	Частота	Ошибка +/-
	*8	0,0702	0,0239
	*9	0,2456	0,0403
	*9,3/*10	0,2632	0,0412
	N = 57		
NOS3	*4	0,3273	0,0447
	*5	0,6727	0,0447
	N = 55		
SLC6A3	*9	0,2768	0,0423
	*10	0,7232	0,0423
	N = 56		
CCR5	*i	0,9375	0,0229
	*del32	0,0625	0,0229
	N = 56		
ACE	*ins	0,5636	0,0473
	*del	0,4364	0,0473
	N = 55		

N – количество образцов.

В выборке итальянцев Крыма установлено наличие следующих генотипов: в PАН – 3/3, 3/8, 3/9, 3/10, 8/8, 8/9, 9/9; в TH01 – 6/6, 6/7, 6/8, 6/9, 6/10, 7/8, 7/9, 7/10, 8/9, 9/10, 10/10; в SLC6A3 – 9/9, 9/10, 10/10; в FABP2 – 10/10, 10/11, 10/13, 10/14, 11/11, 11/12, 12/12; в ACE и NOS3 – все три возможных варианта, в CCR5 – del32 встречалась только в гетерозиготном состоянии.

Для определения местоположения изученной группы по отношению к другим популяциям был произведен расчет генетических расстояний D_A по Нею (Nei et al. 1983), средней гетерозиготности (данные представлены в статье Макаров и др. 2023) и составлена матрица по пяти изученным локусам: ACE, NOS3, TH01, CCR5, SLC6A3. На основе матрицы, используя среднесвязывающий метод (NJ) для кластеризации, была построена дендрограмма (рис. 1).

Выборка итальянцев Крыма в результате расположилась на ветви с преобладанием европейских популяций, в некотором удалении от предполагаемой исходной популяции. Популяция русских оказалась наиболее сходной по генетическим характеристикам, что согласуется с имеющимися данными по изученной группе.

Анализ восстановленных родословных семей, дополненный архивными данными, показал, что процессы биологической и культурной интеграции начались со времен появления итальянских мигрантов в Черноморско-Азовском регионе. Так, 18,2% браков первых переселенцев-мужчин были смешанными, у женщин этот показатель составил 14,3% соответственно. Мужчины чаще вступали в брак с русскими женщинами, также с местными гречанками, француженками и немками. Сходная картина распределения наблюдается и у итальянок.

В ряду потомков итальянских мигрантов количество смешанных браков увеличивается в следующем поколении до 50,0 и 48,2%, далее до 53,1 и 66,1%, 71,9 и 75%, достигая 100% в современных семьях. При этом существенно расширяется круг брачных связей и национальный состав брачующихся. Потомки женского и мужского пола первых итальянцев-переселенцев, как и их предки, в основном вступали в брак с великороссами, в меньшей степени – с малороссами, греками, французами и немцами, а также поляками, армянами, финнами, грузинами, татарами, узбеками, коряками и караимами (Дзини 2022).

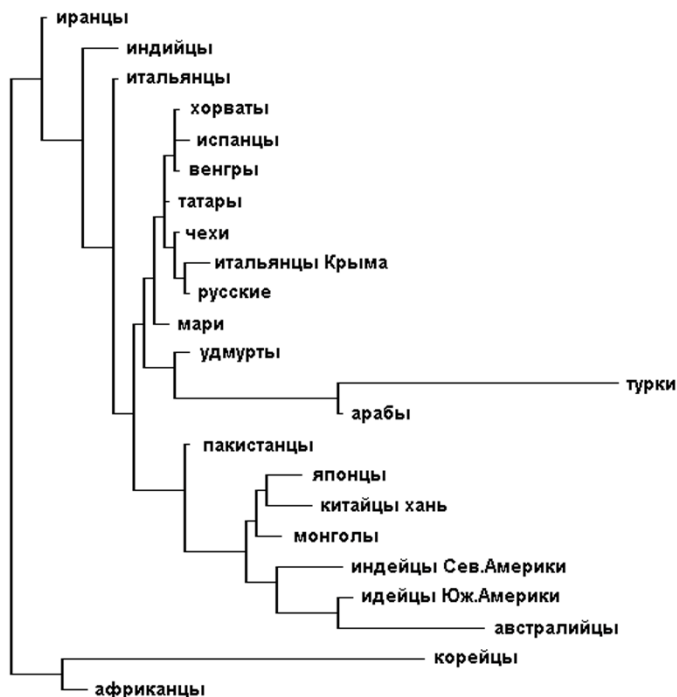

Рис. 1. Дендрограмма, построенная по матрице генетических расстояний D_A между популяциями с использованием для кластеризации среднесвязывающего метода (NJ) по 5 локусам (ACE, NOS3, TH01, CCR5, SLC6A3)

Группа итальянцев Крыма демонстрирует максимум по величине (0,449) средней гетерозиготности среди всех популяций сравнения (Макаров и др. 2023: 51), что в определенной степени может свидетельствовать о высокой доле смешанности в ее происхождении, в числе которых могли быть славянские предки.

По двум генам TH01 и PАН удалось провести сравнение с литературными данными по территориальным группам итальянцев (Giannattasio et al 2001; Tofanelli et al. 2004).

По локусу ТН01 итальянцы Крыма занимают промежуточное положение между популяциями Корсики и Кампании.

Генетическая близость к популяциям о. Корсики имеет историческое объяснение. Среди первых колонистов, отправленных по указанию Екатерины II в южные регионы Российской империи русским генеральным морским комиссаром в Италии, командующим русской эскадрой в городе Ливорно графом Дмитрием Мочениго, были представители разных национальностей (греки, немцы, испанцы, шведы). Однако в основном были итальянцы из городов Лукки, Пармы, Модены, Массы, а также корсиканцы (Писаревский 2011).

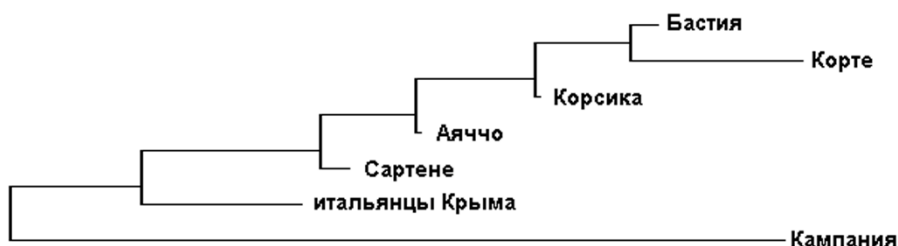

Рис. 2. Дендрограмма на основе матрицы генетических расстояний D_A по ТН01 между популяциями итальянцев Крыма, Кампании, общей по Корсике и разбитой по округам: Бастия, Корте, Аяччо, Сартене

Ближе всего итальянцы Крыма находятся к Сардинской популяции. В конце XVIII в. для получения выхода к Средиземноморью и для развития торговли на побережье Черного моря, Россия заключила особые соглашения с Неаполитанским и Сардинским королевствами (Загоровский 1919), включающими в себя вышеуказанные современные регионы Италии. Особо близкие и взаимовыгодные отношения, возникшие между Россией, Неаполитанским и Сардинским королевствами, имели долгосрочные последствия, которые определили состав постоянно проживающих мигрантов, а также временно пребывающих коммерсантов итальянского происхождения в Черноморско-Азовском регионе на протяжении всего XIX в. Так, дела Таврического губернского правления, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым, г. Симферополь, об «иностранно-подданных» гражданах, просивших и принявших русское подданство с 1831 по 1914 г., доказывают, что большинство мигрантов итальянского происхождения, желающих стать гражданами Российской империи, были «Сардинско-подданными» и «Неаполитанско-подданными» (ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Т. 1. Л. 1–37; ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Т. 2. Л. 1–169; ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Т. 3. Л. 1–196; ГА РК. Ф. 27. Оп. 7.

Т. 4. Л. 1–83). Как показывает множество исторических источников, торговцы и моряки с Апеннинского полуострова, временно пребывающие в портовых городах Северного Причерноморья и Приазовья, были в основном подданными Сардинского и/или Неаполитанского королевств. В качестве примера можно привести данные еженедельной официальной газеты Керчь-Еникальского градоначальства, так называемого «Полицейского листка» за 1858 г. В том году большинство кораблей и соответствующих экипажей, проходивших карантин в керченском порту, было с Итальянского полуострова. Среди них преобладали судна, ходящие под флагом Сардинского королевства (112 из общего количество 128) (Холева и др. 1858). Эта тенденция регулярно фиксируется до конца XIX в.

На дендрограмме на основе матрицы генетических расстояний D_A по частотам аллелей РАН видно, что итальянцы Крыма существенно отличаются от региональных популяций Италии и располагаются обособленно относительно итальянцев Калабрии, Кампании, Пьемонте, Апулии и Сицилии (рис. 3).

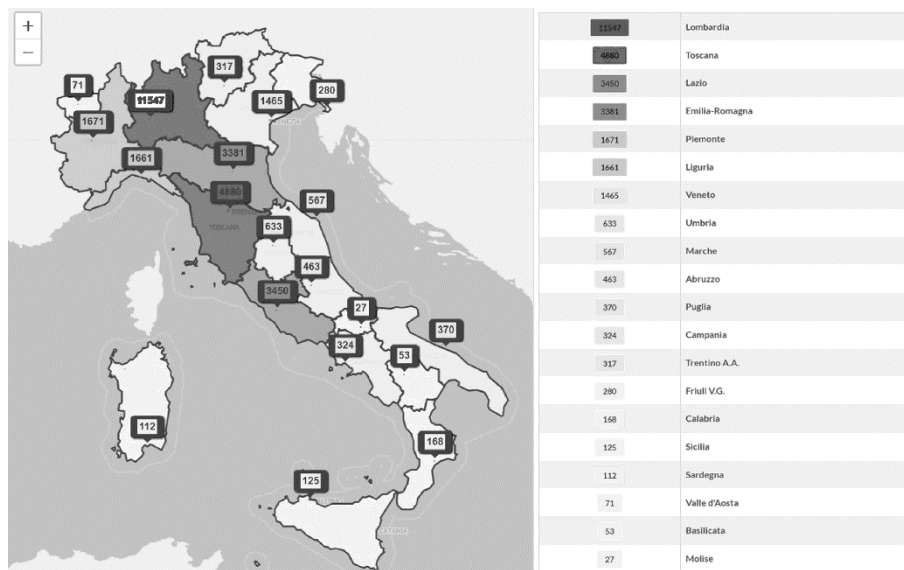

Рис. 3. Дендрограмма на основе матрицы генетических расстояний D_A по РАН между популяциями итальянцев Крыма и итальянцами Калабрии, Кампании, Пьемонте, Апулии и Сицилии

Геногеография фамилий

Для определения регионов происхождения предков современных итальянцев Крыма был осуществлен анализ фамилий в качестве маркеров, передающихся по отцовской линии. Для определения территориального распределения по регионам Италии фамилий, выявленных в ходе настоящего исследования, а также 350 000 фамилий, зафиксированных в Италии Итальянским национальным институтом статистики *ISTAT* на январь 2020 г., было параллельно использовано три разных веб-ресурса, работающих на основании данных *ISTAT* (URL: <https://www.cognomix.it/mappe-dei-cognomi-italiani>; URL: <https://www.paginebianche.it/contacognome>; URL: <https://www.mappadeicognomi.it/>).

На рис. 4 представлен пример распространения фамилии *Bianchi*.

Ci sono circa 31565 famiglie Bianchi in Italia.

Рис. 4. Распределение современных итальянских фамилий по регионам Италии на примере фамилии *Bianchi*. Cognomix // Tutto sui cognomi. Nomix.it. Niella Tanaro (CN), 2020.

URL: <https://www.cognomix.it/mappe-dei-cognomi-italiani> (2011.04.01);

Pagine bianche // Contacognome. URL: <https://www.paginebianche.it/contacognome> (2013.02.18); Sito ufficiale della Mappa Dei Cognomi d'Italia // Mappa dei cognomi.

URL: <https://www.mappadeicognomi.it/> (2015.10.23)

В результате анализа архивных данных итальянских переселенцев XVIII–XX вв. и современных итальянцев Крыма было выявлено 243 итальянские фамилии, 38 из которых существуют в настоящее время. Вследствие высокой степени экзогамии (все браки потомков мигрантов являются смешанными) крымские итальянцы имеют русские или иные фамилии, сохраняя фамилии итальянских предков лишь в своей памяти. Исключением являются представители старших поколений. Учитывались все варианты, проявившиеся в документах при транскрипции на кириллице. Данные занесены в таблицы и распределены по годам и городам. Полученные результаты сопоставлялись со сведениями об истории и этимологии итальянских фамилий (Rossoni 2014) (рис. 5).

Все выявленные нами фамилии можно разделить на четыре основные категории:

1. Фамилии-отчества, которые формируются на основе мужских или женских имен и могут иметь простую (Бенедетто/и Мартино/и) или сложную структуру (Де/Ди Бенедетто, Де/Ди Бенедетти Де/Ди Мартино,

Де/Ди Мартини). Подобные фамилии имеют много вариантов правописания. Если в простой форме фамилия-отчество часто заканчивается на «i», как в латинском родительном падеже или как во множественном числе, то в сложной форме фамилия-отчество чаще всего заканчивается на «o», латинский аблатив в сочетании с предлогом «de» или «di», выражает принадлежность к определенной семейной группе.

2. Фамилии-топонимы, указывающие на географические объекты:

– фамилия происходит от названия территории страны, региона. Имеет одновременно этнический подтекст – например, *Russo* – русский (из России), *Lombardo* – ломбардиец (из итальянского региона Ломбардия);

– фамилия – часть городского или природного ландшафта – например, *Lago* (озеро), *Della Torre* (башня), *Piazzola* (*piazza* – площадь).

3. Фамилии-профессии / социальный статус – например, *Barone* (барон), *Le/Loconte* (Conte – граф), *Abatello* (аббат), *Sposito/Esposito* (*esposto* – выставленный/изгнанный – фамилию часто получали дети, отвергнутые или брошенные при рождении или в раннем возрасте).

4. Фамилии-псевдонимы/прозвища. Данная группа отличается большим разнообразием. Например, *Porcelli* (*porcello* – разновидность свиней), *Bassi* (*basso* – низкий), *Dell'olio* (*oleum* – растительное масло) и приставка *dell* (предлог *de* + артикул *il* + существительное с окончанием на *o* – лат. аблатив, в сочетании с предлогом *de*), *Carbone* (уголь), *Giacchetti* (*giacca* – пиджак), *Evangelista* (из Евангелия), *Colangelo* – с ангелом, *Ragno* – паук и др.

Большая часть фамилий каждой из этих категорий имеет привязку к определенным областям и регионам Италии, что позволяет с высокой степенью вероятности определить происхождение итальянских мигрантов.

Из общего числа около 40% составляют фамилии-отчества, 40% – фамилии-топонимы, 10% – фамилии-профессии и 10% – фамилии-псевдонимы. Различаются четыре основных типа произношения итальянского языка: северное, тосканское, центральное и южное (Giovanardi 2009).

Ниже приведены примеры трансформаций итальянских фамилий в России (ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 1825. Л. 1–31).

Так, в г. Феодосии «сардинско-подданный» Доменико в личном деле о принятии подданства России и билете на свободный проезд и жительство имеет фамилию Бианко (*Bianco*). Его имя в общих списках выданных билетов встречается с фамилией Бианко (*Bianco*) и фамилией Бианки (*Bianchi*) (ГА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16848. Л. 4–21; ГА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 18552. Л. 7–98), сын Иосиф Доминикович (ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 3009. Л. 1–23) и дочь Розалия Доминиковна (ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 5824. Л. 1–24) с фамилией Бианки (*Bianchi*). В настоящее время вариант Бианко (*Bianco*) распространен в основном на Юге Италии, на Севере встречается только в регионе Пьемонт (был частью Сардинского королевства в XIX в.). Бианки – в разных трансформациях Бьянки, Бянки, Бианки (*Bianchi*) – почти исключительно северная фамилия.

BIAGIONI

romano, derivano tutti, direttamente o tramite ipocoristici o accrescitivi, dal nomen latino *Blasus* o dal praenomen *Blaesus* (con il significato di balbuziente), tracce di questi cognomi si trovano a Lucca nel 1300, la famiglia de' Biagini viene citata in una lettera di Bernardino Baroni Arciprete della locale Cattedrale ed a Brescia nel 1500, in una lettera del 1568 viene citato: "Ioseffo quondam Francesco Biagini in Bressa sonador di violino".

BIALE

Biale è tipicamente ligure di Savona e della provincia, di Albisola Superiore, Varazze e Stella, potrebbe derivare da una italianizzazione del cognome francese *Bial*, come potrebbe anche se non è molto probabile derivare dal nome medioevale di origine germanica *Bilawald* con il significato di colui che governa con dolcezza.

BIAMONTE BIAMONTI

Biamonte, molto raro, è specifico calabrese, di Catanzaro e dintorni con un ceppo anche nel cosentino, Biamonti, anch'esso molto raro, è tipico della provincia di Imperia, zona di Ventimiglia, Bordighera e dintorni, derivano dal nome medioevale *Baiamons* (tis). (vedi Baiamonti) Traccia di questa cognominizzazione la troviamo a Crotone nel 1600 con una certa Porzia Biamonte è un cognome calabrese e napoletano, attestato come *Baimundos* nel 1188 a Oppido, deriva dal germanico *Boiamund*. Rohlf 48. Il primo elemento del nome risale alla tribù dei *Boi*, il secondo alla voce '*munni*' = protezione.

BIANCA BIANCACCI BIANCARELLI BIANCHELLA BIANCHELLI BIANCHESSI BIANCHET BIANCHETTA BIANCHETTI BIANCHETTO BIANCHI BIANCHIN BIANCHINI BIANCO BIANCOTTI BIANCOTTO BIANCU BIANCUZZI BIANCUZZO

Derivano dal vocabolo *bianco* usato come nome o come soprannome derivante da una caratteristica fisica, i capelli, il colore della carnagione o da una caratteristica ambientale, case bianche, o da un toponimo, o dal nome di una zona, ecc. Bianca ha un ceppo siciliano, soprattutto nel siracusano e catanese, con un ceppo anche nel palermitano, ed un ceppo nel napoletano, Biancacci, molto molto raro, sembrerebbe tipico della zona che comprende il Piceno ed il teramano, Folignano nel Piceno e Sant'Egidio alla Vibrata nel teramano, Biancarelli è caratteristico del perugino, di Gubbio e di Perugia, Bianchella è specifico dell'anconetano, di Ancona e Falconara Marittima, Bianchelli ha un piccolo ceppo a Finale Ligure ed uno ad Ancona e nell'anconetano a Jesi e Falconara Marittima, Bianchessi, già documentato in epoca medioevale, è presente solo in Lombardia ed è probabilmente di origine cremonese, Bianchet è specifico del bellunese edella vicina area trevigiana, pordenonese ed udinese, Bianchetta, decisamente del torinese, è tipico di Salassa (TO), Bianchetti ha un ceppo lombardo, soprattutto a Brescia e nel bresciano, ma anche nel milanese e nel cremonese, un piccolo ceppo tra anconetano e maceratese, uno tra reatino e romano ed uno nel napoletano, Bianchetto ha un ceppo nel vercellese ed uno tra vicentino, padovano e veneziano, Bianchino è tipico della zona tra barese, potentino e salernitano, Bianchi, Bianchini e Bianco sono diffusi fortemente in tutto il territorio nazionale, con prevalenza al centro nord per Bianchini ed al centro sud e Piemonte per Bianco, Bianchin è tipico dell'area veneto, friulana, dove è molto diffuso, Biancotti ha un ceppo a Villa di Tirano e Tirano in Valtellina ed uno nel Livornese a Piombino, Livorno e Portoferraio, Biancotto ha un ceppo a Demonte e Aisone nel cuneese ed a Beinasco e Torino nel torinese ed uno nel veneziano a San Donà di Piave ed a Torre di Mosto e Musile di Piave, Biancu è molto diffuso, in modo omogeneo, in tutta la Sardegna, BiancuZZi, molto molto raro, è specifico dell'udinese, BiancuZZo sembrerebbe specificatamente siciliano, di Messina in particolare, ma anche di Capo d'Orlando e Villafranca Tirrena. I Bianchi di Firenze risalgono almeno al 1000, nel 1200 sono inseriti fra le casate nobili consolari, cioè la classe di ricchi e potenti feudatari più aristocratica di Firenze. Il casato Bianchi di Milano dovrebbe provenire da Bologna, il capostipite sembra sia stato Ugolino Bianchi, che nel 1390 Gian Galeazzo Visconti nominò Maresciallo del

Рис. 5. Пример использованных сведений об истории и этимологии итальянских фамилий из этимологического словаря Россони (Rossoni 2014)

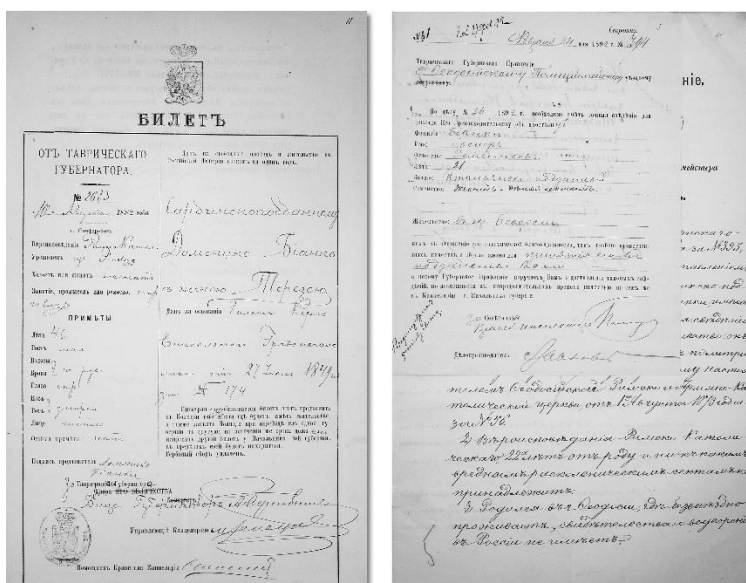

Рис. 6. Слева направо: ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 1825. Л. 1–31. Дело Таврического Губернского правления. Стол 3. О принятии в русское подданство сардинско-подданного Доменико Бианко; ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 3009. Л. 1–23. Дело Таврического Губернского правления. Стол 5. По отношению департамента общих дел. О принятии в подданство России итальянско-подданного Иосифа Бианки

№ билета	Имя	Вид билета	Итог
131	191	Полученный в Венеции	в Венеции
555	192	"	"
558	193	"	"
701	194	Сардинско-подданного	в Венеции
701	195	"	"
701	196	"	"
701	197	"	"
701	198	"	"
701	199	"	"
701	200	"	"
701	201	"	"
701	202	"	"
701	203	"	"
701	204	"	"
701	205	"	"
701	206	"	"
701	207	"	"
701	208	"	"
701	209	"	"
701	210	"	"
701	211	"	"
701	212	"	"
701	213	"	"
701	214	"	"
701	215	"	"
701	216	"	"
701	217	"	"
701	218	"	"
701	219	"	"
701	220	"	"
701	221	"	"
701	222	"	"
701	223	"	"
701	224	"	"
701	225	"	"
701	226	"	"
701	227	"	"
701	228	"	"
701	229	"	"
701	230	"	"
701	231	"	"
701	232	"	"
701	233	"	"
701	234	"	"
701	235	"	"
701	236	"	"
701	237	"	"
701	238	"	"
701	239	"	"
701	240	"	"
701	241	"	"
701	242	"	"
701	243	"	"
701	244	"	"
701	245	"	"
701	246	"	"
701	247	"	"
701	248	"	"
701	249	"	"
701	250	"	"
701	251	"	"
701	252	"	"
701	253	"	"
701	254	"	"
701	255	"	"
701	256	"	"
701	257	"	"
701	258	"	"
701	259	"	"
701	260	"	"
701	261	"	"
701	262	"	"
701	263	"	"
701	264	"	"
701	265	"	"
701	266	"	"
701	267	"	"
701	268	"	"
701	269	"	"
701	270	"	"
701	271	"	"
701	272	"	"
701	273	"	"
701	274	"	"
701	275	"	"
701	276	"	"
701	277	"	"
701	278	"	"
701	279	"	"
701	280	"	"
701	281	"	"
701	282	"	"
701	283	"	"
701	284	"	"
701	285	"	"
701	286	"	"
701	287	"	"
701	288	"	"
701	289	"	"
701	290	"	"
701	291	"	"
701	292	"	"
701	293	"	"
701	294	"	"
701	295	"	"
701	296	"	"
701	297	"	"
701	298	"	"
701	299	"	"
701	300	"	"

Рис. 7. Слева направо: ГА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16848. Л. 4–21. Книга на запись билетов на пребывании в Таврической губернии, выданных иностранцам на 1848 г.; ГА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 18552. Л. 7–98. Книга № 142 на запись билетов на пребывании в Таврической губернии, выданных иностранцам на 1851–1852 гг.

В Крыму фамилия Джаккетти (*Giacchetti*) – с двумя «к» (с), двумя «т» (t) и окончанием «и» (i) является видоизмененным вариантом распространенной в Италии фамилии (*Giacchè, Giacchetti, Giachetti, Giacchetto, Giachetto, Giacchi, Giacchin, Giacchina, Giacchini, Giacchino, Giacco, Giaccone, Giacconi, Giachin, Giachini, Giachino, Giacò, Giacone, Giaconi*) (Rossoni 2014). Изначально в деле о принятии в русское подданство «итальянско-подданного» Севастьяна Жакета (ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 5497. Л. 1) фамилия, заканчивающаяся на букву «о» в родительном падеже – Жакето (*Giacheto*) → Жакета – с одним «к» (с), одним «т» (t), а первая буква «ж» используется вместо «дж», для воспроизведения на кириллице звука итальянского языка, от сочетаний букв «g+i» (джи) и «g+e» (дже). В г. Керчь-Еникале в 1912 г. Саверий Джованнович имеет фамилию Джаккетти (*Giachetti*) – с одной «к» (с), двумя «т» (t) и окончанием на «и» (i).

Современные крымские Джаккетти считают себя апулийцами – выходцами с Южного побережья Адриатики. Однако, фамилия Джаккетти (*Giacchetti*) – с двумя «к» (с), двумя «т» (t) и окончанием на «и» (i) – происходит из регионов Центральной Италии. На Юге Италии она отмечена только в Неаполе. Джакетти, Джаккетто (*Giacchetto*) – с двумя «к» (с), двумя «т» (t) и окончанием на «о» (o) – Джакетто (*Giachetto*) с одной «к» (с), двумя «т» (t) и окончанием на «о» (o) – и Джакето (*Giacheto*) – с одной «к» (с), одной «т» (t) и окончанием на «о» (o) – являются исключительно венецианским и туринским вариантом. Джакетти (*Giachetti*) – с одной «к» (с), двумя «т» (t) и окончанием на «и» (i) – типично тосканская фамилия, также присутствует в столице региона Апулии, г. Бари. Остальные модификации существуют в Италии и не отмечены среди итальянских мигрантов и их потомков (Rossoni 2014).

Сложнее определяется исконная фамилия родоначальников при использовании префиксов. Так, префиксы «ди» (*di*) и «де» (*de*) начали использовать для обозначения принадлежности к аристократическому роду, поскольку с принятием подданства России любой иностранец приобретал право записаться в мещанские или купеческие гильдии, дающие право на торгово-промысловую деятельность. Появляются Де Чиллис, Де Стефано, Де Паскуале, Де Бенедетто, Де Лерно и другие фамилии с префиксами «де» (*de*) или «ди» (*di*), написанными слитно с фамилией, отдельно или соединенными с фамилией через дефис.

Результаты перекрестного анализа данных представлены на рис. 9, 10.

На рис. 9 показаны три географические области Италии – Север, Центр, Юг и в процентном отношении указано распределение фамилий итальянских мигрантов и их потомков по регионам происхождения. В северной области преобладают выходцы из современных регионов Лигурия (40,23%) и Ломбардия (22,27%). В центральной области первое место занимает регион Тоскана (58,57%). В южной области встречаются одинаково часто фамилии из регионов Сицилия и Апулия.

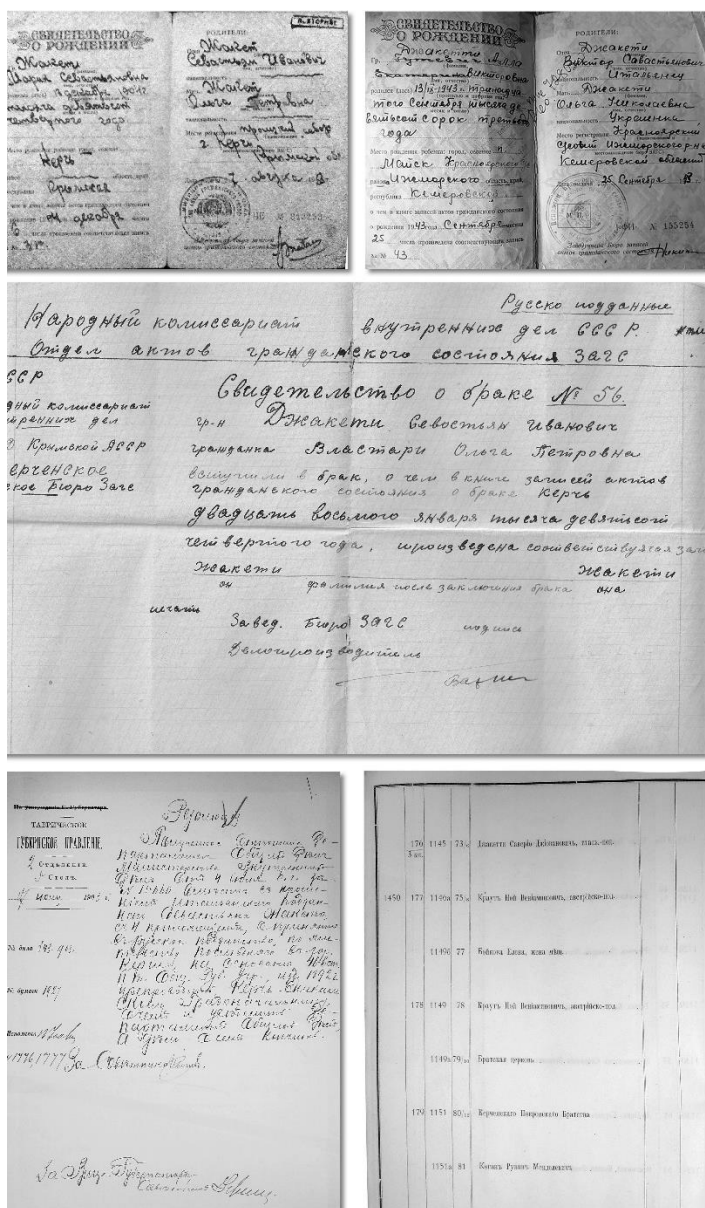

Рис. 8. Слева направо, сверху вниз: из личных архивов представителей группы итальянцы Крыма, Свидетельство о рождении Жакет Марии Севастьяновны. 1904 г.; из личных архивов представителей группы итальянцев Крыма – Свидетельство о рождении Жакетти Аллы Викторовны, 1943 г.; из личных архивов представителей группы итальянцев Крыма – Народный комиссариат внутренних дел СССР. Отдел актов гражданского состояния ЗАГС. Свидетельство о браке № 56. Дата неизвестна; ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 5497. Л. 1. Дело Таврического Губернского правления. Стол 5. О принятии в русское подданство итальянско-подданного Севастьяна Жакета); ГА РК. Ф. 455. Оп. 1. Д. 8056. Л. 145. Список домовладений г. Керчь-Еникале за 1912 г.

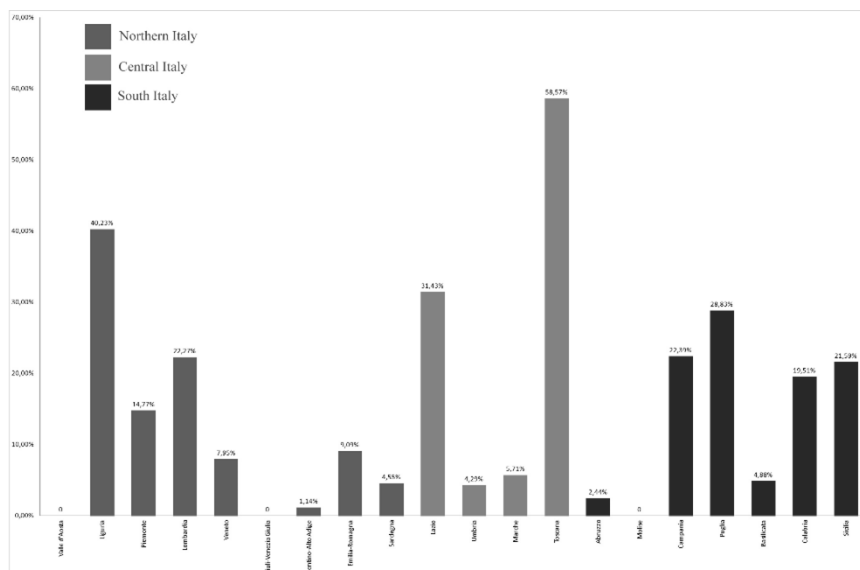

Рис. 9. Распределение фамилий мигрантов и их потомков по регионам происхождения

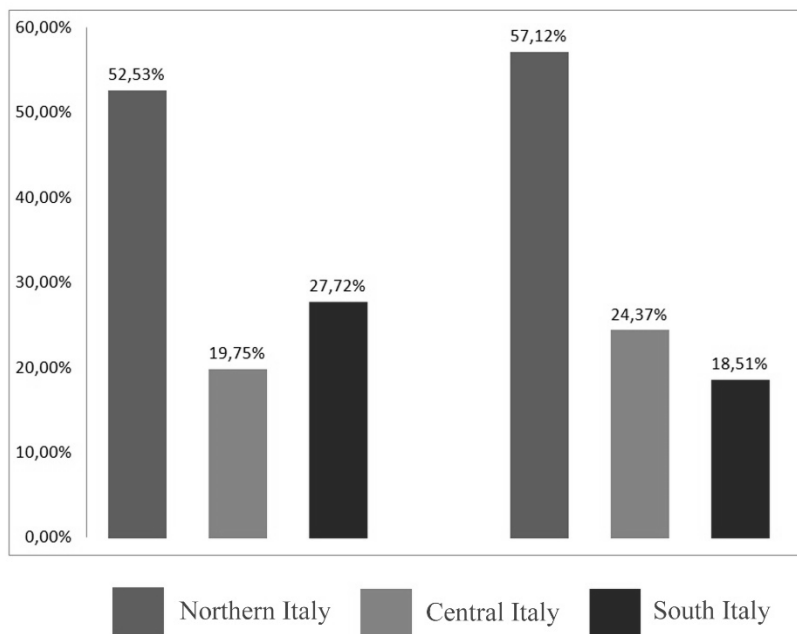

Рис. 10. Левый график: распределение фамилий мигрантов в процентном соотношении по областям Италии (Север, Центр, Юг) с учетом трансформаций. Правый график: распределение фамилий мигрантов по областям Италии на основании их предполагаемого исконного написания на итальянском языке

Рисунок 10 отображает в процентном отношении происхождение мигрантов по областям: существенно преобладают фамилии северного происхождения (52,53%), второе место занимают южные регионы (27,72%), на третьем месте – центральная область Италии (19,75%). Графики составлены с учетом всех найденных трансформаций фамилий итальянских мигрантов и их потомков.

Показано существенное преобладание пропорции выходцев из Северной Италии. Данные о происхождении мигрантов из центральной и южной областей Италии расходятся. Если учитывать фамилии мигрантов во всех найденных видоизмененных вариантах, то в процентном соотношении преобладают выходцы из Южной Италии (27,72% против 19,75% из Центральной Италии). Наоборот, если считать фамилии мигрантов на основании их предполагаемого исконного написания на итальянском языке, то количество фамилий из Центральной Италии превосходит в процентном соотношении число фамилий из южных регионов Апеннинского полуострова (Дзини 2022).

Заключение

Исследование полиморфизма ядерного генома современных итальянцев Крыма на основании анализа распространенности генотипов и аллелей шести аутосомных полиморфных генов (РАН, TH01, NOS3, SLC6A3, CCR5, ACE), показало, что они ближе к европеоидным популяциям, но на некотором удалении от предполагаемой исходной популяции. Ближайшей по генетическому сходству по 5 маркерам оказалась популяция русских, что можно объяснить высокой долей метисации. Этот факт подтверждают исторические сведения и высокий средний уровень гетерозиготности. На основании данных по локусам РАН и TH01 и территориальным группам сложно сказать о происхождении данной этнической группы. Возможно, это объясняется высокой подвижностью, характерной для «людей моря», представляющих большую часть мигрантов в изучаемом регионе.

Анализ фамилий итальянцев Крыма и их предков в качестве надежных квазигенетических маркеров оказался более информативным. Показано, что большинство мигрантов (52,53%) имели северное происхождение, 27,72% мигрантов происходили из южных регионов Апеннинского полуострова, 19,75% – из центральной области Италии. В миграционном движении итальянцев XIX в. и формировании современной группы итальянцев Крыма генуэзцы сыграли значительную роль. В конце XIX – начале XX в. миграции итальянцев перестают иметь исключительно коммерческую коннотацию и обретают политическую окраску. Итальянская миграция не была ведущей среди масштабных миграционных потоков, привлекавших иностранных переселенцев в Северное Причерноморье, однако именно итальянцы внесли существенный вклад в экономическое развитие портовых городов региона.

Список источников

- Государственный архив Республики Крым (далее ГА РК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 18552. Л. 7-98. Книга № 142 на запись билетов на пребывании в Таврической Губернии, выданных иностранцам на 1851–1852 год.
- ГА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16848. Л. 4–21. Книга на запись билетов на пребывании в Таврической Губернии, выданных иностранцам на 1848 год.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 1825. Л. 1–31. Дело Таврического Губернского правления. Стол 3. О принятии в русское подданство сардинско-подданного Доменико Бианко.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 3009. Л. 1–23. Дело Таврического Губернского правления. Стол 5. По отношению департамента общих дел. О принятии в подданство России итальянско-подданного Иосифа Бианки.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 5497. Л. 1. Дело Таврического Губернского правления. Стол 5. О принятии в русское подданство итальянско-подданного Севастьяна Жакета.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 5824. Л. 1–24. Дело Таврического Губернского правления. Стол 5. О принятии в подданство России итальянско-подданного Розалии Бианки.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Т. 1. Л. 1–37. Архивная инвентаризация. Таврическое Губернское правление. Дела 3-ого и 5-ого стола иностранно-подданных. Годы 1831–1860.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Т. 2. Л. 1–169. Архивная инвентаризация. Таврическое Губернское правление. Дела 3-ого и 5-ого стола иностранно-подданных. Годы 1860–1902.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Т. 3. Л. 1–196. Архивная инвентаризация. Таврическое Губернское правление. Дела 3-ого и 5-ого стола иностранно-подданных. Годы 1902–1914.
- ГА РК. Ф. 27. Оп. 7. Т. 4. Л. 1–83. Архивная инвентаризация. Таврическое Губернское правление. Дела 3-ого и 5-ого стола иностранно-подданных. Год 1914.
- ГА РК. Ф. 455. Оп. 1. Д. 8495. Л. 1–493. Книга Керчь-Еникальской Управы об усадебных участках, расположенных в город. Керчь и Джанкой.
- Дзини С. Возникновение, формирование и динамика развития итальянского населения Крыма XIX–XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 184 с.
- Загоровский Е.А. Отношение России и Италии в XIX веке // Загоровский Е.А. Записки императорского одесского общества истории и древностей. Одесса, 1919. С. 41–58.
- Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008.
- Макаров С.В., Балинова Н.В., Дзини С., Хохлов Н.В., Бычкова Л.С., Спицына Н.Х. Исследование полиморфизма ядерного генома современной группы итальянцев Крыма // Медицинская генетика. 2023. Т. 22, № 10. С. 48–62.
- Писаревский Г.Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации. М.: МСНК-пресс, 2011.
- Холева И., Николит А., Пфаф В., Померанцев Д. Объявления Керчь-Еникальского градоначальства. Полицейский листок // Официальная газета Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь: 5-го января 1858 г. – 28-го декабря 1858 г.
- Cognomix // Tutto sui cognomi. Nomix.it. Niella Tanaro (CN), 2020. URL: <https://www.cognomix.it/mappe-dei-cognomi-italiani>
- Crow J.F., Mange A.P. Measurement of inbreeding from the frequency of marriages between persons of the same surname // Eugen. Q. 1965. № 12. P. 199–203.
- Giannattasio S., Dianzani I., Lattanzio P. Genetic heterogeneity in five Italian regions: analysis of PAH mutations and minihaplotypes // Human heredity. 2001. V. 52, № 3. P. 154–159.
- Giovanardi C. Fonetica e fonologia, pronuncia standard e pronunce regionali: grafemi e interpunzioni. Rome: IcoN, 2009.
- Nei M., Tajima F., Tateno Y. Accuracy of estimated phylogenetic trees from molecular data // J. Mol. Evol. 1983. № 19. P. 153–170.
- Ota T. DISPAN: genetic distance and phylogenetic analysis. Pennsylvania state university, university park, PA. 1993.
- Pagine bianche // Contacognome. URL: <https://www.paginebianche.it/contacognome>

- Rossoni E. L'origine dei cognomi italiani storia ed etimologia. Melegnano, 2014. (итал.)
- Saitou N., Nei M. The neighbor-joining method: a new method for reconstructing phylogenetic trees // *Mol. Biol. Evol.* 1987. Vol. 4. P. 406–425.
- Sito ufficiale della Mappa Dei Cognomi d'Italia. URL: <https://www.mappadeicognomi.it/>
- Tofanelli S., Taglioli L., Varesi L. Genetic history of the population of Corsica (western Mediterranean) as inferred from autosomal STR analysis // *Human biology.* 2004. Vol. 76, № 2. P. 229–251.

References

- State Archives of the Republic of Crimea (GA RK). Fund 26. List 1. File 18552. P. 7-98. Kniga № 142 na zapis' biletov na prebyvanii v Tavricheskoi Gubernii, vydannykh inostrantsam na 1851-1852 god.
- GA RK. Fund 26. List 1. File 16848. P. 4-21. Kniga na zapis' biletov na prebyvanii v Tavricheskoi Gubernii, vydannykh inostrantsam na 1848 god.
- GA RK. Fund 27. List 7. File 1825. P. 1-31. Delo Tavricheskogo Gubernskogo pravleniia. Stol 3. O priniatii v russkoe poddanstvo sardinsko-poddannogo Domeniko Bianco.
- GA RK. Fund 27. List 7. File 3009. P. 1-23. Delo Tavricheskogo Gubernskogo pravleniia. Stol 5. Po otnosheniiu departamenta obshchikh del. O priniatii v poddanstvo Rossii ital'iansko-poddannogo Iosifa Bianki.
- GA RK. Fund 27. List 7. File 5497. P. 1. Delo Tavricheskogo Gubernskogo pravleniia. Stol 5. O priniatii v russkoe poddanstvo ital'iansko-poddannogo Sevast'iana Zhaketa.
- GA RK. Fund 27. List 7. File 5824. P. 1-24. Delo Tavricheskogo Gubernskogo pravleniia. Stol 5. O priniatii v poddanstvo Rossii ital'iansko-poddannogo Rozalii Bianki.
- GA RK. Fund 27. List 7. Vol. 1. P. 1-37. Arkhivnaia inventarizatsiia. Tavricheskoe Gubernskoe pravlenie. Dela 3-ogo i 5-ogo stola inostranno-poddannykh. Gody 1831–1860.
- GA RK. Fund 27. List 7. Vol. 2. P. 1-169. Arkhivnaia inventarizatsiia. Tavricheskoe Gubernskoe pravlenie. Dela 3-ogo i 5-ogo stola inostranno-poddannykh. Gody 1860–1902.
- GA RK. Fund 27. List 7. Vol. 3. P. 1-196. Arkhivnaia inventarizatsiia. Tavricheskoe Gubernskoe pravlenie. Dela 3-ogo i 5-ogo stola inostranno-poddannykh. Gody 1902–1914.
- GA RK. Fund 27. List 7. Vol. 4. P. 1-83. Arkhivnaia inventarizatsiia. Tavricheskoe Gubernskoe pravlenie. Dela 3-ogo i 5-ogo stola inostranno-poddannykh. God 1914.
- GA RK. Fund 455. List 1. File 8495. P. 1-493. Kniga Kerch'-Enikal'skoi Upravy ob usadebnykh uchastkakh, raspolozhennykh v gorod. Kerch' i Dzhan'koi.
- Zini S. (2022) *Vozniknovenie, formirovanie i dinamika razvitiia ital'ianskogo naseleniia Kryma XIX–XXI vv.: diss. ... kand. ist. nauk* [The emergence, formation and dynamics of development of the Italian population of Crimea in the 19th – 21st centuries: Dissertation for the Cand. of Historical Sciences]. Moscow. 184 p.
- Zagorovskii E.A. (1919) *Otnoshenie Rossii i Italii v XIX veke* [Relations between Russia and Italy in the 19th century]. Zagorovskii E.A. *Zapiski imperatorskogo odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, no. 33, pp. 41–58.
- Zarubin A.G., Zarubin V.G. (2008) *Bez pobeditelei: Iz istorii Grazhdanskoi voyny v Krymu*. 2e izd., ispr. i dop. [Without Winners: From the History of the Civil War in Crimea. 2nd ed., revised and supplemented]. Simferopol': Antikva.
- Makarov S.V., Balinova N.V., Dzini S., Khokhlov N.V., Bychkovskaia L.S., Spitsyna N.Kh. (2023) *Issledovanie polimorfizma iadernogo genoma sovremennoi gruppy ital'iantsev Kryma* [Study of Nuclear Genome Polymorphism of The Modern Group of Italians of Crimea], *Medit'sinskaia genetika*, Vol. 22, no. 10, pp. 48–62.
- Pisarevskii G.G. (2011) *Izbrannye proizvedeniia po istorii inostrannoi kolonizatsii* [Selected Works on the History of Foreign Colonization]. Moscow: ZAO «MSNK-press».
- Kholeva I., Nikolich A., Pfaf V., Pomerantsev D. (1858) *Ob"iavleniia Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. Politseiskii listok [Announcements of Kerch'-Yenikalsky city

- administration. Police leaflet], *Ofitsial'naia gazeta Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva*. Kerch': 5 January 1858 – 28 December 1858.
- Cognomix, *Tutto sui cognomi*. Nomix.it. Niella Tanaro (CN), 2020. Available at: <https://www.cognomix.it/mappe-dei-cognomi-italiani>
- Crow J.F., Mange A.P. (1965) Measurement of inbreeding from the frequency of marriages between persons of the same surname, *Eugen. Q.* no. 12, pp. 199–203.
- Giannattasio S., Dianzani I., Lattanzio P. (2001) Genetic heterogeneity in five Italian regions: analysis of PAH mutations and minihaplotypes, *Human heredity*, Vol. 52, no. 3, pp. 154–159.
- Giovanardi C. (2009) *Fonetica e fonologia, pronuncia standard e pronunce regionali: grafemi e interpunzioni*. Rome: IcoN.
- Nei M., Tajima F., Tateno Y. (1983) Accuracy of estimated phylogenetic trees from molecular data, *J. Mol. Evol.* no. 19, pp. 153–170.
- Ota T. (1993) *DISPAN: genetic distance and phylogenetic analysis*. Pennsylvania state university, university park, PA.
- Pagine bianche, *Contacognome*. Available at: <https://www.paginebianche.it/contacognome>
- Rossoni E. (2014) *L'origine dei cognomi italiani storia ed etimologia*. Melegnano.
- Saitou N., Nei M. (1987) The neighbor-joining method: a new method for reconstructing phylogenetic trees, *Mol. Biol. Evol.* no. 4, pp. 406–425.
- Sito ufficiale della Mappa Dei Cognomi d'Italia. Available at: <https://www.mappadeicognomi.it/>
- Tofanelli S., Taglioli L., Varesi L. (2004) Genetic history of the population of Corsica (western Mediterranean) as inferred from autosomal STR analysis, *Human biology*, Vol. 76, no. 2, pp. 229–251.

Информация об авторах:

БАЛИНОВА Наталья Валерьевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-9493-6544. E-mail: balinovs@mail.ru

ДЗИНИ Стефания – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: stefania.zini@yandex.ru

ХОХЛОВ Никита Викторович – научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: ethno@yandex.ru

МАКАРОВ Сергей Вячеславович – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова (Москва, Россия). E-mail: genetx@gover.info

БЫЧКОВСКАЯ Любовь Сергеевна – кандидат биологических наук, научный сотрудник, Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова (Москва, Россия). E-mail: bychkovskaya_l@mail.ru

СПИЦЫНА Наиля Хаджиевна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-7363-8393. E-mail: nailya.47@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Natalia V. Balinova, Research Center for Medical Genetics (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9493-6544. E-mail: balinovs@mail.ru

Stefania Zini, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: stefania.zini@yandex.ru

Nikita V. Khokhlov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ethno@yandex.ru

Sergey V. Makarov, Research Center for Medical Genetics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: genetx@rover.info

Lubov S. Bychkovskaya, Research Center for Medical Genetics (Moscow, Russian Federation). E-mail: bychkovskaya_l@mail.ru

Naila Kh. Spitsyna, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7363-8393. E-mail: nailya.47@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 декабря 2024;
принята к публикации 2 июня 2025.*

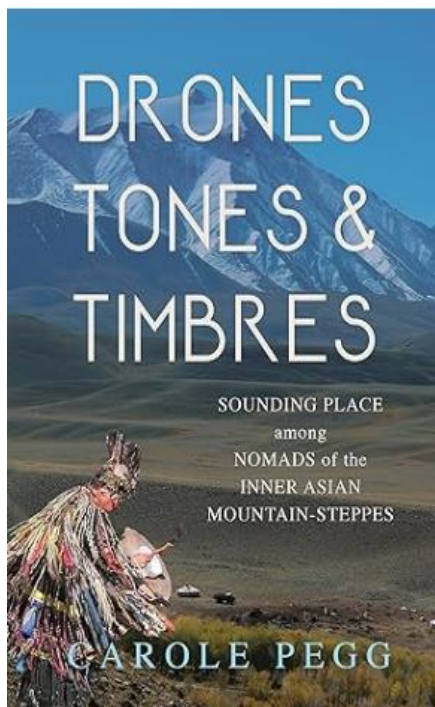
*The article was submitted 10.12.2024;
accepted for publication 02.06.2025.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 572:784
doi: 10.17223/2312461X/48/13

Звучащие пространства гор и степей

Carole Pegg. *Drones, Tones, and Timbres: Sounding Place among Nomads of the Inner Asian Mountain-Steppes*. University of Illinois Press, 2024. 344 pages. ISBN 9780252055072

Для цитирования: Дорджиева Г.А. Звучащие пространства гор и степей (Рец. на: Pegg C. *Drones, Tones, and Timbres: Sounding Place among Nomads of the Inner Asian Mountain-Steppes*. University of Illinois Press, 2024. 344 pages. ISBN 9780252055072) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 271–276. doi: 10.17223/2312461X/48/13

For citation: Dordzhieva, G.A. (2025) The Sounding Spaces of Mountains and Steppes (Review of Pegg C. *Drones, Tones, and Timbres: Sounding Place among Nomads of the Inner Asian Mountain-Steppes*. University of Illinois Press, 2024. 344 pages. ISBN 9780252055072). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 271–276 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/13

Кэрол Пэгг, этномузыколог и антрополог, является автором широко известной книги о монгольской музыке, признанной классическим академическим исследованием (Pegg 2001). Новая книга, посвященная искусству горлового пения и традиционного инструментализма алтайцев, хакасов и тувинцев, отличается новаторской концепцией и обширным, многосторонним знанием рассматриваемых культур.

К вопросам обертонового пения *хоомей* К. Пэгг обратилась еще в ходе экспедиций 1989–1990 гг. по монгольскому Алтаю (Pegg 1992). В 2002 г. ей удалось организовать проект исследований на территориях Горного Алтая, Хакасии и Тувы, продлившийся два десятилетия. Вслед за Т. Левиным и В. Сузукей (Levin, Suzukei 2006) К. Пэгг определяет рассматриваемые музыкальные практики как темброво-центричные (р. 3). Вокальная техника одновременного исполнения основного тона и обертонов формирует целостный звуковой комплекс, в котором определяющими являются тембровые характеристики, на второй план отступают дискретность отдельного тона или мелодической линии.

Как пишет автор, слова тувинского музыканта Радика Тюлюша о том, что *хоомей* неразрывно связан с ландшафтом, природными объектами местности, духами-хозяевами и духами-актерами, определили содержание ее работы. Развивая теорию С. Фельда, К. Бассо (Feld, Basso 1996), К. Пэгг связывает понятие «ощущений места» (*'senses of place'*, р. 4) с пространством, наделенным содержанием, являющимся социальным конструктом и средством передачи культурных знаний. Чувственное восприятие, прежде всего звучание места и способы его актуализации (р. 4), роль звука в формировании коллективной памяти, идентичности, – эти вопросы составляют основной вектор исследования.

В изложении текста просматриваются принципы музыкальной композиции: интродукция, три части (каждая состоит из глав и разделов) и кода, арочные варьируемые повторы основных идей. Главная тема – феномен обертоново-многоголосного исполнительства – сопрягается с самыми разными образами и в различных контекстах, от природно-ландшафтных до онтологических, например:

– гудящие низкие тоны (*horizontal drones*) как дороги людей в реальном географическом пространстве, обертоновые высокие подголоски (*vertical partials*) – путешествия музыкантов, шаманов и сказителей в Верхний и Нижний миры;

– основной бурдонный тон олицетворяет субъектность (*self*), тогда как обертоны, в том числе и не слышимые в реальном физическом мире, выражают личность (*person*) (р. 27).

В изложении материала К. Пэгг стремится дать звучать голосам своих собеседников – музыкантам, сказителям, шаманам, ритуальным специалистам, внушительный список участников включает более 200 имен. Ав-

тор фиксирует фрагменты наблюдаемой реальности, отражающей взаимодействие людей и духов-актеров в многослойном шаманско-анимистическом универсуме: «Термин “актер” означает фокус на действии, а не на тексте, на исполнителях, а не на социальных структурах, на речи, которая имеет творческую (иллокутивную), а не объяснительную (пропозициональную) силу, на культуре как процессе, а не продукте, и на действии, а не на утверждении» (р. 21). Монография вводит в научный обиход широкий круг материалов, представляющих взгляды, мнения, размышления собеседников автора. Именно эта информация, которая в большинстве этномузыкологических работ зафиксирована лишь кратким комментарием к музыкальному тексту либо вовсе не учтена, становится объектом исследования. Более того, для автора оказалось важным не просто включенное наблюдение, но анализ собственного слушательского опыта, личных эмоциональных реакций, что, несомненно, связано с ее еще одной профессиональной ипостасью – певицы и музыканта. В этом отношении книга отчасти может быть определена как автоэтнография, продолжающая традицию антропологических исследований П. Витебски (Vitebsky 2005), Н. Фижн (Fijn 2011).

В книге нет привычных для этномузыкологических исследований нотаций напевов и наигрышей, их формальных описаний или структурного анализа. Однако повествование сопровождается и поддерживается аудио-, видеозаписями, фотографиями¹. Выбранный ракурс исследования объясняет сознательный уход автора от аналитического рассмотрения музыкально-поэтического материала. Вероятно, поэтому алтайские, хакасские и тувинские тексты даны только в переводах на английский язык, что, к сожалению, уменьшает источниковую ценность публикаций. Однако при этом нужно отметить чрезвычайное внимание К. Пэгг к терминологии на местных языках в связи с музыкальным исполнительством и ритуальной сферой.

В первой части (*Performative Bodies*) автор рассматривает виды обертоново-многоголосного музицирования и выделяет горловое пение как музыку человеческого тела (р. 38), открытую флейту *шоор*, музыкальный лук и хомус как инструменты, находящиеся между телом как инструментом и телом как активатором (р. 41), и струнные музыкальные инструменты как имеющие духа-хозяина и потому воспринимаемые как «живые сущности» со своей собственной жизнью, телом, голосом, энергией и эмоциями (р. 43). Автор приводит подробное описание различных стилей горлового пения тувинцев (р. 40), однако описание тембровых особенностей эпического исполнительства алтайцев и хакасов фрагментарно. Особую ценность представляют рассказы музыкантов о чувственном и сверхчувственном восприятии звука посредством того, что К. Пэгг передает английскими терминами *moon eye* (р. 30) и *moon ear* (р. 33); свидетельства синестезии: *there is no rhythm without color* (р. 29), а также

редкие сведения о функционировании обертоново-многоголосных форм в похоронной обрядности (р. 41). Анализируя рассказы о звуковых путешествиях, К. Пэгг сопоставляет локальные верования о множественности душ с дебатлируемым в социальной антропологии концептом «субъектность» (self) и «социальная личность» (person, р. 26). Во второй части «Звучащие средние миры» (*Sounding Middle Worlds*) рассматриваются процессы выстраивания идентичности коренных народов Саяно-Алтайского региона в постсоветский период. В республиках наблюдаются сходные процессы актуализации исторического прошлого, эпических героев, археологических памятников одновременно с исполнительскими инновациями и утверждением горлового пения в сценическом пространстве. Две главы третьей части «Настройка на Верхний и Нижний Миры» (*Attuning to Upper and lower Worlds*) посвящены звуковым путям сказителей и шаманов (р. 197). Подробно излагаются материалы бесед о получении дара; об оживлении музыкальных инструментов; исполнительстве как способе коммуникации с духами; о предсказаниях и предотвращении болезней; помощи в поиске пропавших людей и душ; сопровождении умерших. Автор описывает репертуар сказителей, их линии преемственности, мастерство владения разными стилями горлового пения, рассказы о путешествиях в Верхний и Нижний миры, гендерные и возрастные особенности. По данным К. Пэгг, бурдонно-обертоновые практики в шаманских ритуалах занимают меньший объем.

Отдельная глава (*White Way*) описывает деятельность активистов религиозно-общественного движения алтайцев, известного в русскоязычной литературе как *Бурханизм*. Автор дает подробный социально-исторический очерк этого движения, хотя в ее библиографии не учтены работы Л.И. Шерстовой – одного из наиболее авторитетных исследователей ранних этапов его истории (Шерстова 2010). К. Пэгг пишет, что исполнение нарративов и использование темброво-специфического *ка* является неотъемлемой частью формирования и бытования этого движения. Однако привлечение сказительских текстов и традиционных песен о Шоно батыре (*приложение, Shonu jangar поют Valentina Chechaeva and Elena Mandaeva*), об Ойрот хане (*приложение, Shonu jangar исполняет Elbek Kalkin*) для репрезентации этого маргинального течения представляется спорным.

Заявленный автором отказ от систематического изложения материала в сочетании с обширным объемом документированного материала приводит к определенной фрагментарности повествования. У заинтересованного читателя может возникнуть потребность в более структурированном описании отдельных жанровых и фольклорных явлений – например, алтайского *ка* (ср. Шейкин, Никифорова 1997) или феномена сказительства (ср.: Функ 2005). Вместе с тем внушительная библиография,

включающая более 400 работ, охватывает ключевые исследования по региону и служит ценным ресурсом для углубления в предложенные темы.

В заключительной главе (*Coda*) К. Пэгг размышляет об аутентичности и трансформации современных музыкальных форм на территории исследуемых республик, подчеркивая устойчивые тенденции к сохранению и защите культурного наследия. Особое внимание уделяется тому, как посредством музыкальных практик формируются устойчивые механизмы передачи культурной памяти и идентичности. Исследование представляет собой значительный вклад в области этномузыкологии и культурной антропологии и, безусловно, будет интересно специалистам, занимающимся изучением музыкальных традиций народов Внутренней Азии. В то же время этот текст, написанный с увлечением, глубокой эмпатией и уважением к изучаемым народам, окрашенный очень личным взглядом и опытом, обращен и к более широкой читательской аудитории. Эффектность и уникальность техники горлового пения в сочетании с богатой культурной средой, в которой зародились и продолжают развиваться эти традиции, делают ее одной из наиболее выразительных и притягательных явлений мировой музыки.

Дорджиева Гиляна Андреевна

Примечания

¹ Приложение к книге доступно на сайте издательства (www.press.uillinois.edu/books/?id=c045455).

Список источников

- Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005.
- Шейкин Ю.И., Никифорова В.С. Алтайское эпическое интонирование // Алтайские героические сказания: Очи-Бала, Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, сибирское предприятие РАН, 1997. С. 47–70. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 15).
- Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Том. гос. ун-т, 2010.
- Fijn N. Living with Herds: Human-Animal Coexistence in Mongolia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Levin T., Suzuki V. Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music, and Nomadism in Tuva and Beyond. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2006.
- Pegg C. Mongolian Conceptualizations of Overtone Singing (хөөмii) // British Journal of Ethnomusicology. 1992. Vol. 1. P. 31–54.
- Pegg C. Mongolian Music, Dance, and Oral Narrative: Performing Diverse Identities. Seattle; London: University of Washington Press, 2001.
- Feld S., Basso K.H. (eds.) Senses of Place. Santa Fe, New Mexico: School of American Research Press, 1996.
- Vitebsky P. Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia. London; HarperCollins Publishers, 2005.

References

- Feld S., Basso K.H. (eds.) (1996) *Senses of Place*. Santa Fe, New Mexico: School of American Research Press.
- Fijn N. (2011) *Living with Herds: Human-Animal Coexistence in Mongolia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Funk D.A. (2005) *Miry shamanov i skazitel'ei: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [Worlds of Shamans and Storytellers: A Comprehensive Study of Teleut and Shor Materials], Moscow: Nauka.
- Levin T., Suzukei V. (2006) *Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music, and Nomadism in Tuva and Beyond*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Pegg C. (1992) Mongolian Conceptualizations of Overtone Singing (хөөмii), *British Journal of Ethnomusicology*, 1, pp. 31–54.
- Pegg C. (2001) *Mongolian Music, Dance, and Oral Narrative: Performing Diverse Identities*. Seattle; London: University of Washington Press.
- Sheikin Yu.I., Nikiforova V.S. (1997) Altaiskoe epicheskoe intonirovanie [Altai Epic Intonation], in: *Altaiskie geroicheskie skazaniia: Ochi-Bala, Kan-Altyn*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe predpriatie RAN, pp. 47–70. (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; t. 15).
- Sherstova L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The Origins of Ethnos and Religion], Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Vitebsky P. (2005) *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*. London: HarperCollins Publishers.

Сведения об авторе:

ДОРДЖИЕВА Гиляна Андреевна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Монгольско-Американская культурная ассоциация (Нью Брансвик, США). E-mail: ghilyanadordzhieva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ghilyana A. Dordzhieva, Mongol-American Cultural Association (New Brunswick, USA). E-mail: ghilyanadordzhieva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

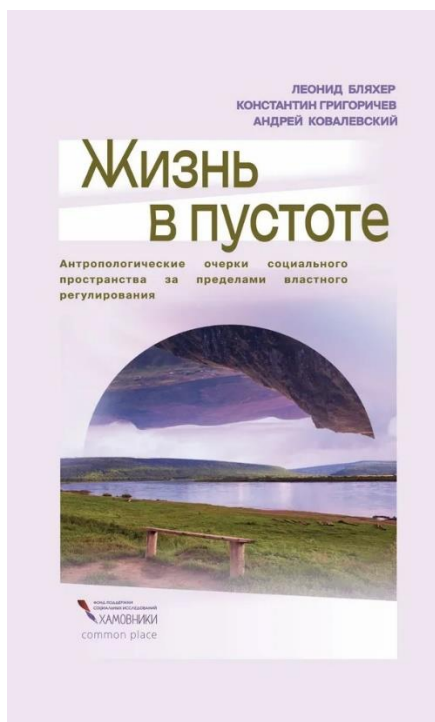
*Статья поступила в редакцию 8 апреля 2025 г.;
принята к публикации 11 мая 2025 г.*

*The article was submitted 8.04.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*

Рецензия
УДК 316.334.2
doi: 10.17223/2312461X/48/14

«Всюду жизнь»...

Бляхер Л.Е., Григоричев К.В.,
Ковалевский А.В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place, 2024. 272 с. ISBN 978-999999-1-75-9

Для цитирования: Дятлов В.И. «Всюду жизнь»... (Рец. на: Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Ковалевский А.В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place, 2024. 272 с. ISBN 978-999999-1-75-9) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 277–281. doi: 10.17223/2312461X/48/14

For citation: Dyatlov, V.I. (2025) "Life is everywhere..." (Review of Blyaher L.E., Grigoriev K.V., Kovalevskij A.V. Zhizn' v pustote: antropologicheskie ocherki social'nogo prostranstva za predelami vlastnogo regulirovaniya [Living in the Void: Anthropological Essays on Social Space Beyond Power Regulation]. Moscow: Fond podderzhki social'nyh issledovanij «Hamovniki»: Common Place, 2024. 272 p. ISBN 978-999999-1-75-9). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 277–281 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/14

Традиция написания научного текста не поощряет жанрового и стилистического разнообразия. Пока не осуществилось стремление добиться монополии занудливо-сучного и тяжелого для понимания, написанного «птичьим языком» «академического текста» «для посвященных», однако процессы стандартизации и унификации формы (без которой нет и содержания) зашли далеко. И надо было быть Эрнестом Геллнером, чтобы вызывая хулигански назвать свою статью «Есть ли у наций пупки?» (Ernest Gellner's reply... 1996).

При полном понимании того, что канон в научном тексте необходим и неизбежен, очень радует возможность встретиться с профессионально выполненным отступлением от него, при соблюдении, конечно, обязательных требований. Рецензируемая монография написана в жанре *travelogue* как формы и способа глубокого социологического исследования. Это стильный по форме и глубокий по содержанию эвристический текст, построенный на том, как путешествие по обезлюдевшим великим северным рекам органично становится интеллектуальным приключением, способом увидеть и попытаться понять новые явления, новые процессы в современном российском обществе. Текст читается на одном дыхании и с захватывающим интересом. В чем-то это переключка с когда-то популярным, но полузабытым сейчас жанром путевых записок и дневников путешественников XIX в.

Как и в них, в этой книге подкупает романтика путешествия, азарт открытия нового. Приключения тела органически становятся приключением духа. Натолкнувшись случайно на обезлюдевшем берегу Лены на экзотическую и отступающую от всяких представлений об экономической рациональности «усадебу» пришло городского предпринимателя, авторы не списали ее по разряду «богатые тоже чужды», а увидели *проблему*, вцепились в нее мертвой хваткой, сформулировали гипотезу, сумели организовать для ее развития, коррекции и подтверждения серию экспедиций.

Экспедиция – тяжелый труд, ее организация требует большой затраты труда, энергии, нервов и наличия чисто экспедиционных навыков и умений. Особенно если она проводится на малые деньги. Ей предшествовали архивные и картографические изыскания, разработка гайдов интервью. Легкость и незанудливость текста при глубине и оригинальности анализа – это показатель прекрасного владения социологическим и антропологическим инструментарием, результат использования отличной и многосторонней профессиональной эрудиции. Подкупает неподдельный интерес и уважение к объекту изучения – «людям пустоты». В тексте нет ни малейшего проблеска потребительства и высокомерия (в стиле «белый сахиб снисходительно удивляется нравам туземцев»).

Все это позволило сформулировать исследовательскую гипотезу, суть которой четко отражена в названии книги. В ней ставится и развивается идея о существовании «социальной пустоты», пространства, выпавшего из сферы государственного внимания, контроля и регулирования.

В этом конкретном случае исследуется ситуация «сжатия населения» в постсоциалистическую эпоху, когда радикальное сокращение государственной поддержки и переформатирование системы транспортных коммуникаций в результате строительства БАМа привело к обезлюживанию огромных территорий на Лене и на ее притоках. Прекратили, в том числе и юридически, свое существование когда-то многочисленные поселки и деревни, из них ушли жители, закрылись предприятия, была ликвидирована социальная инфраструктура – школы, больницы, почты, магазины и т.д. Вычеркнув их из списка существующих, государство свернуло там свое институциональное присутствие. С точки зрения государства сформировалось пространство «пустоты».

Оказалось, однако, что в этой «пустоте» живут люди, формируются своеобразные и довольно сложные формы их взаимоотношений и самоорганизации. По словам авторов, «однако и “пустота” межселенных территорий, и “пустота” труднодоступных пространств, и “пустота” в тени госкорпораций и мегапроектов остаются пространством, где возможна “невидимость”, где возникают новые практики, происходит реосвоение пространства, возникает новое население, не учтенное в статистике, не фигурирующее в отчетах, но действующее здесь, в “пустоте”» (с. 119).

Это наблюдение сразу наталкивает на соблазнительную, но уводящую в сторону аналогию с Зомией Дж. С. Скотта (Скотт 2017). Важнейшая характеристика этого примера социальной самоорганизации состоит в том, что в отличие от Зомии здесь не происходит бегства от государства. С государством соотносятся, с ним сосуществуют, когда необходимо используют. Не конкурируют в качестве силового оператора. Но выстраивают свою жизнь (как личную, так и формирующихся из обломков старых структур сообществ) по собственному усмотрению и своим правилам. Иногда сознательно и целенаправленно организуя ситуацию «пустоты», невидимости от государства. В чем-то это напоминает ситуацию, описанную А. Юрчаком в его нашумевшей книге «Это было навсегда, пока не кончилось» (Юрчак 2014).

Возможно, и даже, наверное, пока это окраинный, маргинальный сюжет, касающийся крайне узкого круга лиц на далекой окраине страны. Но мы можем наблюдать на его примере отказ от государство-центричности не как политический проект, а как стихийно формирующийся образ жизни и взгляд на мир. Это не воплощение идеала анархистской безгосударственности. Это не сепаратизм, само существование которого основано на презумпции отторжения от политического центра и стремления заменить его другим политическим центром. Это один из ответов на

вопрос «есть ли жизнь за пределами МКАД». И радикальное отторжение представления о том, что «начинается земля, как известно, от Кремля» (Маяковский 1955: 257). Это смена оптики, при которой столица оказывается окраиной.

Здесь продемонстрирована чрезвычайно важная модель самостоятельного от государства обустройства жизни. Модель, особенно важная для нашей страны, где до сих пор смешиваются и объединяются понятия «страна», «общество», «государство», где этатизм является даже не идеологией и политической практикой, а мировоззрением. Рецензируемая книга талантливо и убедительно показывает, что и такое возможно.

Виктор Иннокентьевич Дятлов

Список источников

- Маяковский В. Прочти и катая в Париж и Китай // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 10. М.: Худож. лит., 1955. С. 257–263.
- Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорной Юго-Восточной Азии / пер. с англ. И. Троцук. М.: Новое изд-во, 2017. 568 с.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
- Ernest Gellner's reply: 'Do nations have navels?' // Nations and nationalism. 1996. Vol. 2, № 3. P. 366–370.

References

- Mayakovsky V. (1955–1961) Prochti i katai v Parizh i Kitai. In: Mayakovsky V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t.* [Complete set of works in 13 Vols.] / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A.M. Gor'kogo. Moscow: Khudozh. lit., Vol. 10, pp. 257–263.
- Scott J.C. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarkhicheskaia istoriia vysokogornoj Iugo-Vostochnoi Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia] / Translated from English by I. Trotsuk. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 568 p.
- Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation] / Foreword by A. Beliaev; Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.
- Ernest Gellner's reply: 'Do nations have navels?' *Nations and nationalism*, 1996. Vol. 2, no. 3, pp. 366–370.

Сведения об авторе:

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); профессор кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Viktor I. Dyatlov, Faculty of History, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: vikdyatlov@ yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15 марта 2025 г.;
принята к публикации 11 мая 2025 г.*

*The article was submitted 15.03.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2025. № 2

Редактор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик А.П. Данилова

Подписано в печать 08.07.2025 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 15,3. Усл. печ. л. 19,9. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 6383. Цена свободная.

Дата выхода в свет 22.07.2025 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru